
ISSN 2225-8272

ВЕСТНИК

ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

JOURNAL OF PUBLIC AND MUNICIPAL
ADMINISTRATION

Выходит четыре раза в год

Том 12, № 4 2023

В соответствии с решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки РФ (ВАК) журнал «Вестник государственного и муниципального управления» включён в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации.

Отрасли, по которым журнал входит в перечень ВАК:

5.6.1. — Отечественная история (исторические науки);

5.6.2. — Всеобщая история (исторические науки).

С 2012 года материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) по адресу: <http://eLIBRARY.RU> (Научная электронная библиотека).

Включён в базы данных Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO.

**Список членов научно-редакционного совета журнала
«Вестник государственного и муниципального управления»**

Меркулов Павел Александрович, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории, политологии и государственной политики, директор, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, председатель редсовета, главный редактор (Россия, Орёл), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Аронов Дмитрий Владимирович, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой теории и истории государства и права, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева (Россия, Орёл), e-mail: aronovdv@mail.ru

Арабаджийски Николай Запринов, доктор по экономике, Ph.D, профессор Нового болгарского университета (Болгария, София), e-mail: n_arabadjiiski@nbu.bg

Астафичев Павел Александрович, доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и международного права, Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел РФ (Россия, Санкт-Петербург), e-mail: pavel-astafichev@rambler.ru

Багдасарян Вардан Эрнестович, доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории, политологии и права, зав. кафедрой истории России средних веков и нового времени, Московский государственный областной университет (Россия, Москва), e-mail: vardanb@mail.ru

Брузати Лука, Ph.D, профессор, зав. кафедрой управления, Удинский государственный университет (Италия), e-mail: vestnik-gmu@orel.ranepa.ru

Гелла Тамара Николаевна, доктор исторических наук, заведующая кафедрой всеобщей истории и регионоведения, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева (Россия, Орёл), e-mail: gellat@mail.ru

Горин Дмитрий Геннадьевич, доктор философских наук, профессор, кафедра политологии и социологии, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (Россия, Москва), e-mail: dm.gorin@mail.ru

Елисеев Анатолий Леонидович, кандидат исторических наук, доцент, кафедра социологии и социальных технологий, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Орёл), e-mail: eliseev.anatoly@gmail.com

Залужный Александр Гаврилович, доктор юридических наук, профессор факультета национальной безопасности, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Москва), e-mail: vestnik-gmu@orel.ranepa.ru

Зайцев Владимир Васильевич, доктор юридических наук, профессор, зам. зав. кафедрой правового обеспечения рыночной экономики, Институт государственной службы и управления (МИГСУ) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Москва), e-mail: nic@migsu.ranepa.ru

Зубарев Виктор Геннадьевич, доктор исторических наук, профессор Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого (Россия, Тула), e-mail: zubarev.viktor@rambler.ru

Караджова Милена Нешева, доктор административного права и административного процесса, Новый болгарский университет (Болгария, София), e-mail: milena_karadjova@yahoo.com

Ливцов Виктор Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования, зам. директора, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Орёл), e-mail: livcov210victor@mail.ru

Масленников Александр Александрович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, заведующий отделом полевых исследований Института археологии РАН (Россия, Москва), e-mail: iscander48@mail.ru

Матвеева Евгения Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории, политологии и государственной политики, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, ответственный секретарь журнала (Россия, Орёл), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Мелихова Анжела Валентиновна, кандидат юридических наук, Ph.D, доцент Эстонской высшей школы предпринимательства MAINOR (Эстония, Таллин), e-mail: vesnik_gmu@mail.ru

Менегуццо Марко, доктор экономики, факультет экономики, профессор кафедры общественного и некоммерческого менеджмента факультета экономики, Университет итальянской Швейцарии (Швейцария, Лагуно), e-mail: marco.meneguzzo@usi.ch

Михальченко Сергей Иванович, доктор исторических наук, профессор, проректор по научной работе и международным связям Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского (Россия, Брянск), e-mail: bryanskgu@mail.ru

Нехаев Виктор Викторович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор кафедры правовых дисциплин, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого (Россия, Тула), e-mail: tulastat@inbox.ru

Ручкин Александр Борисович, доктор исторических наук, профессор, директор Центра образования и культуры «ГРИНТ» (Россия, Москва), e-mail: alexey.ruchkin@uapa.ru

Саран Александр Юрьевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории, политологии и государственной политики, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Орёл), e-mail: asaran1958@yandex.ru

Редакционная коллегия:

Меркулов Павел Александрович, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории, политологии и государственной политики, директор, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, председатель редсовета, главный редактор (Россия, Орёл), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Ливцов Виктор Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования, зам. директора, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Орёл), e-mail: livcov210victor@mail.ru

Мироненко Надежда Викторовна, кандидат экономических наук, доцент, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государ-

ственной службы при Президенте РФ, зам. редактора журнала по развитию и продвижению (Россия, Орёл), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Матвеева Евгения Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории, политологии и государственной политики, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, ответственный секретарь журнала (Россия, Орёл), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Аронов Дмитрий Владимирович, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой теории и истории государства и права, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева (Россия, Орёл), e-mail: aronovdv@mail.ru

Харитонов Наталья Ивановна, кандидат исторических наук, доктор политических наук, профессор кафедры истории и стран ближнего зарубежья, исторический факультет, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Россия, Москва), e-mail: natahari@yandex.ru

***Editorial Council of «Journal
of Public and Municipal Administration»***

Merkulov Pavel, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of History, Political Science and Public Policy, Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPa, Chairman of the Editorial Council, Editor-in-chief (Russian Federation, Orel), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Aronov Dmitry, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Orel State University named after I.S. Turgenev (Russian Federation, Orel), e-mail: aronovdv@mail.ru

Arabadjiiski Nicolai, Doctor of Economic Sciences, Professor, New Bulgarian University (Republic of Bulgaria, Sofia), e-mail: n_arabadjiiski@nbu.bg

Astafichev Pavel, Doctor of Juridical Sciences, Professor of the Department of Constitutional and International Law, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Russian Federation, St. Petersburg), e-mail: pavel-astafichev@rambler.ru

Bagdasaryan Vardan, Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of the Faculty of History, Political Science and Law, Head of the Department of History of Russia of the Middle Ages and the New Era, Moscow State Regional University (Russian Federation, Moscow), e-mail: vardanb@mail.ru

Bruzati Luka, Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Management, Udine State University (Italy), e-mail: vestnik-gmu@orel.ranepa.ru

Gorin Dmitry, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Department of Political Science and Sociology, Plekhanov Russian University of Economics (Russian Federation, Moscow), e-mail: dm.gorin@mail.ru

Gella Tamara, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Universal History and Regional Studies, Orel State University (Russian Federation, Orel), e-mail: gellat@mail.ru

Eliseev Anatoly, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, the Department of History, Political Science and Public Policy, Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPa (Russian Federation, Orel), e-mail: eliseev.anatoly@gmail.com

Zaluzhny Alexander, Doctor of Juridical Sciences, Professor of the Faculty of National Security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Moscow), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Zaitsev Vladimir, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Deputy Head of the Department of Legal Enforcement of Market Economy, Institute of State Service and Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Moscow), e-mail: nic@migsu.ranepa.ru

Zubarev Victor, Doctor of Historical Sciences, Professor, Tula State Pedagogical University named after Tolstoy L.N. (Russian Federation, Tula), e-mail: zubarev.viktor@rambler.ru

Ivanov Hristo Marinov, Doctor of Economic Sciences, Professor of Varna Free University «Chernorizets Hrabar» (Bulgaria, Varna), e-mail: xiza@abv.bg

Karadzhova Milena, Doctor of Administrative Law and Process, New Bulgarian University (Bulgaria, Sofia), e-mail: milena_karadjova@yahoo.com

Livtsov Victor, Doctor of Historical Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education, Deputy Head of the Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPa (Russian Federation, Orel), e-mail: livcov210viktor@mail.ru

Maslennikov Alexander, Doctor of Historical Sciences, Professor, Leading Researcher, Head of the Department of Field Researches of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences (Russian Federation, Moscow), e-mail: iscander48@mail.ru

Matveeva Evgeniia, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the Department of History, Political Science and Public Policy, Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPa, Executive secretary of the magazine (Russian Federation, Orel), e-mail: evgmatveeva@bk.ru

Melikhova Angela, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of Higher School of Enterprise MAINOR (Estonia, Tallin), e-mail: vestnik.gmu@yandex.ru

Meneguzzo Marco, Doctor of Economic Sciences, Faculty of Economics, Professor of Public and Non-profit Management at the Faculty of Economics, Università della Svizzera Italiana (USI), (Switzerland, Lugano), e-mail: marco.meneguzzo@usi.ch

Mikhailchenko Sergei, Doctor of Historical Sciences, Professor, Vice Rector for Research and International Relations, Bryansk State Academician I.G. Petrovski University (Russian Federation, Bryansk), e-mail: bryanskgu@mail.ru

Nekhaev Victor, Doctor of Historical Sciences, Candidate of Juridical Sciences, Professor of the Department of Legal Disciplines, Tula State Pedagogical University named after Tolstoy L.N. (Russian Federation, Tula), e-mail: tulastat@inbox.ru

Ruchkin Alexander, Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Center for Education and Culture «Grint» (Russian Federation, Moscow), e-mail: alexey.ruchkin@uapa.ru

Saran Alexander, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of History, Political Science and Public Policy, Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPa (Russian Federation, Orel), e-mail: asaran1958@yandex.ru

Editorial Board:

Merkulov Pavel, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of History, Political Science and Public Policy, Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPa,

Chairman of the Editorial Council, Editor-in-chief (Russian Federation, Orel), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Livtsov Victor, Doctor of Historical Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education, Deputy Head of the Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPa (Russian Federation, Orel), e-mail: livcov210viktor@mail.ru

Mironenko Nadezhda, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPa, Deputy editor-in-chief of the magazine for development and promotion (Russian Federation, Orel), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Matveeva Evgeniia, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the Department of History, Political Science and Public Policy, Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPa, Executive secretary of the magazine (Russian Federation, Orel), e-mail: evgmatveeva@bk.ru

Aronov Dmitry, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Orel State University named after I.S. Turgenev (Russian Federation, Orel), e-mail: aronovdv@mail.ru

Kharitonova Natalia, Candidate of Historical Sciences, Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of History and Near Abroad Countries, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University (Russian Federation, Moscow), e-mail: natahari@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ВОЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ

Цыбаков Д. Л.	Начало боевой службы 41-го егерского полка в составе отдельного Кавказского корпуса. 1819–1826 гг.	11
Аккузинов А. К.	История формирования и боевого пути 238-й стрелковой дивизии из Казахстана в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)	20
Родионов И. М.	Формирование 120-й стрелковой дивизии в контексте создания Красной Армии	30

РЕФОРМЫ И ИНСТИТУТЫ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Астрахан В. И., Фефелов С. В.	Либеральная молодёжная политика в России конца XIX – начала XX в.	43
Червинская А. П., Матвиенко В. А.	Орловская губерния накануне выборов в Первую Государственную Думу России (1905–1906 годы)	53
Горлов А. В.	Основные политические силы России в Февральской революции 1917 года	61

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Гасратян С. М., Хазанов А. М.	Противостояние Израиля, Ирана и Сирии в контексте региональных и глобальных проблем (1980–2010-е гг.)	74
Болдин С. А.	Русская Церковь и формирование всемирного миротворческого движения в XX веке	85

ГОСУДАРСТВО, РЕЛИГИЯ, ЦЕРКОВЬ

Савосичев А. Ю.	Дьяки в аппарате управления Русской Церкви в конце XVI – начале XVII века	94
Котельников В. А., Пикалов Б. В.	Роль военного духовенства в духовно-нравственном воспитании военнослужащих во второй половине XIX – начале XX вв.	108

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК: ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВА

Фатеев В. В.	Общественная деятельность княгини Елизаветы Фёдоровны Романовой в Орловской губернии	117
--------------	--	-----

СОДЕРЖАНИЕ

Иерусалимский Ю. Ю., Игутин И. В.	Взгляды М. Н. Каткова на либерализм конца 70-х – начала 80-х годов XIX века	133
--------------------------------------	---	-----

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОЦЕССОВ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ, НАУКИ, ФИЛОСОФИИ

Сальников Е. В., Сальникова И. Н.	Дискуссии о сути советского коллекционирования в 1920–1940-х годах	142
Королёв Ю. А.	Орловские вольные каменщики в свете политической истории русского масонства	159

ИСТОРИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ОХРАНЫ ГОСУДАРСТВА

Выходов А. А.	Функции министерства внутренних дел в сфере государственного управления Российской империи начала 80-х – середины 90-х годов XIX века	166
Гарина О. В.	Деятельность полицейских учреждений Российской империи по борьбе с политической оппозицией на рубеже XIX – XX столетий	172
Гребенкин А. Н., Бубликов А. А.	Организационно-правовое развитие системы охраны императорских поездов в России в начале XX в.	182

CONTENTS

MILITARY CHRONICLE

Tsybakov D. L.	The beginning of combat service of the 41st Jaeger Regiment as part of the separate Caucasian Corps in 1819-1826	11
Akkuzinov A. K.	The formation and the military history of the 238th Rifle Division from Kazakhstan during the Great Patriotic War (1941-1945)	20
Rodionov I. M.	The formation of the 120th Rifle Division in the context of the creation of the Red Army	30

REFORMS AND INSTITUTIONS: HISTORY AND MODERNITY

Astrakhan V. I., Fefelov S. V.	Liberal Youth Policy in Russia in the late 19th – early 20th centuries	43
Chervinskaya A.P., Matvienko V. A.,	Orel province on the eve of the first Russian State Duma elections (1905–1906)	53
Gorlov A. V.	The main political forces of Russia in the February Revolution of 1917	61

GENERAL HISTORY AND INTERNATIONAL RELATIONS

Gasratyan S. M., Khazanov A. M.	The confrontation between Israel, Iran and Syria in the context of regional and global problems (1980-2010)	74
Boldin S. A.	The Russian church and the development of global peacekeeping in the 20th century	85

STATE, RELIGION, CHURCH

Savosichev A. Yu.	Deacons in the administration of the Russian Church in the late 16th – early 17th century	94
Kotelnikov V. A., Pikalov B. V.	The role of the military clergy in the spiritual and moral education of military personnel in the second half of the 19th – early 20th centuries.	108

CONTENTS

STATESMAN: PERSONALITY IN THE HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF THE STATE

Fateev V. V.	The social activity of Duchess Elizaveta Fedorovna Romanova in Orel province	117
Ierusalimskiy Yu. Yu. Igutin I. V.	M.N. Katkov's views on liberalism of the late 70s – early 80s of the 19th century	133

HISTORICAL ASPECTS OF THE PROCESSES OF CULTURE, SCIENCE, PHILOSOPHY DEVELOPMENT

Salnikov E. V., Salnikova I. N.	Debates about the essence of the Soviet collecting in the 1920s –1940s	142
Korolev Yu. A.	Orel Freemasons in the light of the political history of Russian Freemasonry	159

HISTORY OF NATIONAL SECURITY AND STATE PROTECTION

Vykhodov A. A.	Functions of the Ministry of Internal Affairs in the sphere of state administration of the Russian Empire in the early 1980s – mid 1990s of the 20 th century	166
Garina O. V.	The activities of Police Institutions of the Russian Empire in the fight against political opposition at the turn of the 19 th – 20 th centuries	172
Grebenkin A. N. Bublikov A. A.	Organizational and Legal development of the Imperial Train Security System in Russia at the beginning of the 20 th century	182

УДК 94(470.47)

DOI:10.22394/2225-8272-2023-12-4-11-19

ЦЫБАКОВ Дмитрий Леонидович, доктор политических наук, профессор, кафедра государственного и муниципального управления, Академия гражданской защиты МЧС России (Россия, Химки), e-mail: d413839@yandex.ru, SPIN-код: 9221-5863, Author ID: 470075

TSYBAKOV D.L., Doctor of Political Sciences, Professor at the Department of State and Municipal Administration, The Civil Defence Academy of EMERCOM of Russia (Russian Federation, Khimki), e-mail: d413839@yandex.ru

НАЧАЛО БОЕВОЙ СЛУЖБЫ 41-ГО ЕГЕРСКОГО ПОЛКА В СОСТАВЕ ОТДЕЛЬНОГО КАВКАЗСКОГО КОРПУСА. 1819–1826 ГГ.

THE BEGINNING OF COMBAT SERVICE OF THE 41ST JAEGER REGIMENT AS PART OF THE SEPARATE CAUCASIAN CORPS IN 1819-1826

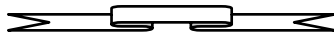
Аннотация. Цель статьи – исследование военных действий русской армии в начальный период Кавказской войны. Автор уделяет внимание актуальным вопросам комплектования и организации частей легкой пехоты отдельного Кавказского корпуса. Обобщаются сведения о вкладе генерала А.П. Ермолова в реорганизацию войск и их подготовку к ведению операций против иррегулярных формирований противника. Рассматривается проблема установления исторической связи между 41-м егерским полком и его преемниками из числа боевых частей отдельного Кавказского корпуса. Автором приводятся конкретные примеры боевых операций 41-го егерского полка в 1820–1826 гг. Делается вывод о произошедшей в короткие сроки адаптации егерских частей к специфическим условиям театра военных действий кавказско-горской войны XIX столетия.

Ключевые слова: Кавказская война, А.П. Ермолов, 41-й егерский полк, Орловский пехотный полк, П.Д. Горчаков, Отдельный Кавказский корпус, А.А. Авенариус.

Abstract. The purpose of the article is to study the military actions of the Russian army in the initial period of the Caucasian War. The author pays attention to topical issues of recruitment and organization of light infantry units of a Separate Caucasian Corps. The information about the contribution of General A.P. Ermolov to the reorganization of troops and their preparation for conducting operations against irregular formations of the enemy is summarized. The problem of establishing a historical connection between the 41st Jaeger regiment and its successors from among the combat units of the Separate Caucasian Corps is considered. The author gives concrete examples of combat operations of the 41st Jaeger Regiment in 1820-1826.

As a result, the author concludes that the adaptation of the jaeger units to the specific conditions of the theater of the Caucasus-Mountain war of the 19th century took place in a short time.

Keywords: Caucasian War, A.P. Ermolov, 41st Jaeger Regiment, Orel Infantry Regiment, P.D. Gorchakov, Separate Caucasian Corps, A.A. Avenarius.

©Цыбаков Д. Л., 2023г.

ВВЕДЕНИЕ

Появление егерей 41-го полка в составе отдельного Кавказского корпуса было прямо связано со стратегическим решением русского командования о переходе военных действий с горскими обществами в наступательную фазу, для чего по просьбе наместника Грузии А. П. Ермолова в его распоряжение передавались девять полков – пять пехотных и четыре егерских – из состава упраздняемого в 1818 году Экспедиционного корпуса во Франции. Еще одна часть – временно прикомандированный к Грузинскому корпусу 8-й егерский полк – также переводилась в корпусное подчинение. Важной причиной пополнения войск, расположенных в Кавказском регионе, был обнаруженный А. П. Ермоловым некомплект личного состава его частей, который достигал 27 тысяч человек [7, С. 23].

Понятие «Кавказская война» было впервые введено в научный оборот военным историком XIX столетия Р. А. Фадеевым [10, С. 3]. Однако наряду с ним использовался и термин «кавказско-горская война» и был широко известен в российской исторической науке до 1917 года. На наш взгляд, именно он наиболее верно и точно отражает содержание затяжного вооруженного конфликта, в который оказалась вовлечена Российская империя после столкновения ее интересов с архаичной традицией народов Северного Кавказа. Невозможность сосуществования имперской государственности и социумов, основой существования и жизнедеятельности которых с древнейших времен выступала военно-набеговая система, закономерно вызвала самый продолжительный по времени конфликт с участием российских вооруженных сил. Помимо борьбы с горскими обществами и с возникшим на их основе исламистским теократическим протогосударством Шамиля, Российской империи периодически приходилось вступать в противоборство и с регулярными армиями соседних государств –

Османской империи и Персии. Однако именно освоение отдаленного высокогорного ареала стало решающим фактором, определившим формат боевого применения русских войск и особую воинскую культуру частей отдельного Кавказского корпуса [11].

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Театр вооруженной борьбы охватывал отнюдь не всю кавказскую цивилизацию, а преимущественно ее северный регион, периодически накладываясь на ареал других, конвенциональных войн России с сопредельными государствами, а также с коалицией мировых держав в период 1853–1856 гг. Таким образом, имеет смысл заключить, что в описываемое время на Северном Кавказе имела место не просто «Кавказская», а именно «кавказско-горская» война, активным участником которой стали боевые части – преемники Орловского пехотного полка первого формирования.

Одним из типичных представителей специфической субкультуры кавказского воинства суждено было стать 41-му егерскому полку, который под названием «Орловский пехотный полк» существовал с 1767 года. В свою очередь, с 1727 года эта часть существовала под наименованием «Орловский конный (с 1763 года – пеший) полк». До начала первой «екатерининской» войны с Турцией это формирование относилось к ландмилиции – учрежденному Петром I полурегулярному войску, набранному из бывших служилых людей – поселенных по степному приграничью во времена освоения Дикого поля мелкопоместных помещиков-однодворцев. В составе русской армии Орловский пехотный полк участвовал во всех судьбоносных событиях российской военной истории – Русско-турецких войнах 1768–1774, 1787–1791, 1806–1812 гг., а также в экспедициях в Речь Посполитую в 1792 и 1794 гг. и Итальянском и Швейцарском похо-

дах 1799 года. Во времена Павла I его неоднократно переименовывали в зависимости от смены персоны шефа, то есть покровителя и опекуна, этой воинской части. Отечественную войну 1812 года бывшие орловцы встретили в качестве легкой пехоты, именуясь «41-м егерским полком». По окончании оккупации Франции 41-й егерский полк оказался переведен в состав отдельного Грузинского/Кавказского корпуса. В течение 85 лет он и его преемники – Мингрельский егерский и 16-й Мингрельский гренадерский князя Димитрия Константиновича полки – несли службу в краю Кавказа, выступая типичным представителем особого неформального сообщества русской императорской армии.

Накануне передислокации 41-й полк состоял в 12-й пехотной дивизии, в рядах которой ему довелось сражаться во время Отечественной войны 1812 года и Заграничном походе. Подразделения егерей размещались в городе Като де Камбрези. Штаб-квартира соединения располагалась во французском Мобеже. Во главе дивизии пребывал генерал-лейтенант М. Д. Лисаневич, ранее служивший на Кавказе и спустя семь лет закончивший свои дни во время мятежа в крепости Герзель-Аул.

Выводу союзных войск из Франции предшествовал Ахенский конгресс сентября – ноября 1818 г., по резолюции которого поверженная страна восстанавливала свой суверенитет. Перед выступлением Русского оккупационного корпуса на Родину были проведены смотр его частей и маневры под Валансиеном, устроенные императором Александром I в присутствии австрийского и прусского монархов. Прибытие 41-го егерского полка на место новой дислокации состоялось спустя 11 месяцев после начала самого продолжительного за всю его историю непрерывного похода. За октябрь 1818 – октябрь 1819 гг. был пройден следующий маршрут: от французских городов Шато, Живе де Шарлемон и вошедшего в мировую военную историю Рокроа до грузинского Тифлиса. Во время трансконтинентального марша егеря

миновали Кельн, Варшаву и бывшие крепости бывшей Украинской укреплённой линии, где в минувшем столетии начался ратный путь Орловского конного ландмилицкого полка. Вступив в Дарьяльское ущелье, воины 41-го полка впервые преодолели опасное природное препятствие, каких в будущем им придется немало встретить в свою бытность в Кавказском крае, – на протяжении семи верст путь преграждал достигавший 100 сажень в высоту снеговой завал. В Тифлис егеря вступили 1 октября 1819 года.

Прибывшие в распоряжение проконсула Кавказа войска были задействованы в боевых операциях уже весной 1820 года, когда от снега открылись горные перевалы.

Однако, помимо участия в постоянных походах и боях с отрядами горских сообществ, 41-му егерскому полку пришлось вступить в череду реорганизаций и переформирований. На протяжении следующих месяцев отдельный Кавказский корпус ожидали крупные перемены в связи с принятием в свой состав большого количества вновь прибывших войск. Одной из наиболее острых и проблемных страниц в истории наследников ратного пути Орловского/41-го егерского полка продолжает оставаться вопрос преемственности между воинскими частями, которые могли бы претендовать на ведение старшинства от прославленной когорты российского воинства. Неразбериху и разночтения в научных трудах вызвали решительные и поспешные деяния А. П. Ермолова, который в ходе реформы отдельного Грузинского/Кавказского корпуса по собственному усмотрению, безо всякой оглядки на многолетнюю историю и боевые заслуги пытался весьма вольно перекроить кадровый состав и наименования заслуженных полков регулярной армии. Получив в 1819 году пополнение в лице частей, переведенных из Франции, наместник Кавказа предпринял комплексную ротацию вверенного ему личного состава, смысл и назначение которой и по настоящее время остаются понятны только ему самому.

С одной стороны, требовалось пополнить кавказские части не вновь призванными рекрутами и новоиспеченными офицерами, а испытанными ветеранами Наполеоновских войн. С другой стороны, следовало выводить из кавказских пределов неспособных к дальнейшей службе солдат, а также не удовлетворявших требованиям постоянной «малой войны» командиров. Кроме того, те части и тех воинских начальников, что имели в глазах Ермолова высокую ценность, он намеревался под любыми предлогами удержать под своим подчинением. Указ Александра I от 19 апреля 1819 года предписывал иметь в частях на Кавказе 3900 человек, включая 300 унтер-офицеров. Им же определялось, «...дабы избегнуть второй путь тем же войскам...», прислать назад (то есть в Европейскую Россию) кадры 11 полков, подлежащих замене. Таким образом, егеря 41-го полка по замыслу императора или его военных советников, только что прошедшие всю Европу, никак не должны были быть отправлены в новый изнурительный путь, будучи предназначены к службе именно в Кавказском крае.

Поэтому появились на свет несколько приказов командующего о передислокации и переименовании многих полков бывшего Грузинского корпуса. В одном из них предписывалось отправить кадры ряда полков (часть младших командиров, рядовых и нестроевых) в 1-ю армию на Украину: проводилась ротация с полками, прибывшими из Франции. В другом документе содержался приказ об обмене названиями между остающимися на Кавказе и покидающими состав отдельного корпуса воинскими частями.

Так, ряд историков полагают, что название «41-й егерский полк» досталось теперь ветерану Кавказской войны 17-му егерскому полку, который, согласно первому предписанию, должен был быть переведен в состав войск, дислоцировавшихся на Украине. Однако высказывалось предположение, что А. П. Ермолов не

отправлял 17-й полк в состав 1-й армии, а сохранил его в своем подчинении под новым наименованием. Его рапорт от 10 сентября 1819 года действительно упоминает о слиянии частей и переименовании одной части – Кабардинского полка – в Ширванский из-за трудностей его перевода из Грузии на Кавказскую линию [2, С. 10]. Выдвигается версия, что будто бы, не дождавшись ответа из Петербурга, командующий корпусом своим приказом от 4 ноября переименовал вновь прибывшие полки, предписав присвоить им названия старых кавказских частей.

Со страниц исторических работ отмеченная ошибка перекечевала в популярную литературу и различные электронные порталы и справочники. Однако результаты оценки мемуарных трудов современников, источников той эпохи и подробных научных изысканий приводят к выводу о том, что приказ Ермолова об обмене названиями воинских частей оказался на деле выполнен весьма избирательно, по крайней мере, точно не затронув дальнейшей судьбы заслуженного 41-го егерского полка. Так, в изданном в 1820 года «Расписании полкам по старшинству», в тексте которого официально закреплялись почести за прежние боевые заслуги, подтверждалась законность исполнения для егерей 41-го полка, присвоенного в 1799 году орловским мушкетерам «гренадерского боя» [8]. Закономерно, что указанное отличие едва ли было сохранено за полком, если бы он воспринимался не как наследник Орловского мушкетерского, а в качестве преемника 17-го егерского, также имевшего свою давнюю боевую летопись.

Годом спустя полковым командиром был подан рапорт о разрешении исполнения «гренадерского боя», который был удовлетворен с разъяснением о законной преемственности между Орловским мушкетерским и 41-м егерским полками [2, С. 20]. 1-й и 3-й батальоны егерей составили в 1834 г. 3-й и 5-й батальоны Мингельского полка, а 2-й был включен в со-

став Тифлисского егерского (позднее гренадерского) полка в качестве его 4-го батальона. За 3-м батальоном мингрельцев и 4-м батальоном тифлисцев «гренадерский поход» сохранялся и далее, ибо они считались продолжателями боевой славы Орловского пехотного/мушкетерского полка, однако остальные подразделения вновь созданной части его не получили. Спустя полвека штабные чины Петербурга, видимо ссылаясь на полузабытый и нереализованный приказ А. П. Ермолова, допустили еще одну оплошность, присвоив «гренадерский поход» 115-му пехотному Вяземскому полку, считавшемуся наследником 17-го егерского, старшинство которого от орловских мушкетеров никогда официально не признавалось.

Во многом запутывает ситуацию с переименованием полков, сложившуюся после инициативы А. П. Ермолова, приказ № 4331 от 11 мая 1825 года генерал-адъютанта Дибича, который предписывал вернуть воинским частям их наименование и старшинство. Как свидетельствует детально изучивший рассматриваемый вопрос дореволюционный исследователь Гизетти, с 1820 по 1825 год пехотные и егерские полки Кавказского корпуса на практике сохранили свои прежние наименования, и необходимости возвращать их на деле не было. По его мнению, основанному на документальных свидетельствах, в 1819 года имело место слияние вновь прибывших контингентов и кавказских «старожилов», причем полковые знамена были переданы переформированным полкам именно из частей, ранее состоявших в оккупационном корпусе во Франции.

Гизетти заключал, что и кадры, и знамена 11 полков, убывавших в 1-ю армию в Европейскую Россию, принадлежали «старым» кавказским частям. В их числе называется и 17-й егерский полк. Историк приходит к выводу, что Ермолов на деле в точности исполнил указ от 19 апреля 1819 года, и переименованию на деле подвергся только Кабардинский полк. В

принадлежащей его авторству «Хронологии кавказских войск...» приводится приказ командующего: «...кадры полков, возвращающихся в Россию, предлагаю ...наименовать теми же именами, под коими они должны быть в России» [2, С. 22].

В конечном итоге, прибыв в Закавказье, 41-й полк с 4 ноября 1819 года был включен в состав 20-й пехотной дивизии. С 20 мая следующего года вместе с 42-м егерским полком он составлял 3-ю пехотную бригаду 21-й пехотной дивизии отдельного Кавказского корпуса. 3-й бригадой 20-й, а позднее 23-й пехотной дивизии командовал генерал-майор К. К. фон Краббе. Во главе соединения в 1819–1820 гг. пребывал генерал-майор А. М. Теслев, смененный с мая 1820 года генерал-лейтенантом И. А. Вельяминовым.

В свою очередь, 17-й егерский полк в начале 1820 года был переведен в 26-ю пехотную дивизию в Белую Церковь. Кадры уходящих с Кавказа в Россию полков состояли из 12 унтер-офицеров, 96 рядовых, 12 ротных фельдфебелей и 12 ротных каптенармусов, половины всех барабанщиков и флейтщиков, всех музыкантов, мастеровых и нестроевых.

Определенная путаница воцарилась в наименованиях прибывших и уходящих частей в тот период, когда они короткое время совместно пребывали в составе отдельного корпуса. Произошла также смена полковых командиров, которыми на два-три месяца могли назначаться офицеры, занимавшиеся формированием убывающих команд. Так, подполковник Николай Иванович Лаппа 1-й, приняв 41-й полк в октябре 1819 года, уже 1 декабря того же года сдал его полковнику князю Петру Дмитриевичу Горчакову 2-му [6]. Затем Н. И. Лаппа 1-й отбыл вместе с кадрами 17-го егерского полка на Украину, где и командовал указанной воинской частью до 1828 года.

Последующие события доказывают, что переименование 41-го полка на самом деле не состоялось. Вновь прибывшие части вли-

лись в «старые» или объединились с таковыми с присвоением последним своих названий и передачей боевых знамен. Таким образом, 41-й полк, фактически во второй раз в своей истории, будучи сформирован заново, состоял теперь как из солдат и офицеров, прибывших из Франции, так и из егерей 17-го полка.

Гренадерские и карабинерные роты включались из состава прибывших частей и переводились в состав трех имевшихся полков резервной гренадерской бригады. Поэтому карабинерные роты всех трех батальонов 41-го и 17-го полков вошли в состав 7-го карабинерного полка, ведшего свое происхождение от егерских частей Кубанского егерского корпуса, существовавшего с 1780-х гг. Карабинерами в указанный временной период именовались ударные подразделения егерских частей, ранее называвшиеся гренадерскими.

О сохранении преемственности кадрового состава 41-го полка свидетельствуют воспоминания Иосифа Дубецкого, служившего во Франции в этой воинской части юнкером. Прodelав в ее рядах поход 1818–1819 гг., по прибытии на Кавказ он получает должность полкового адъютанта. При этом в его мемуарах не содержится и намек на преобразование 41-го полка в 17-й егерский. Зато И. Дубецкий упоминает о последующей службе в рядах различных частей на Кавказе егерей-ветеранов 41-го полка, имевших награды за кампании 1812 и 1814 годов. По его сообщениям, полковая штаб-квартира 41-го егерского полка размещалась в селении Квемах, расположенном в грузинской области Самхетия. Полковым командиром был назначен полковник князь Петр Дмитриевич Горчаков, при котором И. Дубецкий состоял полковым адъютантом [4, С. 115–118].

П. Д. Горчаков в последующем будет управлять Имеретией и Абхазией, где его решительные меры против мятежной знати заслужат доверие Ермолова, назначившего

полковника командиром 22-й пехотной дивизии и Кавказским областным начальником. В дальнейшем Петр Горчаков примет участие в Русско-турецкой войне 1828–1829 гг. и многие годы будет управлять Западно-Сибирским генерал-губернаторством. Свои дни он завершит в 1868 году на посту члена Государственного совета и в звании генерала от инфантерии.

Первой боевой операцией 41-егерского на Кавказе стал поход в Казикумухское ханство в марте 1820 года. Южный Дагестан составляли феодальные владения, основание которых в литературе связывали с временами арабского либо же ордынского владычества, когда завоеватели определили статус покоренных племен и учредили для них титулы вассальных династий – уцмиев, мейсумов, кадиев. Сюзереном для всех них являлся шамхал или валий, претендовавший на номинальное владение над всем Дагестаном. Местом пребывания последнего являлся Кумух. Вплоть до 1820-х годов здесь правил Сурхай-хан, в течение двух десятков лет чередовавший служение империи с изменами принесенной русскому царю присяге. Первая же попытка повторить подобную авантюру при правлении А. П. Ермолова обернулась для мятежного владельца неизбежной катастрофой.

19 января 1820 года была опубликована весьма лаконичная прокламация кавказского наместника о лишении Сурхай-хана прежних полномочий. Все права властвования отныне передавались верному России племяннику изменника Аслан-хану Кюринскому, императорским указом возведенному одновременно и в достоинство казикумухского правителя.

В предпринятом против Сурхай-хана походе принял участие батальон 41-го егерского полка, включенный в отряд генерала, Валериана Мадатова и состоявший в колонне под началом майора Жиленкова. После высокогорного перехода и форсирования полноводной реки Самур русские войска и союзная лез-

гинская конница Аслан-хана Кюринского разгромили неприятеля и заняли селение Хозрек. В качестве трофеев победителям достались 11 знамён и две тысячи ружей; 600 мятежников было взято в плен [1, С. 651–678].

Умиротворение Кази-Кумуха завершилось в кратчайший срок, заняв не более двух недель, вопреки опасениям ермоловского штаба относительно возможности затяжной и упорной борьбы с воинственными жителями ханства. В дальнейшем именно казикумухское ополчение выступало наиболее боеспособным и стойким союзником русской армии в войне с имамом Шамиля на протяжении 1830–1850-х гг. Пока батальон 41-го полка участвовал в наведении порядка в Кази-Кумухе, его командир полковник П. Д. Горчаков усмирал восстание, поднятое дворянством Имеретии.

Основные подразделения егерей в последующем были размещены в Ширванской провинции со столицей в летописной Шемахе. На протяжении шести лет после экспедиции генерала В. Мадатова Дагестан оставался в состоянии относительного покоя, время от времени прерываемом отдельными возмущениями вроде мятежа Аммалат-Бека, описанного в одноименной повести ссыльного декабриста рядового 41-го егерского полка Александра Бестужева-Марлинского.

До 1825 года подразделения 41-го полка были рассеяны по всему Закавказью: полковая штаб-квартира находилась в селении Квемах, один батальон – в Ширванской провинции, где он оставался после похода на Казикумухское ханство. Две роты егерей в 1823 году были переведены оттуда в Дербент, ещё один батальон размещался в урочище Гергеры. К 1825 году полк передислоцируется в селение Белый Ключ, или Белый Родник (много позднее переименованное грузинами в Тетри-Цкаро), основанное по приказу Ермолова именно в качестве места для расквартирования русских войск. Назва-

ние поселению, по преданию, было дано от родника, который позднее был обустроен русскими солдатами и получил украшение в виде четырех обрамляющих его по краям выбеленных столбов.

Уже в 1821 году 41-й полк получил нового командира: вместо получившего повышение П. Д. Горчакова, которого Ермолов характеризовал как «офицера храброго, расторопного и хороших способностей», егеря поступили в подчинение подполковнику Александру Андреевичу Авенариусу. Последний был близок к заговорщикам из «Союза благоденствия», оказался упомянут в правительственных доносениях и переведен на Кавказ под секретный надзор [3, С. 5]. Предписание об учреждении наблюдения за своим подчиненным Ермолов благополучно спустил на тормозах, аттестовав его «офицером усердным, исполнителем безмолвным и командиром полка из числа наилучших». Следствие по делу о выступлении декабристов его не коснулось, и А. А. Авенариус, за два года командования егерями получивший чин полковника, принял участие в наступившей Русско-персидской войне и оставался командиром 41-го полка вплоть до конца своих дней в 1828 году.

Основной зоной военной активности отдельного корпуса вскоре становится Кавказская линия. В 1825 году для 41-го егерского полка завершился период относительного покоя с эпизодическим участием в военных действиях, после чего его подразделения уже не выходили из боев и походов до самого окончания Кавказско-горской войны.

Эпицентром жестоких боёв летом и осенью 1825 года стали предгорья Чечни и Сунженская линия. Здесь быстро распространилось мятежное движение во главе с имевшим чин поручика русской армии Бей-Булатом Таймиевым. Впервые за семь лет пребывания А. П. Ермолова кавказским наместником неприятелю удалось захватить в июле 1825 года русское укрепление – селение

Амир-Аджи-Юрт [9, С. 122–133]. В кампании зимы 1825–1826 гг. предположительно могли принимать участие один или два батальона 41-го полка. Если верить П. М. Сахно-Устимовичу, один из них находился непосредственно в главном отряде Ермолова, второй – был поротно распределен по гарнизонам расположенных по Тереку и Сунже крепостей. По свидетельствам самого командующего отдельным Кавказским корпусом, в походе по замирению Чечни зимы 1825 – весны 1826 года принимал участие только один 2-й батальон 41-го егерского полка [5]. Потери русского отряда в зимнем и в весеннем походах 1826 года были сугубо символическими по сравнению с кровопролитным и зачастую бессмысленными экспедициями и набегами на горцев периода 1830–1840-х гг. Эффект от последнего военного предприятия А. П. Ермолова заключался в том, что во время грянувших вскоре Русско-персидской и Русско-турецкой войн и долгое время после их окончания прежде мятежные земли не отвлекли ни единого солдата с главного театра борьбы за Закавказье.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, Появление егерей 41-го полка в составе отдельного Кавказского корпуса было прямо связано со стратегическим решением русского командования о переходе военных действий с горскими обществами в наступательную фазу. Прибыв в Тифлис в октябре 1819 года, 41-й егерский полк в короткое время приобрёл весомый опыт в условиях новой для себя горной войны, впоследствии заслужив репутацию одной из самых боеспособных частей отдельного Кавказского корпуса.

Библиография / References:

1. Белозерская Н.А. Записки Ван Галена //

Исторический вестник. – 1884. – №5. – С. 402–419; №6. – С. 651–678.

2. Гизетти А.Л. Хроника кавказских войн: Часть I. – Тифлис: Издательство Военно-исторического отделения при Штабе Кавказского военного округа, 1896. – 596 с.

3. Декабристы. Биографический справочник / под ред. М.В. Нечкиной. – М.: Наука, 1988. – 450 с.

4. Дубецкий И.П. Записки Иосифа Петровича Дубецкого // Русская старина. – 1895. – Том 83. – №4. – С. 113–144.

5. Записки А.П. Ермолова. 1798–1826гг. – М.: Высшая школа, 1991. – 462 с.

6. Подмазо А. Шефы и командиры регулярных полков Русской армии (1796–1855 гг.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа – свободный. – URL: http://www.museum.ru/1812/Library/Podmazo/shefcom_b.htm (дата обращения: 07.10.2023).

7. Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Том 2-й. Ермоловское время. – СПб.: Типография Е. Евдокимова, 1887. – 780 с.

8. Расписание 164 пехотных полков, с показанием старшинства и знаков отличия, которые должны быть им присвоены. – СПб.: Военная типография, 1884. – 160 с.

9. Сахно-Устимович П.М. Описание Чеченского похода 1826 года / А.С. Грибоедов в воспоминаниях современников. – М.: Художественная литература, 1980. – С. 122–123.

10. Фадеев Р.А. Шестьдесят лет Кавказской войны. – Тифлис: Военно-походная типография Главного Штаба Кавказской Армии, 1860. – 159 с.

11. Филиппсон Г.И. Воспоминания с 1809 по 1847 год. – М.: Кучково поле, 2019. – 416 с.

1. Belozerskaya N.A. (1884) Zapiski Van Galena [Notes of Van Galen // Historical Bulletin] // Istoricheskiy vestnik. – №5. – S. 402–419; №6. – S. 651–678. (In Russ.).

2. Gizetti A.L. (1896) Khronika kavkazskikh voysk [Chronicle of the Caucasian troops]: Chast' I. – Tiflis: Izdatel'stvo Voenno-istoricheskogo otdeleniya pri Shtabe Kavkazskogo voyennogo okruga. – 596 s. (In Russ.).
3. Dekabristy. Biograficheskiy spravochnik [Decembrists. Biographical reference book] / pod red. M.V. Nechkinoy. – M.: Nauka, 1988. – 450 s. (In Russ.).
4. Dubetskiy I.P. (1895) Zapiski Iosifa Petrovicha Dubetskogo [Notes of Joseph Petrovich Dubetsky] // Russkaya starina. – Tom 83. – №4. – S. 113–144. (In Russ.).
5. Zapiski A.P. (1991) Yermolova [Ermolova]. 1798–1826gg. – M.: Vysshaya shkola. – 462 s. (In Russ.).
6. Podmazo A. Shefy i komandiry regul'yarnykh polkov Russkoy armii [Chiefs and commanders of regular regiments of the Russian Army] (1796–1855gg.). [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa – svobodnyy. – URL: http://www.museum.ru/1812/Library/Podmazo/shefcom_b.htm (data obrashcheniya: 07.10.2023). (In Russ.).
7. Potto V. (1887) Kavkazskaya voyna v otdel'nykh ocherkakh, epizodakh, legendakh i biografiyakh [The Caucasian War in individual essays, episodes, legends and biographies]. Tom 2-y. Yermolovskoye vremya. – SPb.: Tipografiya Ye. Yevdokimova. – 780 s. (In Russ.).
8. Raspisaniye 164 pekhotnykh polkov, s pokazaniyem starshinstva i znakov otlichiya, kotoryye dolzhny byt' im prisvoyeny [Schedule of 164 infantry regiments, showing the seniority and insignia that should be assigned to them]. – SPb.: Voennoy tipografiya, 1884. – 160 s. (In Russ.).
9. Sakhno-Ustimovich P.M. (1980) Opisaniye Che-chenskogo pokhoda 1826 goda [Description of the Chechen campaign of 1826] / A.S. Griboyedov v vospominaniyakh sovremennikov. – M.: Khudozhestvennaya literatura. – S. 122–123. (In Russ.).
10. Fadeyev R.A. (1860) Shest'desyat let Kavkazskoy voyny [Sixty years of the Caucasian war]. – Tiflis: Voenno-pokhodnaya tipo-grafiya Glavnogo Shtaba Kavkazskoy Armii. – 159 s. (In Russ.).
11. Filipson G.I. (2019) Vospominaniya s 1809 po 1847 god [Memoirs from 1809 to 1847]. – M.: Kuchkovo pole. – 416 s. (In Russ.).
- Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflict of interest.
Поступила в редакцию (Received) 07.08.2023
Поступила после рецензирования (Revised) 25.10.2023.
Дата выхода в свет 29.12.2023

УДК 94(47).084«1941/1945»

DOI:10.22394/2225-8272-2023-12-4-20-29

АККУЗИНОВ Асет Кайролдинович, кандидат политических наук, Военная академия Генерального штаба Вооруженных Сил РФ (Россия, Москва), e-mail: altinay_akku@mail.ru, SPIN-код: 6088-1130, Author ID: 1204727

AKKUZINOV A.K., Candidate of Political Sciences, Military Academy of General Staff of the Armed Forces of Russian Federation (Russian Federation, Moscow), e-mail: altinay_akku@mail.ru

4

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И БОЕВОГО ПУТИ 238-Й СРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ ИЗ КАЗАХСТАНА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945)

HISTORY OF FORMATION AND COMBAT HISTORY OF 238 RIFLE DIVISION FROM KAZAKHSTAN DURING THE GREAT DOMESTIC WAR (1941-1945)

Аннотация. Целью статьи является анализ процесса формирования и боевого пути 238-й стрелковой дивизии, образованной в 1941 году на территории Казахской ССР. Актуальность исследования определялась необходимостью изучения истории формирования казахстанской дивизии с момента принятия решения Народным комиссариатом обороны СССР. Автором отмечается участие органов военного управления республики в реализации намеченных целей на местах посредством организации взаимодействия между органами местного управления и военного управления. Изучением темы в разные годы занимались авторы советского периода, современного Казахстана и России. В работе использованы труды исследователей, посвященные истории Великой Отечественной войны, исторические документы Архива Президента Республики Казахстан (г. Алматы), Центра документации новейшей истории области Абай (г. Семей) и Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (г. Подольск). В исследовании раскрываются особенности работы, проводимой по формированию 238-й стрелковой дивизии. Обнаруживаются тенденции комплектования воинских частей дивизии начальствующим, младшим командным и рядовым составом подразделений. Отмечается боевой путь казахстанской дивизии в годы войны. Также устанавливаются отдельные проявления героизма её солдат и командиров на полях сражений, ставшие личным примером для поднятия патриотических чувств советских граждан. Делается вывод, что 238-я стрелковая дивизия из Казахстана внесла посильный вклад в достижение Победы СССР над Германией.

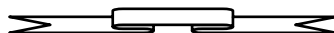
Ключевые слова: СССР, Казахстан, Великая Отечественная война, стрелковая дивизия.

Abstract. The purpose of the article is to analyze the formation and the military history of the 238th rifle division, formed in 1941 on the territory of the Kazakh SSR. The relevance of the study is determined by the need to study the history of the formation of the Kazakh division since the decision was made by the People's Commissariat of Defense of the USSR. The author notes the participation of the military administration of the republic in the implementation of the intended goals on the ground through the organization of interaction between local government and military administration.

The problem was studied by the authors of the Soviet period, modern Kazakhstan and Russia in different years. The study is based on the researches devoted to the history of the Great Patriotic War, historical documents of the Archive of the President of the Republic of Kazakhstan (Almaty), the Center for Documentation of the Modern History of Abai region (Semey) and the Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation (Podolsk). The study reveals the features of the formation of the 238th rifle division. Trends in the recruitment of military units of the division by commanding, junior command and rank-and-file units are revealed. The military history of the Kazakh division during the war is noted. The study also reveals individual examples of the heroism of soldiers and commanders on the battlefields, which became a personal example for raising the patriotic feelings of Soviet citizens.

As a result the author concludes that the 238th Rifle Division from Kazakhstan made a feasible contribution to achieving The Soviet Union's victory over Germany.

Keywords: USSR; Kazakhstan; Great Patriotic War; rifle division.

©Аккузинов А.К., 2023г.

ВВЕДЕНИЕ

В исторической науке Казахстана периоду Великой Отечественной войны отводится особое место. Изучение закономерности участия республики в исторической вехе Советского государства началось еще в годы Отечественной войны, продолжилось в послевоенный период и остается актуальным на современном этапе.

Актуальность исследования определялась необходимостью изучения истории формирования казахстанской дивизии с момента принятия решения Наркоматом обороны СССР и выполнении этих решений руководством Казахской ССР, до фактов участия органов военного управления республики в реализации намеченных целей. На местах, посредством организации взаимодействия между органами местного управления и командованием дивизии Средне-Азиатским военным округом (САВО) были достигнуты высокие результаты. В их территориальную ответственность которой входила республика. Изучением темы в разные годы занимались авторы советского периода и современного Казахстана: М.А. Абдыкалыков [1], А.М. Панкратова [1], А.Н. Нусупбеков [8], М.К. Козыбаев [7], Т.Б. Балакаев [3], К.С. Алдажуманов [4], П.С. Белан [5], С.Н. Покровский [10], Н.Е. Едыгенов [6], А.А. Джунисбаев [2] и другие исследователи.

Целью статьи является анализ формирования, комплектования и отражение боевого пути 238 стрелковой дивизии, сформированной на территории Казахской ССР. Задача исследования – показать боеспособность дивизии, героизм командиров и бойцов казахстанского формирования. Наиболее целесообразным в решении задачи автор посчитал метод источниковедения. В работе раскрываются сложности и успехи дивизии в годы Великой Отечественной войны.

Формирование дивизии

С началом войны Государственным комитетом обороны СССР (ГКО) были подписаны постановления о формировании стрелковых, танковых и кавалерийских дивизий. В их числе и постановления о формировании в Москве дивизий народного ополчения из числа рабочих и служащих, учащихся столицы и Московской области, об эвакуации с Украины и из центральных областей, городов на восток страны заводов, о развертывании производства вооружения, военной техники, о строительстве оборонительных рубежей и по другим вопросам. Большая часть формирований должны были быть готовыми к 1 августа 1941 года. На укомплектование новых дивизий обращались ресурсы запаса военных округов. При Народном комиссариате обороны (НКО) формированием новых дивизий занималось Главное управление формирования и укомплектования войск Красной Армии (Главупраформ), созданное в августе 1941 года [9, С. 156]. Главупраформ также занимался вопросами призыва в армию и мобилизацией [9, С. 241].

Масштабность и ожесточенность сражений начального периода Великой Отечественной войны обусловили необходимость мобилизации не только материальных средств, но и людских ресурсов. Так, автор Л. К. Балакаев в своих трудах приводит такие сведения: «В Казахстане в период с июня 1941 по март 1942 годы было подготовлено около 280 тыс. стрелков и военных специалистов, сформировано и направлено шестнадцать дивизий и семь отдельных бригад» [3, 4].

На 28 сборных пунктах Военного комиссариата Казахской ССР организована мобилизация граждан республики в ряды формируемых дивизий Красной Армии (ЦГА РК. Ф.1146. Оп.1. Д.20. Л.219). Отдел мобилизации и укомплектования САВО осуществлял кон-

троль за выполнением мобилизационных планов военкоматами Казахской ССР и организацией работы сборных пунктов в республике (АП РК. Ф. 708. Оп. 7. Д. 56. Л. 26–27).

До начала этих событий, уже в марте 1941 года, начала формироваться 238 стрелковая дивизия (СД), которая полностью была готова в августе 1941 года. Основную часть личного состава дивизии составляли граждане Семипалатинской, Восточно-Казахстанской, Акмолинской и Алма-Атинской областей, где и дислоцировались воинские части дивизии.

Штаб 238 стрелковой дивизии находился в г. Семипалатинске (ныне г. Семей, области Абай), наряду с подразделениями обеспечения дивизии, в городе разместили:

- 830 стрелковый полк (командир майор В. И. Чижов);

- 693 артиллерийский полк (командир майор А. П. Максименко);

- 499 резервный стрелковый полк.

В г. Усть-Каменогорске формированием 837 стрелкового полка (СП) занимался командир полковник К. Д. Швец, 843 стрелкового полка в г. Алма-Ате – майор С. К. Артемьев, а 173 гаубичного артиллерийского полка – командир подполковник Т. Т. Ткаченко (ЦА МО РФ. Ф. 354. Оп. 5806. Д. 524. Л. 66).

Командиром дивизии был назначен полковник Г. П. Коротков, батальонным комиссаром – С. В. Груданов, начальником штаба – полковник В. Л. Махлиновский, начальником артиллерии дивизии – полковник С. С. Будских, начальником политотдела – полковой комиссар П. Е. Лебедев (ЦА МО РФ. Ф. 354. Оп. 5806. Д. 524. Л. 66).

В ходе исследования удалось установить фамилии командиров и периоды их командования дивизией. В их числе полковник М. Г. Кириллов (11–15 мая 1942 года), полковник А. Д. Кулешов (16 мая 1942 года – 23 мая 1944 года), полковник М. А. Исаев

(18 января – 5 ноября 1944 года), подполковник И. А. Фадейкин (6 ноября 1944 года – 16 февраля 1945 года), генерал-майор М. А. Исаев (17 февраля – октябрь 1945 года) (ЦАМО. Ф. 1114. Оп. 1. Д. 3. Л. 4).

После непродолжительного времени организационная работа по формированию подразделений была закончена. Дивизия в своем полном составе – 17 тыс. человек – приступила к боевой и политической подготовке. Большинство подразделений выехало в лагерь близ г. Лениногорска (ныне г. Риддер). Здесь, на просторах казахских степей, развернулась напряженная боевая учеба. Больше всего внимания уделялось тактической, огневой и стрелковой подготовке. Каждый боец стремился быстро овладеть военным делом.

«...О начале войны личный состав дивизии по радио, услышал голос В. М. Молотова из далекой, но близкой сердцу советской Родины – Москвы о вторжении гитлеровских войск на территорию СССР. Третьего июля 1941 года с затаённым дыханием бойцы и командиры слушали выступление по радио И. В. Сталина. Из выступления было ясно, в чём состоит опасность, нависшая над народами Советского Союза и что нужно сделать, чтобы её ликвидировать...», – так описаны важные моменты периода боевой подготовки и слагивания дивизии в ее историческом формуляре.

Боевой путь дивизии

Началом боевого пути 238 СД можно считать переброску её на южные рубежи страны. Так, по приказу Ставки Верховного главнокомандования (ВГК) СССР 25 августа 1941 года дивизия, в полном составе погрузившись в эшелоны железнодорожного состава, направилась для действий в Иран, где в это время немецкими фашистами готовился удар по важным промышленным центрам советского

Закавказья. Через четверо суток части дивизии сосредоточились в г. Ашхабаде Туркменской ССР, где вошли в состав 53-й отдельной армии (ОА).

Уже 4 сентября 1941 года приказом командующего 53-й ОА от 2 сентября 1941 года за №00151 перед дивизией была поставлена задача прикрытия приграничных с Афганистаном районов и рассредоточения: в г. Термез – штаб дивизии, 837 стрелковый полк, 693 АП, 173 ГАП и спецподразделения дивизии, в г. Чарджоу – 830 стрелковый полк, в г. Керки – 843 стрелковый полк.

Тем временем угроза нарастала в западных районах страны. По приказу НКО СССР 27 сентября 1941 года дивизия перебрасывается для защиты подступов к Москве. 7 октября 1941 года эшелоны дивизии начали прибывать в Тулу. Если командование Красной Армии рассматривало дивизию как боевую единицу, хорошо вооруженную и обученную, то мирное население города – как «Сибирскую дивизию», вселявшую уверенность в том, что враг будет остановлен. Этому есть объяснение: дивизия была сформирована, укомплектована по штатам военного времени (вооружением, техникой), прошла достаточно хорошую боевую подготовку и была слажена (Центр документации новейшей истории области Абай (ЦДНИ ОА Ф. 200. Оп. 2. Д. 155. Л. 18).

10 октября 1941 года поступил приказ Ставки ВГК, согласно которому оборона Тулы возлагалась на командира 238 стрелковой дивизии полковника Г. П. Короткова и секретаря обкома партии В. Г. Жаворонкова. 16 октября 1941 года дивизия организационно вошла в состав 49-й армии генерала И. Г. Захаркина. Дивизия вела оборонительные боевые действия в Алексинском районе Тульской области, на рубеже Погиблово – Карташево – Божениново – Битюги. Потери дивизии за период 27 ноября – 2 декабря: убитыми – 537 человек, ранеными – 770, про-

павшими без вести – 693. Потери противника за этот же период: убитыми и ранеными – свыше 4 тыс. человек (Сведения из истории 30 Г в СД за период апрель – декабрь 1941 года // ЦА МО. Ф. 1114. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–6).

Части танковой армии Гудериана атаковали г. Алексин и двинулись на Тулу, замышляя отсечь ее от Москвы и взять штурмом, понимая, что этот город является оплотом русского оружия. Командование дивизии и руководство Тульского городского комитета обороны в совместном решении определили первоочередные задачи по отражению атак противника. Жители города копали оборонительные траншеи, сооружали укрепления на подступах к городу, вступали в ополчение и с оружием в руках оказывали помощь частям дивизии. Воздвигнутые огневые точки и фортификационные сооружения превратили город в неприступную крепость, позволившую отразить наступательную мощь бронетанковых сил противника [2, С. 94].

В боях с 17 октября по 3 декабря 1941 года 238 СД нанесла большой урон частям противника. Противник потерял убитыми – 7 тыс. солдат и офицеров, ранеными – до 12 тыс., были разбиты и уничтожены 40 орудий, 70 пулеметов, 45 минометов, 120 автомашин (ЦА МО РФ Ф. 1114. Оп. 1. Л. 24).

В декабре 1941 года противник вынужденно перешел к обороне на всем участке 238 СД. Враг пытался получить передышку, скопить силы и продолжить свои намерения по захвату Тулы. В это время части 238 СД от оборонительных боев перешли к активным боевым действиям, взяв инициативу в свои руки. С этого момента начался новый этап боевой жизни дивизии. В ночное время отдельные отряды подбирались к населенным пунктам, где располагались немцы, выкуривали их из хат, наводили панику во вражеских станах. Пример: младший лейтенант Скрип-

ник (инициалы в архиве не указаны) из 843 стрелкового полка 238 СД с группой бойцов в 30 человек ночью пробрался в село Маньшино, где размещался штаб вражеского батальона СС. Скрываясь в темноте, бойцы Скрипника окружили врагов и в короткой схватке уничтожили вражеский штаб, захватили все документы и знамя батальона. Такие выходы проводились ежедневно: малыми группами проникая через вражескую оборону, завязывали бои с гарнизоном противника, навлекая панику и выявив силы, возвращались в свои подразделения (ЦА МО РФ Ф. 1114. Оп. 1. Д. 3. Л. 18).

14 декабря 1941 года части дивизии переходят в наступление. 830 СП со штабной ротой и пешей батареей 693 ЛАП переходит в наступление на направлении главного удара – Карташово – Алексин; 843 СП с приданными ему двумя ротами 586 СП – в направлении Горяново – Шелепино; 837 СП нанесло удар в направлении Ботня – Иньшино. Враг оказывал упорное сопротивление.

Наступательные действия Западного фронта и упорные, жестокие бои с 14 по 16 декабря 1941 года решили исход борьбы за г. Алексин. Только за 16 декабря дивизия освободила от немецких захватчиков шесть населённых пунктов. За два дня боев дивизия захватила: 18 орудий, 32 пулемёта, семь миномётов и ряд других трофеев. В 14:00 17 декабря 1941 года части дивизии вышли на западный берег р. Оки и овладели г. Алексин.

В сводке Совинформбюро от 17 декабря 1941 года сообщалось: «...по предварительным данным при занятии г. Алексин захвачены следующие трофеи: винтовок – 397, винтовочных патронов более 700 тыс., автоматов – 47, пулемётов – 56, миномётов – 58, мин – 4000, мотоциклов – 16, автомобилей – 256, тягачей – 7, танкеток – 2, танков – 6, орудий – 73, лошадей – 110. В районе г. Алексин немцы потеряли убитыми 1000 солдат офи-

церов...» (ЦА МО РФ Ф. 1114. Оп. 1. Д. 3. Л. 18–19.). В ходе этих боев силами 238 СД (Г. П. Коротков), 173 СД (А. В. Богданов) и 340 СД (С. С. Мартиросян) были разгромлены 131 и 31 пехотные дивизии и 163 полк и 52 пехотной дивизии противника, уничтожен штаб 432 пехотного полка.

В период боев с 16 октября 1941 года по 1 января 1942 года 238 СД потеряла убитыми – 5289 чел., ранеными – 6856 чел., получила пополнение – 4853 чел. Численность дивизии на 1 января 1942 года была – 7094 человека (ЦА МО РФ Ф. 1114. Оп. 1. Д. 3. Л. 3).

На этапе контрнаступления 238 СД участвовала в Наро-Фоминской наступательной операции (24 декабря 1941 года – 8 января 1942 года) в направлении на Кондрово и Малоярославец, освобождала населённые пункты Алексин, Кондрово, Полотняный завод.

3 мая 1942 года дивизия за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и героизм Указом Президиума Верховного Совета СССР награждена орденом Красного Знамени. В наградном листе из архива указано: «...с 20 октября 41 года 238 СД приняла на себя оборону Алексинского направления. В течение почти 2-х месяцев дивизия героически защищала дальний подступ к Москве, отражая яростные атаки фашистов, нанося ему большие потери. 27 февраля 41 года противник, сосредоточив на узком фронте превосходящие силы – 52, 131 и 31 пехотных дивизий, при поддержке мощной артиллерии и авиации перешёл в наступление. Дивизия, растянутая на фронте 40 км уже 1 декабря 41 года перегруппировавшись сама перешла в наступление. В период с 27 ноября по 2 декабря 1941 года дивизия вывела из строя убитыми и ранеными около 4 тысяч фашистов, захватив 16 миномётов, 24 станковых пулемёта, 42 ручных пулемёта, 2 танка. Бой-

цы, командиры и политработники дивизии отход своих частей превратили в крупное поражение противника. 14 декабря 1941 года 238 СД совместно с 340 и 173 СД перешла в наступление с задачей овладеть г. Алексин. Прорвав укрепленную полосу и преодолев ряд укрепленных узлов в глубине обороны – 17 декабря 1941 года всё же овладела г. Алексин. В дальнейшем преодолев ещё одну укрепленную полосу по западному берегу р. ОКА, дивизия успешно развивала наступление на Недельное и заняла его 24 декабря 1941 года.

За 10 дней с боями дивизия прошла 70 км., преодолела 2 укрепленные полосы противника, вышла ему в тыл и создала угрозу полного окружения Высокиничевской группировки противника. За этот период дивизия истребила свыше двух полков пехоты, разгромила штаб 13 армейского корпуса, штаб 268 пехотной дивизии и захватила следующие трофеи: автомашин – 287, орудий – 45, миномётов – 33, тягачей – 6, мотоциклов – 32, станковых пулемётов – 43, ручных пулемётов – 28, винтовок – 538, мин – 6200, снарядов – 1000, патронов – 30 000, велосипедов – 50, танков – 3, бронемашин – 1, зенитных установок – 2, лошадей – 507, повозок – 70 и другое имущество.

Продолжая преследование противника, отдельные подразделения дивизии, бойцы, командиры и политработники проявляют образцы героизма, мужества и отваги. Ходатайствую о награждении 238 СД правительственной наградой Орденом «Красное знамя». Документ подписан командующим 49-й армией генерал-лейтенантом И. Г. Захаркиным и членом военного совета армии бригадным комиссаром А. И. Литвиновым (ЦА МО РФ Ф. 1114. Оп. 1. Д. 49. Л. 239).

24 мая 1942 года приказом НКО СССР № 160 за проявленную отвагу, стойкость, мужество, дисциплину и организованность, за

героизм личного состава, боевые заслуги дивизия преобразована в 30 гвардейскую стрелковую дивизию (ЦА МО РФ Ф. 1114. Оп. 1. Д. 3. Л. 4), став второй дивизией, сформированной в Казахстане, удостоившейся звания гвардейской (первой была 8 гвардейская Панфиловская дивизия).

В соответствии с директивой штаба Западного фронта № 002930 от 12 июня 1942 года и директивой штаба 49-й армии № У/001330 от 15 июня 1942 года части 30 гвардейской стрелковой дивизии (ГвСД) преобразованы:

- 830 СП – в 94 ГвСП;
- 837 – в 96 ГвСП;
- 843 СП – в 98 ГвСП;
- 74 ОГИПТД – в 35 ОГВИПТД;
- 409 отд. саперный батальон – в 33 ОГСП;
- 379 медсанбат – в 29 ОМСБ (ЦА МО РФ Ф. 1114. Оп. 1. Д. 3. Л. 4).

Из состава 238 стрелковой дивизии был выведен 173 гаубичный артиллерийский полк и вошёл в состав 18 гаубичной артиллерийской бригады 6 артиллерийской дивизии резерва Главного командования (РГК). К концу войны полк имел следующее наименование: 173 гаубичный артиллерийский ордена Александра Невского полк 18 гаубичной артиллерийской Померанской ордена Кутузова III степени бригады 6 артиллерийской Мозырской ордена Ленина краснознаменной дивизии РГК (ЦА МО РФ Ф. 1114. Оп. 1. Д. 49. Л. 14–15, 21–22).

С 24 апреля по 12 июля 1942 года дивизия находилась на сооружении тылового армейского рубежа обороны в районе Юхно – Мокрово – Ново-Успенское. После окончания работ сосредоточилась в районе Пречистое (ЦА МО РФ Ф. 1114. Оп. 1. Д. 3. Л. 4).

В составе 33-й армии Западного фронта в августе 1942 года дивизия вела наступательные бои и продвигалась в направлении Ржева, где проходили одни из кровопролитных

боев под Ельней. 30 ГвСД, насчитывавшая около 11 тыс. личного состава, освобождала Псковщину и форсировала Западную Двину [11].

Исходя из боевой обстановки на фронтах, 30 ГвСД с 12 ноября 1942 года входила в состав пятой, в последующем (с 6 декабря 1942 года) – 20-й армии Западного фронта.

В конце февраля 1943 года в составе 31-й армии освобождала Сычевку, участвуя в Ржевско-Вяземской наступательной операции [12].

С 1 мая 1943 года 30 ГвСД переходит в подчинение 10-й гвардейской армии и принимает участие в Смоленской стратегической наступательной операции (операция «Суворов») (7 августа – 2 октября 1943 года), в Спас-Демянской (7–20 августа 1943 года), Ельнинско-Дорогобужской (28 августа – 6 сентября 1943 года) наступательных операциях [12].

В октябре – декабре 1943 года в составе 10-й гвардейской армии принимала участие в Оршанской (12 октября – 2 декабря 1943 года) наступательной операции, форсированием р. Мерея и взятием местечка Ляды положила начало освобождению Белоруссии. Мужество и упорство дивизии озадачили немцев, и ее прозвали «Сибирская дикая дивизия». Всего за первых два года войны было награждено орденами и медалями 3112 человек, из них из офицерского состава – 664, сержантского – 1075, рядового – 1373 человека. За мужество и героизм более 13 тыс. воинов дивизии были удостоены правительственных наград (ЦДНИ ОА Ф. 200. Оп. 2. Д. 155. Л. 13).

С января 1944 года дивизия принимала участие в наступлении на Идрицком направлении в Режицко-Двинской (10–27 июля 1944 года), в составе 2-го Прибалтийского фронта в Мадонской (1–28 августа 1944 года) и Рижской (14–28 сентября 1944 года) наступательных операциях.

Содействовала освобождению городов Опочка, Мадона, Саласпилс, столицы Латвии – РИГИ (15 октября 1944 года). 3 ноября 1944 года ей было присвоено наименование «Рижская». С ноября 1944 года принимает участие в блокировании курляндской группировки противника в районе Ауце – Салдус – Вайнёде. С 1 апреля 1945 года – в составе 15 гвардейского стрелкового корпуса 10-й гвардейской армии Курляндской группы войск Ленинградского фронта [13].

Тысячи километров с боями, более 1200 сёл, восемь освобожденных городов, 16 разбитых немецких дивизий на счету и боевом пути 30 ГвСД. Боевые действия закончила как 30 гвардейская стрелковая Рижская краснознаменная дивизия у оз. Ауце и г. Салдус (Латвия). 6 мая 1946 года дивизия была расформирована.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, исследование показало, что решение о формировании 238 стрелковой дивизии было принято в марте 1941 года, а полное её комплектование личным составом, вооружением, военной техникой и слаживание частей, подразделений было завершено в августе того же года.

Руководство созданием дивизии, мобилизацией, призывом населения республики в состав формирования через призывные пункты Казвоенкомата осуществлял штаб Средне-Азиатского военного округа. В результате проведенной масштабной работы по формированию, комплектованию личным составом, обеспечению вооружением, техникой, организации взаимодействия с штабом военного округа, проведению боевой подготовки, слаживанию частей и подразделений 238 СД практический опыт получили органы военного и местного управления, комитеты партии районов, областей и непосредственно руководство Казахской республики и САО. Обре-

тенный опыт был использован при формировании других стрелковых, кавалерийских дивизий, отдельных бригад и полков, маршевых подразделений для Красной Армии в годы войны. Славный боевой путь 238 стрелковой дивизии, заслужившей наименование 30 гвардейской, является историческим фактом, примером героизма и мужества бойцов и командиров этого воинского формирования. Актуализация истории формирования и боевого пути дивизии как духовной непоколебимости советских граждан и патриотического проявления на современном этапе способствует укреплению духовных основ казахстанского общества и изучению военной истории своей страны, развитию духовности граждан Казахстана. Испытания, выпавшие на долю прославленной казахстанской дивизии, требуют дальнейшего глубоко исследования в рамках научного труда, научно-исследовательской работы. Вместе с тем сегодня с уверенностью можем утверждать, что 30 гвардейская стрелковая Рижская краснознаменная дивизия в годы Великой Отечественной войны внесла свой вклад в достижение Победы СССР над Германией.

Библиография / References:

1. Абдыкалыков М.А., Панкратова А.М. История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. – Алма-Ата: КазОГИЗ, 1943. – 670 с.
2. Алдажуманов К.С., Джунисбаев А.А. Национальные воинские соединения Казахстана на фронтах войны (1941–1945гг.). – Алма-Ата: Полиграфия-сервис и К, 2021. – 256 с.
3. Бакаев Л.К. Политика военного строительства в Республике Казахстан (вопросы теории и практики в контексте истории и современности). Автореф. дисс. док. полит. наук. Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан. – Алма-Ата, 1996. – 39 с.
4. Балакаев Т.Б., Алдажуманов К.С. Историография Казахстана периода Великой Отечественной войны / Сборник статей: Актуальные проблемы истории Советского Казахстана: (к 60-летию КазССР и Компартии Казахстана). – Алма-Ата, 1980. – С.113–141.
5. Белан П.С. На всех фронтах: казахстанцы в сражениях Великой Отечественной войны 1941–1945гг. – Алма-Ата: Гылым, 1995. – 336 с. – ISBN 5628016411.
6. Едыгенов Н.Е. Участие казахстанцев в партизанском движении в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны. – Алма-Ата: Наука, 1972. – 208 с.
7. Козыбаев М.К. Избранные труды. В 2 томах. Том 2. – Алма-Ата: Елтаным, 2015. – 304 с.
8. Нусупбеков А.Н. Казахстанцы в битве под Москвой // Казахстан в Великой Отечественной войне. Очерки. Выпуск 1. – Алма-Ата: Наука, 1968. – 103 с.
9. Операции Советских Вооруженных Сил в период отражения нападения фашистской Германии на СССР. В 4 томах. Том 1 (22 июня 1941 г. – 18 ноября 1942 г.); отв. ред. ген.-лейт. С.П. Платонов. – М.: Воениздат МО СССР, 1958. – 736 с.
10. Покровский С.Н. Казахстанские соединения в битве на Курской дуге. – Алма-Ата: Наука, 1973. – 130 с.
11. Ровнякова И.В. История легендарной улицы... Qazaqstan tarihy. [Электронный ресурс]. – Режим доступа – свободный. – URL: <https://clck.ru/35sFaV> (дата обращения: 27.08.2023).
12. Цапаев Д.А. Великая Отечественная. Комдивы: военный биографический словарь. В 5-ти томах. Том 4. Командиры стрелковых, горнострелковых дивизий, крымских, полярных, петрозаводских дивизий, дивизий Ребольского направления, истребительных дивизий. Ибянский – Печененко / Д.А. Цапаев и

др.; под общ. ред. В.П. Горемыкина. – М.: Кучково поле. – 2011. – 1246 с.

13. Цапаев Д.А. Великая Отечественная. Комдивы: военный биографический словарь. В 5 томах. Том 5. Командиры стрелковых, горнострелковых дивизий, Крымских, Полярных, Петрозаводских дивизий, дивизий Ребольского направления, истребительных дивизий. Пивоваров – Яцун. – М.: Кучково поле. – 2014. – 1166 с.

1. Abdykalykov, M.A., Pankratova, A.M. (1943) Istoriya Kazakhskoy SSR s drevneyshikh vremen do nashikh dney [History of the Kazakh SSR from ancient times to the present day]. – Alma-Ata: KazOGIZ. – 670 s. (In Russ.).

2. Aldazhumanov, K.S., Dzhunisbayev A.A. Natsional'nyye voinskiye soyedineniya Kazakhstana na frontakh voyny [National military formations of Kazakhstan on the war fronts] (1941–1945gg.). – Alma-Ata: Poligrafiya-servis i K, 2021. – 256 s. (In Russ.).

3. Bakayev, L.K. (1996) Politika voyennogo stroitel'stva v Respublike Kazakhstan (voprosy teorii i praktiki v kontekste istorii i sovremennosti) [The policy of military development in the Republic of Kazakhstan (issues of theory and practice in the context of history and modernity)]. Avtoref. diss. dok. polit. nauk. Kazakhstanskiy institut strategicheskikh issledovaniy pri Prezidente Respubliki Kazakhstan. – Alma-Ata. – 39 s. (In Russ.).

4. Balakayev, T.B., Aldazhumanov K.S. (1980) Istoriografiya Kazakhstana perioda Velikoy Otechestvennoy voyny [Historiography of Kazakhstan during the Great Patriotic War] / Sbornik statey: Aktual'nyye problemy istorii Sovetskogo Kazakhstana: (k 60-letiyu KazSSR i Kompartii Kazakhstana). – Alma-Ata. – S.113–141. (In Russ.).

5. Belan, P.S. (1995) Na vseh frontakh: kazakhstantsy v srazheniyakh Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945gg. [On all fronts:

Kazakhstanis in the battles of the Great Patriotic War of 1941–1945]. – Alma-Ata: Gylm. – 336 s. – ISBN 5628016411. (In Russ.).

6. Yedygenov, N.Ye. (1972) Uchastiye kazakhstantsev v partizanskom dvizhenii v Belorussii v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Participation of Kazakhstanis in the partisan movement in Belarus during the Great Patriotic War]. – Alma-Ata: Nauka. – 208 s. (In Russ.).

7. Kozybayev, M.K. (2015) Izbrannyye Trudy [Selected works]. V 2 tomakh. Tom 2. – Almaty: Yeltanym. – 304 s. (In Russ.).

8. Nusupbekov, A.N. (1968) Kazakhstantsy v bitve pod Moskvoy [Kazakhstanis in the Battle of Moscow] // Kazakhstan v Velikoy Otechestvennoy voyne. Ocherki. Vypusk 1. – Alma-Ata: Nauka. – 103 s. (In Russ.).

9. Operatsii Sovetskikh Vooruzhennykh Sil v period otrazheniya napadeniya fashistskoy Germanii na SSSR [Operations of the Soviet Armed Forces during the period of repelling the attack of Nazi Germany on the USSR]. V 4 tomakh. Tom 1 (22 iyunya 1941 g. – 18 noyabrya 1942 g.); otv. red. gen.-leyt. S.P. Platonov. – M.: Voenizdat MO SSSR, 1958. – 736 s. (In Russ.).

10. Pokrovskiy, S.N. (1973) Kazakhstanskiye soyedineniya v bitve na Kurskoy duge [Kazakh formations in the Battle of Kursk]. – Alma-Ata: Nauka. – 130 s. (In Russ.).

11. Rovnyakova, I.V. Istoriya legendarnoy ulitsy [The history of the legendary street]... Qazaqstan tarihy. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa – svobodnyy. – URL: <https://clck.ru/35sFaV> (data obrashcheniya: 27.08.2023). (In Russ.).

12. Tsapayev, D.A. (2011) Velikaya Otechestvennaya. Komdivy: voyenny biograficheskiy slovar' [Division commanders: military biographical dictionary]. V 5-ti tomakh. Tom 4. Komandiry strelkovykh, gornostrelkovykh diviziy, krymskikh, polyarnykh, petrozavodskikh diviziy, diviziy Rebol'skogo napravleniya, istrebitel'nykh diviziy. Ibyanskiy – Pechenko / D.A. Tsapayev i dr.;

pod obshch. red. V.P. Goremykina. – M.: Kuchkovo pole. – 1246 s. (In Russ.).

13. Tsapayev, D.A. (2014) Velikaya Otechestvennaya. Komdivy: voyennyy biograficheskiy slovar' [The Great Patriotic War. Division commanders: military biographical dictionary]. V 5 tomakh. Tom 5. Komandiry strelkovykh, gornostrelkovykh diviziy, Krymskikh, Polyarnykh, Petrozavodskikh diviziy, diviziy Rebol'skogo napravleniya, istrebitel'nykh diviziy. Pivovarov – Yatsun. – M.: Kuchkovo pole. – 1166s. (In Russ.).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию (Received) 17.06.2023

Поступила после рецензирования (Revised) 21.09.2023.

Дата выхода в свет 29.12.2023

УДК 94(47).084

DOI:10.22394/2225-8272-2023-12-4-30-42

РОДИОНОВ Игорь Михайлович, аспирант кафедры истории, политологии и государственной политики, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, Орёл), e-mail: mist.rod-5@yandex.ru, SPIN-код: 7630-5568, AuthorID: 1136360

RODIONOV I. M., Postgraduate student, Department of History, Political Science and Public Policy, Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPa (Russian Federation, Orel), e-mail: mist.rod-5@yandex.ru

ФОРМИРОВАНИЕ 120-Й СРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ В КОНТЕКСТЕ СОЗДАНИЯ КРАСНОЙ АРМИИ

THE FORMATION OF THE 120TH RIFLE DIVISION IN THE CONTEXT OF THE CREATION OF THE RED ARMY

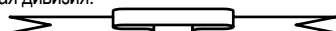
Аннотация. Цель статьи – на примере 120-й стрелковой дивизии рассмотреть процесс создания Красной Армии. Этот процесс активно протекал с момента начала Гражданской войны и иностранной военной интервенции до момента начала Великой Отечественной войны. За это время сменилось несколько подходов к формированию армии. В конечном итоге остановились на идее создания кадровой массовой регулярной армии, формируемой на новых принципах – обязательной воинской повинности, путем призыва и мобилизации. Планомерное строительство регулярной армии началось в 1918 г., когда наряду с частями нового типа продолжали функционировать и отряды Красной гвардии, ставшие школой для подготовки командных и политических кадров для Красной Армии. Анализируется процесс формирования командного состава армии нового типа путем привлечения старой военной интеллигенции, а также через образованные командные курсы и учебные военные заведения различного уровня. Прослеживается количественный рост Красной Армии на разных этапах ее создания. Процесс создания армии протекал в рамках формируемых военных округов начиная с весны 1918 г. Анализируется создание новых органов управления вооруженными силами страны, формирования единой структуры управления войсками. В конце 30-х годов строительство Красной Армии осуществлялось на основе Плана развития и реорганизации сухопутных войск РККА путем создания кадровых дивизий тройного развертывания. Основу Красной Армии составляли стрелковые дивизии. 120-я стрелковая дивизия явилась типичным примером создаваемой военной структуры в составе Вооруженных Сил Советского государства.

Ключевые слова: Красная Армия, вооруженные силы, военные округа, мобилизация, структура управления войсками, военные учебные заведения, стрелковая дивизия, 120-я стрелковая дивизия.

Abstract. The purpose of the article is to consider the process of creating the Red Army on the example of the 120th Rifle Division. This process has been actively going on since the beginning of the Civil War and foreign military intervention until the beginning of the Great Patriotic War. During this time, several approaches to the formation of the army have changed. Finally, they settled on the idea of creating a mass regular army, formed on new principles of compulsory military service, by conscription and mobilization. The systematic construction of the regular army started in 1918, when, along with the new type of units, the Red Guard detachments continued to function, which became a school for training command and political personnel for the Red Army. The author analyzes the process of forming the command army staff of a new type by attracting the old military intelligentsia, as well as through educated command courses and military educational institutions of various levels. The quantitative growth of the Red Army at different stages of its creation is traced. The process of creating the army took place within the framework of the military districts being formed, starting in the spring of 1918. The author analyzes the creation of new management bodies of the armed forces of the country, the formation of a unified command structure of the troops. At the end of the 30s, the construction of the Red Army was carried out on the basis of a Plan for the development and reorganization of the Red Army ground forces by creating personnel divisions of triple deployment. The basis of the Red Army was rifling divisions.

As a result, the author concludes that the 120th Rifle Division was a typical example of a military structure being created as part of the armed forces of the Soviet State.

Keywords: Red Army, armed forces, military districts, mobilization, command and control structure, military educational institutions, rifle division, 120th Rifle Division.

©Родионов И.М., 2023г.

ВВЕДЕНИЕ

Рождение Красной Армии относится к 1918 году. В условиях нарастания противоборства внутри страны между различными политическими силами, начала военной интервенции необходимость в новой армии стала всё более очевидной. Старая армия уже не могла выполнять свои задачи по защите страны: в ней активно шел процесс разложения. В боевом отношении, по справедливому замечанию В. И. Ленина, она представляла «нулевую величину» [11, С.409], так как процесс демобилизации солдат этой армии принимал стихийный, неконтролируемый характер.

Нельзя было делать ставку и на подразделения Красной гвардии. Они не имели достаточной подготовки, снабжения, а главное, централизованного управления. В лучшем случае ее можно было использовать для борьбы с внутренней контрреволюцией, но не с иностранными войсками, стремящимися покончить с властью Советов в России. Советская Россия нуждалась в новой, массовой, кадровой армии.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

III Всероссийский съезд Советов (12 января 1918 года) утвердил «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», где речь шла о создании новой армии [5, С. 357–358]. Через несколько дней Совнарком декретировал создание Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Так было положено начало планомерному строительству регулярной армии нового типа. Непосредственная деятельность по созданию армии проводилась Комиссариатом по военным делам и функционирующей при нём Всероссийской коллегии [5, С. 357–358] (Подвойский Н. И. – председатель; Крыленко Н. В., Мехоношин К. А., Трифонов В. А., Юре-

нев К. К.). По всей стране была развернута сеть вербовочных пунктов, набирались агитаторы и организаторы Красной Армии, выделялись необходимые финансовые ресурсы. В январе 1918 года на эти цели было выделено 20 млн. рублей [5, С. 366].

Очень быстро были созданы первые полки и дивизии Красной Армии. Началось формирование первых корпусов. Но в это время продолжали функционировать и отряды Красной гвардии, по-прежнему формировавшиеся в ряде регионов страны (РГВА. Ф.1. Оп.1. Д.337. Л.34; Ф.1. Оп.2. Д.197. Л.155; Ф.2. Оп.1. Д.9. Л.11.).

Красная гвардия стала школой подготовки первых командных и политических кадров для Красной Армии. Более 200 красногвардейцев были выдвинуты на ответственные посты в Красной Армии. Из них 17 человек стали начальниками дивизий, 28 – командирами полков, 43 – политработниками и т. д. Через Красную гвардию прошли многие военачальники, прославившиеся в суровых сражениях Великой Отечественной войны (три Маршала Советского Союза – К. К. Рокоссовский, К. А. Мерецков, М. В. Захаров; шесть маршалов видов вооруженных сил – С. Ф. Жаворонков, С. А. Красовский, В. И. Казаков, П. С. Рыбалко, Я. Н. Федоренко, А. И. Леонов; адмирал В. Ф. Трибуц; более 190 генералов). Отряды Красной гвардии являлись теми ячейками, на базе которых формировались, вооружались и обучались первые кадровые воинские части и соединения (РГВА. Ф.2. Оп.1. Д.8. Л.10.).

Командный состав Красной Армии пополняли и революционно настроенные представители низших чинов старой армии. Ещё одним источником пополнения командных кадров являлись лояльно относящиеся к советской власти представители старой военной интеллигенции, имевшие большой военный опыт и знания (И. И. Вацетис, А. И. Егоров, С. С. Каме-

нев, Д. М. Карбышев, Б. М. Шапошников и другие).

Однако этого было явно недостаточно. Поэтому было принято решение о создании ускоренных курсов для рабочих и крестьян с целью подготовки командных кадров. Первым таким заведением стала 1-я Московская революционная пулеметная школа (декабрь 1917 год). К февралю 1918 года таких курсов, открытых в разных городах, насчитывалось 13. На них проходило обучение 5,3 тыс. человек [8, С. 18]. Позднее стали появляться военные школы, училища, военные академии.

Для разъяснения рабочим и крестьянам целей и задач создания Красной Армии в регионы были направлены сотни агитаторов и организаторов. В феврале – апреле 1918 года в 43 губернии страны направили более 400 человек, в большинстве своем являвшихся членами большевистской партии (РГВА. Ф.3. Оп.1. Д.47. Л.215–221). Проводимая агитация имела успех. По сообщениям из Владимира, Курска, Орла, Самары, Смоленска, Твери, Ярославля и других городов можно судить о том, что там добровольцы массово записывались красноармейцами. Но не обходилось здесь и без проблем, обусловленных нехваткой командных кадров, недостаточной обеспеченностью вооружением, обмундированием, продовольствием, денежными средствами (РГВА. Ф.1. Оп.1. Д.337. Л.34; Ф.2. Оп.1. Д.8. Л.319.).

На 1 апреля 1918 года в Красной Армии насчитывалось более 153 тыс. добровольцев (РГВА. Ф.3. Оп.1. Д.121. Л.79–80). Стоит отметить, что первоначально строительство осуществлялось на добровольных началах. В последующее время принимается решение об обязательном военном обучении трудящихся масс без отрыва от производства, а позднее – о строительстве регулярной кадровой армии. В стране вводилась обязательная воинская повинность.

В марте 1918 года был создан специальный коллегиальный орган по руководству

Красной Армией – Высший военный совет [5, С.522–523]. Задача этого органа состояла в руководстве всеми военными операциями, в организации обороны страны, создании вооруженных сил республики [5, С. 569–570].

8 апреля 1918 года принимается декрет СНК, вводящий в стране комиссариаты по военным делам. Они действовали на уровне волости, уезда, губернии и округа. Их задача заключалась в ведении учета военнообязанных, организации и проведении военного обучения, проведении мобилизации среди населения, формировании частей и т.д.

Декретом СНК вводилась централизованная система подчинения военных комиссариатов – от волостных до окружных. Вся эта система замыкалась на Наркомвоене.

Через две недели была определена структура окружного комиссариата, включающая в себя ряд управлений и отделов¹.

В мае 1918 года принимается решение об учреждении системы военно-окружного деления страны. Хотя в европейской части военные округа начали создаваться чуть ранее в соответствии с приказом Высшего военного совета №23 от 31 марта. Всего было создано 11 военных округов [6, С. 63–70].

Весной 1918 года изменения коснулись и центрального военного аппарата. Создали Всероссийский главный штаб, сформировали органы по снабжению Красной Армии из 12 отделов. Позднее создали отдел вооружения.

Контроль за организацией и формированием Красной Армии осуществляла Высшая военная инспекция, созданная 24 апреля 1918 года (РГВА. Ф.10. Оп.1. Д.2. Л.1).

¹ РГВА. Сборник приказов Наркомвоена за 1918 год. Структура комиссариата – управления (штаб, артиллерийское, хозяйственное, военно-инженерное, санитарное, управление делами), отделы – агитационный, организационный, культурно-просветительский и осведомительный.

Главные изменения происходили в самой армии. Прежде всего осуществлялся переход к регулярным частям и соединениям. Формировать их могли теперь только комиссариаты. Основой армии становится пехотная дивизия, включавшая в себя все рода воинских формирований. Образование дивизий осуществлялось на территориальной основе. Они получали наименование по тем местам, где создавались. Дивизия должна была насчитывать 26 972 человека (из них 9282 активных бойца)¹.

Учитывая ситуацию в Советской республике, по апрельскому плану Высшего военного совета кадровая армия должна была насчитывать не менее одного миллиона человек, объединенных в 38–40 дивизий.

Однако через месяц этот план пересмотрели. Формированию подлежало 88 пехотных дивизий [7, С.792–793]. Фактически этот план не был выполнен.

22 апреля 1918 года ВЦИК принял три декрета, касающихся формирования новой армии: о сроке службы в Красной Армии (шесть месяцев), о военной присяге [6, С.156–157], об обязательном всеобщем обучении граждан военному искусству [6, С.151–153].

В мае 1918 года Высшим военным советом принимается решение о создании первых пехотных дивизий из различных отрядов. Но вследствие недостаточного количества добровольцев и командиров этот процесс продвигался медленно. Учитывая эти обстоятельства, было принято решение о формировании дивизий в усеченном составе (1/2 от штатного расписания). Удалось сформировать четыре дивизии².

Ускоренная подготовка командных кадров из представителей трудящегося населения

для Красной Армии осуществлялась через расширенную сеть краткосрочных военных курсов и школ. Их число выросло с марта по май с 13 до 20 (РГВА. Ф.33987. Оп.1. Д.332. Л.37). В мае прошел первый выпуск красных командиров – 43 человека³. К концу года подготовку кадров осуществляли 63 заведения (РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 332. Л. 37).

Курсы готовили средний начальствующий состав. Но нужны были и кадры высшего командования. Для этого к концу года стали открывать высшие военные учебные заведения.

Но выпуски должны были пройти не скоро, а командиры требовались уже сейчас. По подсчетам Высшего военного совета армии нужно было 35 тыс. командиров (РГВА. Ф.1. Оп. 4. Д.117. Л.165.). В связи с этим было принято решение о привлечении на службу военных специалистов старой армии. С целью противовеса увеличивающемуся контингенту из числа бывших генералов и офицеров царской армии было принято решение о введении в армии института военных комиссаров (6 апреля 1918 года). Их деятельностью руководило Всероссийское бюро военных комиссаров, руководимое К. К. Юреневым (8 апреля 1918 года). В целом к этому времени удалось заложить каркас армии нового образца, строящейся на добровольных началах, и заложить основы перехода к строительству армии на новых принципах (обязательная воинская повинность путем призыва и мобилизации).

Летом 1918 года, в условиях начавшейся военной интервенции, в Советской России начался процесс перевода экономики страны на военные рельсы. Это было невероятно трудным делом. Огромные территории страны оказались под властью захватчиков. Это сократило необходимые ресурсы (материально-производственные, продовольственные и

¹ РГВА. Сборник приказов Наркомвоена за 1918 год. – Л.108–116, 138–186. В течение года все курсы подготовили 1773 командира для Красной Армии.

² Воронежская, Гатчинская (3-я Петроградская), Новоржевская, Лужская (4-я Петроградская).

³ Выпуск произвели 1-й Московский и 1-й Тверской курсы.

людские) для обеспечения армии¹. Многие предприятия находились под контролем белогвардейцев и интервентов (шесть заводов) или не работали вообще (восемь заводов). Не хватало сырья, топлива, продовольствия.

В этих условиях был принят декрет о национализации промышленности (28 июня 1918 года)². Национализация промышленности, прежде всего крупной, с одной стороны, способствовала укреплению обороноспособности страны, а с другой – облегчила мобилизацию промышленности на военные нужды. Был выделен круг предприятий, имеющих важное оборонное значение. Они обеспечивались всем необходимым в первую очередь. Рабочие не подлежали призыву в Красную Армию. С осени 1918 года на военные предприятия стали широко привлекать представителей старой технической интеллигенции. В целом за небольшой промежуток времени Советская республика смогла перевести промышленность на выпуск той продукции, что требовалась Красной Армии.

К середине 1918 года стало ясно, что процесс строительства Красной Армии сдерживает принцип добровольчества при её формировании. К лету её численность составила 263 780 человек³. Это не устраивало руководство государства, и оно взяло курс на обяза-

тельную воинскую обязанность. Постановление ВЦИК от 29 мая 1918 года вводило в стране принудительный набор в армию⁴.

Уже в июне на основании декретов СНК началась мобилизация в стране⁵. В результате этого за лето – осень 1918 года Красная Армия пополнилась более чем на 800 тыс. человек⁶. Но и этот процесс шёл с большим скрипом. Так, на прифронтовых территориях восточных военных округов за три летних месяца мобилизации удалось мобилизовать только 40 тыс. человек, из планировавшихся 275 тыс. (РГВА. Ф.3. Оп.1. Д.45. Л.50–51). Более успешно мобилизация проходила в центре, среди рабочих Москвы и Петрограда. Так, за первый месяц мобилизации привали 8,5 тыс. человек из 12 тыс., подлежащих мобилизации (РГВА. Ф.11. Оп.1. Д.160. Л.307). Это во многом объяснялось более высоким уровнем сознательности рабочих столичных предприятий к всеобщей воинской обязанности.

Новые принципы строительства Красной Армии были закреплены в первой советской Конституции. В статье 19 говорилось, что «почетное право защищать революцию с оружием в руках предоставляется только трудящимся;

¹ Так, из 5402 промышленных предприятий военного комплекса Советское государство могло рассчитывать только на 1900 заводов и фабрик. Из 20 заводов, выпускающих оружие и боеприпасы, использовали только шесть (работающих на половину своей мощности) // Вестник металлиста. – 1918. – №3. – С.14.

² На основании этого документа к концу года только в Центральной России было национализировано 3338 предприятий из 9542. Более половины (свыше 2000) из национализированных предприятий оказались в руках Советов и совнархозов. Прошедший в декабре 1918 года II Всероссийский съезд совнархозов констатировал, что «национализация промышленности является в основном завершенной» // Декреты Советской власти. – Т.2. – С.498.

³ РГВА. Ф.3. Оп.1. Д. 55. Л.65. При этом в тылу могли рассчитывать на 199 тыс. бойцов, а могущих отправиться на фронт – около 16 тыс. человек.

⁴ О принудительном наборе в Рабоче-Крестьянскую Армию // Декреты Советской власти. – Т. 2. – С.334. В документе отмечалось, что «переход от добровольческой армии ко всеобщей мобилизации... диктуется всем положением страны, как для борьбы за хлеб, так и для отражения ...контрреволюции, как внутренней, так и внешней».

⁵ 11 июня началась мобилизация пяти призывных возрастов рабочих и крестьян 1893–1897 года рождения из 51 уезда Приволжского, Уральского и Западно-Сибирского военных округов. 17 июня – рабочих Москвы и пригородов 1896–1897 года рождения. 29 июня – некоторых категорий рабочих Москвы 1893–1895 года рождения, имеющих опыт службы в артиллерийских и инженерных частях; рабочих Петрограда 1896–1897 года рождения; служащих правительственных учреждений и рабочих промышленных предприятий Приволжского, Приуралья и Западно-Сибирского военных округов // Декреты Советской власти. – Т. 2. – С. 428–429; 438–440; 506; 507–509.

⁶ Краткая история гражданской войны в СССР. – М., 1962. – С. 80.

на нетрудовые же элементы возлагается отправление иных военных обязанностей...»¹.

У съезд Советов законодательно закрепил положения о формировании регулярной армии². Декрет СНК (29 июля 1918 года) объявил первый призыв офицеров царской армии в Красную Армию³. Роль старых военных специалистов в свое время оценил В. И. Ленин, отмечавший, что армию создать не смогли бы, если бы не взяли их себе на службу⁴. Особо оговаривалась в решениях съезда необходимость соблюдения революционной воинской дисциплины, подчинения «требованиям и приказам поставленных Советской властью командиров» [6, С.543].

Все эти меры способствовали успешному строительству Красной Армии. К августу в армии насчитывалась 331 тыс. человек, а в сентябре – 550 тыс. В 50 формирующихся

дивизиях и отдельных отрядах насчитывалось около 315 тыс. бойцов⁵.

Наряду с формированием Красной Армии нового типа необходимо было создавать и органы управления ею. К осени 1918 года в руководстве Советского государства окончательно укрепилась идея о необходимости создания в армии высшего коллективного управления в армии высшего коллективного управления Красной Армии и Флота. Об этом говорилось еще летом в обращениях в Совнарком Н. И. Подвойского, А. И. Егорова и других. Высший военный совет, созданный в 1918 года, оказался не способен в новых условиях руководить действиями Красной Армии. В этой связи было принято решение о создании Реввоенсовета республики (РВСР) во главе с одним главнокомандующим⁶, ответственного за строительство советских вооруженных сил и оборону Советского государства⁷. Председателем нового военного органа ВЦИК назначил Л. Д. Троцкого. Одновременно с этим вводилась должность главнокомандующего вооруженными силами⁸. Первым главнокомандующим стал И. И. Вацетис.

В это же время была сформирована единая структура управления войсками.

На протяжении 1918 г. проходило стратегическое развертывание Вооруженных сил Советской республики. Особенностью данного процесса стало то, что он осуществлялся в ходе боевых действий на фронтах.

Последовательность развертывания вооруженных сил во многом определялась степенью опасности противника⁹. Стоит отметить

¹ Декреты Советской власти. – Т. 2. – С. 554. В соответствии с решением V Всероссийского съезда Советов и утвержденным 27 июня СНК докладом Наркомвоенна 20 июля 1918 г. СНК принял декрет и положение о тыловом обеспечении, в соответствии с которыми нетрудовые элементы призывного возраста подлежали призыву в особо формируемые команды для обслуживания Красной Армии (Декреты Советской власти. – Т. 3. – С. 70–71). К середине ноября в тыловое ополчение было призвано 2844 человека (РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 34. Л. 123).

² «Об организации Красной Армии». В постановлении отмечалось, что «период случайных формирований, произвольных отрядов, кустарного строительства, должен быть оставлен позади. Все формирования должны производиться в строгом соответствии с утвержденными штатами и согласно разверстке Всероссийского главного штаба» // Декреты Советской власти. – Т. 2. – С. 542.

³ Декреты Советской власти. – Т. 3. – С. 111–113. По имеющейся информации, хранящейся в военном архиве, по состоянию на 15 ноября 1918 г. в Красную Армию приняли 20 488 бывших офицеров, 119 060 – унтер-офицеров, 1692 – медицинских и ветеринарных врачей, 6545 – фармацевтов и фельдшеров, 2093 – военных чиновника. Можно отметить, что старые военспецы составляли значительную часть (75 %) командного состава Красной Армии (РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 34. Л. 123).

⁴ Ленин В.И. Речь на совещании по партийной работе в деревне. Полн. собр. соч. Изд. 5. – М.: Политическая литература, 1970. – Т. 39. – С. 313.

⁵ Директивы командования фронтов Красной Армии (1917–1922 гг.). Т. 4. – М., 1978. – С. 33–42.

⁶ Постановление ВЦИК о Революционном военном совете Республики // Декреты Советской власти. – Т.3. – С.268.

⁷ Декреты Советской власти. – Т. 3. – С. 373.

⁸ Там же.: Главнокомандующий обладал «полной самостоятельностью во всех вопросах стратегически-оперативного характера».

⁹ См.: Меликов В.А. Стратегическое развертывание (по опыту первой империалистической войны 1914–1918 гг. и гражданской войны в СССР. 2-е изд., исп. и

приказ РВСР (11 сентября), касающийся образования фронтовых и создания армейских формирований Красной Армии. Этот документ юридически оформил созданный уже Восточный фронт и предписал создание Северного (штаб – г. Ярославль) и Южного фронтов (штаб – г. Козлов) республики. Позднее был образован Украинский фронт (штаб – г. Орёл).

К началу 1919 года действующая армия насчитывала в своем составе 33 стрелковые, четыре партизанские, две кавалерийские дивизии и несколько отдельных стрелковых и кавалерийских бригад общей численностью 660,7 тыс. человек¹.

В конце 1918 года учреждается специальный орган – Совет обороны (30 ноября)², призванный объединить усилия всех структур в интересах обороны страны и обладавший чрезвычайными полномочиями³.

Однако численный и боевой состав Красной Армии, её организация не отвечали реальному положению дел на фронтах республики. Руководство страны рассчитывало на создание трехмиллионной армии. С этой целью Высшей военной инспекцией был разработан план строительства регулярной армии. Но сложившаяся реальность внесла определенные коррективы в этот план. Исходя из имеющихся ресурсов, Совет обороны выступил за формирование армии в 1,5 млн человек.

Военные округа создавали 11 номерных пехотных дивизий, остальные формировались на фронтах (приказ РВСР от 11.09.1918 г. №4)⁴.

Для формирования всех этих дивизий нужны были новые мобилизации. И они были объявлены. Первоначально объявили о повсеместном призыве граждан 1898 года рождения (11 сентября), а затем граждан 1897–1901 года рождения (28 сентября). Призыву также подлежали бывшие офицеры, унтер-офицеры и чиновники 1890–1901 года рождения⁵.

Для подготовки бойцов предписывалось создать 33 пехотных запасных батальона (приказ РВСР от 12.10.1918 г. №89)⁶, приняв по этому поводу специальное положение⁷. Однако эти батальоны не смогли принять всех мобилизованных. Поэтому их количество постоянно увеличивалось (ноябрь – 49, декабрь – 64, февраль 1919 г. – 78) (РГВА. Ф.65. Оп.5. Д.20. Л. 97).

В ноябре 1918 года план формирования Красной Армии пересмотрели⁸. При этом глав-

доп. – М.: Государственное военное издательство, 1939. Т.1. – 527с.

¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 8. Д. 144. Л. 1; Д. 156. Л. 39–40 (по данным Полевого штаба РВСР и Всероглавштаба об укомплектовании действующей армии Республики на 15 января – 15 февраля 1919 г.).

² Декреты Советской власти. – Т. 4. – С. 92–94.

³ Его главные задачи заключались в усилении снабжения Красной Армии оружием, боеприпасами, обмундированием, продовольствием и т. д. Только за вторую половину 1918 г. Красная Армия пополнила свой арсенал на 2 тыс. орудий, 2,5 млн снарядов, свыше 900 тыс. винтовок, 8 тыс. пулеметов и т. д. // Декреты Советской власти. – Т. 1. – С. 148–151, 225–230.

⁴ РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 207. Л. 2.

⁵ История гражданской войны в СССР. – М.: Политиздат, 1958. Т. 3. – 774 с. – С. 321. По неполным данным, эти призывы позволили принять в Красную Армию 1 миллион 487 тысяч рядовых и бывших унтер-офицеров, более 34 600 бывших офицеров и военных чиновников, 21 тыс. медицинских и ветеринарных работников.

⁶ РГВА. Сборник приказов РВСР за 1918 год. – С. 78. В Московском военном округе – 9, в Петроградском – 4, Орловском – 5, в Ярославском – 6, в Приволжском – 5, в Уральском – 4 батальона.

⁷ Положение о запасных частях указывало, что «все запасные части имеют своим назначением подготовку во время войны личного и конского состава для укомплектования действующих на фронте частей». РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 642. Л. 62.

⁸ Он предусматривал развертывание уже 47 номерных стрелковых дивизий (116 расчетных бригад), четырех кавалерийских дивизий и одной кавалерийской бригады на фронтах. На основании приказа РВСР от 11.10.1918 г. № 61 все пехотные части должны именоваться как стрелковые. На Южном фронте должны быть сформированы 12 дивизий (12–16, 23, 37–42-я); на Северном фронте – 2 дивизии (18-я и 19-я); на Восточном – 11 дивизий (20–22, 24–31-я); на Каспийско-Кавказском – 5 дивизий (32–36-я); в Западной армии – 3 дивизии (17-я, Литовская и

ным родом войск по-прежнему оставалась пехота (стрелковая дивизия)¹. Новые дивизии не соответствовали установленным штатам. В лучшем случае она имела половинный состав². В общей сложности Красная Армия располагала в 1919 году 42 стрелковыми и тремя кавалерийскими дивизиями (РГВА. Ф.33988. Оп.1. Д.184. Л.70).

Кавалерийская дивизия формировалась по штату 26 декабря 1918 года №460. Однако кавалерия в те годы оставалась малочисленным родом войск (40 тыс. сабель, порядка 10 процентов от численности пехоты) (РГВА. Ф.33988. Оп.1. Д.184. Л.70). По большей части она включалась в стрелковые подразделения.

Процесс переформирования затянулся до середины 1919 года. Не обошлось здесь и без сокращения общей численности дивизий – за счет тыловых подразделений. Разрешалось иметь в частях недокомплект в 35 %, без сокращения численности боевых соединений. Вполовину сократили численность пулеметов в полках (с 48 до 24 единиц), орудий (с 116 до 44 единиц) (РГВА. Ф.4. Оп.3. Д.312. Л.110–117).

Западная); в военных округах – 11 дивизий (1–11-я), а также 1-я Латышская и 2-я Украинская дивизии. Для получения наилучших результатов при комплектовании войск предписывалось формировать на каждую дивизию действующей армии по одному запасному батальону, а на каждую армию – по одному запасному кавалерийскому эскадрону и по одной легкой батарее. РГВА. Ф. 33988. Оп. 91. Д. 25. Л. 13.

¹ РГВА. Ф. 33988. Оп. 1. Д. 295. Л. 133. Каждая дивизия состояла из 3 бригад по 3 полка в каждой (далее – по троичной системе), 9 артиллерийских дивизионов (1 из них – противосамолетный), отдельной конной батареи, отдельного кавалерийского дивизиона, инженерного батальона, батальона связи, автоброневое, воздухоплавательного и авиационного отрядов, учреждений обслуживания. Численность дивизии определялась в 60 тыс. бойцов, 500 пулеметов, 116 орудий, 54 миномета, 6 самолетов, 4 бронеавтомобиля, аэроплан, 24 тыс. лошадей.

² РГВА. Ф. 33988. Оп. 1. Д. 295. Л. 135, 137. Так, на Западном и Юго-Западном фронтах в апреле 1919 г. численность стрелковых дивизий колебалась от 7–8 тысяч до 25–30 тысяч бойцов.

Удалось сформировать 125 пехотных и девять кавалерийских бригад, имевших существенную недоукомплектованность в численности штыков в 41 %, сабель – 31 %, пулеметов – 65 %, орудий – 58 %³.

К середине года рассчитывали довести численность армии до 700–720 тыс. бойцов⁴.

Техническая оснащенность армии постоянно совершенствовалась: броневая насчитывали 238 единиц техники, авиация – 657 самолетов разных типов (РГВА. Ф.33988. Оп.1. Д.91. Л.45–49), флот – 209 боевых и вспомогательных единиц (РГВА. Ф. 11. Оп. 3. Д. 5. Л. 17).

Большое внимание уделялось подготовке командных кадров. В общей сложности насчитывалось 50 командных курсов, где обучение проходили более 13 тысяч будущих командиров Красной Армии. К тому же были мобилизованы 37 тыс. военспецалистов старой армии (РГВА. Ф. 11. Оп. 3. Д. 5. Л. 17).

Стоит отметить, что Красная Армия создавалась как многонациональная армия. В последующий период на территории Белоруссии, Украины и Прибалтики (после изгнания немецких войск) начали формироваться советские национальные армии.

К моменту окончания Гражданской войны окончательно сложилась организационная структура вооруженных сил Советской республики. Основную силу республики по-прежнему составляли сухопутные войска. Основная нагрузка в сражениях ложилась на эти части. Другие рода войск – авиация и флот – действовали в интересах сухопутных войск.

Основным родом войск выступали стрелковые соединения, среди которых главенствующее положение занимали стрелковые дивизии.

³ Вместо 650 тыс. красноармейцев (по штату) имелось в наличии 400 тыс., из 70 тыс. кавалеристов могли рассчитывать только на 40 тыс., не хватало 12 300 пулеметов и 2500 орудий. Директивы Главного командования Красной Армии (1917–1920). – С. 318.

⁴ Директивы Главного командования Красной Армии (1917–1920). – С. 319.

Их количество в годы войны постоянно росло, с 30 – в 1918 году до 62 – в 1919 году¹. При этом дивизии имели на своем вооружении ограниченное количество образцов стрелкового оружия, что облегчало снабжение их боекомплектом.

Увеличивалось значение кавалерии в ходе военных действий, так как она обладала высокой маневренностью. Количество таких дивизий увеличилось с трёх – в 1919 году, до 22 – в 1920 году. Важное значение имели семь конных корпусов и две конные армии.

За годы войны существенное развитие получили артиллерийские, броневые, авиационные и флотские соединения. В связи с возросшим количеством боевой техники возростала роль и инженерных соединений, а также железнодорожных войск.

Военная организация существенно улучшилась. Принятые меры увеличили боевую мощь Красной Армии. Если в 1918 году в армии насчитывалось 140 тыс. красноармейцев, 8 тыс. кавалеристов, 1274 орудия и 2086 пулемётов, то к концу 1920 года их количество, соответственно, выросло до 337 879 человек, 72 374 сабель, 2616 и 10 559 единиц². Всего этого нельзя было достичь без налаженной работы всего военного хозяйства страны.

Важное значение для Красной Армии имели решения X съезда партии большевиков. В решениях съезда подчеркивалась необходимость сохранения кадровой организации армии как основы всех вооруженных сил. В связи с переходом армии на мирное положение необходимо было сократить её численность, но при этом увеличить её огневую мощь путем совершенствования артиллерийских, пулеметных, броневых, авиационных, инженерных частей и соединений. Особое внимание обращалось на воз-

рождение и укрепление военного флота Советской Республики.

После окончания Гражданской войны в Советской Республике начался процесс сокращения армии. К 1923 году число военных округов сократилось до шести. В последующие годы произошло изменение структуры военно-окружного управления. Округ возглавлял командующий и два члена Реввоенсовета, которым подчинялся штаб округа, состоявший из семи отделов. Были введены должности начальников родов войск. Всё это нашло свое отражение в приказе РВС Советского Союза №488, вышедшем 13.09.1927 г. Была установлена структура военно-окружного управления мирного времени.

Однако, несмотря на эти меры, Красная Армия должна была сохранять высокий мобилизационный потенциал. Об этом прямо указывал начальник штаба РККА М. Н. Тухачевский: «... мобобеспеченность Красной Армии должна быть доведена до максимума в мирное время...».

В 30-е годы прошлого столетия началось массовое производство военной техники и боеприпасов. Были существенно увеличены военные расходы. Если в годы первой пятилетки на эти цели выделили 8,2 млрд рублей, то в годы второй пятилетки – 31,5 млрд руб. Во второй половине 30-х годов СССР мог рассчитывать на западном направлении на 140 дивизий (при этом 77 % дивизий являлись кадровыми) и 10 тыс. танков. Таким образом, армия превратилась в кадровую. Всё это привело к изменениям в структуре управления: был создан Комитет обороны вместо СТО и Главный военный совет РККА; учреждались должности заместителя командующего округов по политической части. Проходил постоянный процесс роста военных округов (16 к моменту начала Великой Отечественной войны).

Основной силой РККА по-прежнему оставалась стрелковая дивизия. В соответствии с Планом развития и реорганизации сухопутных

¹ За годы войны произошло 199 формирований и переформирований стрелковых (пехотных) дивизий.

² Директивы командования фронтов Красной Армии (1917–1922 гг.). – Т.4. – С.342–343.

войск РККА на 1938–1942 гг. все территориальные дивизии получали статус кадровых тройного развертывания численностью по 5220 человек. Таким образом, дивизия становилась базой для создания трех новых дивизий военного времени в случае мобилизации. Они получили название «тройчатки». На совещании 16 июня 1939 года у наркома обороны К. Е. Ворошилов отмечал, что «37 дивизий, так называемые тройчатки, должны быть развернуты так, чтобы каждый полк данной дивизии превратился в дивизию...». Все эти планы непосредственно коснулись Орловского военного округа (ОрВО), который был повторно создан летом 1938 года. Управление округом создавалось на базе управления 10-го стрелкового корпуса. Все три стрелковые дивизии корпуса являлись дивизиями-тройчатками. В соответствии с директивой наркома обороны СССР № 4/2/48611 от 15.08.1939 г. необходимо было развернуть на базе полков старых дивизий восемь новых дивизий. В соответствии с этой директивой на базе 6-й стрелковой дивизии-тройчатки были сформированы: 6-я стрелковая дивизия (на базе 16-го стрелкового полка), 122-я стрелковая дивизия (на базе 17-го стрелкового полка), 180-я стрелковая дивизия (на базе 18-го стрелкового полка); на базе 19-й стрелковой дивизии-тройчатки были сформированы: 19-я стрелковая дивизия (на базе 55-го стрелкового полка), 120-я стрелковая дивизия (на базе 56-го стрелкового полка), 149-я стрелковая дивизия (на базе 57-го стрелкового полка); на базе 55-й стрелковой дивизии-тройчатки были сформированы: 55-я стрелковая дивизия (на базе 165-го стрелкового полка), 185-я стрелковая дивизия (на базе 163-го стрелкового полка). Позднее была сформирована еще одна стрелковая дивизия на базе 55-й стрелковой дивизии-тройчатки – 113-я стрелковая, развернутая из 164-го стрелкового полка. В целом в округе были развернуты девять новых дивизий, имевшие по 6 тыс. бойцов каждая.

Важное значение для комплектования вновь формируемых дивизий имело снижение призывного возраста с 21 года до 18 лет. Эта мера позволила увеличить призыв на 250 тыс. человек в соответствии с планом проводимых организационных мероприятий по увеличению численности армии на основании постановления СНК №1355-279сс, утвердившего План реорганизации сухопутных сил Красной Армии на 1939–1940 гг. Данный документ устанавливал новую штатную численность Красной Армии в 2 миллиона 265 тысяч человек.

Однако в ход событий вмешалась начавшаяся 1 сентября 1939 года Вторая мировая война. В сложившихся условиях нужно было принимать экстренные меры. Руководство страны приходит к решению о проведении скрытой мобилизации под видом проведения «Больших учебных сборов» (БУС). Масштаб БУСов, начавшихся 7 сентября, был впечатляющим. В них приняли участие 160 воинских формирований (корпуса, дивизии, бригады); было призвано 2 610 136 человек. Итоги всех этих мероприятий подвел в 1940 году Е. А. Щаденко, отметивший, что «в августе – сентябре в армии проведено значительное количество новых формирований...».

В Орловском военном округе в БУСах, согласно директиве наркома обороны, участвовали управления стрелкового корпуса и девяти стрелковых дивизий.

Применительно к нашему исследованию остановимся здесь на 180-й стрелковой дивизии, дислоцировавшейся в г. Ливны Орловской области. В отличие от двух других дивизий, находившихся на Орловщине, 180-я дивизия не была отправлена на запад, а после пополнения осталась на месте. На ее примере можно судить о проходившей скрытой мобилизации в стране. Личный состав стал прибывать уже рано утром 8 сентября. Казармы были размещены во всех подходящих для этой цели помещениях, в том числе в четырех средних школах. Размещение в небольшом уездном

городе дивизии, формируемой по штатам военного времени (до 14 тыс. бойцов), фактически парализовало жизнь провинциального города. Только по окончании БУСов командование предприняло меры по нормализации жизни в городе Ливны и по изменению дислокации дивизии. Управление 180-й дивизии и 463-й стрелковый полк передислоцировали в г. Елец, а 606-й стрелковый полк – в г. Орёл, на места выбывших из округа 122-й и 6-й стрелковых дивизий. При этом 667-й стрелковый полк остался в г. Ливны. Все эти перемещения были осуществлены до 18 октября 1939 года.

В соответствии с директивами наркома обороны от 2 ноября 1939 года была установлена новая организационная структура войск Московского военного округа, Харьковского военного округа и Орловского военного округа. Вместо 32 дивизий 6-тысячного состава они должны были иметь 23 стрелковые дивизии (3 – 6-тысячного состава и 20 – 3-тысячного состава). Применительно к ОрВО, в соответствии с директивой № 4/2/49685, необходимо было иметь шесть стрелковых дивизий численностью по 3 тыс. человек и управление стрелкового корпуса (30-й стрелковый корпус).

В декабре была утверждена новая структура сухопутных войск и места их дислокации. 31 декабря 1939 г., в соответствии с директивой наркома обороны № 4/2/103007, принимается решение о расформировании 120-й и 180-й стрелковых дивизий первого формирования.

19 июля 1940 года командующий войсками ОрВО на основании директивы Наркомата обороны СССР № 0/1/104595 от 8.07.1940 г. приказал к 15 августа сформировать 89-ю и 120-ю стрелковые дивизии общей численностью 3 тыс. человек.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Стоит отметить, что эти две дивизии являлись дивизиями второго формирования под

этим номерами. 120-я стрелковая дивизия первого формирования была создана в 1939 году и расформирована в начале 1940 года на территории ОрВО. Формирование этих дивизий находилось под особым контролем Наркомата обороны. О ходе их формирования начальник штаба ОрВО генерал-майор А. Д. Корнеев постоянно информировал оргуправление Генштаба РККА.

120-я стрелковая дивизия начала формироваться в г. Ливны в составе 401, 474 и 540-го стрелковых полков, 599-го легкоартиллерийского полка и других частей. Новым командиром дивизии стал генерал-майор К. И. Петров, начальником штаба – полковник А. И. Беляев, комиссаром – полковой комиссар И. Б. Булатов. Окончательно дивизия была сформирована в конце октября 1940 года.

Летом 1940 года дивизии ОрВО провели сборы приписного состава в летних лагерях. Вновь сформированные дивизии провели такие сборы в начале осени. Согласно докладу командующего округом генерал-лейтенанта Ф. Н. Ремезова лучшей частью округа по работе с приписным составом стала 120-я стрелковая дивизия, а наиболее отстающей – 89-я.

Основным местом дислокации 120-й стрелковой дивизии являлись Ливны (кроме 540-го стрелкового полка и 599-го легкого артиллерийского полка, базировавшихся в г. Орле). Штаб дивизии находился в доме на улице Ленина, впоследствии разрушенном при бомбардировке немецкой авиацией в 1942 г. В январе 1941 г. в дивизии был сформирован 606-й гаубичный артиллерийский полк на конной тяге. В феврале 1941 года дивизия вошла в состав 33-го стрелкового корпуса, которым командовал генерал-майор Г. А. Халюзин.

Перед началом Великой Отечественной войны основные силы дивизии находились в орловских летних лагерях «Лужки». После начала войны дивизия вернулась в Ливны для доукомплектования и дальнейшей отправки в район боевых действий.

Однако завершить полностью реорганизацию вооруженных сил и провести реальное развертывание армий предусматривалось только к лету следующего года. К началу Великой Отечественной войны в Красной Армии насчитывалось 303 дивизии (198 стрелковых, 13 кавалерийских, 31 моторизованная, 61 танковая). При этом стоит отметить, что советские дивизии имели значительный недокомплект личного состава и техники. Так, в составе значительного количества стрелковых дивизий при штате в 14 тыс. военнослужащих в реальности имелось в наличии от 5 до 9 тыс. красноармейцев. Всё это не могло не сказаться на первоначальном этапе Великой Отечественной войны.

Библиография / References:

1. Анищенко В.Р. Создатели Красной Армии. – М.: Вече, 2021. – 336 с.
2. Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание // Г.Ф. Кривошеев, В.М. Андронников, П.Д. Буриков, В.В. Гуркин. – М.: Вече, 2010. – 384 с.
3. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 1. Основные события войны. – М.: Кучково поле, 2015. – 976 с.
4. Веремеев Ю.Г. Красная Армия в начале Второй мировой войны. Как готовились к ней солдаты и маршалы. – М.: ЭКСМО, 2010. – 352 с.
5. Декреты Советской власти. – М.: Политиздат, 1957. Т. 1. 25 октября 1917 – 16 марта 1918 г. – 640 с.
6. Декреты Советской власти. – М.: Политиздат, 1959. Т. 2. 17 марта – 10 июля 1918 г. – 640 с.
7. Директивы Главного командования Красной Армии (1917–1920 гг.). Сборник документов. – М.: Политиздат, 1969. – 884 с.
8. Иовлев А.М. Деятельность КПСС по подготовке военных кадров. – М.: Воениздат, 1976. – 238 с.
9. Елисеев А.Л. Комсомол в развитии экономики страны // Вестник государственного и муниципального управления. – 2022. – Т. 11. – №1. – С. 28–40. EDN: HWAXYP.
10. Красная Армия. 1918–1946 гг. – М.: ИНТЕРПОС, 2007. – 404 с.
11. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е издание. – М.: Издательство политической литературы, 1974. Т.35. Октябрь 1917 – март 1918 г. – 600 с.
12. Несокрушимая и легендарная. К 100-летию создания Красной армии. – М.: НИИ (ВИ) ВАГШ ВС РФ, 2018. – 423 с.
13. Мальцев Н.А. Кадровая или милиционная (О принципах комплектования Советских Вооруженных сил) // Военно-исторический журнал. – 1989. – № 11. – С. 30–40.
14. Тропов И.А. Проблемы формирования Красной Армии // Военно-исторический журнал. – 2009. – № 6. – С. 46–50. EDN: KHXPFT.
15. Шунков В.Н. Красная Армия. – М.: ХАРВЕСТ, 2016. – 352 с.
1. Anishchenkov V.R. (2021) Sozdateli Krasnoy Armii [Creators of the Red Army]. – M.: Veche. – 336 s. (In Russ.).
2. Velikaya Otechestvennaya bez grifa sekretnosti. Kniga poter'. Noveysheye spravochnoye izdaniye [The Great Patriotic War is not classified. Book of losses. Latest reference publication] // G.F. Krivosheyev, V.M. Andronnikov, P.D. Burikov, V.V. Gurkin. – M.: Veche, 2010. – 384 s. (In Russ.).
3. Velikaya Otechestvennaya voyna 1941–1945 godov [The Great Patriotic War of 1941–1945]: v 12 t. T.1. Osnovnyye sobytiya voyny. – M.: Kuchkovo pole, 2015. – 976 s. (In Russ.).
4. Veremeyev Yu.G. (2010) Krasnaya Armiya v nachale Vtoroy mirovoy voyny. Kak gotovilis' k ney soldaty i marshaly [The Red Army at the beginning

of World War II. How soldiers and marshals prepared for it]. – M.: EKSMO. – 352 s. (In Russ.).

5. Dekrety Sovetskoy vlasti [Decrees of the Soviet government]. – M.: Politizdat, 1957. T.1. 25 oktyabrya 1917 – 16 marta 1918gg. – 640 s. (In Russ.).

6. Dekrety Sovetskoy vlasti [Decrees of the Soviet government]. – M.: Politizdat, 1959. T. 2. 17 marta – 10 iyulya 1918gg. – 640 s. (In Russ.).

7. Direktivy Glavnogo komandovaniya Krasnoy Armii [Directives of the High Command of the Red Army] (1917–1920gg.). Sbornik dokumentov. – M.: Politizdat, 1969. – 884 s. (In Russ.).

8. Iovlev A.M. (1976) Deyatel'nost' KPSS po podgotovke voyennykh kadrov [Activities of the CPSU in training military personnel]. – M.: Voenizdat. – 238 s. (In Russ.).

9. Yeliseyev A.L. (2022) Komsomol v razvitiі eko-nomiki strany [Komsomol in the development of the country's economy] // Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya. – T. 11. – № 1. – S. 28–40. EDN: HWAXYP (In Russ.).

10. Krasnaya Armiya [Red Army]. 1918–1946. – Izdatel'stvo: INTERROS, 2007. – 404 s. (In Russ.).

11. Lenin V.I. (1974) Polnoye sobraniye sochineniy [Full composition of writings]. 5-ye izdaniye. – M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury. T.35. Oktyabr' 1917 – mart 1918gg. – 600 s. (In Russ.).

12. Nesokrushimaya i legendamaya. K 100-letiyu sozdaniya Krasnoy armii [Indestructible and legendary. To the 100th anniversary of the creation of the Red Army]. – M.: NII (VI) VAGSH VS RF, 2018. – 423 s. (In Russ.).

13. Mal'tsev N.A. (1989) Kadrovaya ili militsionnaya (O printsipakh komplektovaniya Sovetskikh Vooruzhennykh sil) [Personnel or police (On the principles of recruiting the Soviet Armed Forces)] // Voenno-istoricheskiy zhurnal. – № 11. – S. 30–40. (In Russ.).

14. Tropov I.A. (2009) Problemy formirovaniya Krasnoy Armii [Problems of formation of the Red Army] // Voenno-istoricheskiy zhurnal. – № 6. – S. 46–50. EDN: KHXPFT (In Russ.).

15. Shunkov V.N. (2016) Krasnaya Armiya [Red Army]. – M.: KHARVEST. – 352 s. (In Russ.).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию (Received) 17.07.2023

Поступила после рецензирования (Revised) 22.08.2023.

Дата выхода в свет 29.12.2023

УДК 323-053.81

DOI:10.22394/2225-8272-2023-12-4-43-52

АСТРАХАН Владимир Иванович, доктор исторических наук, доцент, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева (Россия, Орёл), e-mail: vianostra@mail.ru, SPIN-код: 1476-4408, Author ID: 263758

ASTRAKHAN V. I., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Orel State University named after I.S. Turgenev (Russian Federation, Orel), e-mail: vianostra@mail.ru

ФЕФЕЛОВ Сергей Васильевич, доктор исторических наук, доцент, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева (Россия, Орёл), e-mail: fefelov19@yandex.ru, SPIN-код: 2365-2589, Author ID: 1074060

FEFELOV S. V., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Orel State University named after I.S. Turgenev (Russian Federation, Orel), e-mail: fefelov19@yandex.ru

ЛИБЕРАЛЬНАЯ МОЛОДЁЖНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX В.

LIBERAL YOUTH POLICY IN RUSSIA IN THE LATE 19th – EARLY 20th CENTURIES

Аннотация. Целью статьи является рассмотрение особенностей становления молодёжной политики России в начале XX века. Авторы в данном контексте определяют значение конституционно-демократической партии и её политико-правовых практик. Одним из основных направлений во взаимодействии является процесс реализации теоретических концептов в отношении привлечения учащейся молодёжи к партийной работе. Рассуждения производятся на основании позиций, сформировавшихся в начале XX века, в период активного партийного строительства ведущей либеральной партии России. На основании сравнительно-правового анализа проводится сопоставление либеральной политической практики в отношении учащейся молодёжи и практики правых и левых радикальных партий России. Авторы приходят к выводам, что политическая практика российского либерализма была подчинена теоретическим постулатам, полагавшим, что вовлечение учащейся молодёжи в политическую деятельность наносит больший ущерб социуму, чем польза, которую получают политические организации либерального лагеря.

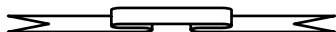
Ключевые слова: молодёжная политика российского либерализма, студенческая молодёжь в либеральных политических практиках, молодёжное движение России в начале XX века.

Abstract. The purpose of the article is to consider the development of youth policy in Russia in the early 20th century. In this context, the authors define the significance of the Constitutional Democratic Party and its political and legal practices. One of the main directions of its activity was the process of implementing theoretical concepts regarding the involvement of young students in party work.

The research is based on the positions formed at the beginning of the 20th century, during the period of active party building of the leading Liberal Party of Russia. On the basis of a comparative analysis, the liberal political practice in relation to students is compared with the practice of the Radical Right and Left Parties in Russia.

As a result, the authors conclude that the political practice of Russian liberalism was subordinated to theoretical postulates suggesting that the involvement of students in political activity causes more damage to society than the benefits that political organizations of the liberal camp receive.

Keywords: youth policy of Russian liberalism, student youth in liberal political practices, youth movement in Russia in the early 20th century.

©Астрахан В.И., 2023г.
©Фефелов С.В., 2023г.

ВВЕДЕНИЕ

В конце XIX – начале XX века молодёжь оказывала значительное влияние на политическую сферу общества. На протяжении всего этого периода она импульсивно пыталась найти баланс между либеральными идеалами и реалиями политической целесообразности. Разочаровавшись в традиционных политических структурах, новое поколение искало новые идеологические решения социальных и политических проблем. Либеральные идеалы, такие как свобода личности, равенство, гражданские права и политическая свобода, были привлекательными для молодых людей, которые видели в них возможность для перемен.

Молодые люди поняли, что любые изменения в государстве требуют прагматичного подхода, поэтому посчитали необходимым учитывать политическую реальность.

Либеральную молодёжную политику в России конца XIX – начала XX в. рассматривали и анализировали как современники, так и представители других исторических периодов. Условно можно выделить три периода, которые разнятся фактологическими аспектами, методологическими подходами, кругом привлекаемых источников и уровнем теоретических обобщений. Современники, проживающие в 90-х гг. XIX в. – 1917 году рассматривали молодёжную политику с официальной или революционной точки зрения (Татищев С. С., Гиляров Ф. А., Георгиевский А. И., Еленев Ф., Победоносцев К. П., Розанов В. В., Тихомиров Л. А. и др.). В России того периода действительно существовала ожесточённая политическая борьба между либералами, революционерами и консерваторами. Официальная точка зрения была представлена позицией правительства и его союзников, которые поддерживали контроль и различные ограничения в отношении молодёжи. С другой стороны, была политическая оппозиция,

которую составляли представители радикальных группировок и интеллигенции, стремившиеся к изменению политической системы и социального строя. Они видели в молодом поколении именно ту силу, которая бы смогла привести к переменам и реформам.

Советская историография данного вопроса включает период с 1918-го по конец 80-х годов XX века (Валк Н. С., Казакевич Р. А., Козьмин Б. П., Мандель С. З., Орлов В. И., Свинцова М. П., Ткаченко П. С., Троицкий Н. А., Эймонтова Р. Г., Щетинина Г. И. и др.). Исследования этого периода часто осуществлялись в рамках марксистско-ленинской идеологии и в соответствии с теорией классовой борьбы и этапов освободительного движения. В работах советских историков значительное внимание уделялось студенческому и революционному движению с рассмотрением их в контексте развития буржуазно-демократической и социалистической революций. Исследователи старались понять, какова роль молодёжи в этих движениях и ее вклад в социальные изменения. Историография этого периода была ориентирована на создание образа героической и революционной молодёжи, подчеркивая ее роль в борьбе против царизма и общественной несправедливости. Она также акцентировала внимание на значимости молодёжных организаций и движений, таких как комсомол, и их роли в формировании идеологической позиции молодёжи. Однако следует отметить, что советская историография была подвержена цензуре и ограничениям, связанным с официальной идеологией. Исследования, которые не соответствовали политической линии партии или раскритиковывали политику режима, могли быть подавлены или искажены.

В 70–80-е годы XX века в советской историографии исследователи стали рассматривать политическое сознание студенческой молодёжи как важный аспект системы общественного сознания. Они признали, что оно

формируется путём взаимодействия с другими формами общественного сознания, такими как религиозное, этническое, идеологическое [3, С. 59] и т. д. Исследователи интересовались процессами, влияющими на формирование политического сознания молодежи, и пытались понять, какие факторы и влияния оказывают наибольшее влияние на политическую ориентацию студентов. Они подчеркнули роль школьной программы, политической пропаганды, семейного образования, средств массовой информации и других социальных факторов в формировании политического сознания. Исследователи также обсудили проблему социально-экономических условий, которые могут повлиять на политическое сознание студентов. Они проанализировали взаимосвязь между их образованием, профессиональным престижем, социально-экономическим статусом и политическими взглядами. Исследователи этого периода предприняли попытку рассмотреть его в рамках системы общественного сознания, выявляя влияние различных факторов. Они внесли важный вклад в понимание роли молодёжи в политической жизни и предложили новые подходы к изучению молодёжной политики.

Начиная с 90-х годов XX века произошли значительные изменения в исследовании этой тематики. В указанный период истории пришли к пониманию необходимости использования полипарадигмального подхода и привлечения данных из политологии, социальной и политической психологии в своих исследованиях. Этот подход предполагает использование разных методологических и концептуальных рамок при анализе исторических явлений. Для отмеченной тематики истории учитывают политологические аспекты, такие как политические институты, партийные структуры и пропагандистские методы, а также социально-психологические факторы, влияющие на формирование политических убеждений и установок молодёжи. Эти дан-

ные предполагают новую плоскость исследований в данной области, что подчёркивает многомерность этого процесса и необходимость использования различных методологических подходов и научных дисциплин для всестороннего и глубокого анализа политического сознания молодежи.

На современном этапе изучения партийно-политической истории России периода революционных потрясений начала XX века одной из неизученных проблем, как нам представляется, выступает определение типологии молодёжных политико-партийных организаций российского либерализма. Обращение к опыту работы региональных организаций, коллегиальных органов партийного управления, позициям как ведущих теоретиков партии, так и представителей региональных организаций позволяет реконструировать трансформацию партийной позиции кадетов в вопросе о целесообразности и допустимости привлечения молодёжи (речь идёт преимущественно о студенческой молодёжи столичных вузов) к партийно-политической, организационной и агитационной работе.

Сравнительный анализ позиций представителей партии, начиная от руководства партии и столичного комитета конституционно-демократической партии и вплоть до представителей провинциальных губернских комитетов, позволяет сделать вывод о наличии общей позиции по вопросу о месте и роли молодёжи в политической практике ведущей либеральной партии. Последняя заключалась в том, что общий подход к учащейся молодёжи как к будущему российского социума отрицал преимущества её участия в политической борьбе хотя бы и на стороне либеральных партийных организаций в сравнении с тем уроном, который это участие наносило.

Вынесенные в заголовок настоящей статьи слова отражают не только задачи членов Российского коммунистического союза молодёжи, на VIII съезде которого они и были ска-

заны И. В. Сталиным, но, как ни парадоксальным это может показаться, и позицию теоретиков российского либерализма в таком вопросе, как определение принципов партийной молодёжной политики.

Практически все цитаты, которых, строго говоря, не так уж и много и которыми мы иллюстрируем позицию отечественных либералов (а, как правило, речь идёт о партии кадетов), так или иначе, содержат этот мотив.

Строго говоря, отрицательное, причём безоговорочно отрицательное, отношение к участию студенчества в политической жизни высказывалось задолго до этапа партийного конституирования отечественного либерализма. Полагаем, что с полным правом мы можем связать эту тенденцию с теоретическими разработками Б. Н. Чичерина и в первую очередь с идеей об охранительной сущности либерализма, в котором он видел залог успешности формирующегося политического течения. В этом контексте, говоря о социальной среде, из которой радикалы рекрутируют своих адептов, он упоминает недоучившуюся молодёжь. «...Та партия, которая производит всю эту смуту, весьма немногочисленна, – пишет Б. Н. Чичерин, – она вербует из недоучившейся молодежи, сбитой с толку и развращенной нелепыми учениями...» [10]. Здесь для нас ключевым звеном выступает именно недоучившаяся молодёжь, что и ввергает её на путь служения злу, борьбы против институтов российской государственности.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В начале XX века в истории российского либерализма наступает новый этап развития, связанный с его переходом к парламентскому этапу развития. За сравнительно короткий, по историческим меркам, период отечественный либерализм прошёл путь от отдельных про-

возвестников либеральных идей, малочисленных кружков, объединявших представителей крайне узкой прослойки профессий, связанных с интеллектуальной деятельностью (умственным трудом. – *Прим. авт.*) к политической силе, готовой к масштабной политической борьбе за власть в рамках перехода страны к представительным формам правления. За это время его носителями была разработана самобытная теоретическая модель комплексного преобразования социально-политической системы страны. Последняя была основана как на общелиберальных принципах, составляющих своего рода либеральный символ веры, так и с учётом специфики российской государственности, правовой культуры, исторических традиций взаимоотношений в системе «человек – общество». Отметим, что ещё одной знаковой чертой российского либерализма выступала имманентная приверженность ненасильственным методам социального конструирования как на теоретическом, так и на практическом уровне [1].

Российский либерализм смог перевести общетеоретические философские и политико-правовые либеральные постулаты не только на язык партийной программтики, которая обеспечила формирование партийных организаций российского либерализма, но и на язык законопроектов, предназначенных не для агитации, а для представления в парламент для обретения ими статуса законов. В совокупности эти законопроекты стали в своём роде юридизированным выражением либеральной модели преобразования страны.

Ещё одной специфической чертой отечественного либерализма, как мы полагаем, выступает такое наследие русской интеллигенции, как сильное влияние саморефлексии применительно к базовым принципам, исповедуемым соответствующей социальной группой, с учётом того что на протяжении всей своей истории российский либерализм

был неразрывно связан с отечественной высшей школой, что непосредственно повлияло на его политическую практику периода политического конституирования.

Во многом это касалось и поиска российскими либералами ответа на вопрос о возможности привлечения учащейся молодёжи к партийной работе, а строго говоря, о вовлечении её в политическую борьбу вообще. По этому поводу в либеральной идеологии, прежде всего, представленной в рамках конституционно-демократической партии, существовало два различных подхода.

Молодёжь как социальный слой, с которым отечественные либералы связывали будущее страны, не виделась ими как активный участник политической жизни, отвлекающей её от главного дела, т. е. собственно учёбы. Одним из первых, так сказать, манифестов российского либерализма подобного рода была статья одного из отцов-основателей российского либерализма Б. Н. Чичерина «Записка по студенческому вопросу» [11]. В ней он был более чем категоричен, указывая на то, что «настоящая задача студентов состоит в том, чтобы учиться. Всё, что отвлекает их от этой цели, есть зло; всё, что производит агитацию и ставит учащихся в ненормальное положение, есть ещё большее зло» [11, С. 79]. «...Молодые силы, привлекающиеся к университетам, надобно направлять не к бесплодной агитации, не к легкомысленной игре в студенческий парламентаризм, а к серьёзной умственной работе, в которой всего более нуждается Россия и которая ныне почти совершенно исчезла. Отсюда то страшное умственное оскудение, которое замечается всюду и которое составляет главную язву нашего Отечества...» [11, С. 81]. Здесь Б. Н. Чичерин выходит на уровень философских обобщений, отвечая на пресловутые вечные русские вопросы: «Что делать?», «Кто виноват?» и «С чего начать?». При этом его ответ звучит практически так же,

как и слова, вынесенные в заголовок настоящей статьи.

У К. Д. Кавелина мы находим ряд текстов, связанных с образованием, однако упор в них делается на проблемы школы, в которой, по его мнению, происходит глубокий кризис, связанный с подменой понятий. «Смешивая умственное, художественное и практическое развитие с нравственным, выработку объективной стороны с выработкой душевных движений, – отмечает основатель российского либерализма, – мы не умеем поставить нравственное воспитание как следует, смешиваем внешнюю выправку и дрессуру, наружную благопристойность и приличие за мерило нравственных качеств, терпим возле детей индифферентов, черствых, бездушных, нравственно неразвитых и даже порочных людей, если только они соединяют в себе требуемые условия знания и школьной педагогики, и воображаем, что успехи в науках и хорошее внешнее поведение обеспечивают нравственность будущих граждан» [6, С. 82].

Любопытно и то, что данная цитата более чем близка, порою едва ли не дословно, мыслям С. А. Муромцева. «...В школе воцарился произвол начальства и крайний формализм преподавателей. Ученики выходили из гимназии без надлежащего воспитания, как физического, так и нравственного, – пишет будущий Председатель Первой Государственной Думы, – ученики выходили из школы без надлежащего образования» [8, С. 31]. В общественно-политическом контексте это привело к тому, что «выйдя из гимназии, они относятся без критики к подпольным учениям, как без критики же относились ко всему, преподаваемому в гимназии» [8, С. 32]. И ещё один, более чем совпадающий с мыслями К. Д. Кавелина фрагмент «Записки ...»: «И устройство школы, и само преподавание были поставлены на бюрократическую ногу. В отношениях начальства к наставникам воцарился абсолютный произвол, который должен был

отразиться и на отношениях наставника к ученику. Учитель обратился в ходячую машину, действия которой предопределялись циркулярами, подробнейшими программами и расписаниями. Было забыто, что известного рода самостоятельность и самодеятельность есть необходимый атрибут успешного преподавания. Только при наличии этих качеств преподаватель, представляя из себя живую силу, в состоянии пробудить в ученике ум и сердце. Сам состав преподавателей ухудшился» [8, С. 34].

Несколько пасторальным выглядит завершение раздела, посвящённого вопросам образования. «С другой стороны, – пишет С. А. Муромцев, – с не меньшей ясностью обнаруживалась в то же время способность наших университетов к самоуправлению» [8, С. 36]. Представляется, что это во многом связано со стратегической целью данного манифеста либеральной оппозиции – побуждением власти к диалогу с обществом. Что касается позиции авторов по участию в политической борьбе, то если мы обратимся к их базовому тезису о добродетельной силе университетской корпорации в случае невмешательства власти в её внутренние университетские дела, то мы вполне можем экстраполировать данный подход и на допуск политических партий в стены университетов.

Следует отметить, что своё категорическое неприятие привнесения в университет политики в каком бы то ни было виде С. А. Муромцев не раз подтверждал на практике (ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 2. Т. 3. Д. 6436). В качестве примеров позволим себе привести эпизоды, связанные с предстоящим «выборгским процессом» и попыткой министерства народного просвещения добиться от опальных профессоров Московского университета письменных гарантий их отказа от вступления в какую бы то ни было противоправительственную политическую организацию.

В своём ответе на требование министер-

ства С. А. Муромцев указывает на то, что требование к университетскому профессору о недопустимости превращения лекторской кафедры в политическую трибуну он всегда считал императивным. Преподавателю вуза необходимо было заботиться о сохранении чистоты университетской кафедры. Он должен был стремиться освободить научную и педагогическую работу от каких-либо политических пристрастий. По этому поводу С. А. Муромцев писал: «В своей академической деятельности полагал и полагаю обязанностью профессора передавать предмет с полной научной объективностью, не оскорбляя достоинства кафедры внесением каких-либо тенденций, в чем и заключается подобающее профессору исполнение принятой присяги и соблюдение верности служебному долгу» (ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 2. Т. 3. Д. 6436. Л. 8).

С преддверием «выборгского процесса» связан эпизод, когда студенческая аудитория перед началом лекции, которую читал С. А. Муромцев, обратилась к нему «по случаю прощания с лучшим профессором-юристом» (Вестник народной свободы. – 1907. – № 48. – Стб. 2086) со словами благодарности. В ответ «он коротко поблагодарил аудиторию вне всякой связи с предстоящим процессом и прочитал положенную лекцию. Здесь С. А. Муромцев вновь оставался верен себе» [1, С. 227].

В контексте уже упомянутой инициативы министерства народного просвещения о получении от профессоров, осуждённых по т. н. «выборгскому делу», обязательства о перманентном и априорном отказе от участия в антиправительственных политических организациях информативным для нашей темы выступает ответ П. И. Новгородцева. Отвечая на указанное требование, он отрицает его, также ссылаясь на стойкую приверженность к императивному принципу о категорической недопустимости совмещения в университет-

ской жизни деятельности политической с деятельностью научной и преподавательской. По этому поводу русский юрист и философ писал: «...в преподавании своем всегда охранял достоинство университетской кафедры от примеси каких бы то ни было партийных пристрастий, считая их несовместимыми с существованием науки...» (ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 346. Л. 16).

Совокупность свидетельств различного рода, подтверждающих отрицательное отношение российских либералов, прежде всего имеющих непосредственное отношение к высшей школе, к привнесению в неё политической составляющей, можно продолжать и далее. Однако обратимся к иным, не менее интересным сюжетам, характеризующим новый этап формирования партийной политики кадетов в отношении молодёжи.

Не менее популярен в этом ряду, как представляется, почти тургеневский мотив «отцов и детей». Весьма знаковыми, претендующими чуть ли не на научную дефиницию стали слова члена ЦК кадетов А. А. Корнилова, который (есть даже ощущение нарочитой резкости формулировок) жёстко указал молодёжи на её место. Или точнее, на место, где ей не место. «Мы – партия, состоящая из взрослых, – говорил он, – политика – дело взрослых людей, а не подростков» (ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 346. Л. 10).

Более мягок в отношении молодёжи был костромской коллега А. А. Корнилова по ЦК партии З. Г. Френкель. Он считал, что «переложение на плечи молодёжи серьезных задач» – это серьёзная ошибка. Единственное, что он допускал как вариант, – участие студентов-кадетов в жизни партии «для распространения книжек и вообще смотреть на их участие в партийной работе, как на некую прибавку к партийным организациям» (ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 346. Л. 11). Причём всё это, ну конечно же, в период каникул.

Известный идеолог партии профессор

И. В. Гессен также полагал участие студентов в политической деятельности недопустимым. «...Дети могли бы предоставить её отцам, и наверстывать упущенное на забастовках, – пишет он, возвращая учащуюся молодёжь в аудитории, – вместо того, чтобы состоять на политических побегушках...» [4, С. 213].

Сходные мотивы прозвучали и у А. М. Колюбакина, который встречался в январе 1911 года с группой студентов по поводу событий всеобщей студенческой забастовки, в отношении которой руководство партии заняло нейтральную позицию [5, С. 183]. В частном порядке он фактически не только осудил её, но и указал на то, что такие формы студенческих выступлений, как сходки и забастовки, в высшей школе могут «нанести огромный вред высшему образованию и студенчеству» (ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 336. Л. 105–105 об.).

Неким итогом стали слова П. Н. Милюкова о том, что в отношении студенческой фракции кадетов целесообразно «или совершенное закрытие студенческой фракции [конституционно]-демократической» как таковой, или предоставление ей права действовать на свой собственный страх и риск без всякого руководства и ответственности со стороны партии».

Окончательно «похоронил» идею об интеграции конституционно-демократической партии С. Ф. Ольденбург. Его слова выглядят, наверное, еще более резкими, чем А. А. Корнилова, однако в этом случае следует иметь в виду, что они взяты нами из частного письма Д. И. Шаховскому, а не сказаны на публичном, хотя и частном совещании членов Санкт-Петербургского горкома кадетов, как в случае с А. А. Корниловым. Написаны эти строки были в связи с подготовкой летом 1912 года рукописи политического словаря, а если конкретно, то в связи с удалением из рукописи политического словаря статьи о студенческих фракциях кадетов.

«...Студенческая фракция конституционно-демократической партии, зачем? – пишет С. Ф. Ольденбург Д. И. Шаховскому, – ведь это, слава Богу, вымирает, и мы, которые говорим «нельзя» политике в школе, – как можем это поддерживать?» (ГАРФ. Ф. 635. Оп. 1. Д. 444. Л. 1).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование либеральной молодёжной политики в России конца XIX – начала XX века является важной темой и представляет интерес для историков и политологов. Это период, когда молодые люди активно включаются в политическую жизнь страны, стремясь к переменам и преобразованиям.

На этом этапе исторической эволюции России важную роль в формировании политической идеологии молодёжи и «всеобщем брожении умов» сыграли университеты и различные студенческие организации, общественно-политические движения. Либеральные молодёжные группы и движения в России этого периода защищали принципы конституционного правопорядка, гражданских свобод и прав, ограничения власти, введения демократических институтов и др. Молодёжные либералы ставили перед собой цель дальнейшей модернизации России в соответствии с западными моделями. Одной из самых известных либеральных молодёжных организаций того времени был Союз освобождения (Союз взаимопомощи студентов России), развернувший активную политическую деятельность в поддержку свободы слова, против цензуры и политического деспотизма.

Либеральная молодёжная политика в России конца XIX – начала XX века была встроена в более широкий контекст политической и социальной борьбы того времени, включая столкновения с другими идеологическими движениями, да ещё и с репрессивным аппаратом государства.

Изучение истории либеральной молодёжной политики в России в этот период позволяет лучше понять и проанализировать динамику политического развития страны, роль молодых активистов в этом процессе, их идеологические установки и цели. Кроме того, это также помогает сформировать понимание различных факторов, влияющих на формирование политического сознания молодежи в России, а также их влияние на общественно-политическую сферу в начале XX века.

Учиться, учиться и учиться на благо России, на собственное благо и благо своих потомков – вот своеобразная квинтэссенция. Итогом стало подтверждение очередного пророчества Бориса Николаевича Чичерина. В начале настоящей статьи мы уже приводили эту цитату о том, что «та партия, которая производит всю эту смуту, весьма немногочисленна. Она вербует из недоучившейся молодёжи, сбитой с толку и развращенной нелепыми учениями» [10]. Однако дальше он продолжает: «Что же дает ей силу? Единственно то, что она дисциплинирована» [10]. Эти слова оказались пророческими: отказ либералов от работы и со студентами, и в университетах, учебных заведениях в принципе или как максимум решение не препятствовать самостоятельности либеральной молодёжи не только не вернули студентов в аудитории, но и оставили учебные заведения на откуп радикальным партиям, среди которых первенствующую роль играли левые.

Библиография / References:

1. Аронов Д.В. От Лазавки до Таврического дворца: Сергей Андреевич Муромцев – политик, учёный, педагог. – Орёл: Издательство А. Воробьева, 2010. – 300 с.
2. Астрахан В.И., Майоров А.А. Молодёжь и политика: между либеральным идеалом и политической целесообразностью // Вестник государственного и муниципального управле-

ния. – 2023. – Т. 12. – № 3. – С. 11–19. EDN: IEYVVY.

3. Астрахан В.И., Щекотихин Е.Е. Модели студенческого самоуправления в молодёжной политике советской власти 1917–1923 гг. // Вестник государственного и муниципального управления. – 2023. – Т. 12. – № 2. – С. 58–68. EDN: KIXNJS.

4. Гессен И.В. В двух веках: Жизненный отчёт. Архив русской революции: в 22-х томах (1922–1937 гг.). Т. 22. – Берлин, 1937. – 424 с.

5. Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. – Л.: Наука, 1978. – 248 с.

6. Кавелин К.Д. Задачи этики. Учение о нравственности при современных условиях знания. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1887. – 147 с.

7. Меркулов П.А., Елисеев А.Л., Аронов Д.В. Теория патриотизма в дореволюционной России – от первых шагов к практике реализации // Былые годы. – 2020. – № 55 (1). – С. 226–241. EDN: QMBCZE.

8. Муромцев С.А. В первые дни министерства гр. М.Т. Лорис-Меликова: Записка о полит. состоянии России весной 1880 года / [Сост. С. Муромцевым при участии А.И. Чупрова, В.Ю. Скалона и др.]. – Berlin: B. Behr's Buchh, 1881. – 45 с.

9. Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. В 6-ти т. / Т. 2. Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии. 1912–1914 гг. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. – 520 с.

10. Чичерин, Б.Н. Речь Б.Н. Чичерина, московского городского головы, 16-го мая 1883 г.: Эпизод из истории коронации в Москве / с предисл. Р.Р. – Berlin: B. Behr, 1883. – 23 с.

11. Чичерин Б.Н. Записка по студенческому вопросу // Былое. – 1907. – № 8. – С. 79–83.

1. Aronov D.V. (2010) Ot Lazavki do Tavrisheskogo dvortsa: Sergey Andreyevich Muromtsev – politik, uchonyy, pedagog [From Lazavka to the Tauride Palace: Sergei Andreevich Muromtsev – politician, scientist, teacher]. – Orel: Izdatel'stvo A. Vorob'yev. – 300s. (In Russ.).

2. Astrakhan V.I., Mayorov A.A. (2023) Molodozh' i politika: mezhdue liberal'nym idealom i politicheskoy tselesoobraznost'yu [Youth and politics: between the liberal ideal and political expediency] // Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya. – T.12. – № 3. – S.11–19. EDN: IEYVVY (In Russ.).

3. Astrakhan V.I., Shchekotikhin E.E. (2023) Modeli studencheskogo samoupravleniya v molodozhnoy politike sovetской vlasti 1917-1923 gg. [Models of student self-government in the youth policy of the Soviet government in 1917-1923] // Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya. – T.12. – №2. – S.58–68. EDN: KIXNJS (In Russ.).

4. Gessen I.V. (1937) V dvukh vekakh: Zhiznennyy otchot. Arkhiv russkoy revolyutsii: v 22-kh tomakh [In two centuries: Life report. Archive of the Russian Revolution: in 22 volumes] (1922–1937g.g.). T.22. – Berlin. – 424s. (In Russ.).

5. Dyakin V.S. (1978) Samoderzhaviye, burzhuaziya i dvoryanstvo v 1907–1911 gg. [Autocracy, bourgeoisie and nobility in 1907–1911]. – L.: Nauka. – 248s. (In Russ.).

6. Kavelin K.D. (1887) Zadachi etiki. Ucheniye o npravstvennosti pri sovremennykh usloviyakh znaniya [Objectives of ethics. The doctrine of morality under modern conditions of knowledge]. – SPb.: Tipografiya M.M. Stasyulevicha. – 147s. (In Russ.).

7. Merkulov P.A., Yeliseyev A.L., Aronov D.V. (2020) Teoriya patriotizma v dorevolutsionnoy Rossii – ot pervykh shagov k praktike realizatsii [The theory of patriotism in pre-revolutionary Russia – from the first steps to the practice of implementation] // Bylyye gody. –

№55(1). – S.226–241. EDN: QMBCZE (In Russ.).

8. Muromtsev S.A. (1881) V pervyye dni ministerstva gr. M.T. Loris-Melikova: Zapiska o polit. sostoyanii Rossii vesnoy 1880 goda [In the first days of the ministry, gr. M.T. Loris-Melikova: Note on politics. the state of Russia in the spring of 1880] / [Sost. S. Muromtsevym pri uchastii A.I. Chuprova, V.YU. Skalona i dr.]. – Berlin: B. Behr's Buchh. – 45s. (In Russ.).

9. Protokoly Tsentral'nogo Komiteta i zagranichnykh grupp konstitutsionno-demokraticeskoy partii. V 6-ti t. / T. 2. Protokoly Tsentral'nogo Komiteta konstitutsionno-demokraticeskoy partii [Protocols of the Central Committee and foreign groups of the constitutional democratic party. In 6 volumes / Volume 2. Protocols of the Central Committee of the Constitutional Democratic Party]. 1912–1914gg. – M.: «Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 1997. – 520s. (In Russ.).

10. Chicherin, B.N. Rech' B.N. (1883) Chicherina, moskovskogo gorodskogo golovy, 16-go maya 1883 g.: Epizod iz istorii koronatsii v Moskve [Chicherin, Moscow mayor, May 16, 1883: An episode from the history of the coronation in Moscow] / s predisl. R.R. – Berlin: B. Behr. – 23s. (In Russ.).

11. Chicherin B.N. (1907) Zapiska po studentcheskomu voprosu [Note on a student issue] // Byloye. – № 8. – S.79–83. (In Russ.).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию (Received) 17.07.2023

Поступила после рецензирования (Revised) 06.09.2023.

Дата выхода в свет 29.12.2023.

УДК 94342.531.1(470.319)"1905/1906

DOI:10.22394/2225-8272-2023-12-4-53-60

ЧЕРВИНСКАЯ Александра Павловна, кандидат юридических наук, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, Орел), e-mail: sasha.m-87@mail.ru, SPIN-код: 7638-5531, AuthorID: 724407

CHERVINSKAYA A.P., Candidate of Juridical Sciences, Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPA (Russian Federation, Orel), e-mail: sasha.m-87@mail.ru

МАТВИЕНКО Валентина Анатольевна, старший научный сотрудник, кандидат политических наук, доцент, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина (Россия, Елец), e-mail: vamatv@mail.ru, SPIN-код: 4216-1563, AuthorID: 650486

MATVIENKO V.A., Senior Researcher, Candidate of political sciences, Associate Professor, Yelets State University (Russian Federation, Yelets), e-mail: vamatv@mail.ru, Author ID: 650486

ОРЛОВСКАЯ ГУБЕРНИЯ НАКАНУНЕ ВЫБОРОВ В ПЕРВУЮ ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ РОССИИ (1905–1906 ГОДЫ)

OREL PROVINCE ON THE EVE OF THE FIRST RUSSIAN STATE DUMA ELECTIONS (1905–1906)

Аннотация. Осмысление опыта формирования депутатского корпуса в условиях внутригосударственной политической турбулентности начала XX века вызывает наш исследовательский интерес. Источниковую базу составили документы Государственного архива Орловской области, справочно-энциклопедическая и мемуарная литература, периодическая печать. В качестве основной методологической базы использованы общенаучные методы исследования: историко-критический, сравнительно-исторический, проблемно-хронологический. Цель исследования – рассмотреть практику подготовительной работы акторов избирательного процесса 1905–1906 годов в контексте выборов народных представителей в Государственную Думу от Орловской губернии. Отмечено, что активная роль в анализируемом процессе отводилась губернатору, земским и губернским управам, Орловскому городскому голове, полицмейстеру, Орловской губернской по делам о выборах в Государственную Думу комиссии. Сами жители Орловской губернии, а также политические партии активно включились в предвыборную (в том числе и агитационную) работу. Сделан акцент на том, что «правильный» выбор депутатского корпуса способен обеспечить как личную, так и государственную безопасность и развитие.

Ключевые слова: народное представительство, парламент, бикамерализм, Государственная Дума, Орловская губерния, Орловская земская управа, Орловская губернская управа.

Abstract. The purpose of the article is to consider the preparatory work of electoral actors of 1905–1906 in the context of the elections of representatives to the State Duma from Orel province. The study has an aim to examine the development of the Deputy Corps in the conditions of domestic political turbulence in the early 20th century.

The sources of this research include the material of Orel State Archive, reference and encyclopedic literature, memories and periodicals. General scientific research methods are used as the main methodological basis: historical-critical, comparative-historical, and problem-chronological. It is noted that the governor, Zemstvo and Provincial Councils, Orel mayor, the police chief, Orel Provincial Commission on the State Duma Elections played an active role in the process under study. The residents of Orel province themselves, as well as political parties, took an active part in the pre-election (including campaigning) work.

As a result, the authors conclude that the "right" choice of the Deputy Corps was able to ensure both personal and state security.

Keywords: representatives, parliament, bicameralism, State Duma, Orel province, Orel Zemstvo Board, Orel Provincial Council.

©Червинская А.П., 2023г.
©Матвиенко В.А., 2023г.

ВВЕДЕНИЕ

Обновляемая общая архитектура государственного строительства Российской империи в 1905–1906 годах предопределила развитие общественного мнения о дальнейшей судьбе России, идеях народного представительства, политических и институциональных вопросах парламентаризма и бикамерализма.

Профессор А. И. Елистратов отмечал, что парламент представлял собой одну из форм самоуправления (в широком смысле английского *selfgovernment*). Он связывал степень влияния населения на законодательство с уровнем обладания избирательными правами граждан. По его мнению, «это влияние упрочивается самостоятельностью народных избранных от коронной администрации, с одной стороны, и их постоянной связью с избирателями, с другой» [3, С. 61, 64].

Через призму народного представительства в парламентском творчестве выдвигалась действительная реализация правовых запросов населения. При этом определенные надежды возлагались на Государственную Думу (далее – ГД).

Так, например, созыв народных представителей Г. Ф. Шершеневич сравнивал по своей важности с отменой крепостного права. Профессор акцентировал внимание на взаимосвязи интересов народа и будущих депутатов Госдумы, а также на взаимовлиянии друг друга на обеспечение безопасности, мира и порядка [9, С. 3–8].

Это наглядно показало дальнейшее развитие исторических событий в отношении депутатского корпуса, когда, во-первых, депутатская неприкосновенность сменилась административно-политическими (и физическими) средствами воздействия со стороны власти, а во-вторых, когда наравне с поддержкой и защитой в народной среде проявлялась жестокость и агрессия по отношению к бывшим народным представителям [1, С. 168–

171; 2; 4, С. 54–65; 5, С. 24–36]. Указанная политическая турбулентность приносила драматизм в формирование как групповой социокультурной и политической идентичности, так и персональных судеб [4, С. 54–65].

Система выборов в анализируемую институцию была основана на трех последовательных актах – на положении от 6 августа 1905 года, указе от 11 декабря 1905 года и положении от 3 июня 1907 года. Этими актами было создано ограниченное избирательное право: в его основу была положена куриальная система, выборы установлены косвенные (лишь положением от 3 июня было допущено отступление в пользу прямых выборов для некоторых больших городов), подача голосов – тайная.

Как отмечал К. А. Соловьев, «с одной стороны, депутаты Думы проходили сквозь «сито» куриальных выборов, а с другой – они представляли губернии и города» [8, С. 41].

Дополнительными указами, издаваемыми в период с октября 1905 года по апрель 1906 года, расширяется круг участвующих в выборах, а избирательное право распространяется на губернии Царства Польского, Кавказский край, Сибирь и среднеазиатские владения [3, С. 79].

Вместе с тем не было однозначного отношения к Государственной Думе как к новой парламентской структуре ни со стороны власти, ни со стороны общественности. Одни видели в ней способ сохранения государственности, другие – механизм гарантирования политической свободы и настоящего народного представительства [6, С. 346], усиление участия народа в законодательстве и управлении, а равно и меру к поднятию народного благосостояния [7, С. 137], последовательное и осторожное развитие этого установления в соответствии с вековым опытом государственной жизни России [7, С. 140]. Не было единства мнений и в партийной среде.

На практике дифференциация мировоззренческих позиций (в контексте понимания госустройства, патриотизма и т. д.) и социально-экономического положения различных слоев населения стала триггером общественно-политического развития России начала XX века и формирования собственной парламентской традиции.

Новеллы выборного законодательства предопределяли проведение активной политики по организации процедуры выборов в Государственную Думу. В этой связи наш исследовательский интерес направлен на достижение поставленной цели – рассмотреть практику подготовительной работы акторов избирательного процесса 1905–1906 годов в контексте выборов народных представителей в Госдуму от Орловской губернии.

Источниковую базу составили документы Государственного архива Орловской области, справочно-энциклопедическая и мемуарная литература, периодическая печать, в которых дается теоретическое обоснование народного представительства, социально-политическая характеристика состава Первой Государственной Думы.

В качестве основной методологической базы использованы общенаучные методы исследования: историко-критический, сравнительно-исторический, проблемно-хронологический, позволившие в хронологическом порядке рассмотреть анализируемый процесс.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Как отмечалось, в новых электоральных процессах Российской империи Государственной Думе и народному представительству в ней отводилась особая роль.

Оценивая происходящие события, председатель губернской земской управы князь А. Д. Голицын в своем докладе отмечал, что дата 18 февраля 1905 года является, бес-

спорно, поворотным пунктом в истории нашего государства. С этого дня возведена воля монарха о привлечении избранных от населения людей к отправлению государственных функций... Губернскому земству предстоит высказаться по поводу созыва народных представителей, а именно о том, во что должно вылиться народное представительство, какой характер оно должно носить, какую систему взять для избрания народных представителей и каким способом пронести их в представительный орган (ГАОО. Ф. 525. Оп. 1. Д. 194. Л. 1).

Члены Орловского дворянского собрания писали всемилостивейшему государю о важной роли народа в дальнейшем государственном строительстве (ГАОО. Ф. 710. Оп. 1. Д. 2. Л. 4–6).

В целях организационного обеспечения губернских выборов было проведено заседание комиссии для составления проекта предложений об усовершенствовании государственного благоустройства и улучшения народного благосостояния (члены комиссии: Н. П. Муратов, Н. П. Яковлев, В. В. Кутанин, П. П. Соловьев, М. Г. Комиссаров, А. А. Буршин, В. А. Гвоздев, Л. С. Павлов, А. А. Куломзин, председатель губернской управы Петров и члены управы П. П. Булыгин и Г. А. Смирнов). Комиссия считала, что правильно функционировать народное представительство может только при полной гарантии свободы совести, свободы слова и печати, союзов и собраний, а также при гарантии защиты личности от административного произвола. Только при этих условиях можно произвести правильно и свободно выборы народных представителей. Ввиду этого комиссия признала необходимость предложить собранию ходатайствовать о немедленном представлении всем гражданам этих прав. Народное представительство должно быть организовано в виде постоянного учреждения, участвующего с решающим голосом в

рассмотрении всех законодательных предложений в утверждении государственной росписи доходов и расходов, отчетов, с предоставлением ему законодательной инициативы, права запросов и наблюдения за действиями исполнительной власти. Такое представительство должно быть бессловесным. Выборы должны быть тайными, равными, всеобщими. При этом вопрос о предоставлении избирательных прав женщинам оставался открытым (ГАОО. Ф. 525. Оп. 1. Д. 194. Л. 30–31).

Отметим, что 10 апреля 1905 года Русское женское благотворительное общество обращалось ко всем земским и городским управам с просьбой включить их в предложение о полном уравнивании прав женщин по выборам в гласные, земские и городские управы (ГАОО. Ф. 525. Оп. 1. Д. 194. Л. 28). Резолюцию подписали 12 008 человек, сочувствующих женской равноправности, в том числе 71 – из Полтавы (ГАОО. Ф. 525. Оп. 1. Д. 194. Л. 34).

Безусловно, общественное мнение не могло не влиять на развитие электоральных процессов.

Итак, Орловская губерния активно включилась в подготовительную работу по проведению выборов в Первую Государственную Думу.

Так, 14 июня 1905 года три экземпляра доклада особой комиссии Орловского губернского земства по усовершенствованию государственных установлений на почве манифеста 18 февраля 1905 года были разосланы предводителю дворянства, предводителю управы и губернскому гласному. Для земской управы экземпляра не осталось, поэтому 25 июня 1905 года они просили губернскую управу прислать 1–2 экземпляра (ГАОО. Ф. 525. Оп. 1. Д. 194. Л. 32).

13 июля 1905 года председателю Орловской губернской земской управы направляется записка крестьян Орловского уезда Орловской губернии (подписали 70 человек) о том, что из местных газет они узнали о предстоя-

щих выборах в Государственную Думу, однако многие из данного сословия не умеют читать и не смогут сделать «правильный выбор своих заступников» (ГАОО. Ф. 525. Оп. 1. Д. 194. Л. 36). Притом, что некоторые земства для ознакомления населения позаботились распространить среди народа царские слова и соответствующие книги, крестьяне просят изыскать способы познакомить с этим орловское крестьянство (письменно или устно) на сходах (ГАОО. Ф. 525. Оп. 1. Д. 194. Л. 36).

По этому поводу губернатор (К. А. Балясный) пишет председателю Орловской губернской управы о просьбе сообщить в возможно короткие сроки: 1) действительно ли указанное заявление крестьян Орловского уезда было подано, в утвердительном случае какое последовало с его стороны по сказанному заявлению распоряжение; 2) заявление это, как относящееся к ведению губернского земства, препроводить губернатору (ГАОО. Ф. 525. Оп. 1. Д. 194. Л. 36а). В этой связи получен ответ (ГАОО. Ф. 525. Оп. 1. Д. 194. Л. 37).

24 ноября 1905 года Елецкая уездная земская управа ходатайствует перед Орловской губернской земской управой о найме помещения для выборщиков, желающих собраться согласно закону от 6 августа 1905 года, с тем чтобы устройство такого общежития было отнесено на общегубернские нужды... Собрание принимает во внимание государственную важность задачи выборов и то, что выполнение основано всецело на общении выборщиков друг с другом, каковое общение может быть достигнуто увеличением его сферы. Причем губернской управе принадлежит роль устройства такого общежития, так как только при этом условии получат наилучшее бесстрастное отношение к выборщикам (ГАОО. Ф. 525. Оп. 1. Д. 194. Л. 64, 64 об.).

Также пишет в губернское земство и председатель Кромской земской управы, что в де-

кабре текущего года предстоят в городе Орле выборы членов в Государственную Думу и на предстоящие выборы должны съехаться выборщики всех уездов губернии в большинстве малознакомых, а в сословии крестьян почти совершенно не знакомых друг другу. Как в целях взаимного ознакомления, так равно и с целью сделать жизнь выборщиков в городе Орле более дешевою уездное земство готово прийти им на помощь приисканием в городе Орле большого и удобного помещения, часть платы за которое могло бы принять на свой счет. Ввиду вышеизложенного не найдется ли возможным со стороны губернского земства озаботиться приисканием подходящего помещения, где выборщики могли бы поместиться как во время выборов, так и в известное время до производства выборов, необходимое для взаимного ознакомления; автору письма кажется, что и другие уездные земства взяли бы на себя часть расходов на указанный выше предмет, как несомненно связанный с местными пользами и нуждами (ГАОО. Ф. 525. Оп. 1. Д. 194. Л. 65).

Отметим, что в местной прессе («Орловский вестник», «Орловские губернские ведомости») до жителей губернии доводились высочайшие указы, касающиеся деятельности парламентских структур и избирательного процесса (ГАОО. Ф. 525. Оп. 1. Д. 194. Л. 165–168; ГАОО. Ф. 525. Оп. 1. Д. 194. Л. 169–210; ГАОО. Ф. 593. Оп. 1. Д. 1144; Д. 1059. Л. 15–17; Д. 1071), конкретизировалось количество выборщиков по Орловской губернии (ГАОО. Ф. 593. Оп. 1. Д. 1038. Л. 10).

Орловский губернатор К. А. Балясный также акцентировал внимание городских и земских управ на важности подготовительных работ по составлению списков избирателей, чтобы впоследствии данные списки и сами выборы не были обжалованы (ГАОО. Ф. 593. Оп. 1. Д. 1038. Л. 6).

В конце декабря 1905 года на заседании городской думы были избраны три комиссии

для составления списков выборщиков в Государственную Думу.

30 декабря 1905 года Елецкая городская управа пишет в Орловскую губернскую земскую управу, что согласно ... статьям 1 и 4 Инструкции о порядке составления избирательных списков, утвержденной министром внутренних дел 17 декабря, городская управа имеет честь просить сообщить ей опись служащих губернского ведомства города Ельца или его уезда для внесения этих лиц в избирательные списки по городу Ельцу (ГАОО. Ф. 525. Оп. 1. Д. 194. Л. 71). Обозначенные списки управа покорнейше просит составить в алфавитном порядке, указав фамилию, имя, отчество, чин или сословие, лета, место жительства, должность и размер содержания или пенсии (ГАОО. Ф. 525. Оп. 1. Д. 194. Л. 71).

31 декабря 1905 года губернская управа представляет в Орловскую городскую управу списки своих служащих, имеющих право участвовать в выборном процессе (ГАОО. Ф. 525. Оп. 1. Д. 194. Л. 72).

Орловская городская управа, в свою очередь, выполняя поручение губернатора, дает объявление об изменении избирательного законодательства и возможности подать заявление для участия в выборах не позднее 14 января 1906 года (ГАОО. Ф. 593. Оп. 1. Д. 1038. Л. 9). До этого же срока дается время земской управе на представление сведений о жителях Орловского уезда (ГАОО. Ф. 525. Оп. 1. Д. 194. Л. 73). Подобный запрос (в части составления списков по полицейской части г. Орла) направляется 3 января 1906 года и полицмейстеру (ГАОО. Ф. 593. Оп. 1. Д. 1038. Л. 36).

Во все городские управы 9 января 1906 года губернская управа препровождает запрашиваемые списки своих служащих (ГАОО. Ф. 525. Оп. 1. Д. 194. Л. 78).

Губернатор К. А. Балясный сообщает председателям губернской и уездной по делам о выборах в Государственную Думу комиссий,

уездному председателю дворянства, председателям уездных и губернских земских управ, городским головам и городским старостам для руководства и исполнения о том, что указом от 11 января 1906 года срок заявлений о желании участвовать в выборах в Государственную Думу для занесения желающих в избирательные списки продлен до 1 февраля 1906 года (ГАОО. Ф. 525. Оп. 1. Д. 194. Л. 85).

Отметим, что составлялись списки избирателей по первому избирательному участку (36 человек) (ГАОО. Ф. 593. Оп. 1. Д. 1056; ГАОО. Ф. 525. Оп. 1. Д. 194. Л. 75), второму (15 человек) (ГАОО. Ф. 525. Оп. 1. Д. 194. Л. 76) и третьему (29 человек) (ГАОО. Ф. 593. Оп. 1. Д. 1057; ГАОО. Ф. 525. Оп. 1. Д. 194. Л. 77).

Списки избирателей активно предоставляются от Орловской казенной палаты, Орловского акционерного управления, Брянской управы, Орловского окружного суда, судебной управы, правления семинарий, богадельных заведений, городских учреждений, промышленно-торговых заведений города Орла и иных служащих.

Важно, что списочный состав корректировался, а возникающие ошибки устранялись (ГАОО. Ф. 593. Оп. 1. Д. 1038. Л. 220, 220 об.).

Так, Орловская городская управа направляет председателю избирательной комиссии по первому участку города Орла уточнение на отношение № 306 от 16 января 1906 года по поводу имени-отчества служащих (ГАОО. Ф. 525. Оп. 1. Д. 194. Л. 81, 82, 83, 83 об., 84, 84 об., 87, 88), разрешаются затруднительные вопросы избирательного права (ГАОО. Ф. 593. Оп. 1. Д. 1038. Л. 231–232).

10 апреля 1906 года городская управа препровождает в Орловскую губернскую земскую управу для сведения служащих шесть экземпляров списков избирателей по городу Орлу: по первому участку – 2; по второму – 2; по третьему – 2 (ГАОО. Ф. 525. Оп. 1. Д. 194. Л. 26).

13 октября 1906 года Елецкий городской голова просит направить ему списки лиц, имеющих право голосования для внесения этих лиц в

избирательные списки по городу Ельцу (ГАОО. Ф. 525. Оп. 1. Д. 194. Л. 94).

20 октября 1906 года эти списки (ГАОО. Ф. 525. Оп. 1. Д. 194. Л. 96, 96 об.) направляются Елецкому городскому голове (ГАОО. Ф. 525. Оп. 1. Д. 194. Л. 95).

Направляются в управу избирательные списки по городу Ливны (ГАОО. Ф. 525. Оп. 1. Д. 194. Л. 98–100 об.), Малоархангельскому уезду (ГАОО. Ф. 525. Оп. 1. Д. 194. Л. 102), от Орловской конторы богоугодных заведений (1-й части города Орла (ГАОО. Ф. 525. Оп. 1. Д. 194. Л. 109), 2-й части города Орла (ГАОО. Ф. 525. Оп. 1. Д. 194. Л. 110), 3-й части (ГАОО. Ф. 525. Оп. 1. Д. 194. Л. 111–112 об.)), списки служащих (отделов) Орловской губернской управы (ГАОО. Ф. 525. Оп. 1. Д. 194. Л. 122–122 об.), а также пенсионного отдела (ГАОО. Ф. 525. Оп. 1. Д. 194. Л. 12), ветеринарного отдела (ГАОО. Ф. 525. Оп. 1. Д. 194. Л. 125–125 об.), почвенного отдела (ГАОО. Ф. 525. Оп. 1. Д. 194. Л. 127), агрономического (ГАОО. Ф. 525. Оп. 1. Д. 194. Л. 128), фабрично-заводского (ГАОО. Ф. 525. Оп. 1. Д. 194. Л. 130), страхового (ГАОО. Ф. 525. Оп. 1. Д. 194. Л. 132–137 об.), технического (ГАОО. Ф. 525. Оп. 1. Д. 194. Л. 141) и распорядительного (ГАОО. Ф. 525. Оп. 1. Д. 194. Л. 143–144), а также списки служащих Орловской губернской земской управы распорядительного отдела (ГАОО. Ф. 525. Оп. 1. Д. 194. Л. 221–222 об.) и технического отдела (ГАОО. Ф. 525. Оп. 1. Д. 194. Л. 223–228), в том числе по первой (ГАОО. Ф. 525. Оп. 1. Д. 194. Л. 145–147 об.), второй (ГАОО. Ф. 525. Оп. 1. Д. 194. Л. 148–149 об.) и третьей (ГАОО. Ф. 525. Оп. 1. Д. 194. Л. 150–152 об.) частям города Орла.

Елецкая городская управа направляет в Орловскую губернскую земскую управу пять экземпляров списков избирателей по городу Ельцу и просит один экземпляр выставить на видном месте в управе, остальные – вручить поименованным лицам, указанным на обороте письма, имеющим право участия в Елецком городском избирательном съезде для избрания

выборщиков (ГАОО. Ф. 525. Оп. 1. Д. 194. Л. 154–154 об.).

Елецкая городская управа препровождает два экземпляра объявлений (ГАОО. Ф. 525. Оп. 1. Д. 194. Л. 155) и просит Орловскую губернскую земскую управу вывесить их в помещении управы на видном месте (ГАОО. Ф. 525. Оп. 1. Д. 194. Л. 158).

Орловская губернская земская управа выдает удостоверения, что их представители внесены в списки избирателей. Такое удостоверение было выдано для предъявления в Орловское городское избирательное собрание (ГАОО. Ф. 525. Оп. 1. Д. 194. Л. 159–164).

На 19 и 20 марта 1906 года назначено избрание выборщиков в ГД по избирательным участкам (ГАОО. Ф. 593. Оп. 1. Д. 1069, Л. 44; Ф. 593. Оп. 1. Д. 1038. Л. 95).

Подобные объявления размещали в местных газетах и другие уезды.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Активная роль в организованном процессе подготовки выборов в Государственную Думу отводилась губернатору, земским и губернским управам, Орловскому городскому голове, полицмейстеру, Орловской губернской по делам о выборах в Государственную Думу комиссии. Сами жители Орловской губернии, а также политические партии активно включились в предвыборную, агитационную работу.

При этом административное влияние на процесс выборов, на самих выборщиков, малоизвестность последних, открытая агитация за «выгодного» кандидата, подкуп избирателей создавали определенные «трудности» реализации избирательного права.

Однако в целом в политических и общественных кругах понимали, что «правильный» выбор депутатского корпуса способен обеспечить как личную, так и государственную безопасность и развитие.

Библиография / References:

1. Аронов Д.В. Депутаты Государственной Думы Российской империи от Орловской губернии // Вестник Орловского городского Совета народных депутатов. Власть. Общество. Наука. – 2005. – С. 168–171.

2. Брусянин В.В. Судьба первых депутатов. – СПб.: Современник, 1906. – 82 с.

3. Елистратов А.И. Очерк государственного права (конституционное право). 2-е изд., перераб. – М.: Типография «Мысль», 1915. – 166 с.

4. Исаев А.В., Матвиенко В.А. Судьбы народных представителей Первой Государственной Думы // Вестник государственного и муниципального управления. – 2021. – Т. 10. – № 4. – С. 54–65. EDN: RDECRS.

5. Куприянова Л. Депутаты первого призыва после роспуска Государственной Думы // Былое: Журнал, посвященный истории освободительного движения. – 1907. – № 2. – С. 24–36.

6. Леонтович В.В. История либерализма в России (1762–1914). – М.: Русский путь, 1995. – 445 с.

7. Новейшие преобразования русского государственного строя / В.И. Штейн. – СПб.: Типография А.С. Суворина, 1906. – 680 с.

8. Соловьев К.А. Законодательная и исполнительная власть в России: механизмы взаимодействия (1906–1914 гг.): монография. – М.: РОССПЭН, 2011. – 510 с.

9. Шершеневич Г.Ф. Народные представители. – Казань: Типография Императорского университета, 1905. – 21 с.

1. Aronov, D.V. (2005) Deputaty Gosudarstvennoy Dumy Rossiyskoy imperii ot Orlovskoy gubernii [Deputies of the State Duma of the Russian Empire from the Orel province] // Vestnik Orlovskogo gorodskogo Soveta narodnykh deputatov. Vlast'. Obshchestvo. Nauka. – S.168–171. (In Russ.).

2. Brusyanin, V.V. (1906) Sud'ba pervykh deputatov [The fate of the first deputies]. – SPb.: Sovremennik. – 82s. (In Russ.).

3. Yelistratov, A.I. (1915) Ocherk gosudarstvennogo prava [Essay on state law] (konstitutsionnoye pravo). 2-ye izd., pererab. – M.: Tipografiya «Mysl'». – 166s. (In Russ.).

4. Isayev, A.V., Matviyenko V.A. (2021) Sud'by narodnykh predstaviteley pervoy gosudarstvennoy Dумы [The fate of people's representatives of the first State Duma] // Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya. – T.10. – № 4. – S.54–65. EDN: RDECRS. (In Russ.).

5. Kupriyanova, L. (1907) Deputaty pervogo prizu-va posle rospuska Gosudarstvennoy Dумы [Deputies of the first conscription after the dissolution of the State Duma] // Byloye: Zhurnal, posvyashchennyy istorii osvo-boditel'nogo dvizheniya. – №2. – S.24–36. (In Russ.).

6. Leontovich, V.V. (1995) Istoriya liberalizma v Rossii [History of liberalism in Russia] (1762–1914). – M.: Russkiy put'. – 445s. (In Russ.).

7. Noveyshiye preobrazovaniya russkogo gosudarstvennogo stroya [The latest transformations of the Russian state system] / V.I. Shteyn. – SPb.: Tipografiya A.S. Suvorina, 1906. – 680s. (In Russ.).

8. Solov'yev, K.A. (2011) Zakonodatel'naya i is-polnitel'naya vlast' v Rossii: mekhanizmy vzaimodeystviya [Legislative and executive power in Russia: mechanisms of interaction] (1906–1914gg.): monografiya. – M.: ROSSPEN. – 510s. (In Russ.).

9. Shershenevich, G.F. (1905) Narodnyye predstaviteli [People's representatives]. – Kazan', Tipografiya Imperatorskogo universiteta. – 21s. (In Russ.).

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию (Received) 20.07.2023

Поступила после рецензирования (Revised) 20.09.2023.

Дата выхода в свет 29.12.2023.

УДК 329.1.6(470+571)

DOI:10.22394/2225-8272-2023-12-4-61-73

ГОРЛОВ Александр Витальевич, старший преподаватель Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС при Президенте Российской Федерации» (Россия, Орёл), e-mail: strix63@yandex.ru, SPIN-код: 7114-1994, AuthorID: 1164888

GORLOV A.V., Senior Lecturer, Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPA (Russian Federation, Orel), e-mail: e-mail:strix63@yandex.ru, AuthorID: 1164888

ОСНОВНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИЛЫ РОССИИ В ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

THE MAIN POLITICAL FORCES OF RUSSIA IN THE FEBRUARY REVOLUTION OF 1917

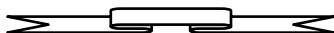
Аннотация. Целью статьи является уточнение роли основных политических сил России в Февральской революции 1917 года. Эта революция, подчёркивает автор статьи, представляла собой народное восстание, направленное не столько против самодержавия, сколько против разрухи, вызванной мировой войной и господством в российской экономике олигархического капитала. В авангарде восставших шёл петроградский пролетариат, но, воспользовавшись революционной неразберихой и либеральными иллюзиями народных масс, главный орган революции – Петроградский Совет рабочих депутатов – возглавили мелкобуржуазные либералы.

Ключевые слова: кадеты, меньшевики, эсеры, большевики, Февральская революция 1917 года, Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов.

Abstract. The purpose of the article is to study the role of the main political forces of Russia in the February Revolution of 1917. The author emphasizes that his revolution was a people's rebellion directed not so much against the autocracy as against the devastation caused by the World War and the dominance of oligarchic capital in the Russian economy. The Petrograd proletariat was in the forefront of the rebels.

As a result, the author concludes that pettybourgeois liberals took advantage of the revolutionary confusion and the liberal illusions of the masses and headed the main organ of the revolution - the Petrograd Soviet of Workers' Deputies.

Keywords: Cadets, Mensheviks, Social Revolutionaries, Bolsheviks, February Revolution of 1917, Petrograd Soviet of Workers' and Soldiers' Deputies.

©Горлов А.В., 2023г.

ВВЕДЕНИЕ

В 1917 год Российская империя вступила в состоянии глубокого кризиса, поставившего страну на грань национальной катастрофы. Затянувшаяся мировая война до предела обострила массу накопившихся в России проблем, главной из которых была крайне неэффективная организация промышленности и сельского хозяйства.

Чтобы сделать российскую экономику более эффективной, нужно было энергично развивать планирование, однако царское правительство не считало необходимым всемерно содействовать этому процессу, явно недооценивая важность «особых совещаний» – планирующих контор, созданных во время войны обеспокоенными растущей разрухой предпринимателями. «Новые «совещания», – свидетельствует С. Г. Струмилин, работавший в одной из таких контор, – призваны были наладить учёт, контроль и распределение убывающих ресурсов страны. Это были только самые первые, крайне элементарные и бессистемные опыты регулирования всего народного хозяйства в целом» [8, С. 174].

Отсутствие эффективного управления крайне негативно сказывалось на функционировании экономики Российской империи. В начале 1917 года в стране продолжало действовать только три четверти заводов и фабрик, работавших в 1914 году, а число открытых за военное время новых предприятий составило лишь половину закрытых [3, С. 379].

В тяжёлом положении оказался железнодорожный транспорт. К январю 1917 года число неисправных паровозов превысило 22 %. Строительство железных дорог почти прекратилось. В 1916 году железнодорожники выполнили продовольственные перевозки в интересах военного министерства только на 50 % [3, С. 380]. «Недостаток боевых припасов, малочисленность заводов для их произ-

водства, редкость железнодорожной сети для их подвоза перевели отсталость России на общепонятный язык поражений», – отмечает Л. Д. Троцкий [10, С. 47].

Поражения, в свою очередь, способствовали падению промышленного производства. Накануне революции «общие потери промышленности вследствие занятия неприятелем территории составили около 20 %, а по некоторым отраслям ещё более (текстильная – 25–28 %, химическая – 22–23 %)» [3, С. 401].

Ещё хуже складывалась ситуация в сельском хозяйстве. «Правительство увело из деревни около 10 миллионов работников и около 2 миллионов лошадей. Слабые хозяйства ещё более ослабели. Выросло число беспосевных. Но и середняки на втором году войны пошли под гору» [10, С. 73]. В 1916 году разразился продовольственный кризис, в крупных городах обычным явлением стали длинные очереди за хлебом (их называли «хвостами»), и министерству земледелия пришлось даже ввести продразвёрстку, обязав владельцев хлеба сдавать определённую его часть по твёрдым ценам. Однако «правительство не имело аппарата для изъятия хлеба, а хлеботорговцы не торопились продавать его по твёрдым ценам. Не было и аппарата распределения заготовленного хлеба. Чиновники ревниво боролись с земцами и городским самоуправлением, вместо того чтобы опираться на них» [12, С. 11].

Между тем финансовая ситуация становилась всё более напряжённой. Государственный долг России достиг 33,5 млрд рублей, увеличившись по сравнению с довоенным в 4 раза. Страну наводнили бумажные деньги. Резко выросли цены [3, С. 381]. «Для низкооплачиваемых слоёв рабочих дороговизна была настоящим бедствием. В условиях инфляции рабочие не могли накопить средства «на чёрный день», что ставило семьи на грань катастрофы в случае увольне-

ния. К тому же... рабочий день, как правило, был удлинён до 12 часов, а то и больше (плюс обязательные воскресные работы). Рабочая неделя выросла на 50 %» [12, С. 11].

К началу 1917 года всем было ясно, что Россия накануне революционного взрыва и что, скорее всего, он произойдёт в Петрограде – промышленном, культурном и политическом центре страны. Как готовились к этому взрыву основные политические силы?

Царское правительство не придумало ничего лучше, как сосредоточить в столице большое количество войск, чтобы жестоко подавить назревавший народный бунт. На этом плане изначально лежала печать обречённости на неудачу, ибо даже его разработчики чувствовали, что остановить углублявшийся кризис одними военными и полицейскими методами не удастся. Отсюда неуверенность и колебания, проявленные сторонниками самодержавия в ходе Февральской революции.

Общей целью их противников было максимально использовать сложившуюся революционную ситуацию для переустройства российского общества. А вот какие необходимы преобразования, разные партии видели по-разному.

Идеалом кадетов (членов «Партии народной свободы») была британская нелиберальная монархия. Свергнув самодержавие, они планировали «во имя спокойствия и порядка» всего лишь скорректировать, подправить старый общественный строй в духе этого идеала. Экономическую и политическую деятельность царского правительства лидер кадетов П. Н. Милюков и его ближайшие соратники оценивали в общем положительно, ибо в целом она имела нелиберальный характер и, значит, соответствовала потребностям развития олигархического капитала, которому верой и правдой служила ПНС. Единственное, что категорически не устраивало кадетов, – это глупое, безответственное

своеволие Николая II и окружавшей его клики. Кадеты полагали, что стоит устранить самодержавное своеволие – и с кризисом удастся справиться. С точки зрения Милюкова, лучшим политическим выходом из создавшейся в России крайне неблагоприятной обстановки было провозглашение монархом малолетнего царевича Алексея, чтобы от его имени управление страной осуществлял регент, опирающийся на подконтрольную кадетам Государственную Думу.

Меньшевики и эсеры, представлявшие главным образом мелкую буржуазию, сводили грядущую революцию к «буржуазно-демократической», похожей на Великую французскую. Чтобы монополистический капитал не пытался противодействовать либеральным преобразованиям, меньшевики и эсеры предполагали оказывать на него постоянное давление, опираясь на революционные массы рабочих и крестьян. Этот план был утопическим и реакционным, потому что ставка делалась в основном на мелкий капитал, тогда как вывести страну из кризиса мог только монополистический.

Большевики занимали иную позицию. С их точки зрения, «буржуазно-демократическим» будет лишь начало революции, и, как только удастся завоевать либеральные свободы, сразу же станет вопрос о переходе к социализму. Социалистическое общество понималось при этом как супермонополия, т. е. как единое огромное предприятие с единым супермонополистическим капиталом. В мировой войне большевики видели агонию мирового капитализма. На самом деле, в те военные годы в муках беспрецедентного кризиса корчился не капитализм как таковой, а либеральный капитализм, и большевики выражали интересы не столько пролетариата, сколько новой, номенклатурной буржуазии [1, С. 62–63], стремившейся спасти капиталистический мир от либерального безумия.

Попробуем расставить основные поли-

тические силы России начала 1917 года по порядку, справа налево, чтобы получился политический спектр. В политологии правыми обычно называют тех, кто препятствует развитию общества, а левыми – тех, кто способствует. Следует учитывать, что политические силы выстраиваются не по прямой, а по дуге. В результате правый и левый полюса оказываются рядом: крайне правые силы своими яростными попытками остановить прогресс способны невольно оказывать ему существенное содействие, а революционное нетерпение крайне левых нередко не только не способствует прогрессу, а ещё и отбрасывает общество назад.

Поскольку сторонники самодержавия, включая самых фанатичных и оголтелых (черносотенцев), мешали выходу страны из системного кризиса, их место, несомненно, было справа. Но следует ли рассматривать их политическую деятельность как главную преграду на пути преодоления сгущавшихся социальных проблем, т. е. находились ли они не просто справа, а на правом краю политического спектра? На этот вопрос ещё с тех, революционных лет принято отвечать положительно. Однако, на наш взгляд, научный ответ должен быть другим.

Отметим, что партию кадетов её бесспорный лидер Милюков считал центристской [6, С.316]. Сторонников самодержавия он помещал справа, а слева – всех «социалистов», основную массу которых составляли социал-демократы и социалисты-революционеры (эсеры). При этом, по его мнению, большевики и анархисты занимали крайне левую позицию, что сближало их с крайне правыми.

Несмотря на то что на самом деле расстановка основных политических сил была иной, Милюков не ошибался, называя кадетов центристами. При этом, однако, необходимо внести уточнение: ПНС занимала правую сторону центра. Чуть правее от них (тоже в правом секторе центра) находились сторон-

ники самодержавия, ещё правее – меньшевики, а на самом краю правого фланга располагались эсеры. Теперь о левом фланге: всё его пространство, включая левую сторону центра, занимали большевики. Правда, в 1917 году там – на самом левом краю – были ещё и анархисты, но они, опираясь в основном на деклассированные элементы российского общества, в том числе уголовников, и в силу этого не имея ясной, строго очерченной политической физиономии, во-первых, не входили в состав основных политических сил России, хотя иногда и заявляли о себе весьма громко, кричаще ярко, а во-вторых, не занимали в политическом спектре какую-то устойчивую, неизменную позицию, играя в разные периоды революции то прогрессивную, то реакционную роль.

Следует учитывать, что правильной, строго научной картины политического спектра не было не только в головах кадетов, но и в головах представителей других российских партий. Вот как накануне Февральской революции рисовали его (справа налево) меньшевики: сторонники самодержавия, кадеты, эсеры, меньшевики, большевики. Сходная картина была в головах эсеров, разве что меньшевиков они помещали не слева, а справа от себя, считая не их, а себя главной революционной силой. Большевиков меньшевики и эсеры считали крайне левыми, сближая их с крайне правыми, к коим относили черносотенцев. Например, осенью 1917 года глава Временного правительства эсер А. Ф. Керенский, выступая с речью на Демократическом совещании, пугал аудиторию тем, что стране в равной мере угрожают анархия и контрреволюция, имея в виду деструктивную, с его точки зрения, деятельность, с одной стороны, большевиков, а с другой – черносотенцев.

Ошибки в осмыслении политической ситуации, сложившейся к началу Великой российской революции, делали действия её

участников, даже партийных лидеров, непоследовательными, странными с точки зрения классовых интересов. Однако революция заставляла исправлять ошибочные взгляды, и, хотя эти коррективы не всегда были удачными, в целом поведение представителей разных партий было весьма логичным.

Чем была Февральская революция: стихийным взрывом или результатом заговора? Об этом до сих пор спорят [12, С. 11–12], и неспроста: февральский переворот 1917 года произошёл так стремительно, как не всегда удавалось осуществить насильственную смену государственной власти даже современным высококвалифицированным заговорщикам, в распоряжении которых тщательно разработанные сценарии «цветных революций».

И всё же Февраль был стихийным. Однако это неподготовленное восстание очень напоминало результат всеобщего заговора, ибо революционная стихия представляла собой единодушный взрыв недовольства и нижних, и верхних слоёв российского общества, совместный всплеск политической активности как неорганизованных народных масс, так и практически всех более или менее влиятельных организаций, включая Государственную Думу и даже царское правительство. «Кругом измена», – записал Николай II в своём дневнике в день отречения от власти, и он нисколько не преувеличивал: за годы войны этот «святой» самодержец умудрился настроить против себя и придворной камарильи всю Россию.

Говоря о стихийности Февраля, Л. Д. Троцкий, не отрицая её категорически, стремится показать, что она была весьма необычной, не очень-то стихийной. «Ходячее убеждение в стихийном характере Февральской революции, – заявляет он, – глубоко ошибочно или, в лучшем случае, бессодержательно» [10, С. 160]. Это представление, подчёркивает Троцкий, характерно для либерала, а для марксиста оно не годится, ибо стихий-

ность становится здесь почти мистической: дело выглядит так, будто революция грянула как гром среди ясного неба и столь же чудесным образом увенчалась победой [10, С. 158].

Чтобы опровергнуть либеральную точку зрения на стихийность Февраля, Троцкий умело воспользовался ничем не примечательным на первый взгляд фрагментом из воспоминаний сенатора-либерала Завадского: 24 февраля 1917 года (все даты – по старому стилю), т. е. в самом начале революционных событий, трамвай, в котором ехал сенатор, совершенно неожиданно резко свернул с Литейного проспекта на боковую улицу и остановился. Кондуктор предложил всем выходить: «Дальше вагон не пойдёт». Незамысловатую трамвайную историю, рассказанную Завадским, Троцкий прокомментировал так, что в ней мощно зазвучала одна из главных тем Великой российской революции: «...Этот решительный кондуктор ... должен был обладать высоким сознанием долга, чтобы единолично остановить вагон с чиновниками на улице императорского Петербурга во время войны. Именно такие кондуктора останавливали вагон монархии, с теми же примерно словами: «Дальше вагон не пойдёт!» – и высадили вон бюрократию, не отличая за спешностью дела жандармских генералов от либеральных сенаторов. Кондуктор с Литейного был сознательным фактором истории» [10, С. 163–164]. Блестящий – глубокий и остроумный – комментарий!

Свергнувший самодержавие народ, справедливо подчёркивает Троцкий, не был той слепой, инстинктивно действующей силой, какой любят изображать его политики-либералы. Но, оспаривая либеральную точку зрения, Троцкий вошёл в раж митингового оратора и взялся утверждать, будто в ходе Февральской революции народные массы проявили столь высокий уровень самосознания, что смогли осуществить восстание как «сознательный процесс», не нуждающийся в

руководстве сверху. Следовательно, уверяет Троцкий, называть это восстание стихийным неправильно [10, С. 164–166].

Видимость планомерности придаёт Февральской революции то, что в свержении самодержавия так или иначе участвовали все слои российского общества. К началу 1917 года, отмечает А. В. Шубин, в стране сложился широкий оппозиционный фронт, включавший «и собственно революционное подполье, и масонов, и легальных социалистов, и думский Прогрессивный блок, и фрондирующих генералов, связанных с думским блоком. Одни части этого фронта не только не управляли другими, но часто даже не знали об их деятельности. Но все были готовы воспользоваться случаем, чтобы начать действовать...» [12, С. 13].

И в феврале 1917 года такой случай представился. Уже с конца 1916 года в Петрограде почти непрерывно шли забастовки и митинги. Известно, что в их организации ведущую роль играли большевики, но представители других «социалистических» партий тоже энергично участвовали в этом деле. Так, в стачечный комитет забастовки путиловских рабочих, начавшейся 18 февраля 1917 года и ставшей важным шагом на пути к революции, кроме большевиков, вошли анархисты, меньшевики и эсеры [12, С. 26]. 22 февраля в ответ на забастовку администрация Путиловского завода объявила локаут, обеспечив назревавшую революцию ударным отрядом из более чем 30 тысяч уволенных рабочих.

23 февраля, в Международный женский день, состоялись массовые демонстрации женщин-работниц под лозунгами: «Хлеба!», «Долой войну!», «Долой самодержавие!», «Верните нам наших мужей!» [3, С. 408]. Вместе с работницами в демонстрациях и митингах приняли участие рабочие. Улицы были переполнены полицией, конными городскими, врезавшимися в толпу и стегавшими её нагайками [5, С. 226–227].

Так началась Февральская революция. 23 февраля с обеих сторон были пострадавшие, но убитых пока не было. В этот день забастовка охватила 43 предприятия (78 443 рабочих), а 24 февраля – уже 131 предприятие (158 583 рабочих) [11, С. 23, С. 27]. Революционная активность масс резко выросла.

Невский проспект был наводнён тысячами демонстрантов. Казаки, явно сочувствуя демонстрантам, вели себя пассивно [5, С. 227]. Гремела «Рабочая «Марсельеза»: «Отречёмся от старого мира, отряхнём его прах с наших ног...» Демонстрации и митинги проходили на всех проспектах, площадях и больших улицах Петрограда до позднего вечера [5, С. 266].

То, что в первые два дня февральского восстания, несмотря на несколько серьёзно пострадавших полицейских, войска вели себя очень сдержанно, стараясь не открывать огонь, Троцкий объясняет тем, что по плану, разработанному под председательством начальника Петроградского военного округа генерала С. С. Хабалова, время для жёстких мер ещё не пришло. «Порядок расправы был намечен такой: сперва действует одна лишь полиция, затем выступают на сцену казаки с нагайками и, лишь в случае действительной необходимости, пускаются в дело войска с ружьями и пулемётами». Хабалов, утверждает Троцкий, не был добродушным, он просто-напросто тщательно придерживался плана [10, С. 126]. Однако, на самом деле выполняя этот план, Хабалов не проявлял никакого усердия, действуя исключительно по долгу службы, и это его чисто формальное отношение к подавлению беспорядков, по видимому, хорошо чувствовали подчинённые, особенно казаки: ведь в 1914–1916 годах генерал был наказным атаманом Уральского казачьего войска.

24 февраля Хабалов, чтобы успокоить население Петрограда, распорядился срочно

выделить хлеб из военных запасов. «Но дело было, конечно, не в хлебе... Это была последняя капля... Дело было в том, что во всём этом огромном городе нельзя было найти несколько сотен людей, которые бы сочувствовали власти... И даже не в этом... Дело было в том, что власть сама себе не сочувствовала... Не было, в сущности, ни одного министра, который верил бы в себя и в то, что он делает...» [13, С. 436]. Эту убийственную для царской власти характеристику общественно-политической ситуации, сложившейся в Петрограде в феврале 1917 года, дал в своих мемуарах не «социалист» и даже не кадет, а ярый сторонник самодержавия В. В. Шульгин.

25 февраля восстание усилилось. По данным полиции, число бастующих предприятий выросло до 173 (201 248 рабочих) [11, С. 34]. Остановились трамваи, не работали торговые заведения. К стачке примкнули студенты. В восставшем Петрограде началась стрельба, но пока она редкость, исключение, а не правило. Революционный натиск масс нарастает.

Находившийся в Могилёве, в Ставке, Николай II, заметив нерешительность Хабалова, вечером 25 февраля отправил ему телеграмму с требованием немедленно прекратить беспорядки. Помимо этого, царь приказал распустить становившуюся всё более оппозиционной Государственную Думу [3, С. 409]. В ночь на 26 февраля было арестовано более ста активистов революционных партий [10, С. 130].

Утром 26 февраля было тихо. Но вскоре затишье сменилось новым всплеском активности народных масс. Со всех пригородов рабочие колоннами и мелкими группами движутся в центр столицы. Когда их не пускают по мостам, они пробираются по льду. Войскам приказано стрелять, и борьба переходит в решающую стадию [10, С. 131].

Из донесения начальника Петроградско-

го охранного отделения министру внутренних дел: «...Во время беспорядков наблюдалось, как общее явление, крайне вызывающее отношение буйствовавших скопищ к воинским нарядам, в которые толпа в ответ на предложение разойтись бросала камнями и комьями скелетов с улиц снега. При предварительной стрельбе войсками вверх толпа не только не рассеивалась, но подобные залпы встречала смехом. Лишь по применении стрельбы боевыми патронами в гущу толпы оказывалось возможным рассеивать скопища, участники коих, однако, в большинстве прятались во дворы ближайших домов и по прекращении стрельбы вновь выходили на улицу» [11, С. 60–61].

Смех в ответ на залпы военных нарядов – свидетельство того, что в моральном плане уже 26 февраля самодержавие потерпело полное, сокрушительное поражение. И в ночь на 27 февраля, благодаря этой моральной победе революционных масс, началась цепная реакция открытого перехода на их сторону частей Петроградского гарнизона. Первыми восстали унтер-офицеры учебной команды лейб-гвардии Волынского полка – одни из тех, кого самодержавие считало своей главной опорой в борьбе с беспорядками. Убив своего командира штабс-капитана Лашкевича, восставшие гвардейцы двинулись к казармам других полков. Волынцев поддерживали преображенцы, затем солдаты Литовского и сапёрного полков. Сопrotивлявшихся восстанию офицеров убивали, остальные разбегались [12, С. 39–40]. В этот день, отмечает Троцкий, не восстали только те части, которые не успели [10, С. 144].

Переход войск на сторону народа обеспечил быстрый, неожиданный для восставших масс перелом в ходе февральских событий. В ранние часы 27 февраля, отмечает Троцкий, рабочие думали, что до победы ещё далеко, а они уже почти победили. Революционный натиск рабочих вызвал революци-

онное движение солдат. «...В течение дня эти два мощных потока сливаются воедино, чтобы бесследно размыть и снести сперва крышу, затем стены, а позже и фундамент старого здания» [10, С. 142].

Восставшие солдаты в сопровождении рабочих двинулись к тюрьмам. Они разгоняли стражу и освобождали заключённых. Получив свободу, «...политические заключённые, взрослые люди, как дети, плакали и целовались друг с другом...» [5, С. 214]. «Нас несли на руках», – вспоминал один из них [5, С. 288].

Революционные полки направились к Государственной Думе, наивно рассматривая её как центр борьбы с самодержавием. Между тем 27 февраля вершиной оппозиционной активности депутатов Думы стало учреждение ими Временного комитета Государственной Думы (ВКГД) для «водворения порядка в г. Петрограде и сношений с организациями и лицами». Возглавил этот хитрый то ли неофициальный, то ли официальный орган Думы сам её председатель М. В. Родзянко.

В это же время в Таврическом дворце, в здании Государственной Думы, стали собираться представители «социалистических» партий, чтобы учредить свой, революционный орган власти, и вечером 27 февраля был создан Петросовет – Петроградский Совет рабочих депутатов. Насколько строго соблюдался при этом принцип представительства, можно судить по автору «Записок о революции» Н. Н. Суханову (Гиммеру), который стал депутатом Петросовета и даже членом его Исполнительного комитета только потому, что был известным левым публицистом. Не рабочий и не член какой-то революционной организации, не участник уличной борьбы с самодержавием, Суханов представлял в Совете мифическую литературную группу [9, С. 90], а фактически – только самого себя.

Петросовет, простодушно заявляет Э. Карр, был создан «стихийно, группой рабочих, без руководства из центра» [4, С. 75].

Чуть ли не идиллическая картина: главный орган революционной власти «стихийно» создала «группа рабочих»! На самом деле история создания Петросовета так же далека от идиллии, как грязная интрига от честной борьбы. Идея возродить столичный Совет рабочих депутатов, разгромленный в ходе революции 1905–1907 годов, действительно, была пролетарской. Она пришла к рабочим ещё в начале февральских событий, но политическая неграмотность и доверчивость петерского пролетариата привели к тому, что организация Совета рабочих депутатов была поручена группе прожжённых либеральных политиков, которые, во-первых, никогда не были и не хотели быть рабочими, а во-вторых, усердно внедряли в сознание рабочих систему ценностей классического либерализма.

Эта группа состояла в основном из меньшевиков во главе с депутатом Думы Н. С. Чхеидзе. В Совете рабочих депутатов они увидели прекрасное средство для реализации меньшевистской программы деятельности российской социал-демократии в буржуазно-демократической революции. Программа выражала интересы российского либерального капитала, т.е. главным образом мелкой буржуазии. Эти же интересы выражала программа партии социалистов-революционеров (ПСР), благодаря чему быстро образовался крепкий меньшевистско-эсеровский блок, который сразу же занял в возродившемся Совете господствующие позиции и окрасил всю советскую политику в либеральные тона.

Российский крупный капитал предпочитал классическому либерализму более сложную и менее демократическую идеологию – олигархический неолиберализм, что создавало для мелкобуржуазных политиков серьёзную проблему. Им нужно было, с одной стороны, сотрудничать с крупным капиталом в целях ликвидации в России пережитков фео-

дализма и укрепления капиталистической системы эксплуатации, а с другой стороны, опираясь на революционные массы, вынуждать крупный капитал, т.е. монополистов-олигархов, к радикальной либерализации экономики и всей общественной жизни. Поэтому меньшевики и эсеры пошли по пути изощрённого лавирования между интересами низов и верхов, изображая из себя то защитников эксплуатируемых трудящихся, то защитников эксплуататоров, в том числе олигархов.

Интересно отметить, что Чхеидзе был включён в состав ВКГД, но отказался от участия в его деятельности, чтобы занять пост председателя Петроградского Совета рабочих депутатов. Вместо Чхеидзе роль главного посредника в отношениях между крупным и мелким капиталом, между ВКГД и Петросоветом, взялся играть более молодой и энергичный депутат Думы А. Ф. Керенский, который для выполнения этой миссии не постеснялся одновременно быть членом ВКГД (позднее – Временного правительства) и исполкома Петросовета.

«...Вначале Петроградский Совет рабочих депутатов, – продолжает простодушно описывать создание этой революционной организации Карр, – не стремился к власти» [4, С.75]. Какими скромными были первые руководители Петросовета: у них напрочь отсутствовали политические амбиции! На самом деле эта организация сразу же заявила о себе как о главном органе власти в восставшей столице, и не только в ней.

В обращении Петроградского Совета рабочих депутатов к населению Петрограда и России от 28 февраля 1917 года говорилось, что Совет рабочих депутатов ставит своей задачей борьбу за окончательное упрочение политической свободы и народного правления в России. Авторы обращения призвали всё население столицы немедленно сплотиться вокруг Совета, образовать районные

комитеты и взять в свои руки управление всеми местными делами [11, С. 82]. «Формально, – отмечает Суханов, – власть принадлежала думскому комитету... Но это была лишь бумажная ... власть...» [9, С.115].

На первом заседании Петросовета основное внимание собравшиеся уделили продовольственной проблеме, так как голодные рабочие и солдаты могли опять восстать – на этот раз против революционной власти [9, С.89]. Опытные политики-либералы, которые возглавили Совет, хорошо понимали это и стремились обеспечить себе крепкую и широкую опору, причём не столько в рабочей, сколько в солдатской среде. 1 марта они, объединив Совет рабочих депутатов с Советом солдатских депутатов, создали Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов.

Если старый, исходный Петросовет по своему составу был преимущественно пролетарским, то новый стал преимущественно солдатским, причём солдатские депутаты образовали подавляющее большинство, так как по воле мелкобуржуазных лидеров Совета один рабочий депутат представлял аж тысячу рабочих, а один солдатский – всего лишь роту. В середине марта в составе Петроградского Совета было около 2 тысяч солдат и 800 рабочих. Хотя рабочие крупных предприятий составляли 87 % столичного пролетариата, половина рабочих депутатов представляла мелкие предприятия, где меньшевистско-эсеровское влияние было выше, чем на крупных [7, С.205]. Эта картина сохранялась вплоть до Октябрьской революции [9, С.265].

Меньшевистско-эсеровское руководство Петросовета, растворив депутатов от заводов и фабрик в массе депутатов от воинских частей, притормозило, идя навстречу крупному капиталу, обязательное введение на предприятиях 8-часового рабочего дня, зато, заигрывая с солдатскими массами и преследуя далеко идущие цели, спешно опубликовало

приказ № 1, существенно либерализовавший отношения между офицерами и солдатами Петроградского округа.

Согласно данному приказу во всех военных частях округа, начиная с рот, надлежало создать советские комитеты из выборных представителей от нижних чинов, имеющие право не исполнять приказы командиров, когда они противоречат приказам и постановлениям Совета рабочих и солдатских депутатов [11, С.89]. Фактически, в военной сфере вводилось двоевластие: технической стороной военной службы должны были, как и прежде, руководить офицеры (верхи), а руководство политической стороной брали на себя избираемые солдатами советские комитеты (низы).

«Приказ № 1, – заявляет Суханов, – в полном смысле продукт народного творчества» [9, 145]. Так сказать, крик души солдатских масс. Автор «Записок о революции» скромно умалчивает про закулисную сторону дела, о которой он, несомненно, знал.

Приказ № 1 был частью хитроумного плана, разработанного Сухановым и другими либеральными горе-стратегами, – настолько надуманного и авантюристичного, что Троцкий считал его создание и реализацию меньшевистско-эсеровским руководством Петро-совета сухановской послеоктябрьской выдумкой [10, С.248]. По замыслу Чхеидзе и Ко, двоевластие следовало ввести не только в войсках, но и во всей России. Техническое управление страной оставалось бы у неолиберального крупного капитала, а политическое перешло бы к либеральной мелкой буржуазии. Реализуя свой план, меньшевики и эсеры рассчитывали наладить партнёрское взаимодействие мелкого и крупного капитала, но не равноправное, а такое, в котором ведущую роль играла бы мелкая буржуазия. В конечном итоге Россия должна была превратиться в классическую либеральную республику с преобладанием мелкого и среднего

капитала. В дореволюционные времена крупные капиталисты и царские сановники всячески унижали мелкую буржуазию, ставя её почти что на уровень пролетариата, и теперь она жаждала мести и власти.

Один из создателей хитрого меньшевистско-эсеровского плана Суханов в своих «Записках о революции» старательно пытается изобразить его как пролетарский. Чтобы революция не потерпела крах, пишет автор «Записок», пролетариат должен, создав боевую организацию (Совет), взять власть не своими, социалистическими руками, а руками согласившейся властвовать под его контролем буржуазии, после чего под растущим пролетарским давлением буржуазия должна постепенно и безболезненно развивать в стране демократию [9, С.50–51].

Разумеется, на деле меньшевистско-эсеровский план не был пролетарским. Это либеральный план мелкой буржуазии, которая, используя пролетариат как инструмент давления на крупный капитал, рассчитывала перераспределить буржуазную собственность в свою пользу.

Какую изощрённую изобретательность проявили мелкобуржуазные либералы, создавая свой план! Какая тонкая стратегия! Но, как известно, где тонко, там и рвётся. В условиях углублявшегося системного кризиса хитроумный меньшевистско-эсеровский замысел был обречён на провал. Однако начало его реализации выглядело весьма успешным.

На исходе 1 марта делегация Петросовета, состоявшая из Чхеидзе, Соколова, Стеклова и Суханова, отправилась к думцам из ВКГД на переговоры о Временном правительстве, благо идти было недалеко: и Совет, и ВКГД располагались в одном здании. «Программа демократов ... сводилась к одному-единственному требованию: дать левым партиям свободу агитации», – заявляет Троцкий. На самом деле делегаты Совета потребовали от думцев не просто гарантировать свободу

агитации, а согласиться на существенную либерализацию всего российского общества [11, С.91].

На переговорах о создании Временного правительства позицию Петросовета изложил Ю. М. Стеклов, который, говоря о приказе № 1, постарался убедить думских переговорщиков во главе с Милюковым в полной совместимости выполнения этого постановления с сохранением боеспособности армии [9, С.149]. Советская делегация ожидала, что думцы будут отчаянно сопротивляться, но их единственным условием оказалось издание декларации, извещающей о том, что Временное правительство сформировано по соглашению с Советом рабочих и солдатских депутатов, и призывающей солдат доверять и подчиняться командному составу [9, С.151].

Лидеры Совета довольно потирали руки: их коварный либеральный план начал осуществляться, причём довольно гладко, не встречая серьёзного противодействия как со стороны народных масс, так и со стороны цензовой (средней и крупной) буржуазии. Однако пройдёт совсем немного времени, и эти весьма посредственные, но крайне амбициозные интриганы увидят, как они ошибались. Все их успехи были призрачными, как призрачным был и тот мелкобуржуазный рай, который они пытались построить в революционной России руками крупного капитала.

Первый тревожный для них звонок прозвенел уже в процессе переговоров с ВКГД: оказалось, что во Временное правительство намерен войти член исполкома Петросовета Керенский. Это шло вразрез с хитроумным либеральным планом, а также с постановлением исполкома, которое требовало от представителей «революционной демократии» держаться в стороне от правительства. Неловкая реакция Суханова, одного из создателей меньшевистско-эсеровского плана, была крайне отрицательной [9, С.165].

Тем не менее расчёт Керенского на то,

что меньшевики и эсеры проглотят преподнесённую им горькую пилюлю, полностью оправдался, ибо на волне достигнутых успехов лидеры Петросовета пребывали чуть ли не в эйфории. Всё виделось им в радужном свете, революция ласкала их взор как «сладкая мечта» и «волшебный лучезарный сон» [9, С.178]. Даже Суханов, по-видимому, оценил серьёзность совершённого Керенским проступка гораздо позже.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

От быстрой победы над самодержавием голова кружилась у многих, не только у лидеров Петросовета. По городу под крики «ура» разъезжали украшенные красными флагами автомобили солдатских патрулей. В петлицах и на шляпах многих граждан, на штыках солдатских винтовок алели ленточки и банты. «Настроение было праздничное и возбуждённое» [5, С.229]. «Русский народ обвенчался со Свободой», – восторженно объявил в эти дни А. М. Горький [2, С.77].

Всенародный праздник, в который переросло, добившись победы, Февральское восстание, длился недолго, ибо, как свидетельствуют факты, приведённые в начале статьи, главной задачей Великой российской революции было не свержение самодержавия, а скорейшее преодоление беспрецедентного кризиса, вызванного затянувшейся мировой войной. Чтобы решить данную задачу, была необходима плановая экономика, в силу чего революция с самого начала имела антилиберальный характер. Однако меньшевики и эсеры, захватив власть, а после поделив её с кадетами и тем самым искусственно введя в стране либерально-неолиберальное двоевластие, усердно пытались убедить восставший народ в обратном – в необходимости либерализации как экономики, так и всех общественных отношений.

На первых порах кадетско-

меньшевистско-эсеровская пропаганда либерализма имела довольно широкий успех, и даже многие большевики попали под её влияние. Но шли месяцы, а разруха, вместо того чтобы исчезнуть или хотя бы слегка уменьшиться, значительно усилилась. В начале апреля 1917 года в Петроград приехал большевистский вождь В. И. Ленин, который сразу же заставил своих соратников встряхнуться, чтобы обеспечить развитие революции под антилиберальным флагом. С этого момента успех большевиков в их политической борьбе был фактически предreshён.

Библиография / References:

1. Горлов А.В. Историк и философ М. С. Восленский о господствующем классе советского общества // Вестник государственного и муниципального управления. – 2020. – № 4. – С. 58–73. EDN: RMTGFA.
2. Горький М. Несвоевременные мысли: Заметки о революции и культуре. – М.: Советский писатель, 1990. – 400 с.
3. История СССР, 1861–1917: Учебник для студентов / под ред. Н.Д. Кузнецова. – М.: Просвещение, 1984. – 480 с.
4. Карр Э. История Советской России. Кн. 1.: Том 1 и 2. Большевистская революция. 1917–1923. Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1990. – 768 с.
5. Крушение царизма: Воспоминания участников революционного движения в Петрограде (1907 – февраль 1917 года) / Сост. Р.Ш. Ганелин, В.А. Уланов. – Л.: Лениздат, 1986. – 432 с.
6. Миллюков П.Н. Воспоминания (1859–1917). В двух томах. Т. 1 / П.Н. Миллюков. – Нью-Йорк: Издательство им. Чехова, 1955. – 441 с.
7. Петров И.Ф. Стратегия и тактика партии большевиков в подготовке победы Октябрьской революции (март – октябрь 1917 года). – М.: Политиздат, 1964. – 464 с.
8. Струмилин С.Г. Воспоминания и публицистика. – М.: Издательство «Наука», 1968. – 480 с.
9. Суханов Н.Н. Записки о революции: в 3-х т. Т.1. – М.: Политиздат, 1991. – 383 с.
10. Троцкий Л.Д. История русской революции: в 2 т. Т. 1. – М.: ТЕРРА; Республика, 1997. – 464 с.
11. Февральская революция 1917 года: Сборник документов и материалов / Сост. О.А. Шашкова. Отв. ред. А.Д. Степанский, В.И. Миллер. – М.: Российский гос. гуманитарный университет, 1996. – 353 с.
12. Шубин А.В. Революционный 1917 год. От Февраля к Октябрю. – М.: Академический проект, 2018. – 331 с.
13. Шульгин В.В. Годы. Дни. 1920 год. – М.: Издательство «Новости», 1990. – 832 с.
1. Gorlov A.V. (2020) Istorik i filosof M.S. Voslenskiy o gospodstvuyushchem klasse sovet-skogo obshchestva [Historian and philosopher M. S. Voslensky about the ruling class of Soviet society] // Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya. – №4. – S.58–73. EDN: RMTGFA (In Russ.).
2. Gor'kiy M. (1990) Nesvoyevremennyye mysli: Zametki o revolyutsii i kul'ture [Untimely thoughts: Notes on revolution and culture]. – M.: Sovetskiy pisatel'. – 400s. (In Russ.).
3. Istoriya SSSR, 1861–1917: Uchebnik dlya studentov [History of the USSR, 1861–1917: Textbook for students] / pod red. N.D. Kuznetsova. – M.: Prosveshcheniye, 1984. – 480s. (In Russ.).
4. Karr E. (1990) Istoriya Sovetskoy Rossii [History of Soviet Russia]. Kn. 1.: Tom 1 i 2. Bol'shevistskaya revolyutsiya. 1917–1923. Per. s angl. – M.: Progress. – 768s. (In Russ.).
5. Krusheniye tsarizma: Vospominaniya uchastnikov revolyutsionnogo dvizheniya v Petrograde [The collapse of tsarism: Memoirs of participants in the revolutionary movement in Petro-

grad] (1907 – fevral' 1917 goda) / Sost. R.SH. Ganelin, V.A. Ulanov. – L.: Lenizdat, 1986. – 432s. (In Russ.).

6. Milyukov P.N. (1955) Vospominaniya [Memoirs] (1859–1917). V dvukh tomakh. T.1 / P.N. Milyukov. – N'yu-York: Izdatel'stvo im. Chekhova. – 441 s. (In Russ.).

7. Petrov I.F. (1964) Strategiya i taktika partii bol'shevikov v podgotovke pobedy Oktyabr'skoy revolyutsii [Strategy and tactics of the Bolshevik Party in preparing for the victory of the October Revolution] (mart – oktyabr' 1917 goda). – M.: Politizdat. – 464 s. (In Russ.).

8. Strumilin S.G. (1968) Vospominaniya i publitsistika [Memoirs and journalism Memoirs and journalism]. – M.: Izdatel'stvo «Nauka». – 480s. (In Russ.).

9. Sukhanov N.N. (1991) Zapiski o revolyutsii [Notes on the Revolution]: V 3 t. T.1. – M.: Politizdat. – 383 s. (In Russ.).

10. Trotskiy L.D. (1997) Istoriya russkoy revolyutsii [History of the Russian revolution]: v 2t. T.1. – M.: TERRA; Respublika. – 464s. (In Russ.).

11. Fevral'skaya revolyutsiya 1917 goda: Sbornik dokumentov i materialov [February Revolution of 1917: Collection of documents and materials] / sost. O.A. Shashkova. Otv. red. A.D. Stepan'skiy, V.I. Miller. – M.: Rossiyskiy gos. humanit. uni-versitet, 1996. – 353 s. (In Russ.).

12. Shubin A.V. (2018) Revolyutsionnyy 1917 god. Ot Fevralya k Oktyabryu [Revolutionary year 1917. From February to October]. – M.: Akademicheskiiy proyekt. – 331 s. (In Russ.).

13. Shul'gin V.V. (1990) Gody. Dni. 1920 god [Years. Days. 1920]. – M.: Izdatel'stvo «Novosti». – 832s. (In Russ.).

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию (Received) 11.06.2023

Поступила после рецензирования (Revised) 22.09.2023.

Дата выхода в свет 29.12.2023.

УДК 327.56

DOI:10.22394/2225-8272-2023-12-4-74-84

ГАСРАТЯН Светлана Манвеловна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН (Россия, Москва), e-mail: gasratyan_svetlana@mail.ru, Author ID: 612162

GASRATYAN S. M., Candidate of Historical Sciences, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Russian Federation, Moscow), e-mail: gasratyan_svetlana@mail.ru

ХАЗАНОВ Анатолий Михайлович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова (Россия, Москва), e-mail: khazanov@wisc.edu, SPIN-код: 7912-9636, AuthorID: 71354

KHAZANOV A. M., Doctor of Historical Sciences, professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Chief Scientific Officer of The Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences Yaroslavl State University P.G. Demidov (Russian Federation, Moscow), e-mail: khazanov@wisc.edu

ПРОТИВОСТОЯНИЕ ИЗРАИЛЯ, ИРАНА И СИРИИ В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ И ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ (1980–2010-Е ГГ.)

THE CONFRONTATION BETWEEN ISRAEL, IRAN AND SYRIA IN THE CONTEXT OF REGIONAL AND GLOBAL PROBLEMS (1980-2010)

Аннотация. В статье показано противостояние Израиля, Ирана и Сирии в 1980–2010-е гг. Выявлено, что оно обострилось в указанные хронологические рамки. Поводом к очередному нарастанию конфликта стала гражданская война в Ливане. В исследовании приведен анализ противостоящих сторон и раскрыты ключевые моменты боевых действий в Ливане. Раскрывается вмешательство Израиля в ливанскую гражданскую войну и борьба в ней Тель-Авива против Организации освобождения Палестины. В статье подчеркивается, что с 2005 г. после победы на президентских выборах иранских консерваторов и Махмуда Ахмадинежада усилилось стремление Ирана выступать в качестве регионального лидера на Среднем и Ближнем Востоке. В качестве вывода в статье подчеркивается, что снижение остроты противоречий между Израилем, Ираном и Сирией находится в прямой зависимости от выполнения резолюции Генеральной Ассамблеи ООН о создании еврейского и арабского государств в Палестине, а не только Израиля.

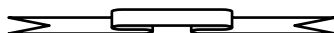
Ключевые слова: Ближний и Средний Восток, Иран, Израиль, Сирия, противостояние, гражданская война, «Хезболла», Ливан, Голанские высоты.

Abstract. The purpose of the article is to study the confrontation between Israel, Iran and Syria in the 1980s and 2010s.

It was revealed that it escalated within the specified chronological framework. The reason for the next escalation of the conflict was the civil war in Lebanon. The study provides an analysis of the warring parties and reveals the key points of the fighting in Lebanon. The article reveals Israel's intervention in the Lebanese Civil War and Tel Aviv's struggle in it against the Palestine Liberation Organization. The article emphasizes that since 2005 After the victory of the Iranian conservatives and Mahmoud Ahmadinejad in the presidential elections, Iran's desire to act as a regional leader in the Middle and Middle East has intensified.

As a result, the authors conclude that reducing the severity of contradictions between Israel, Iran and Syria is directly dependent on the implementation of the United Nations General Assembly resolution on the establishment of Jewish and Arab states in Palestine, and not only Israel.

Keywords: Middle East, Iran, Israel, Syria, confrontation, civil war, Hezbollah, Lebanon, Golan Heights.

©Гасратян С.М., 2023г.
©Хазанов А.М., 2023г.

ВВЕДЕНИЕ

В 1980-х гг. произошло очередное обострение международной обстановки на Ближнем Востоке, которое продолжилось до конца 2010-х гг., т. е. практически весь изучаемый хронологический интервал времени. Этому вопросу посвящены исследовательские работы И.Д. Звягельской, В.М. Морозова, М.А. Пиляевой и ряда других специалистов [1, С.184; 2; и др.]. В них, в частности, отмечалось, что важными причинами обострения отношений между Израилем, Ираном и Сирией стали: нежелание Тель-Авива иметь в качестве соседа независимое арабское государство Палестину; сионистская риторика в Израиле; исламский фактор в арабских государствах и Иране; работы по созданию ядерного оружия в Израиле и Иране [2]. Имеющиеся материалы, прежде всего периодическая печать, дипломатическая переписка, сообщения ТАСС, другие источники по истории внешней политики [8], позволяют проанализировать усиление конфронтации на Ближнем Востоке с участием Израиля, Ирана и Сирии на рубеже 70-х – 80-х гг. XX века и раскрыть развитие этого противостояния вплоть до начала 20-х гг. XXI века.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Гражданская война в Ливане

С 1975 года в Ливане началась гражданская война между правохристианскими и «левомусульманскими» силами. В неё была втянута Сирия. Ее войска в качестве миротворческих сил заняли часть ливанской территории. В результате сирийские вооруженные силы и Организация освобождения Палестины (ООП), а не официальное правительство Ливана контролировали значительную часть ливанской территории. Однако против этого

выступили правохристианские силы в Ливане.

В течение нескольких месяцев, с декабря 1980 года по июнь 1981 года, длилась битва при Захле в Ливане, в которой противостояли друг другу правохристианские ливанские вооруженные формирования и сирийские войска. Несмотря на победу в сражении правохристианских ливанских сил, спустя пять лет, в 1985 году, Захла была без боя передана под контроль сирийской армии.

В июле 1981 года израильские ВВС начали бомбардировку позиций ООП по всему Ливану, прежде всего по Бейруту. Израиль заявил, что это акция возмездия за ракетные удары палестинцев по Израилю, которые были совершены во время продолжавшейся ливанской гражданской войны. Спустя год Израиль начал наземную операцию. Израильтяне окружили ливанскую столицу. 13 июня 1982 года бойцы Организации освобождения Палестины и часть сирийских войск были изолированы в городе. После упорных боев в августе 1982 года огонь со всех сторон был прекращен, силы ООП и ее лидер Я. Арафат покинули Бейрут и перебазировались в Тунис.

Участие Ирана (Исламская Республика Иран, ИРИ) в гражданской войне в Ливане началось вскоре после начала боевых действий. Иранское руководство рассчитывало создать угрозы против Израиля, укрепить свое влияние в Ливане. Действуя в этом направлении, в 1982 году Иран на территории Ливана создал шиитскую военизированную группировку «Хезболла». Израиль, со своей стороны, провозгласил невмешательство в ливанскую гражданскую войну, но предупредил о начале активных действий в случае пересечения «красных линий», которые он определил, – передачи оружия «Хезболле» и угрозы безопасности Израилю.

Ещё в 1981 году Иран отверг план создания Палестины на Западном берегу р. Иордан. Иран заявил, что арабское государство Палестина должно быть создано в

прежних границах – очевидно, в границах подмандатной Британской Палестины 1922–1948 гг., и присутствие там Израиля подрывает интересы всего исламского мира. Последующие президенты Ирана демонстрировали негативное отношение к Израилю и выстраивали свой политический курс в антиизраильском духе. В этом отношении Иран приобрел условных, а в ряде случаев и реальных союзников в лице Ливана, Палестины, Сирии, Турции и ряда арабских стран.

В 1990 году гражданская война в Ливане закончилась без значительных изменений для его государственного устройства. Вместе с тем мусульмане добились представительства в ливанском парламенте в равных частях с христианами, права премьер-министра (суннита) были значительно расширены за счет урезания власти президента (маронита). «Амаль» и «Хезболла» договорились о прекращении огня. Президентом Ливана стал христианин Элиас Храуи, положительно настроенный по отношению к Сирии. Враждующие вооруженные группировки, кроме «Хезболлы», спонсируемой Ираном, сдали имеющееся оружие и военную технику ливанской и сирийской правительственным армиям.

Переговоры Сирии и Израиля

В конце 1992 года президент Сирии Хафез Асад (1971–2000 гг.) был готов заключить всеобъемлющий мирный договор с Израилем в обмен на полный уход израильских войск с Голанских высот и из Южного Ливана. Он рассчитывал, что США заставят Израиль уступить Голаны Сирии и удалят Сирию из списка стран, поддерживающих терроризм.

Лидеры Сирии и Израиля приняли решение положить конец состоянию войны между двумя странами и начать процесс нормализации отношений, устранив психологические барьеры взаимного недоверия, ненависти и

страха. В 1994 г. между Израилем и Сирией начались переговоры о заключении мирного соглашения. В течение двух раундов переговоров (с 24 января по 25 февраля 1994 года) несовместимость позиций сторон становилась все более очевидной. Сирийское руководство критиковало решение Ицхака Рабина (премьер-министр Израиля в 1974–1977 и 1992–1995 гг.) провести референдум по вопросу о Голанских высотах и требовало безусловного ухода израильских войск с этих высот в течение одного года.

25 февраля 1994 года переговоры были прекращены, но вскоре под давлением США были возобновлены. 8 сентября 1994 года на пресс-конференции в Лондоне один из сирийских лидеров – Фарик аль-Шафа – впервые сказал, что «Сирия готова предложить Израилю прочный мир, включая установление полных дипотношений в обмен на уход израильских войск с Голанских высот» [5].

Однако израильское правительство не было согласно на полный уход с Голанских высот, предлагая другую повестку дня для мирных переговоров с Сирией. Еще в сентябре 1994 года И. Рabin предложил условия мирного договора, включавшие лишь частичный уход израильтян из четырех друзских деревень на Голанах. После этого, по плану Рабина, должен был последовать «тестовый период» в три года, в течение которого должна была быть завершена «нормализация отношений между Израилем и Сирией, включая обмен посольствами» [5]. Полный уход с Голан, согласно плану Ицхака Рабина, «мог быть только после референдума». Однако этот план был неприемлем для Хафеза Асада.

В том же 1994 году в течение нескольких месяцев происходили секретные переговоры между сирийским и израильским послами в Вашингтоне. С ноября 1994 года в этих переговорах стали принимать участие сирийские и израильские высшие военачальники, в том

числе начальники генштабов Хикмат Шихаби и Эхуд Барак. В ходе названных военных переговоров израильские и сирийские генералы обсуждали вопросы безопасности, в том числе предложение о размещении американских войск на Голанских высотах. Однако в ходе этих переговоров соглашения достичь не удалось [14].

Санкции против Ирана

В 1995 году Исламская Республика Иран подверглась торговым ограничениям и экономическим санкциям со стороны США. Первоначально они были объявлены в одностороннем порядке. Вскоре к ним присоединилась и Россия. Эти санкции выражались в запрете поставок вооружений и ряде других ограничений. В 1996 году конгресс США утвердил новые санкции, которые, по задумке организаторов, должны были прежде всего ударить по иранской добыче нефти и нефтеперерабатывающей промышленности. В 2001 году Россия возобновила поставки оружия Ирану. В 1997 году президентом Ирана стал Мохаммад Хатами, которого затем в 2005 году сменил Махмуд Ахмадинежад. Вышеназванные иранские президенты, особенно Ахмадинежад, придерживались активной антиизраильской позиции.

Гражданская война в Сирии

В 2011 году в Сирии началась многолетняя гражданская война, в результате которой погибло более 500 тысяч человек, а миллионы превратились в беженцев. Президент Сирии с 2000 года Башар Асад (сын Хафеза) получил от своих союзников – Ирана и России – существенную военную помощь, выразившуюся в поставках оружия, предоставлении военных советников, офицеров Корпуса стражей исламской революции (КСИР) и шиитских бойцов «Хезболлы». Политика Ирана

была направлена на то, чтобы помочь Б. Асаду сохранить свою власть и предотвратить захват Сирии сторонниками «Исламского государства» (ИГ, или ИГИЛ) – террористической суннитской организации.

Постепенно Иран увеличивал присутствие своих войск в Сирии и стал создавать там военные базы. Помимо помощи официальному правительству, целью Ирана являлось создание на сирийской территории форпоста для действий против Израиля. Премьер-министр Израиля Б. Нетаньяху заявил, что с точки зрения Израиля была достигнута «красная линия», и Израиль не позволит Ирану базироваться в Сирии.

В 2018 году обострилось противостояние между Израилем и Ираном. До тех пор Иран нападал на Израиль через организации, действовавшие от его имени, но не являвшиеся официальной частью его сил. Главным «прокси» была «Хезболла», которая пыталась создать инфраструктуру в Сирии и отсюда совершала нападения на Израиль.

Со своей стороны, Израиль предпринимал в Сирии секретные операции и не брал на себя ответственность за происшедшие, в связи с этим события. Эти операции включали многочисленные нападения на транспорт с оружием из Ирана, направлявшийся «Хезболле» через Сирию. После ряда открытых инцидентов бывший глава разведки Армии обороны Израиля Амос Ядлин признал, что Израиль находился в прямом конфликте с Ираном. «Кажется, завершились семь хороших лет, и мы входим в семь плохих лет. То, что, по-видимому, является окончанием сирийской гражданской войны, превращается на наших глазах в начало войны с будущим Сирией, а основными игроками на сирийской арене становятся Иран и Израиль», – заявил Ядлин.

Со времени гражданской войны Иран заручился поддержкой Б. Асада и свободно действует на территории Сирии. Израиль, со

своей стороны, занял позицию нейтралитета, придерживаясь принципа «никакого вмешательства в гражданскую войну в Сирии». Смысл этой «сбалансированной позиции был «прост, и он сводился к следующему: ...чем дольше длится война, в результате которой Сирия будет уничтожена, тем лучше будет для Израиля».

В 2011–2018 гг. Иран вложил огромные суммы в возрождение сирийской экономики, не забывая и о военной составляющей на Ближнем и Среднем Востоке. Иран в 2010-е гг. создал шиитские ополчения в Ираке численностью около 20 000 человек. О значительной численности «Хезболлы» косвенно свидетельствуют ее потери. Так, в указанное время «Хезболла» в боях в Сирии потеряла 1700 бойцов. Сложившаяся ситуация устраивала Израиль: «Хезболла» сражалась в Сирии и не имела возможности вступить в войну с Израилем, в то время как израильские военно-воздушные силы совершали регулярные бомбардировки сирийской территории, объясняя их стремлением пресечь передачу оружия иранской «Хезболле».

Обстрел Голанских высот, Иран и Израиль

Весной 2018 года было объявлено, что Армия обороны Израиля (ЦАХАЛ) соорудила для своих сил целый комплекс бомбоубежищ на Голанских высотах. Тем не менее даже отличные военные, разведывательные и оперативные возможности не могли обеспечить полную безопасность израильтянам на Голанских высотах. В 2018 году несколько десятков ракет были выпущены по Голанским высотам иранской Аль-Кудс (часть Революционной гвардии), ответственной за разведку и военные действия за пределами Ирана. По данным израильского оборонного ведомства, почти все эти ракеты в районе Голанских высот были успешно перехвачены «Железным

купол» Израиля [1], но небольшая часть из них достигла цели.

Израильские ВВС постоянно поддерживали высокий уровень готовности. Система защиты от ракет («Железный купол») была полностью развернута и находилась в боевой готовности. Она способна успешно перехватывать большинство ракет противника. Существует в Израиле и сильная разведывательная операционная система («Моссад»), которая достаточно успешно действует против врагов Израиля. Вместе с тем стоит отметить, что израильская армия и разведка не были всесильны и в их работе происходили сбои, в результате которых страдало мирное население.

Опасаясь усиления Ирана, власти Израиля и израильское лобби в США оказали давление на правительство Д. Трампа, чтобы оно вышло из Соглашения по иранской ядерной программе. Сам Трамп также настаивал на прекращении действия данного соглашения со стороны США. В результате в мае 2018 года Д. Трамп заявил о выходе Соединенных Штатов из иранской ядерной сделки и подписал меморандум о возобновлении действий ранее замороженных санкций [8].

Отношения между Ираном и Израилем

В конце 10-х гг. XXI века существовали определенные «красные линии» для Израиля и Ирана. «Красной линией» для Израиля являлась передача Ираном новейшего оружия «Хезболле» в Ливане. Израиль был обеспокоен более совершенными ракетами дальнего радиуса действия, новейшим противокорабельным и противолодочным оружием, приобретенным Корпусом стражей исламской революции (КСИР). Однако иранские силы продолжили укреплять свои позиции в Сирии. Израиль утверждал, что иранские силы находятся далеко от дома и должны вернуться в Тегеран [13], и постоянно обстреливал пози-

ции Корпуса стражей исламской революции в Сирии.

По утверждениям западных СМИ, Иран оказывал значительную военную поддержку не только таким своим шиитским союзникам, как «Хезболла» в Ливане, но и другим выступлениям против израильтян за границей [13]. В указанное время росло региональное влияние Ирана. Он укрепил свои позиции в Сирии, причем это отнюдь не было связано с его ядерной программой, которую Израиль считал и считает фундаментальной угрозой для себя.

По оценкам израильской разведки, в Сирии насчитывалось около 9000 шиитов под командованием Ирана, которые помогали президенту Башару Асаду сохранить свои позиции и восстановить свой контроль над большей частью территории страны.

Авигдор Либерман во время пребывания на посту министра обороны Израиля в 2016–2018 гг. несколько раз публично выступил с решительным осуждением политики Ирана и его союзников в Ближневосточном регионе. Он озвучил официальную позицию Израиля: «...Мы не допустим ... консолидации Ирана и Сирии и не позволим превратить всю Сирию в форпост против Израиля». ЦАХАЛ неоднократно совершал крупные нападения на Сирию. Так, одна атака состоялась против иранской базы на окраине Дамаска, а другая атака была произведена против военного исследовательского центра, который располагался также в пригороде сирийской столицы.

По оценкам экспертов, даже если вторая атака и не была нацелена на иранскую цель, она по-прежнему содержала четкое послание Ирану. Как выразился комментатор Бен Каспит в специальной колонке в «Аль-Манваре», война уже шла, хотя и с низкой интенсивностью. Эта война еще не являлась явной, но ее нельзя было отрицать.

Таким образом, в 2018 году отношения Ирана и Израиля вновь обострились. Предупреждения Израиля были очень серьезными. Из-

раиль решил во что бы то ни стало не допускать пересечения его «красных линий». Он атаковал сирийскую территорию, когда обнаружил базу, предназначенную для размещения шиитской милиции вблизи Дамаска. Израиль не взял на себя ответственность за нападение, но никто не имел сомнений относительно принадлежности военных самолетов. Израиль рассчитывал, что американская администрация стабилизирует свои позиции в регионе, откажется от решения об уходе с Ближнего Востока в целом и из Сирии в частности. В действительности США, несмотря на все заверения о скором уходе американских войск, не отказались от своего присутствия в Сирии, так как прекрасно понимают ее стратегическое значение для всего Ближнего Востока. В свою очередь, Иран, наряду с Россией, поддержал силы Башара Асада в борьбе с ИГИЛ. Российское (по просьбе сирийского правительства) и иранское присутствие в Сирии вызвало беспокойство у правящих кругов Израиля. Особую озабоченность Израиля вызвало сообщение о поставке российских ракет С-300 в Сирию. Атаки Израиля в Сирии не были случайными. Они являлись частью более широкого американского и израильского плана против Ирана.

В то же время Иран никогда не действовал непосредственно против Израиля. Свое противостояние с Тель-Авивом Тегеран осуществлял через «Хезболлу», обеспечивая этой организации регулярную мощную политическую, финансовую и военную поддержку. В результате именно «Хезболла» является прямой угрозой для израильского государства. Она обстреливала израильские войска вплоть до выхода израильских сил из Ливана в 2000 году. В июле 2006 года «Хезболла» обстреляла израильские позиции и отправила своих бойцов для нападения на израильский пограничный патруль, после чего началась 34-дневная вторая ливанская война. За время второй ливанской войны «Хезболла» произвела более 4000 обстрелов израильских вооруженных сил.

Согласно сообщениям израильской разведки, все ракеты «Хезболлы» в то время были нацелены непосредственно на территорию еврейского государства.

Борьба Израиля за вытеснение Ирана с Ближнего Востока

Согласно документам, полученным «Моссадом» и представленным многолетним премьер-министром Израиля Б. Нетаньяху общественности в его речи «Границы», Иран в начале XXI в. вел работу по созданию ядерного оружия. В 2015 году Иран с одной стороны и пять стран – постоянных членов Совета Безопасности ООН (Китай, Россия, Великобритания, Франция, США) + Германия с другой стороны достигли соглашения по прекращению иранской ядерной программы в обмен на отмену санкций. По этому соглашению Иран согласился на допуск инспекторов МАГАТЭ на ядерные объекты, располагавшиеся на его территории, а страны Запада, в свою очередь, согласились поэтапно снимать с Ирана санкции. Соглашение ратифицировали все стороны, и оно было одобрено Советом Безопасности ООН. В 2017 году Иран продолжил предпринимать энергичные усилия по укреплению своих позиций в Сирии и помощи Б. Асаду в борьбе против сирийской исламской радикальной оппозиции. Израильская разведка «Моссад» пришла к выводу, что Иран может использовать свое присутствие вблизи израильской границы для сбора разведданных и даже для нападений на Израиль.

Напряжённость усилилась 2 декабря 2017 года, когда BBC Израиля совершили атаку на иранскую базу вблизи Дамаска. Израиль признал, что он совершил ряд нападений в Сирии, которые, по его утверждению, были направлены на то, чтобы предотвратить продвижение Ирана к границе еврейского государства.

Воздушное противостояние между Израилем, Сирией и Ираном состоялось утром 10 февраля 2018 года. В это время произошел бой между израильскими военно-воздушными силами с одной стороны и войсками Сирии и Ирана – с другой. Один из израильских самолетов F-161 Sufa был поражен огнем сирийских ПВО и разбился около Киббуца Хардуфа, после чего израильские ВВС атаковали 12 сирийских и иранских целей в Сирии. В этих атаках погибло от 6 до 25 человек, некоторые из них – иранские солдаты. В этом же году происходили регулярные обстрелы приграничных территорий Сирии и Дамаска со стороны Израиля [4]. Разберем причины нападения Израиля на проиранские силы в Сирии. Во-первых, он стремится добиться смены режима в Иране, а во-вторых, принудить вывести иранские войска из Сирии. Существует также третья причина, которая заключается в том, чтобы заставить иранские войска не приближаться к сирийско-израильской границе на Голанских высотах. Новейшая история показывает, что происходит в случае попыток изменения режима извне, достаточно перечислить Ирак, Ливию и Афганистан. Вывод иранских сил из Сирии также представляется почти нерешаемой задачей, тем более что Башар Асад не против иранского присутствия. Таким образом, остался третий вариант – отодвинуть иранцев от границы с Израилем. Для Нетаньяху Иран был «великим сатаной» в течение многих лет. В 2010-е гг. у него появилась возможность ударить по иранскому присутствию в Сирии, не слишком рискуя, потому что в еврейском государстве существует мнение, что Иран не будет остро реагировать на антииранские действия вблизи израильских границ.

Но есть еще одно объяснение, которое напрямую не связано с тем, может ли Израиль извлечь выгоду из самих атак. Это связано с международной политикой, которую проводит Израиль. Наивно полагать, что время,

выбранное для израильских нападений на иранские цели, было не связано с майским решением Д. Трампа 2018 года выйти из ядерного соглашения с Ираном. Совершенно очевидно, что эти нападения являлись частью более широкой игры Израиля и администрации США против Ирана и другого партнера, о котором мало кто упоминал, – Саудовской Аравии [9]. Иранцы и «Хезболла» в 2010-е гг. заявляли, что Саудовская Аравия подталкивает Израиль против «Хезболлы», чтобы сделать то, что не удастся самим саудитам.

Возможно, что израильские нападения на Сирию во второй половине 2010-х гг. были частью трехстороннего израильско-американско-саудовского плана. Вероятно, что Саудовская Аравия согласилась нормализовать свои отношения с Израилем (было достигнуто согласие на пролет самолетов на пути в Израиль над Саудовской Аравией) и усилить давление на президента Палестины, председателя движения ФАТХ и председателя исполкома Организации освобождения Палестины с 2004 года Махмуда Аббаса (известного также как Абу-Мазен), чтобы принять план администрации Трампа по взаимному признанию Палестины и Израиля, названный в 2020 году «сделкой века».

Ясно, что израильская политика против Ирана в Сирии не является самостоятельной. Возможно, впервые после Синайской кампании 1956 года Израиль вступил в военную кампанию и сотрудничал, по крайней мере, с одной страной, в данном случае с США. Как уже отмечалось, цель Израиля заключалась в устранении иранского влияния на территории Ливана и Сирии. В этом же русле находилось вышеупомянутое решение президента США Д. Трампа в мае 2018 года о выходе из ядерной сделки и восстановлении экономических санкций. Официальный представитель Саудовской Аравии признал успешными израильские атаки в рамках ближневосточной кампании против Ирана [9].

После выхода США из ядерной сделки перед Ираном в 2018 году встали следующие вопросы: урегулирование социально-политической обстановки в стране, особенно в ожидании второй волны санкций в ноябре 2018 года; действия в Сирии; противоборство с Израилем; будущее ядерного соглашения с остальными участниками; возвращение к ядерной программе, предшествовавшей соглашению; новые переговоры с правительством Трампа; развитие экономических отношений с другими странами. В конце 10-х гг. XXI века стало ясно: мощного раскачивания внутривнутриполитической обстановки в Иране не произошло, несмотря на сложную экономическую ситуацию и продолжающиеся время от времени антиправительственные демонстрации. Вместе с тем Тегеран прекрасно понимал, что при определенных обстоятельствах Соединенные Штаты Америки – постоянный стратегический союзник Израиля – могут «дать зеленый свет» еврейскому государству для активного воздействия на все зоны иранского влияния на Ближнем и Среднем Востоке.

Израильские правящие круги, в свою очередь, источником региональной нестабильности провозгласили Иран, прежде всего обвиняя его в стремлении получить ядерное оружие. Они учли, что иранское влияние в регионе невозможно быстро разрушить даже в результате санкций. Израильская элита считала, что Израилю нецелесообразно стоять на переднем крае борьбы непосредственно с Ираном, и рассматривала военный вариант как последнее средство воздействия. Вместе с тем существовало понимание, что «Хезболла» – главная и самая опасная организация, действующая против Израиля.

По поводу способов борьбы с «Хезболлой» в Тель-Авиве возникло два противоположных мнения. Одни считали, что Израилю лучше действовать непосредственно против «Хезболлы», пытаясь уменьшить ущерб ливанскому государству («война закончится,

когда «Хезболла» будет уничтожена, а все остальное будет стабильным»). Другие полагали, что Израиль должен относиться к Ливану как к единому целому, для которого «Хезболла» является частью политической и военной инфраструктуры, и поэтому правительство Ливана несет ответственность за все, что происходит на его территории, равно как и за то, кто будет платить и какую цену, если «Хезболла» решит атаковать [6].

Иран в нулевые и десятые годы XXI века стремился стать региональной державой и работал над созданием сухопутного коридора между своей территорией и ливанским побережьем, проходящим через Ирак и Сирию. Израиль же в 2010-е гг. исходил из того факта, что Сирии Асада больше не существует, а ее территория разделена на сферы влияния между Ираном, Турцией, Соединенными Штатами и Россией.

Противоборство Израиля с Ираном показало, что борьба Тель-Авива против иранского присутствия в Сирии приблизилась к апогею. Попытка уничтожить власть президента Сирии Башара Асада приведет Израиль к лобовому столкновению с иранцами. Судя по всему, иранский режим не заинтересован в открытой войне с Израилем, учитывая внутреннее общественное мнение, выступающее против [5].

Глава «Мосссада» Йоси Козн неоднократно напоминал об иранской угрозе и об опасности, исходящей от Тегерана: «Иран пытается распространить свое влияние на весь регион, он представляет собой серьезную угрозу для Израиля»; «Для нас одной из главных целей является вытолкнуть Иран из Ближнего Востока»; «Иран очень активно присутствует на ливанской границе через «Хезболлу» и все жестче укрепляет свои позиции в Ираке и в политическом, и в военном отношении» [2]. Силы безопасности Израиля заявили, что будут и впредь предпринимать решительные действия, чтобы помешать любой деятельно-

сти Ирана, направленной против безопасности еврейского государства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в 1980–2010-е гг. наблюдалось постоянное нарастание противоречий между Израилем с одной стороны и Ираном, а также с Сирией – с другой. Эти противоречия выливались в дипломатические и военные демарши, переходившие в открытое вооруженное противостояние. Позиция Израиля состоит в том, что исламский режим в Иране прекратил свое существование. В свою очередь, Иран решительно выступил против сионистского режима в Израиле и поддержал сопротивление ему на всех направлениях.

Ввиду остроты международной обстановки на Ближнем и Среднем Востоке решение проблемы Израиль – Иран – Сирия видится в неуклонном выполнении резолюции Генеральной Ассамблеи ООН № 181 от 29 ноября 1947 года о создании двух государств в Палестине: израильского и арабского.

Библиография / References:

1. Вполне вероятно, что произойдет ухудшение отношений Израиля с Ираном и Сирией. [Электронный ресурс]. – Режим доступа – свободный. – URL: <http://hageula.com/news/bitachon/17938.htm> (дата обращения: 11.08.2023).
2. Глава Мосссада: Иран представляет серьезную угрозу для Израиля. [Электронный ресурс]. – Режим доступа – свободный. – URL: <https://www.srugim.co.il/284837-%D7%AB%D7%90%D7%A9-%D7%94%D7%9E%D7%95%D7%A2%D7%93-%D7%90%D7%99%D7%AB%D7> (дата обращения: 31.10.2022).
3. Звягельская И.Д., Морозов В.М. Израиль – Иран: Балансирование на грани? //

- Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflict of interest.
Поступила в редакцию (Received) 10.08.2023
Поступила после рецензирования (Revised) 23.09.2023.
Дата выхода в свет 29.12.2023.

УДК 322

DOI:10.22394/2225-8272-2023-12-4-85-93

БОЛДИН Сергей Алексеевич, аспирант, Среднерусский институт управления – филиал РНХиГС (Россия, Орёл), e-mail: sergei.boldin@yandex.ru, SPIN-код: 9033-9808, AuthorID: 1209730

BOLDIN S. A., Postgraduate Student, Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPA (Russian Federation, Orel), e-mail: sergei.boldin@yandex.ru

РУССКАЯ ЦЕРКОВЬ И ФОРМИРОВАНИЕ ВСЕМИРНОГО МИРОТВОРЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В XX ВЕКЕ

THE RUSSIAN CHURCH AND THE DEVELOPMENT OF GLOBAL PEACEKEEPING IN THE 20TH CENTURY

Аннотация. Целью статьи является анализ становления всемирного миротворческого движения и участия в нём Русской Церкви в первой половине XX века. Автор отмечает, что развитие тенденций миротворческого движения началось в первом десятилетии XX века. Инициаторами этого движения стали религиозные организации протестантских церквей Западной Европы. В статье указано, что оформление миротворческого движения происходило в условиях нарастающей конфронтации между Антантой и Тройственным союзом. Автор выделяет тесную взаимосвязь между миротворческим движением и идеей объединения церквей. В этом процессе одно из важных мест заняла Церковь Англии. Русская Церковь подключилась к процессу организации миротворческого движения после 1943 года. В это время Московский патриархат возобновил свою внешнеполитическую деятельность после нескольких десятков лет изоляции. Автор отмечает, что миротворческая деятельность тесно связана с функционированием Всемирного совета церквей (ВСЦ). Сделано заключение, что развитие всемирного миротворческого движения происходило одновременно с развитием экуменической деятельности. Активное участие Русской Церкви в этом процессе началось после выхода РПЦ из изоляции в 1943 г.

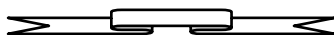
Ключевые слова: Российская империя, СССР, церковь, религия, движение за мир, всемирное миротворческое движение.

Abstract. The purpose of the article is to analyze the development of global peacekeeping and the participation of the Russian Church in it in the first half of the 20th century.

The author notes that the development of trends in peacekeeping started in the first decade of the 20th century. Protestant churches in Western Europe became the initiators of this movement. The article states that the development of peacekeeping took place in conditions of increasing confrontation between the Entente and the Triple Alliance. The author highlights the close relationship between peacemaking and the idea of the unification of churches. In this process, one of the important places was taken by the Church of England. The Russian Church joined the process of organizing peacekeeping after 1943. At that time, the Moscow Patriarchate resumed its foreign policy activities after several decades of isolation. The author notes that peacekeeping is closely linked to the functioning of the World Council of Churches (WCC).

As a result, the author concludes that the development of global peacekeeping took place simultaneously with the development of ecumenical activity and the Russian Church started taking an active part in this process after the Russian Orthodox Church came out of isolation in 1943.

Keywords: Russian Empire, USSR, church, religion, peace movement, global peacekeeping.

©Болдин С.А., 2023г.

ВВЕДЕНИЕ

Изучение тематики по Русской Церкви и формированию всемирного миротворческого движения представляет существенную актуальность и интерес для историков, религиоведов, социологов и других исследователей.

Русская Церковь, как и другие религиозные институты, играет важную роль в формировании мировоззрения и ценностей общества. Изучение истории и деятельности Русской Церкви позволяет понять степень её влияния на политическую, культурную и социальную сферы не только в России, но и в других странах, где присутствует русская православная община.

Формирование всемирного миротворческого движения также является важным аспектом, который заслуживает внимания и рассмотрения. Данное движение стремится к созданию гармоничного и мирного мира посредством миротворческой и медиативной деятельности, развития диалога и сотрудничества между различными нациями и культурами.

Всемирное миротворческое движение – это международная инициатива, направленная на построение гармоничного и мирного мира. Основной задачей движения является содействие урегулированию конфликтов, предотвращению насилия и нарушений прав человека, а также поощрение диалога, сотрудничества и взаимопонимания между различными группами и нациями.

В основе всемирного миротворческого движения лежат принципы ненасилия, устранения вражды и поиска мирных решений. Оно объединяет активистов, организации и граждан, стремящихся к миротворческой деятельности и сотрудничеству в различных областях, включая политику, образование, социальную работу, искусство и культуру.

Всемирное миротворческое движение проводит различные мероприятия и акции,

направленные на привлечение внимания к проблемам насилия и конфликтов, а также на пропаганду мира и межкультурного взаимопонимания. Оно поддерживает и разрабатывает миротворческие программы, образовательные проекты и исследования, способствующие снижению напряженности и созданию условий для мирного сосуществования.

Важным аспектом всемирного миротворческого движения является сотрудничество с другими международными организациями и институтами, такими как Организация Объединенных Наций, Европейский союз, ЮНЕСКО и другие. Это позволяет объединять усилия и ресурсы для достижения общих целей по установлению мира и справедливости в мировом сообществе.

Всемирное миротворческое движение неразрывно связано с идеями толерантности, уважения к различиям, справедливости и *solidarnosti*. Целью движения является создание мирной и стабильной общественной среды, где каждый человек может жить в гармонии и безопасности.

Исследование роли Русской Церкви в формировании и поддержке всемирного миротворческого движения позволяет разобраться в её этических и мировоззренческих основаниях, понять, как Церковь мобилизует свои ресурсы и использует свой авторитет для построения мира и урегулирования конфликтов.

Более того, изучение данной тематики дает возможность выявить и проанализировать влияние религии и религиозных институтов на глобальную политику, культуру и международные отношения. Роль Русской Церкви в промоуции мира и справедливости может быть особенно значимой в периоды конфликтов и напряженности на международной арене.

Начало участия Русской Церкви в миротворческом движении относится к периоду последних лет 1940-х гг. Этот послевоенный

период стал началом нового противостояния просоветской и проамериканской систем, которые в итоге привели к началу холодной войны. Антисоветские тенденции нашли свое отражение в политике сдерживания – доктрине Трумэна и «плане Маршалла». СССР, по сути, в результате предпринятых шагов со стороны США и западных стран вынужден был действовать в противовес новым событиям того времени. В результате накала противостояния СССР и западного мира была создана организация стран Варшавского договора.

Усугубило тенденции нарастающей конфронтации появление ядерного оружия, а также начало новых военных конфликтов – война в Корее, а затем во Вьетнаме. В мировом сообществе в ту эпоху стали формироваться движения за мир.

Однако новыми эти тенденции не были. В целом зарождение движения за мир, как и появление разного рода организаций из этого направления, относится к началу XX века. Важно отметить, что на тот период в этих движениях активное участие принимали представители христианских церквей.

Инициатива по развитию миротворческих тенденций исходила изначально от Церкви Англии. Это объяснимо, так как именно англикане занимались еще в XIX веке активной миссионерской деятельностью. Для них подобный опыт работы был знаком. Стремление англикан также были объяснимы с точки зрения того, что Великобритании нужно было вести пропаганду за мир в начале XX века, так как было необходимо отстаивать свои интересы, а также пытаться обуздать интересы активно усиливающейся Германии.

Русская Церковь включилась во всемирное миротворческое движение не без участия государственных органов Советского Союза. Можно даже отметить, что под контролем государства.

В условиях Советского Союза многие цер-

ковные организации и власти искали возможности сотрудничества для достижения мира и сопротивления насилию. При этом архиереи Русской Православной Церкви и представители государственных органов стали участниками миротворческих программ как внутри страны, так и в международных рамках. Были случаи, когда Русская Церковь и государство совместно проводили мирные акции, на которых призывалось к прекращению конфликтов и построению гармоничного общества. Такие акции направлялись на пропаганду мира, распространение идеи толерантности и формирование осознания значимости сохранения мира и религиозных ценностей. Однако следует отметить, что роль Церкви и ее отношение к государству и миротворчеству неоднозначны и могут зависеть от времени, конфликтов и политического контекста. В советское время Церковь оказывалась в сложных условиях и была ограничена в своей деятельности, поэтому ее возможности в миротворческой сфере могли быть ограничены. В настоящее время Русская Церковь продолжает участвовать в различных миротворческих и межконфессиональных инициативах, таких как форумы диалога и сотрудничества, конференции по миротворчеству, а также межрелигиозные молитвы и церемонии, направленные на содействие миру и взаимопониманию между людьми разных культур и вероисповеданий. Важно отметить, что Русская Церковь, как и другие религиозные организации, играет свою роль в миротворческих усилиях, но окончательное решение принимает каждое суверенное государство в соответствии со своими политическими и безопасностными интересами.

Для советского правительства было важно оказывать влияние на работу организаций, пропагандирующих идею мирного сосуществования. По этой причине в пору начала холодной войны, используя опыт прошлого, советское правительство активно стало координировать подключение, а затем участие Русской Церкви в работе организаций, выступающих за мир. Про-

изошло это в период последних лет 1940-х гг.

ОСНОВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

К началу XX века произошло обострение отношений между объединенной в 1871 года Германией и Великобританией. Этот процесс шел на фоне усиления Германии и в первую очередь на военно-морском пространстве. Немцы приняли сразу два флотских закона. Первый датируется 1898 года, а второй – 1900 года [9, С. 78]. Оба закона были нацелены на создание мощного немецкого флота. Немцам это было необходимо для выстраивания политики доминирования на мировой арене. Англичане также стали наращивать мощь своего военно-морского флота. Для этого англичане создали новые и более совершенные корабли линейного типа «Дредноут» и «Инвинсибл» [9, С. 78].

Однако все принимаемые англичанами меры не могли остановить активную политику милитаризации Германии. По этой причине Лондон начал искать варианты для выстраивания дипломатического диалога с Германией. Так, была предпринята одна из первых попыток договориться на конференции в Гааге в 1907 года.

Тогда на конференции в Гааге, которая была проведена по инициативе русской стороны, был подписан меморандум. Он касался вопросов мирного урегулирования вооруженных столкновений. Сила меморандума обосновывалась на необходимости совместной работы по предотвращению военных конфликтов. Затем в Великобритании при поддержке архиепископа Кентерберийского, а потом и в США были созданы общества в поддержку мира. В 1909 года был учрежден Церковный Совет для поощрения дружеских отношений между Великобританией и Германией [7, С.59].

Усиление Германии стало предпосылкой для формирования Антанты (Россия, Франция, Великобритания) в период 1904–1907 гг. Антан-

та была создана в противовес Тройственному союзу (Германия, Австро-Венгрия и Италия). Формирование этих союзов происходило в предвоенные годы – перед Первой мировой войной.

Усиление конфронтации на международной арене происходило на фоне развития движения за объединение церквей. Инициатива в этом деле исходила от Церкви Англии. Англичане еще в XIX веке стали активно заниматься миссионерской деятельностью. В рамках этой работы создавались специальные организации. Руководством к подобного рода действиям стала английская «теория ветвей». Кстати, согласно «теории ветвей», которая была выстроена по английскому парламентскому принципу, все христианские церкви одинаковы. Правда, по мнению англикан, каждая из них отличается своими особенностями. Руководствуясь этой теорией и опираясь на активную миссионерскую деятельность, англикане начали выстраивать отношения с отдельными христианскими церквями. Не стала исключением и Русская Церковь.

Отправным событием в развитии движения за объединение церквей считается Эдинбургская конференция 1910 года. В этой конференции приняло участие достаточно большое количество представителей от разных протестантских церквей [3]. Однако и до конференции в Эдинбурге существовали организации, которые занимались активной работой по развитию отношений с различными христианскими церквями. Здесь, в частности, можно привести пример деятельности англиканских интерконфессиональных организаций. Например, Ассоциация восточных церквей. Это организация, кстати, возникла еще в середине XIX века. Её главной целью было выстраивание взаимодействия с православными церквями Востока, в том числе и с Русской Церковью. Ассоциация восточных церквей была создана англиканами.

В предвоенные годы миротворческое движение приобрело масштабный характер.

Уже после начала Первой мировой войны, 3 августа 1914 года, для усиления международного сближения был основан Всемирный союз (альянс) дружбы народов через посредничество церкви (The World Alliance for promoting International Friendship through the Churches) [7, С. 59].

Ещё одна конференция, посвященная организации работы по защите мира, в преддверии Первой мировой войны в 1914 года была проведена в Лейк. Здесь шла речь об образовании новой организации, которая также занималась бы вопросами мироустройства. Эта организация получила наименование «Всемирный союз дружбы народов через посредничество церкви» [7, С. 59]. Уже в следующем, 1915 года в ряде стран были открыты филиалы этой организации. Во главе этого движения стали представители Церкви Англии.

Одновременно с этим шел процесс образования организаций, которые должны были заниматься вопросами политического регулирования мирового устройства. Речь идет об образовании Лиги Наций, которая в будущем стала прообразом ООН.

В начале 30-х гг. XX века в результате работы ряда религиозных международных организаций начался процесс институализации экуменического движения, в котором на этом этапе сформировалось несколько направлений. В частности, речь идет о богословском, практическом (социальном) и миссионерском направлениях. В эту пору у лидеров ряда организаций стала возникать мысль создать единую организацию [9, С. 46].

В 1933 года в Йорке в Великобритании собралась конференция, в работе которой принимали участие ряд религиозных общественных организаций и представители разных стран и различных христианских церквей. Цель конференции заключалась в попытке выработать общую стратегию единой работы представителей всех организаций [9, С. 46]. Практического результата достичь не удалось, однако шаг к со-

зданию такой организации был намечен [3]. Затем подобная встреча прошла в Париже на следующий год.

На конференции в 1935 года будущий архиепископ Кентерберийский, а также активный деятель за сближение церквей У. Темпл выдвинули идею о создании межконфессионального международного совета, который представлял бы все международные организации и все церкви. Члены этого совета, как отметил У. Темпл, могли бы в будущем дальше заниматься своими проектами, но уже в рамках одной организации [4, Р. 701]. В результате работы этой конференции был создан специальный комитет. Этому комитету по итогам конференции было поручено подготовить предложения для создания единой экуменической организации. В октябре 1936 года комитет в количестве 35 человек начал свою работу. По числу своих членов комитет в дальнейшем получил наименование «Комитет 35» [9, С. 46].

Вся эта долгая подготовка в конечном итоге привела к тому, что в 1937 года в Лондоне были сделаны реальные шаги к созданию Всемирного совета церквей. Однако оформление Всемирного совета церквей произойдет только спустя 11 лет. Долгим отодвигающим барьером в этом деле станут события Второй мировой войны.

В конце декабря 1940 года была организована комиссия. Инициаторами создания данной комиссии стали 100 представителей христианских церквей из разных стран. Членам этой комиссии предстояло заняться вопросами изучения основ для формирования справедливого и безопасного мира.

После пройденных трех лет в 1943 года, в самый разгар Второй мировой войны, была подписана декларация о мире во всём мире и о принципах послевоенных взаимоотношений. Эту декларацию подписали 146 представителей от церквей католицизма и иудаизма [11, С. 66].

Здесь же нужно упомянуть, что в 1943 года из изоляции вышла Русская Церковь. В сентяб-

ре 1943 года в Москву прибыла делегация Англиканской Церкви [12, С. 118]. Спустя более чем 20 лет Русская Православная Церковь (РПЦ) восстановила свою международную деятельность. И произошло это именно с Англиканской Церковью, с которой у РПЦ были выстроены отношения еще с XIX века, а первые контакты произошли намного раньше [12, С.118].

Уже после завершения Второй мировой войны и с началом холодной войны международная деятельность РПЦ стала расцениваться как возможность развития диалога с другими странами за счет межцерковных диалогов.

В то время как усиливались антагонистические настроения между Москвой, Лондоном и Вашингтоном после Фултонской речи У. Черчилля, на международной арене, в том числе при непосредственном участии Русской Церкви, стала прослеживаться тенденция зарождения международных религиозных организаций, ставивших своей целью борьбу за мир. Эти организации выросли в результате появления движений борьбы за мир, которые были образованы еще в начале XX века.

В Советском Союзе в специализированный орган – идеологический отдел при Центральном комитете партии – на постоянной основе поступали информационные сообщения из органов безопасности. Эти сообщения касались вопросов функционирования международных религиозных организаций [8, С. 47].

В период 1946 года РПЦ не спешила развивать активную деятельность в миротворческих организациях, которые уже были созданы на Западе. У политического руководства страны и высших церковных иерархов была идея внести свою лепту в работу этих организаций, а значит, отстаивать необходимые Советскому Союзу политические принципы на международной арене.

В начале января 1946 года патриарх Алексий I в обращении к Г. Карпову, председателю Совета по делам РПЦ, писал, что, если Русская Церковь станет принимать участие в экумени-

ческом движении, ее главная цель – создать «Всемирную Ассамблею Мира» (так мы её назовём)» [7, С. 60]. Всемирная Ассамблея Мира (World Peace Assembly) – это международное собрание, объединяющее представителей различных стран и общественных организаций, которые стремятся к достижению мира в мире и созданию стабильных и гармоничных отношений международного сообщества. Всемирная Ассамблея Мира проводила свои заседания и конференции с целью обсуждения вопросов, связанных с миротворчеством, международными отношениями, конфликтами, причинами конфликтов, нераспространением оружия массового уничтожения и другими вопросами, влияющими на безопасность и стабильность в мире. Она оказывала содействие установлению международного мира, здоровых отношений и сотрудничества между государствами, а также привлечению внимания международного сообщества к проблемам вооруженных конфликтов, терроризма, насилия, нарушения прав человека и других факторов, препятствующих достижению устойчивого развития и мира. Всемирная Ассамблея Мира могла заниматься и иными вопросами, связанными с глобальными вызовами, такими как экологические проблемы, бедность, социальная несправедливость и т. д., поскольку все эти факторы могут оказывать влияние на общественную безопасность и мир в целом.

В 1948 году был создан Всемирный совет церквей (ВСЦ). При ВСЦ была создана Комиссия церквей по международным делам. Кстати, эта комиссия внесла свой соответствующий вклад в подготовку и разработку Всеобщей декларации прав человека.

В 1949 года был образован Советский комитет защиты мира. Эта организация контролировала движение советских сторонников мира [6, С. 169]. У этой организации был руководящий орган – Президиум. Его председателем был Т. С. Тихонов – советский писатель, публицист и общественный деятель. В будущем он

станет членом Всемирного совета мира.

Ближе к завершению 1940-х гг. представители Русской Церкви стали принимать участие в работе целого ряда специальных организаций, которые занимались вопросами миротворчества. Русские православные иерархи были участниками работы сессий, которые организовывались Всемирным советом мира. Представители Русской Церкви участвовали в заседаниях Всемирной Ассамблеи Мира.

Организовывались в это время также конференции по проблемам мира. Их участниками также были представители Московского патриархата. На ряде таких конференций с речью выступали патриархи Московской патриархии.

Проводились соответствующие конференции по проблемам мира на территории Советского Союза, где также принимали участие русские православные иерархи.

Представители Русской Церкви принимали участие во Всемирном конгрессе сторонников мира. Он проходил в столице Франции с 20 по 25 апреля 1949 года [14, С. 381]. В заседаниях конгресса принимал участие митрополит Крутицкий и Коломенский Николай. Он, кстати, потом войдет в Постоянный комитет Всемирного конгресса.

В мае 1949 года в «Журнале Московской Патриархии» появилась рубрика «В защиту мира». В ней публиковались новостные сводки, касающиеся встреч, участия русских иерархов во всех разнообразных мероприятиях, связанных с миротворческим движением [13].

В последних числах августа 1949 года в Москве прошла Всесоюзная конференция сторонников и защитников мира. На конференции был избран Советский комитет защиты мира. В его состав вошли 79 человек [6, С. 169].

В ноябре 1950 года в Варшаве на Втором Всемирном конгрессе сторонников мира был образован Всемирный совет мира. Эта организация стала главным противником военных действий. Организация должна была контроли-

ровать работу сторонников мира из разных стран. Она выступала за всеобщее разоружение и была против империалистических настроений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Формирование всемирного миротворческого движения происходило на протяжении первой половины XX века. Первые несколько десятков лет прошлого столетия были наполнены целым рядом важных событий, которые повлияли на ход исторического развития. В то же время в конце XIX – начале XX века произошло усиление противоречий между объединённой в 1871 году Германией и Великобританией. Немцы претендовали на мировое господство, пытались утвердить свою гегемонию на морских пространствах, где в то время первые места занимали англичане. Политическое противоборство в конечном итоге привело к образованию в начале XX века двух союзов: Антанты и Тройственного союза. На этапе образования этих союзов произошло зарождение основ для будущей миротворческой деятельности. Инициаторами развития миротворчества выступили христианские церкви. В частности, нужно в первую очередь упомянуть Церковь Англии. Для англикан было знакомым развитие активной миссионерской деятельности, которой они занимались еще в XIX веке. Поэтому по их инициативе изначально получило свое распространение движение за объединение церквей. Из этих начальных тенденций в будущем будет сформировано экуменическое движение.

Не осталась в стороне от этих тенденций и Русская Церковь. Как известно, еще в дореволюционной России русские православные иерархи при участии государственных органов тесно взаимодействовали с отдельными протестантскими церквями. Для Русской Церкви были знакомы начальные этапы становления движения за объединение церквей. В период после революции 1917 года Русская Церковь не могла

по объективным причинам принимать участие в становлении миротворческого движения. Однако весьма высокой была роль Русской Церкви в организации всемирного миротворческого движения во второй половине 40-х гг. XX века. В 1943 году Русская Церковь возобновила межцерковное сотрудничество. Советское правительство, в свою очередь, в условиях развития конфронтации с США пыталось найти варианты своего влияния на мировые процессы. Международные связи Русской Церкви стали основанием для реализации внешнеполитических задач советского правительства. В конце 1940-х гг. Русская Церковь включилась в активную деятельность всемирного миротворческого движения.

Библиография / References:

1. Brown W. A. Toward a United Church. New York, 1946. Vol.264. – P.134–137.
2. Catholic Encyclopedia (2 ed.). Washington, 2002. – Vol. 14. – P. 840.
3. Ecumenical Movement // The Oxford Dictionary of the Christian Church / ed. F. L. Cross. – New York: Oxford University Press. 1997.
4. Visser't Hooft W. The Genesis of the World Council of Churches // A History of the Ecumenical Movement, 1517–1948 / Rouse R. and Neil C., ed. – Geneva, 2004. – V. 1. – P.701.
5. Visser't Hooft W. A., Cooke L. E., Early T. World Council of Churches // New Catholic Encyclopedia. – Washington D.C.: Gale, 2002. Vol.14. – P.528.
6. Викторов А.Г. Влияние Советского комитета защиты мира (СКЗМ) на развитие общественно-политической ситуации в 1965–1985 гг. // Бюллетень науки и практики. – 2016. – № 9 (10). – С.168–170.
7. Ливцов В.А. Генезис экуменического движения в XX веке // Провинциальные научные записки. – 2017. – № 1 (5). – С. 58–61.
8. Маслова И.И. «Ватиканское направление»: из истории секретных операций КГБ // Религия и право: информационно-аналитический журнал. – 2005. – № 2.
9. Письменюк И.Н. Создание Всемирного совета церквей (ВСЦ) и его первая ассамблея в Амстердаме // Церковный историк. – 2019. – № 1 (1). – С. 46–56. EDN: SKQQSZ.
10. Синегубов С.Н. Проблема германо-английского флотского соглашения на этапе начала февраля – конца марта 1909 г. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. – 2009. – № 15 (70). – С. 77–81. EDN: MUQVLJ.
11. Тихон, игумен, Никитин В.А. Экуменическое движение и Русская Православная Церковь до ее вступления во Всемирный Совет Церквей // Журнал Московской Патриархии. – 1983. – № 12. – С. 66.
12. Федотов С.П., Новиков В.Ф., Меркулов А.В. Политические факторы и последствия московской встречи православных и англикан в 1943 году // Среднерусский вестник общественных наук. – 2018. – Т.13. – № 4. – С.118–133. EDN: YBRZJR.
13. Шкаровский М.В. Последняя атака на Русскую православную церковь. [Электронный ресурс]. – Режим доступа – свободный. – URL: <http://you1917-91.narod.ru/shkarovskiy.html> (дата обращения: 20.07.2023).
14. Штриккер Г. Русская Православная Церковь в советское время. В 2-х кн. М., 1995. Т. 1. – С. 381.
1. Viktorov A.G. (2016) Vlianie Sovetskogo komiteta zashchity mira (skzm) na razvitie obshchestvenno-politicheskoi situatsii v 1965-1985 g.g [Influence of the Soviet Committee for the Defence of Peace (skzm) on the development of the socio-political situation in 1965-1985] // Biulleten' nauki i praktiki – № 9 (10). – S. 168-170. (In Russ.).
2. Livtsov V.A. Genezis ekumenicheskogo dvizheniia v XX veke [Genesis of the ecumenical movement in the XX century] // Provintsial'nye nauchnye zapiski. – № 1 (5). – S.58-61. (In Russ.).

3. Maslova I. I. (2015) «Vatikanskoe napravlenie»: iz istorii sekretnykh operatsii KGB [«Vatican direction»: from the history of secret operations of the KGB] // *Religiia i pravo: informatsionno-analiticheskii zhurnal*. № 2. (In Russ.).
4. Pis'meniuk I. Sozdanie Vsemirnogo soveta tserkvei (VSTs) i ego pervaiia assambleia v Amsterdame [Creation of the World Council of Churches (WCC) and its first assembly in Amsterdam] // *Tserkovnyi istorik*. – 2019. – №1(1). – S. 46-56. EDN: SKQQSZ (In Russ.).
5. Sinegubov S.N. (2009) Problema germano-angliiskogo flotskogo soglashiia na etape nachala fevralia – kontsa marta 1909 g. [The problem of the German-English fleet agreement at the stage of early February – late March 1909] // *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriia. Politologiya* – №15(70). – S.77–81. EDN: MUQVLJ (In Russ.).
6. Tikhon, igumen, Nikitin V.A. (1983) Ekuменическое движение и Russkaia Pravoslavnaia Tserkov' do ee vstupleniia vo Vsemirnyi Sovet Tserkvei [Ecumenical movement and the Russian Orthodox Church before its accession to the World Council of Churches] // *Zhurnal Moskovskoi Patriarkhi* – № 12. – S.66. (In Russ.).
7. Fedotov S.P., Novikov V.F., Merkulov A.V. (2018) Politicheskie faktory i posledstviia moskovskoi vstrechi pravoslavnykh i anglikan v 1943 godu [Political factors and consequences of the Moscow meeting of Orthodox and Anglicans in 1943] // *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk* – T. 13. – № 4. – S.118–133. EDN: YBRZJR (In Russ.).
8. Shkarovskii M.V. Posledniaia ataka na Russkuiu pravoslavnuuiu tserkov'. [The last attack on the Russian Orthodox Church] [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa svobodnyi. – URL: <http://you1917-91.narod.ru/shkarovskiy.html> (data obrashcheniia: 20.07.2023). (In Russ.).
9. Shtrikker G. (1995) Russkaia Pravoslavnaia Tserkov' v sovetskoe vremia [Russian Orthodox Church in the Soviet era]. V 2- kh kn. – M., 1995. T.1. – S. 381. (In Russ.).
- Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflict of interest.
Поступила в редакцию (Received) 10.08.2023
Поступила после рецензирования (Revised) 23.10.2023.
Дата выхода в свет 29.12.2023.

УДК 281.93(063)

DOI:10.22394/2225-8272-2023-12-4-94-107

САВОСИЧЕВ Андрей Юрьевич, доктор исторических наук, доцент, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева (Россия, Орёл), e-mail: sawositchev@mail.ru, SPIN-код: 8926-9746, Author ID: 426655

SAVOSICHEV A.Yu., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Orel State University named after I.S. Turgenev (Russian Federation, Orel), e-mail: sawositchev@mail.ru, Author ID: 426655

ДЪЯКИ В АППАРАТЕ УПРАВЛЕНИЯ РУССКОЙ ЦЕРКВИ В КОНЦЕ XVI – НАЧАЛЕ XVII ВЕКА

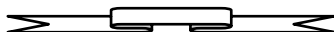
DEACONS IN THE ADMINISTRATION OF THE RUSSIAN CHURCH IN THE LATE 16th – EARLY 17th CENTURY

Аннотация. В статье реконструирован персональный состав дьяков митрополита Дионисия, патриархов Иова, Игнатия и Гермогена; составлены служебные биографии дьяков; прослежены основные этапы их карьеры на службе главам Русской Церкви. По своему происхождению митрополичьи и патриаршие дьяки не отличались от дьяков царского приказного аппарата. В значительной своей части дьяческий аппарат Московской патриархии формировался путём перевода государевых дьяков в канцелярию главы Русской Церкви. По своей социальной природе дьяки были служилыми землевладельцами, так же как бояре и дети боярские митрополичьего и Патриаршего двора. Церковный аппарат управления имел более простую структуру в сравнении с государственным приказным аппаратом. Функции церковного и государственного аппаратов были сходны, что было обусловлено сходством решаемых задач.

Ключевые слова: дьяки, Русская Церковь, Патриарший двор, казна, дворец, церковное управление.

Annotation. The purpose of the article is to analyze the personal stuff of the deacons of Metropolitan Dionysius, Patriarchs Job, Ignatius and Hermogenes; official biographies of deacons are compiled; the main stages of their careers in the service of the heads of the Russian Church are traced. By their origin, the metropolitan and patriarchal clerks did not differ from the clerks of the royal clerical apparatus. For the most part, the clerical apparatus of the Moscow Patriarchate was formed by transferring the sovereign clerks to the office of the head of the Russian Church. By their social nature, clerks were serving landowners, as well as boyars and boyar children of the metropolitan and Patriarchal court. As a result, the author concludes that the church administration had a simpler structure than the state administrative apparatus. The functions of the church and state apparatus were similar, which was due to the similarity of the tasks being solved.

Keywords: deacons, Russian Church, Patriarchal Court, treasury, palace, church administration.

©Савосичев А.Ю., 2023г.

ВВЕДЕНИЕ

Взаимоотношения Церкви и государства в России прошли несколько этапов. Полагаю, не будет преувеличением сказать, что поиск оптимальных форм взаимодействия не закончен до сих пор. Поэтому анализ исторического опыта в этой области *актуален*.

Специальных работ, посвященных патриаршим дьякам конца XVI – начала XVII века как социальной корпорации, до сего дня не написано. Изучались органы церковного управления, прежде всего, в контексте развития управления государственного. К. А. Неволин отмечал, что дьяк и подьячие существовали в ряду чинов духовного управления ещё в середине XV века. Они «занимались письменными делами митрополита» [24, С. 25]. Рассматривая историю государственного управления, автор пришел к выводу, что при митрополите могли существовать приказы, ставшие после 1589 года патриаршими. К. А. Неволин полагал, что при царе Фёдоре могли существовать Патриарший разряд и Патриарший Казённый приказ [24, С. 48]. Между тем автор признаёт, что первые, безусловно, достоверные упоминания о патриарших приказах относятся к XVII столетию [24, С. 140–142].

И. И. Вернер относит приказы по церковному управлению к сословно-судебным. Первые упоминания Патриаршего разряда относятся к 1626–1627 гг.; Патриаршего духовного приказа и Патриаршего судного приказа – к Смутному времени. Автор полагает, что Патриарший Духовный приказ и Патриарший дворец возникли вместе с учреждением патриаршества. Приказ церковных дел возник под названием Тиунской избы в конце XVI века [17, С. 179–180].

И. Д. Беляев был настроен более скептически, он относил организацию патриарших приказов к временам патриарха Филарета [16, С. 438]. Солидарен с ним И. И. Шимко,

автор монографического исследования о Патриаршем Казённом приказе. И. И. Шимко заключал, что церковный аппарат строился путём подражания устройству государственного аппарата. Наиболее близкое слияние церковной и государственной власти произошло именно при патриархе Филарете [42, С. 4–5]. Автор дал подробную характеристику служебной деятельности дьяков и подьячих приказа, их доходов от службы. Вопросы о происхождении и поместном обеспечении патриарших дьяков и подьячих И. И. Шимко не ставились.

Н. А. Рожков полагал, что «следы существования патриарших приказов становятся заметны уже в конце XVI столетия». Упоминание Патриаршего Дворцового приказа исследователь обнаружил в 1595 году в тексте тогда не опубликованной «Записной книги поместным и земельным дачам митрополичьим и патриаршим слугам» [34, С. 131–132].

Н. П. Ерошкин относил возникновение Патриаршего двора к концу XVI века и полагал дьяков одним из его чинов. Создателем патриарших приказов автор считал Филарета [19, С. 45, 62]. А. К. Леонтьев, характеризуя государственный строй России XVII века, относил создание патриарших приказов к началу этого столетия [25, С. 313]. Реконструкцию корпуса патриарших дьяков периода Смуты сделал Д. В. Лисейцев. Эту задачу исследователь решил в контексте ответа на вопрос о времени возникновения патриарших приказов [21, С. 428–437].

Основной источник по истории митрополичьей и патриаршей канцелярии избранного периода – это акты и делопроизводственные материалы, удостоверенные дьяками главы Русской Церкви: жалованные, указные и духовные грамоты, памяти, отписи. Актовый архив митрополичьей и патриаршей кафедры за две последние трети XVI – начало XVII века фактически не сохранился – лишь около десятка отдельных грамот, разбросанных по разным архивохранилищам. Кроме этого, ма-

териалы делопроизводства патриархии дошли в составе «Записной книги поместным и земельным дачам митрополичьим и патриаршим слугам»; в актовых собраниях Кирилло-Белозерского, Костромского Троицкого Ипатьева, Суздальского Покровского девичьего, Серпуховского Введенского Владычня, Иосифо-Волоцкого, Троице-Сергиева и Московского Симонова монастырей.

Хронологические рамки темы обусловлены традиционной периодизацией истории России XVI – XVII вв., 1584–1618 гг. – в широком смысле эпоха Смуты, переломный период в истории нашей страны. Поскольку объект исследования – Митрополичий/Патриарший двор как инструмент реализации правительственной власти Русской Церкви, а на избранную эпоху приходится предстояние ряда глав Церкви – от Дионисия до Филарета, расширим хронологические рамки исследования 1581–1619 годами.

Цель работы состоит в том, чтобы выявить место и роль дьяков в структуре Митрополичьего и Патриаршего двора. Для этого необходимо решить несколько задач: 1) реконструировать персональный состав дьяков митрополичьей и патриаршей канцелярии; 2) определить происхождение дьяков; 3) составить их служебные биографии и выявить специфику их службы в структуре Митрополичьего и Патриаршего двора.

В основу *методологии исследования* положены просопографический метод и метод структурно-функционального анализа.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

С 1581 по 1619 год через митрополичью/патриаршую канцелярию прошли 15 дьяков: 1) Вареев Андрей; 2) Григоров Иван Ветхово; 3) Куликов Максим Тимофеев; 4) Лазарев Фирс Иванович; 5) Максимов Афанасий; 6) Микулин Пётр; 7) Мухин Юрий; 8) Никитин Евдоким; 9) Ордынцев Михаил Иванович;

10) Петров Тимофей; 11) Подлесов Андрей Романов; 12) Рагозин Пётр; 13) Фёдоров Казарин; 14) Ховралев Неудача Васильевич; 15) Шабаршин (Шеборшин, Шабарин) Иван Маркович.

9 из 15 дьяков – Андрей Вареев, Фирс Лазарев, Пётр Микулин, Евдоким Никитин, Михаил Ордынцев, Тимофей Петров, Казарин Фёдоров, Неудача Ховралев и Иван Шеборшин – пришли в митрополичью/патриаршую канцелярию из государственного аппарата. Казарин Фёдоров так и писал в своей челобитной: «Пожаловал царь, государь и великий князь Михайло Фёдорович всеа Руси меня, холопа своего, велел быти у патриарха у судных дел на Неудачино место Ховралево» [8, С. 249]. До того Казарин служил сначала подьячим в Казне и Разрядном приказе, а потом дьяком в Муроме [21, С. 629–630].

Иван Григоров, Юрий Мухин и Пётр Рагозин – потомственные митрополичьи слуги. Афанасий Максимов начинал службу в Патриаршем дворе сыном боярским (1599) [8, С. 194, 206, 208, 209]. Максим Куликов тоже церковный человек, но он начинал службу в Новгородской митрополии как софийский сын боярский [18, С. 504]. Для Андрея Подлесова служба в патриаршей канцелярии была первым опытом приказной работы.

Иван Григоров принадлежал к фамилии детей боярских, известной на митрополичьей службе с середины 1560-х гг. В 1560–1561 годах митрополичий сын боярский Милко Григоров владел поместьем в Карашской волости Ростовского уезда [8, С. 268]. В 1565–1566 годы митрополичий сын боярский Владимир Васильев Григоров присутствовал на суде дела о неуплате долга, разбиравшегося митрополичьими боярами [22, С. 22].

Юрий Мухин, судя по всему, сын митрополичьего дьяка Василия Мухи Ларионова сына.

Рагозины суть фамилия старинных митрополичьих вассалов. Посему дьяк Пётр Рагозин, скорее всего, то же лицо, что и патриарший

сын боярский Пётр Буславов Рагозин. Родоначальник Рагозиных Иван Рагоза Терентьев жил во второй половине XV века, служил митрополиту Геронтию [6, С. 83]. Отец дьяка Буслав Рагозин в «Списке 100-го года» патриарший сын боярский [41, С. 237]. Помимо Петра, у Буслава было ещё по меньшей мере четверо сыновей. Тимофей, Воин, Бессон и Григорий – патриаршие дети боярские, владимирские помещики [8, С. 126, 143, 149, 188–189, 194–195, 219, 224, 258, 266, 306, 307, 315, 317]. Тимофей в «Списке 100-го года» записан как патриарший сын боярский по Дмитрову [41, С. 239].

Фирс Лазарев происходил из детей боярских. В 1628/29–1629/30 гг. в Угличском уезде описаны его бывшие поместья и вотчина [27, С. 92; 29, С. 593–594, 595–596]. Кроме дьяка, в том же месте упоминается ещё целый ряд Лазаревых, явных однородцев приказного деятеля [27, С. 86, 98; 28, С. 129–130, 133–134, 156; 30, С. 227, 268–271]. Лазаревы известны в Угличе с 40-х гг. XVI века [36, Л. 688 об.]. Из их служебных назначений удалось установить только одно: 1 августа 1598 года патриарший чашник Евфимий Деев Лазарев поставил подпись под грамотой об избрании на царство Бориса Годунова [11, С. 7]. По всей видимости, Лазаревы-угличане служили с городом.

Михаил Ордынцев до перехода на приказную работу служил в детях боярских [23, С. 290–292].

Андрей Подлесов вышел из «разночинской среды». Его отец Роман Подлесов упоминается в 1580 и 1591 годах как дворцовый приказчик сёл Некоморна Юрьевского уезда и Андреевское Суздальского уезда [1, С. 120, 200–201]. Сам Андрей начал службу с чина городского сына боярского по Бежецкому Верху. В этом чине он упоминается в купчей Василия Фёдорова Шафрова и Демида Ивановича Черемисинова в Юрьевском уезде в 1586/87 гг. [5, С. 426]. Позднее Андрей Подлесов служил стрелецким сотником [41, С. 215].

Происхождение Петра Микулина, Евдокима Никитина, Тимофея Петрова, Казарина Фёдорова, Неудачи Ховралева и Ивана Шеборшина неизвестно.

В роду Григоровых служба главе Церкви была наследственной. Патриарху служил сын Ивана Григорова Матвей [8, С. 259–260].

Андрей Подлесов с 1610 года перешел на службу в государственный приказной аппарат. Сыновей у него, похоже, не было, дочь Дарья была замужем последовательно за Тимофеем Дементьевым Недюревым и Степаном Васильевым Телепнёвым [20, С. 38, 103]. В патриарших детях боярских служил брат дьяка Василия Романович Подлесов. 26 октября 1614 года он бил челом о придаче к поместью в свой оклад в 400 четвертей [8, С. 238–239, 302, 303].

Как и все дьяки, дьяки митрополичьей/патриаршей канцелярии не были бюрократами в чистом виде. Дьячество – одна из социальных корпораций внутри служилого сословия, класса служилых землевладельцев. От патриарха дьяки, как и все члены его двора, получали поместья в пределах домена главы Церкви.

Пётр Буславов Рагозин, ещё будучи патриаршим сыном боярским, был пожалован 14 мая 1593 года частью пустоши Ларионово в Опольском стану Владимирского уезда на 63 [8, С. 126, 258]. Кроме этого, Пётр владел селцом Бухалово в том же уезде. К 27 марта 1616 года, когда дьяка уже не было в живых, его вдова Мария и дочь Арина владели в селце дачей на 125 четв. [8, С. 264, 266]. При патриархе Гермогене за Петром было поместье в Звенигородском уезде: село Аксиньино с деревнями Бусачево, Санино, Высокая, Горка, Новинки, Близнецы, Белавкино, Юрятино и Попадьино на 275 четвертей [8, С. 278, 279]. Две последние дачи принадлежали Петру Рагозину как патриаршему дьяку.

1 мая 1594 года дворцовый дьяк Иван Ветхово Григоров получил в поместье пустошь

Горки Московского уезда на 60 четвертей. Это придача к 45 четвертям в волости Караш Ростовского уезда [8, С. 132] – всего 105 четвертей. 18 ноября 1597 года он же получил в поместье пустошь (бывшее сельцо) Горки, Парфеново тож; пустошь Борановка и пустошь (бывший починок) Моковеев на 78 четвертей. Это придача к имению в волости Караш на 45 четвертей [8, С. 176]. Итого: 123 четверти.

4 октября 1594 года патриарший казённый дьяк Евдоким Никитин получил поместье – деревню Малинкино в Быкове и Коровине стану Московского уезда на 30 четвертей [8, С. 139–140]. 13 марта 1597 года патриарх пожаловал его поместьем в волости Сельцы Московского уезда: деревней Верховина, Фетиньино тож на 20 четвертей. Это придача к деревне Малинкиной на 30 четвертей. Всего 50 четвертей [8, С. 161]. 28 октября 1598 года последовала новая придача – пустошь Котово в том же уезде на 40 четвертей [8, С. 214]. Итого: 90 четвертей.

30 апреля 1596 года патриарх пожаловал своих дьяков Неудачу Васильева Ховралева и Фирса Иванова Лазарева поместьем – дворцовым селом Хлябовым и пустошью (бывшей деревней) Оксентьевым в Московском уезде на 333 четверти и бывшим поместьем Ивана Шебаршина – сельцом Некрасовым с пустошами Мясоедово, Клишино, Сухарево, Степаново, Рогово, Бобренково, Скрыпово, Софонов, Фефилово, Кожино и Переделкино на 350 четвертей [8, С. 157].

Афанасий Максимов, ещё будучи сыном боярским, получил от патриарха Иова 150 четвертей поместья во Владимирском уезде [8, С. 216, 219, 233, 302, 323]. В 1614 году Афанасий, уже дьяк, получил от Ивана Андреева Никитина 100 четвертей поместья в том же уезде [8, С. 235, 236].

Андрей Подлесов владел поместьем деревней Бухалово Владимирского уезда [8, С. 266]. Помимо поместья от патриарха, дьяк владел вотчиной во Владимирском и

Дмитровском уездах и поместьями под Москвой и в Костроме. Владимирская вотчина сложилась путём серии покупок: в 1588/87 года – у Федосьи Сергеевны Танеевой, вдовы Владимира Иванова Могутова, и её детей Василия и Григория Владимировых Могутовых; в 1588/89 года – у Матвея Иванова и Семёна Матвеева Могутовых; в 1605/06 года – у Аграфены, вдовы Агафона Елизарова Ходыкина, с сыном Иваном; в 1614/15 года у стряпчих коныхов Якова и Никифора Никитиных Коняковых он купил деревни Игрища, Лопырево и Белаино с пустошью Колесниково стана Рог Малый Владимирского уезда. Около 15 февраля 1625 года дьяк приобрёл по закладной (принял в уплату долга) у Андрея Семёнова, Андрея и Михаила Андреевых Кузьминских пустошь Крапивну и деревню Стоянцево на рч. Сыцворотне в том же стану того же уезда [20, С. 38, 1249]. Подмосковное поместье Андрея Романовича, часть села Битягова, располагалось на рч. Рожая в Ростовской волости. Ввозная грамота на имение была выдана ему 11 января 1623 года 12 марта 1629 года дьяк выкупил это поместье в вотчину. Другая поместная дача – сельцо Григорьево в Нерехотской волости Костромского уезда. Это поместье было пожаловано дьяку в вотчину за участие в обороне Москвы против Тушинского вора. 1 июня 1615 года Андрей Романович купил у Ивана Борисова Матусова, а 20 июля 1619 года продал дьяку Ивану Ивановичу Болотникову сельцо Пересветово Повельского стана Дмитровского уезда [20, С. 103, 208, 1081, 1102; 26, С. 467].

Максим Тимофеев Куликов 6 августа 1614 года получил от фактического местоблестителя патриаршего престола митрополита Сарского и Подонского Ионы жалованную грамоту на поместье – село Сеславское (Всеславское) Владимирского уезда на 444 четверти. Весной 1616 года дьяк сдал половину поместья обратно в ведение Патриаршего дома, так как эта часть имения пребыва-

ла «в пусе», т.е. не обрабатывалась из-за отсутствия рабочих рук [8, С. 238, 266]. 23 ноября 1616 года Максим Куликов получил в поместье половину села Аксиньино в Звенигородском уезде на 52,5 четверти. Оклад дьяка – 500 четвертей [8, С. 277–279].

18 марта 1621 года Максим Куликов получил жалованную вотчину на часть своего поместья в Валуевской волости Галичского уезда. В 1627/28 года он купил у Никиты Тимофеева Кудрина сельцо Савашкино и пустошь Мишнево в Нерехотском стану Кашинского уезда и пустошь Бакарицу в Угличском уезде, а галичскую вотчину продал тому же Никите [20, С. 77, 1231].

Казарин Фёдоров 29 февраля 1615 года получил от митрополита Ионы послушную на село Хлябово с пустошами Оксенова и Мокошеева на 265 четвертей [8, С. 249–250].

Таким образом, в числе патриарших помещиков 10 из 15 дьяков. Нет сведений об Андрее Варееве, Юрии Мухине, Михаиле Ордынцеве и Тимофее Петрове.

В 1608 году Пётр Микулин, будучи дьяком царя и великого князя, бил челом о придаче, указав, что за ним два поместья – в Ржеве Владимирове и Нижнем Новгороде на 305 четвертей. 12 апреля 1608 года было указано отделить ему 240 четвертей из выморочной вотчины князей Шейсуповых в Ичаловском стану Арзамасского уезда. Согласно писцовой выписи, приложенной к указной, в раздачу должно было пойти с. Козаково [15, С. 30–32].

Какие-либо поместные пожалования Петру Микулину из патриарших земель неизвестны.

Канцелярия главы Русской Церкви была небольшим по штату учреждением. Постоянно в ней работали от двух до четырех дьяков. В государственном аппарате такое количество дьяков соответствовало одному приказу, что косвенно свидетельствует об объёме дел, проходившем через митрополицию/патриаршую канцелярию.

Ответ на вопрос о времени возникновения патриарших приказов зависит от избранного исследователем методологического подхода. Последний же есть элемент скорее философии, чем истории. Я полагаю, что следует отделять явление от его предпосылок. Начинать историю учреждения следует с того момента, когда оно появляется под своим названием. Таким образом, до XVII века приказов в системе церковного управления не существовало. Устойчиво прослеживаются два ведомства – дворец и казна. Митрополичий казначей известен со времён митрополита Феодосия [6, С. 114], митрополичьи казённые подьячие – с 1453 года [4, С. 347]. Митрополичий дворецкий упоминается с 1456 года [6, С. 107], митрополичьи дворцовые дьяки – с 1514-го [8, С. 176].

В рассматриваемый период никаких ведомственных регламентов не существовало, посему о компетенции того или иного учреждения можно судить только гипотетически. Прежде всего, следует обратить внимание на прямые указания источников.

В ведомстве казны служили Юрий Мухин (1589), Евдоким Никитин (1594, 1597) и Иван Григоров (1602). В 1589 году список подарков, полученных Иовом от царя по случаю возведения в патриаршее достоинство, был сохранён у патриаршего казённого дьяка Юрия Мухина [37, С. 316]. 21 января 1602 года патриарший казначей старец Арсений и дьяк Иван Григоров приняли в казну от братии Кирилло-Белозерского монастыря налоги, причитавшиеся с церкви Покрова Богородицы села Куликова Дмитровского уезда. Иван подписал платёжную отпись [10, С. 237].

Получается, что казна была хранилищем ценного имущества и денег митрополичьей кафедры. Архиерейская дань с приходских церквей поступала в казну. Дьяки вели соответствующие реестры и счета, выдавали расписки в получении платежей. В жалованной уставной грамоте митрополита Кирилла Ки-

рилло-Белозерскому монастырю на церковь Собора Архистратига Михаила в селе Вертинском Дмитровского уезда от 12 марта 1570 года упоминаются пребывавшие в казне книги, где были зафиксированы положенные с причта платежи [13, С. 314].

Далее изучаем те факты о деятельности казённых дьяков, где источники не дают прямых указаний на ведомственную принадлежность.

26 декабря 1584 года митрополичий дьяк Юрий Мухин подписал и скрепил по склейке копию с жалованной проезжей грамоты царя Ивана митрополичьим купчинам [8, С. 363]; 1 января 1585 года – жалованную тарханно-несудимую грамоту митрополита Дионисия Кирилло-Белозерскому монастырю на его церковь Покрова Богородицы в селе Куликово Повельского стана Дмитровского уезда [12, С. 387]. 2 февраля 1587 года старая, адресованная ещё митрополиту Афанасию указанная тарханно-проезжая грамота царя Ивана была удостоверена печатью митрополита Иова и подписью митрополичьего дьяка Юрия Мухина [8, С. 31]. 2 апреля 1587 года тот же дьяк подписал на имя Иова жалованную грамоту митрополита Дионисия Кирилло-Белозерскому монастырю [12, С. 387].

23 июля 1599 года дьяк Евдоким Никитин подписал жалованную грамоту патриарха Иова Симонову монастырю: братия получала разрешение призвать попа на вакантное место – к храму Покрова Богородицы в селе Ватолино Можайского уезда. Приход на три года освобождался от архиерейской дани [9, С. 262]. 26 августа 1602 года дьяк Евдоким Никитин скрепил жалованную несудимую, односрочную и заповедную грамоту патриарха Иова Царево-Константиновскому монастырю [8, С. 79]; 28 февраля 1605 года подписал жалованную несудимую, заповедную и двусрочную грамоту Нижегородскому Благовещенскому монастырю [8, С. 80].

26 ноября 1600 года дьяк Иван Григоров подписал жалованную грамоту патриарха Иова Лукьяну Григорьеву Васильчикову: вотчинник получал разрешение призвать попа на вакантное место – к храму Богоявления в селе Парфеново Переславского уезда. Приход на пять лет освобождался от архиерейской дани [2, С. 77].

Похоже, что через казну осуществлялись два важных процесса – выдача и подтверждение иммунитетных грамот. Это логично: ведомство, собиравшее налоги, ведало освобождением от обязательных платежей.

Далее отталкиваемся от выявленных функций казны.

7 января 1582 года митрополичий дьяк Иван Шебаршин подписал на имя митрополита Дионисия жалованную тарханно-несудимую грамоту митрополита Макария Белозерской Успенской Андреяновой (Иониной) пустыни [9, С. 132]; 19 марта – митрополита Кирилла церкви Рождества Богородицы в селе Алексине и Архангела Михаила в селе Лучкине Медушской десятины [38, Стб. 495]. 6 августа 1584 года митрополичий дьяк Тимофей Петров подписал подтверждение митрополитом Дионисием жалованной тарханно-оброчной и несудимой грамоты митрополита Кирилла Кирилло-Белозерскому монастырю [12, С. 315]. 17 июня 1586 года дьяк Иван Марков Шебаршин подписал жалованную благословенную грамоту митрополита Дионисия Костромскому Троицкому Ипатьеву монастырю на строительство храмов Св. Николая Чудотворца в селах Вакорине и Якольском Костромского уезда; Рождества Христова – в селе Прискокове Суздальского уезда. Прежние храмовые здания пришли в полную ветхость [14, С. 108].

26 ноября 1598 года Неудача Ховралев подписал жалованную грамоту Суздальскому Покровскому девичьему монастырю на возобновление храма в селе Шипове уезда Юрьева Польского [1, С. 265]; 16 июня 1599 года – указную грамоту патриарха Иова братии Сер-

пуховского Введенского Владычня монастыря о разрешении построить и освятить новый надвратный храм [33, С. 127].

Рискну предположить, что Неудача Ховралев здесь выступил тоже как казённый дьяк, хотя жалованные грамоты иные. Строить разрешается, но о налоговых льготах речь не идёт.

23 июня 1583 года Иван Шебаршин подписал жалованную грамоту патриарха Дионисия села Быкова Никольскому попу Григорию на две порозжие пустоши из поместного фонда в волости Коренева Суздальского уезда [8, С. 205]. 31 мая 1586 года Тимофей Петров подписал подтверждение этой грамоты в связи со сменой настоятеля: попа Григория сменил Иван [8, С. 205].

15 сентября 1605 года и 12 февраля 1606 года Пётр Рагозин удостоверил своей подписью копии с жалованных иммунитетных грамот Лжедмитрия I патриарху Игнатию [8, С. 83, 85]. Похоже, что это тоже дьяки казённые.

Если Иван Шабаршин и Тимофей Петров казённые дьяки, то через казну шел и поток утверждения архиерейской властью духовных грамот. 2 декабря 1584 года дьяки митрополита Дионисия Тимофей Петров и Иван Шабарин подписали утверждение духовной Елисея Васильевича Бибикова [7, С. 414]. 30 августа 1590 года дьяк Иван Шеборшин подписал духовную Андрея Тимофеевича Михалкова, явленную патриарху Иову [2, С. 259]. В 1598/99 года патриаршие дьяки Неудача Ховралев и Фирс Лазарев подписали духовную Меньшого Болычева, явленную патриарху Иову [3, С. 445]. 21 марта 1600 года дьяки Неудача Ховралев и Фирс Лазарев подписали приписку с утверждением патриархом Иовом духовной Михаила Ильича Пушкина [35, Л. 1048]. 24 мая 1601 года дьяки Неудача Ховралев и Фирс Лазарев подписали утверждение патриархом Иовом духовной кн. Александра Васильевича Волконского [13, С. 174]. 31 июля

1606 года дьяки Неудача Ховралев и Андрей Вареев подписали утверждение патриархом Гермогеном духовной Семёна Иванова Бутримова [3, С. 53].

Судя по прямым указаниям источников, в ведомстве дворца служили Иван Григоров (1594, 1595, 1597, 1598), Фирс Лазарев (1604), Неудача Ховралев (1604) и Афанасий Максимов (1616). 6 января, 21 марта и 30 сентября 1594 года в Патриарший дворец дворецкому Савину Григорьевичу Плещееву и дьяку Ивану Григорову были направлены памяти о передаче на оброк земли в уезде Юрьева Польского и выдаче соответствующих оброчных грамот; конфискации поместья и передаче его под управление местной сельской администрации [8, С. 132, 136, 139].

26 мая и 9 июня 1595 года патриаршему дворцовому дьяку Ивану Григорову были направлены памяти о записи в книги ржи и овса, вымолоченных в поместье, сменившем владельца [8, С. 148, 149]. Хлеб должен был принять и ссыпать в житницы волостелю Костромской волости Вяцко кн. Фёдору Фёдоровичу Мещерскому патриарший сын боярский [8, С. 148]. 24 мая 1599 года патриарший дьяк Фирс Лазарев подписал грамоту патриарха Иова Василию Яковлевичу Онучину в Суздаль о передаче новому помещику семян ржи вместе с помещьем [8, С. 207].

3 декабря 1597 года патриарший дворцовый дьяк Иван Григоров подписал разъезжую (межевую) на вотчины Рождественского и патриаршего Константино-Еленинского монастырей во Владимирском уезде [8, С. 66].

8 июля 1598 года в Патриарший дворец Савину Григорьевичу Плещееву и дьяку Ивану Григорову была направлена память с предписанием подготовить выписку из писцовых книг на село Ярославль Владимирского уезда. Выписку необходимо было отослать дьякам «Неудаче да Фирсу» [8, С. 220–221]. Что и было сделано на следующий день. Выпись подпи-

сал Иван Григоров [8, С. 221]. Т. е. Неудача и Фирс служили в другом ведомстве?

1 октября 1604 года патриаршему дворецкому кн. Фёдору Семёновичу Согорскому и дьякам Фирсу Лазареву и Неудаче Ховралеву было поручено учредить в Москве поповских старост и десятских, в связи с чем дворецкий и дьяки отдали приказание собрать представителей духовенства [11, С. 381].

В 1616 году митрополит Сарский и Подонский Иона поручил Тимофею Андреевичу Витовтову и дворцовому дьяку Афанасию Максимову подготовить выписку о поместном окладе и даче патриаршего сына боярского. В 1615/16 года. Афанасий произвёл оценку хозяйственного состояния патриаршего дворцового села Павловского. Он же подписал жалованную поместную и несудимую грамоту [8, С. 270].

Таким образом, через дворец шло движение патриаршего земельного фонда: испомещение и отчуждение поместий; аренда; межевание. Осуществлялось управление дворцовым хозяйством. Во дворце велись кадастровые книги. Имелись копии материалов писцового делопроизводства Поместного приказа и описания, изготовленные собственными силами.

8 июля 1599 года в процессе испомещения патриаршего сына боярского в подмосковной Селецкой волости, по всей видимости, не нашлось надлежащих кадастровых документов, и дьяк Иван Григоров лично произвёл по-земельный обыск. Он расспросил старожилов о количестве пашни и сенокосов в п. Сошниково (Сушниково) и Сидорово [8, С. 215].

5 февраля 1590 года Иван Григоров подписал жалованную несудимую грамоту патриарха Новинскому монастырю. В грамоте – подробная регламентация крестьянских повинностей и организации монастырского суда [8, С. 47].

По всей видимости, через дворец проходили жалованные грамоты, где распоряжения касались административно-хозяйственных вопросов.

В 1595/96 года патриарший дьяк Фирс Лазарев подписал правую грамоту [31, С. 734, 735]. Это, по всей видимости, действие ведомства дворца. 26 августа 1602 года в жалованной грамоте патриарха Иова Владимирскому Царево-Константинову монастырю указывается, что исковые заявления на братию и трудников подаются через Патриарший дворец. Здесь же употреблена формула «сам сужу или мой дворецкой» [8, С. 77, 79, 81].

В 1605/06 г. при патриархе Игнатии состоялось верстание патриарших детей боярских. В ходе личного осмотра определялась степень служебной годности сына боярского и величина его материального обеспечения – поместный оклад. Итоги смотра заносились с особый смотренный список, подписанный дьяком. Список 1605/06 г. подписали патриаршие дьяки Андрей Подлесов и Неудача Ховралёв [8, С. 239, 240, 242, 245, 248, 279, 289]. Те же дьяки вели «поместные дачные книги» [8, С. 265]. По всей видимости, верстание детей боярских возлагалось на дворец, поскольку наделение их поместными окладами влияло в дальнейшем на распределение поместного земельного фонда патриархии. «Поместные дачные книги» в практике Поместного приказа назывались записными книгами. В них фиксировалось перемещение земельного фонда, в данном случае – поместных земель патриаршей кафедры.

23 марта 1607 года патриарх Гермоген благословил костромского помещика Афанасия Иванова Селиванова возобновить в селе Чернышеве храм Свт. Николая Мирликийского. Соответствующую грамоту подписал дьяк Андрей Подлесов [39, С. 82].

Ряд поручений носил, так сказать, «вневедомственный» характер. Так 12 января 1592 года патриарший дьяк Иван Шеборшин

участвовал в церемонии встречи патриарха и Тырновского митрополита Дионисия [32, С. 91]. 1 мая 1605 года патриарший дьяк Фирс Лазарев скрепил указную грамоту патриарха Иова Алексею Ивановичу Зюзину и Максиму Ивановичу Радилову в Пелым о приведении граждан к присяге новому царю [40, С. 190].

С учётом всех наблюдений над источниками полагаю, что служили в казне: 1) Вареев Андрей (1606); 2) Григоров Иван Ветхово (1600, 1602); 3) Лазарев Фирс Иванович (1598–1601); 4) Мухин Юрий (1584, 1585, 1587, 1589); 5) Никитин Евдоким (1594, 1597, 1599, 1602, 1605); 6) Петров Тимофей (1584, 1586); 7) Рагозин Пётр (1606); 8) Ховралев Неудача Васильевич (1598–1601) и 9) Шабаршин (Шеборшин, Шабарин) Иван Маркович (1582–1584, 1586, 1590); во дворце: 1) Григоров Иван Ветхово (1590, 1594, 1595, 1597–1599); 2) Лазарев Фирс Иванович (1595, 1596, 1604); 3) Подлесов Андрей Романович (1605/06) и 4) Ховралев Неудача Васильевич (1604).

То есть внутри митрополичьей/патриаршей канцелярии существовала существенная межведомственная диффузия. Здесь надо помнить, что в казне руководителем был казначей, а во дворце – дворецкий. На дьяков была возложена техническая, бумажная работа.

Смута стала стрессом для системы церковного управления. После ареста поляками патриарха Гермогена и до возвращения из плена митрополита Филарета Церковь оставалась без формального главы. Некоторое время функции фактического местоблюстителя патриаршего престола исполнял патриарший викарий митрополит Сарский и Подонский Иона. Записная книга, наш основной источник, даёт даты с 9 июня 1614 года до 10 сентября 1616 года [8, С. 235–271, 276, 286]. Одновременно появляется новое учреждение – Патриарший двор. Как его структурное подразделение упоминается Судный приказ. Во главе двора стоял человек в чине сына боярского, не дьяк и не дворецкий. В записной книге Патри-

арший двор и Судный приказ упоминаются с 11 января 1615 года [8, С. 243, 252, 257, 273, 275, 277–279, 283, 286, 288, 290, 300, 302]. С 11 января 1615 года по 2 ноября 1616 года во главе Патриаршего двора стоял Тимофей Андреевич Витовтов [8, С. 243, 274, 275, 278, 279]; с 31 декабря 1616 года по 28 апреля 1617 года – окольничий кн. Григорий Константинович Волконский [8, С. 283, 286, 288, 290]; с 13 сентября 1617 года по 7 июня 1618 года – Данила Юрьевич Леонтьев [8, С. 300, 302]. Дьяки Патриаршего двора: Максим Куликов, Афанасий Максимов, Пётр Микулин и Казарин Фёдоров.

В 1614–1615 гг. митрополит Сарский и Подонский Иона адресовал Тимофею Андреевичу Витовтову, дьякам Максиму Куликову, Казарину Фёдорову и Афанасию Максиму ряд поручений о подготовке справки об окладах и дачах патриарших детей боярских. Информация о дачах хранилась в поместных книгах [8, С. 239, 240, 242, 244, 245, 247, 248, 250, 257, 258, 268].

Судя по записной книге, с 7 января 1615 года некоторые челобитные о пожаловании поместьями патриаршие дети боярские начинают подавать на имя царя. Грамоты принимаются на Патриаршем дворе Т. А. Витовтовым, Максимом Куликовым и Казарином Фёдоровым [8, С. 275, 277, 279]. Сначала рассмотрение дела по существу и выдача жалованных грамот возлагаются на того же митрополита Иону [8, С. 241, 242, 254, 271–273, 275–277]. Жалованную поместную грамоту от 12 октября 1615 года и ввозную от 23 ноября 1616 года подписал Казарин Фёдоров [8, С. 255, 279]. Как минимум с 13 сентября 1616 года и вплоть до интронизации патриарха Филарета все челобитные и распоряжения о наделении поместьями, включая выдачу ввозных грамот, шли только через царя Михаила [8, С. 279–291, 293–308]. Порядок подачи челобитных не изменился. Они принимались на

Патриаршем дворе, и там им давали ход [8, С. 281, 286, 287, 291, 296, 298, 301, 303].

Ввозную 17 июня 1617 года подписал Максим Куликов [8, С. 296]. Отдельные книги, в которых фиксировался факт отдела поместья, посылались Леонтьеву, Микулину, Ордынцеву и Куликову [8, С. 290, 300]. 6 мая 1617 года кн. Григорий Константинович Волконский и дьяк Пётр Микулин передали на оброк (в аренду) поместье, временно оказавшееся без помещика [8, С. 290]. 7 июня 1618 года Д.Ю. Леонтьев и Максим Куликов оформили льготной грамотой аренду на патриаршую вотчину в Московском уезде [8, С. 302]. 6 июня 1618 года и в январе 1619 года они же установили величину поместного оклада патриаршего сына боярского [8, С. 303, 305]. Ввозные выданы в 1618–1619 гг. по приказу Данила Юрьевича Леонтьева и дьяка Михаила Куликова [8, С. 304, 307]. 9 января 1618 года Данилу Юрьевичу Леонтьеву и дьяку Михаилу Куликову адресована царская указная грамота об отделе поместья [8, С. 305].

30 июля 1616 года дьяк Казарин Фёдоров подписал память из Патриаршего двора в Разбойный приказ с запросом справки о патриаршем сыне боярском Кузьме Матвееве Сурмине. Вопрос, как часто бывало, возник в связи со спором о поместье. В итоге выяснилось, что «Кузма Сурмин з братьею по дорогам на разбой ездит и лошади воровские скупает». Поместье его конфисковано и может быть пущено в раздачу [8, С. 274–275].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги исследования, можно заключить следующее. Патриаршие дьяки, так же, как и царские, были в первую очередь представителями служилого сословия, одним из чинов в структуре Патриаршего двора. Патриаршая канцелярия в основных тенденциях своего развития сохраняла преемственность с

митрополичьей канцелярией предшествующих эпох. Как и во времена митрополита Ионы, это было весьма малочисленное по своему составу учреждение со слабо выраженной ведомственной структурой. Разрушение генеалогической замкнутости Митрополичьего двора, наметившееся с середины XVI века, коснулось и канцелярии. Большая часть дьяков приходила на службу главе Церкви из царского приказного аппарата. Перехват рычагов кадровой политики был, на мой взгляд, одним из методов подчинения Церкви государством. Несомненный параллелизм в функциях церковного и государственного аппаратов управления объясняется, естественно, не подражанием. Сходство задач диктовало сходство способов их решения. Задачи, стоявшие перед государством, были сложнее и масштабнее, потому и государственный аппарат был многочисленнее церковного и более сложно организован.

Библиография / References:

1. Акты Покровского суздальского девичьего монастыря XVI – начала XVII века. М.: Фонд «Связь эпох», 2019. – 464 с.
2. Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. Т.2. – М.: «Памятники исторической мысли», 1998. – 608 с.
3. Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. Т.4. – М.: «Древлехранилище», 2008. – 632 с.
4. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т.2. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1958. – 727 с.
5. Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря. – М.: Памятники исторической мысли, 1998. – 638 с.
6. Акты феодального землевладения и хозяйства XIV – XVI веков. Ч.1. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1951. – 402 с.

7. Акты феодального землевладения и хозяйства XIV – XVI веков. Ч.2. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1956. – 666 с.
8. Акты феодального землевладения и хозяйства XIV – XVI веков. Ч.3. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1961. – 446 с.
9. Акты феодального землевладения и хозяйства. Акты Московского Симонова монастыря (1506–1613 гг.). – Л.: Наука, 1983. – 352 с.
10. Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства. – СПб.: Археографическая комиссия, 1838. – 511 с.
11. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографическою экспедициею Императорской академии наук. – СПб.: Типография 2 отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1836. Т.2. 1836. – 394 с.
12. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографическою экспедициею Императорской академии наук. – СПб.: Типография 2 отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1836. Т.1. – 548 с.
13. Антонов А. В. Из частной жизни служилых людей рубежа XVI – XVII веков // Русский дипломатарий. Вып. 5. – С. 160–174.
14. Антонов А. В. Костромские монастыри в документах XV – XVI веков // Русский дипломатарий. Вып. 7. – 2001. – С. 53–218.
15. Арзамасский уезд в XVII веке. Акты приказного делопроизводства допетровской эпохи. – Нижний Новгород, 2018. Ч.1.
16. Беляев И. Д. История русского законодательства. – СПб.: Лань, 1999. – 639 с.
17. Вернер И. И. О времени и причинах образования Московских Приказов. – М., Вып. II. – 212 с.
18. Греков Б. Д. Новгородский дом Святой Софии. Ч.1. // Записки историко-филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета. Ч.120. – СПб., 1914.
19. Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. – М.: Высшая школа, 1968. – 352 с.
20. Записные вотчинные книги Поместного приказа 1626–1657 гг. – М.: Древлехранилище, 2010. – 1658 с.
21. Лисейцев Д. В. Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. – Тула: Гриф и К°, 2009. – 792 с.
22. Лихачев Н. П. Дипломатика. – СПб.: Типография А.П. Лопухина, 1901. – 41 с.
23. Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века. – М.: Наука, 2003. – 491 с.
24. Неволлин К. А. Образование управления в России от Иоанна III до Петра Великого // Журнал Министерства народного просвещения. – 1844. – Ч.41. – Ч.5.
25. Очерки русской культуры XVII века. Ч.1. – М.: Издательство МГУ, 1979. – 350 с.
26. Памятники истории Восточной Европы. Т.8. – Москва-Варшава: Древлехранилище, 2009. – 682 с.
27. Писцовые книги Угличского уезда XVII в. // Временник Демидовского юридического лицея. – Ярославль, 1886–1887. Кн. 41.
28. Писцовые книги Угличского уезда XVII в. // Временник Демидовского юридического лицея. – Ярославль, 1886–1887. Кн. 43.
29. Писцовые книги Угличского уезда XVII в. // Временник Демидовского юридического лицея. – Ярославль, 1886–1887. Кн. 46.
30. Писцовые книги Угличского уезда XVII в. // Временник Демидовского юридического лицея. – Ярославль, 1886–1887. Кн. 44.
31. Писцовые материалы Ростовского уезда XVII века. – М.: Древлехранилище, 2012. – 853 с.
32. Посольская книга по связям России с Грецией (православными иерархами и монастырями), 1588–1594 гг. – М.: Институт истории СССР, 1988. – 194 с.
33. Рождественский В. А. Историческое описание Серпуховского владычного общежи-

тельного девичьего монастыря. – М.: Типография В. Готье, 1866. – 150 с.

34. Рожков Н. А. Происхождение самодержавия в России. – Пг., 1923. – 154 с.

35. Российская государственная библиотека. Отдел рукописей (РГБ ОР). Ф. 303. Кн.530.

36. Российская государственная библиотека. Отдел рукописей (РГБ ОР). Ф. 303. Кн.532.

37. Русская историческая библиотека, издаваемая Императорской Археографической комиссией. Т.2. – СПб., 1875. – 656 с.

38. Русская историческая библиотека, издаваемая Императорской Археографической комиссией. Т.32. – Пг., 1915. – 478 с.

39. Сборник князя Хилкова: [документы по истории России XVI – XVII вв.] / [кн. Григорий Хилков]. – Санкт-Петербург: Тип. брат. Пантелеевых, 1879. – 580 с.

40. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч.2. – М.: Типографии Н.С. Всеволожского, 1819. – 643 с.

1. Akty Pokrovskogo suzdal'skogo devich'yego monastyrya XVI – nachala XVII veka. – М.: Fond «Svyaz' epokh», 2019. – 464 s. (In Russ.).

2. Akty sluzhilykh zemlevadel'tsev XV – nachala XVII veka. Т.2. – М.: «Pamyatniki istoricheskoy mysli», 1998. – 608 s. (In Russ.).

3. Akty sluzhilykh zemlevadel'tsev XV – nachala XVII veka. Т.4. – М.: «Drevlekhраниlishche», 2008. – 632 s. (In Russ.).

4. Akty sotsial'no-ekonomicheskoy istorii Severo-Vostochnoy Rusi kontsa XIV – nachala XVI v. Т.2. – М.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1958. – 727s. (In Russ.).

5. Akty Suzdal'skogo Spaso-Yevfim'yeva monastyrya. – М.: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 1998. – 638 s. (In Russ.).

6. Akty feodal'nogo zemlevladieniya i khozyaystva XIV –XVI vekov. Ch.1. – М.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1951. – 402 s. (In Russ.).

7. Akty feodal'nogo zemlevladieniya i khozyaystva XIV –XVI vekov. Ch.2. – М.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1956. 666 s. (In Russ.).

8. Akty feodal'nogo zemlevladieniya i khozyaystva XIV –XVI vekov. Ch.3. – М.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1961. – 446s. (In Russ.).

9. Akty feodal'nogo zemlevladieniya i khozyaystva. Akty Moskovskogo Simonova monastyrya (1506-1613 gg.). – L.: Nauka, 1983. – 352s. (In Russ.).

10. Akty yuridicheskiye ili sobraniye form starinnogo deloproizvodstva. – SPb.: Arkheograficheskaya komissiya, 1838. – 511s. (In Russ.).

11. Akty, sobrannyye v bibliotekakh i arkhi-vakh Rossiyskoy Imperii Arkheograficheskoyu ekspeditsiyeyu Imperatorskoy akademii nauk. – SPb.: Tipografiya 2 otdeleniya Sobstvennoy E.I.V. kantselyarii, 1836. – Т.2. 1836. – 394s. (In Russ.).

12. Akty, sobrannyye v bibliotekakh i arkhi-vakh Rossiyskoy Imperii Arkheograficheskoyu ekspeditsiyeyu Imperatorskoy akademii nauk. – SPb.: Tipografiya 2 otdeleniya Sobstvennoy E.I.V. kantselyarii, 1836. Т.1. 1836. – 548s. (In Russ.).

13. Antonov A. V. (1999) Iz chastnoy zhizni sluzhi-lykh lyudey rubezha XVI – XVII vekov // Russkiy diplomatiy. Vyp.5. – М.: Pamyatniki istoricheskoy mysli. – S.160-174. (In Russ.).

14. Antonov A. V. (2001) Kostromskiye monastyri v dokumentakh XV – XVI veka // Russkiy diplomatiy. Vyp.7. – М.: Drevlekhраниlishche. – S.53-218. (In Russ.).

15. Arzamasskiy uyezd v XVII veke. Akty prikaznogo deloproizvodstva dopetrovskoy epokhi. – Nizhniy Novgorod, 2018. Ch.1. (In Russ.).

16. Belyayev I. D. (1999) Istoriya russkogo zakono-datel'stva. – SPb.: Lan'. – 639s. (In Russ.).

17. Verner I. I. (1989) O vremeni i prichinakh ob-razovaniya Moskovskikh Prikazov. – М., Vyp. II. – 212s. (In Russ.).

18. Grekov B.D. (1914) Novgorodskiy dom Svyatoy Sofii. Ch.1. // Zapiski istorikofilologicheskogo fakul'teta Imperatorskogo Sankt-

- Peterburgskogo universiteta. Ch.120. – SPb. (In Russ.).
19. Yeroshkin N. P. (1968) Istoriya gosudarstvennykh uchrezhdeniy dorevolyutsionnoy Rossii. – M.: Vysshaya shkola. – 352 s. (In Russ.).
20. Zapisnyye votchinnyye knigi Pomestnogo prikaza 1626–1657 gg. – M.: Drevlekhramilishche, 2010. – 1658s. (In Russ.).
21. Liseytshev D. V. (2009) Prikaznaya sistema Moskovskogo gosudarstva v epokhu Smuty. – Tula: Grif i K. – 792s. (In Russ.).
22. Likhachev N. P. (1901) Diplomatika. – SPb.: Tipografiya A.P. Lopukhina. – 41s. (In Russ.).
23. Narodnoye dvizheniye v Rossii v epokhu Smuty nachala XVII veka. – M.: Nauka, 2003. – 491s. (In Russ.).
24. Nevolin K. A. (1844) Obrazovaniye upravleniya v Rossii ot Ioanna III do Petra Velikogo // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. Ch.41. Ch.5. (In Russ.).
25. Ocherki russkoy kul'tury XVII veka. Ch.1. – M.: Izdatel'stvo MGU, 1979. – 350s. (In Russ.).
26. Pamyatniki istorii Vostochnoy Yevropy. T.8. – Moskva-Varshava: Drevlekhramilishche, 2009. – 682s. (In Russ.).
27. Pistsovyye knigi Uglichskogo uyezda XVIIv. // Vremennik Demidovskogo yuridicheskogo litseya. – Yaroslavl'. – 1886–1887. Kn.41. (In Russ.).
28. Pistsovyye knigi Uglichskogo uyezda XVIIv. // Vremennik Demidovskogo yuridicheskogo litseya. Yaroslavl', 1886–1887. Kn. 43. (In Russ.).
29. Pistsovyye knigi Uglichskogo uyezda XVIIv. // Vremennik Demidovskogo yuridicheskogo litseya. Yaroslavl', 1886–1887. Kn. 46. (In Russ.).
30. Pistsovyye knigi Uglichskogo uyezda XVIIv. // Vremennik Demidovskogo yuridicheskogo litseya. – Kn. 44. (In Russ.).
31. Pistsovyye materialy Rostovskogo uyezda XVII veka. – M.: Drevlekhramilishche, 2012. – 853s.
32. Posol'skaya kniga po svyazyam Rossii s Gretsiiyey (pravoslavnyimi iyerarkhami i monastyryami), 1588–1594 gg. – M.: Institut istorii SSSR, 1988. 194 s. (In Russ.).
33. Rozhdestvenskiy V. A. Istoricheskoye opisaniye Serpukhovskogo vladychnogo obshchezhi-tel'nogo devich'yego monastyrja. – M.: tipogra-fiya V. Got'ye, 1866. – 150 s. (In Russ.).
34. Rozhkov N. A. Proiskhozhdeniye samoder-zhaviya v Rossii. – Pg., 1923. – 154 s. (In Russ.).
35. Rossiyskaya gosudarstvennaya biblioteka. Otdel rukopisey (RGB OR). F. 303. Kn. 530.
36. Rossiyskaya gosudarstvennaya biblioteka. Otdel rukopisey (RGB OR). F. 303. Kn. 532. (In Russ.).
37. Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavayemaya Imperatorskoy Arkheograficheskoy komissiiyey. T.2. – SPb., 1875. – 656s. (In Russ.).
38. Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavayemaya Imperatorskoy Arkheograficheskoy komissiiyey. T.32. Pg., 1915. – 478 s. (In Russ.).
39. Sbornik knyazya Khilkova: [dokumenty po istorii Rossii XVI-XVII vv.] / [kn. Grigoriy Khilkov]. – Sankt-Peterburg: Tip. brat. Panteleyevykh, 1879. – 580 s. (In Russ.).
40. Sobraniye gosudarstvennykh gramot i dogovorov, khranyashchikh v Gosudarstvennoy kollegii inostrannykh del. CH.2. – M.: tipografii N.S. Vsevolozhskogo, 1819. – 643s. (In Russ.).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no onflict of interest.

Поступила в редакцию (Received) 10.08.2023

Поступила после рецензирования (Revised)

23.10.2023.

Дата выхода в свет 29.12.2023.

УДК 355.17

DOI:10.22394/2225-8272-2023-12-4-108-116

КОТЕЛЬНИКОВ Владимир Анатольевич, кандидат педагогических наук, доцент, сотрудник Академии Федеральной службы охраны Российской Федерации (Россия, Орёл), e-mail: kafedraorel@mail.ru, SPIN-код: 1154-7233, AuthorID: 353948

ПИКАЛОВ Борис Викторович, кандидат исторических наук, доцент, сотрудник Академии Федеральной службы охраны Российской Федерации (Россия, Орёл), e-mail: bvpikalov@mail.ru, SPIN-код: 5951-2330, AuthorID: 844424

KOTELNIKOV V.A Candidate of Pedagogic Sciences, Associate Professor, The Academy of the Federal Guard Service of the Russian Federation (Russian Federation, Orel), e-mail: kafedraorel@mail.ru

PIKALOV B.V., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, The Academy of the Federal Guard Service of the Russian Federation (Russian Federation, Orel), e-mail: bvpikalov@mail.ru

РОЛЬ ВОЕННОГО ДУХОВЕНСТВА В ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОМ ВОСПИТАНИИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

THE ROLE OF THE MILITARY CLERGY IN THE SPIRITUAL AND MORAL EDUCATION OF MILITARY PERSONNEL IN THE SECOND HALF OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

Аннотация. Целью статьи является уточнение роли военного духовенства в духовно-нравственном воспитании военнослужащих. Основной задачей духовно-нравственного воспитания военнослужащих в конце XIX – начале XX века было формирование у граждан высокой духовной нравственности и профессионализма в области военного дела. В данном контексте важную роль в исследуемый период играло военное духовенство, которое оказывало помощь командованию в формировании духовно-нравственной атмосферы в военной среде. Основываясь на принципе историзма, авторы рассмотрели особенности проявления этой духовной поддержки и морального утешения через религиозную практику и консультирование в вопросах этики и нравственности. Основу содержания деятельности военного духовенства по воспитанию военнослужащих составляло формирование таких качеств, как любовь к Отечеству; верность гражданскому и воинскому долгу, воинской чести; храбрость; стойкость; доблесть; мужество; взаимовыручка.

Ключевые слова: военное духовенство, духовно-нравственное воспитание, военнослужащие, Россия второй половины XIX – начала XX века.

Abstract. The purpose of the article is to analyze the role of the military clergy in the spiritual and moral education of military personnel. The authors emphasize that the main task of spiritual and moral education of military personnel in the late 19th - early 20th century was the formation of high spiritual morality and professionalism among citizens in the field of military affairs. In this context, the military clergy played an important role in the period under study, which assisted the command in the formation of spiritual and moral atmosphere in the military environment. On the basis of the principle of historicism, the authors examined the features of the manifestation of this spiritual support and moral consolation through religious practice and counseling in matters of ethics and morality. As a result, the authors conclude that the basis of the content of the activities of the military clergy in the field of spiritual and moral education of military personnel was the formation of such qualities as love for the Fatherland; loyalty to civil and military duty, military honor; bravery; fortitude; valor; courage; mutual assistance.

Keywords: military clergy, spiritual and moral education, military personnel, Russia, second half of the 19th – early 20th centuries.

©Котельников В.А., 2023г.
©Пикалов Б.В., 2023г.

ВВЕДЕНИЕ

Духовно-нравственное воспитание военнослужащих в России в XIX – начале XX века складывалось под влиянием различных факторов, таких как социальные, политические и культурные, которые в значительной степени повлияли на военную сферу. Также можно отметить, что Церковь как таковая и православие, в частности, имели сильное влияние на общество, а военные были частью этого общества. Военнослужащие подвергались влиянию православной морали, ценностей и обрядов. Влияние дисциплины и порядка военной службы также играло важную роль в формировании у военнослужащих духовно-нравственных качеств, которые способствовали формированию моральных ценностей. Кроме того, литература, искусство и образование тоже влияли на духовно-нравственное развитие военнослужащих. Работы писателей, художников и философов могли вдохновлять военнослужащих, способствуя формированию их ценностных ориентиров.

Особенностью развития Российской империи, которая определяла особенности развития вероисповедной политики в исследуемый период, являлось то, что государство отличалось поликонфессионализмом, при котором права граждан зависели от их вероисповедания. Несмотря на то, что во второй половине XIX века, согласно годовым отчётам Синода, наблюдается увеличение численности православных граждан в стране, люди, исповедующие другие религии, составляли около 20 % населения Российской империи.

Методология и методика исследования основываются на применении системного подхода, при котором учитываются теоретические аспекты исследования государственно-религиозных отношений в Российской империи в XIX – начале XX века. В процессе

исследования применялись следующие методы: общенаучные методы (описание, сравнение, обобщение, синтез и т. д.); эмпирические методы (анализ исторических источников и научной литературы); частнонаучные методы – исторический и историко-правовой методы.

Вопрос о государственно-религиозных отношениях в Российской империи изучается многими современными отечественными исследователями. Среди них такие учёные, как В. В. Андрощук, А. Батуркин, В. В. Клочков, К. В. Козлов, В. В. Субботина, В. В. Белослудцева, Г. В. Гусев и др. Такие учёные, как Н. В. Потапова, А. Батуркин, А. А. Секирин и др., исследуют вероисповедную политику Российской империи в конце XIX – начале XX века. Такие исследователи, как К. В. Козлов, Н. Д. Константинова, В. В. Субботина и др., уделяют внимание религиозному влиянию на сферу народного образования и просвещения в Российской империи. Такие учёные, как А. П. Беляков, А. В. Дробышев, Н. А. Рыбаков и др., занимались изучением вопроса о военном духовенстве Российской империи XIX – начала XX века.

Временные рамки исследования включают XIX – начало XX века, именно данный период развития Российской империи характеризуется усилением религиозного влияния на общественные отношения в стране. В то же время именно в данный период господствующая Православная церковь России была частью государственной системы, охранявшей интересы привилегированной части общества. Исследуемый период характеризовался распространением революционных идей, что требовало выстраивания эффективной политики взаимодействия власти с религиозными организациями. В связи с этим выбранные временные рамки исследования вызывают особый интерес.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Так, в свободное время в армии и на флоте вокруг священника собирались солдаты или матросы, не владевшие грамотой, чтобы послушать христианские рассказы, публиковавшиеся в таких журналах, как «Отдых христианина», «Русский Паломник», «Доброе слово» и др. Прочитанное на собрании обсуждалось после его окончания. Практика подобных чтений была широко распространена, в особенности среди новобранцев, доля неграмотных среди которых была наиболее высока. Много внимания во время таких бесед уделяли религиозному воспитанию. В «Вестнике военного духовенства» № 3 за 1898 год писали о том, что истинно доблестным воином может стать только истинный христианин. Христианская Церковь, в свою очередь, благословляет его на защиту веры, монарха и Отечества. Таким образом, она вдохновляет его на духовный подвиг самоотвержения, бескорыстия, милосердия к побежденному врагу, а также на службу государству и Родине. Ещё в 1881 году была издана краткая история Кавалергардского полка, в связи с чем для нижних чинов было составлено чтение из 27 картин. В 1885 году чтения в полках с использованием «туманных картинок» стали обязательными. На практике осуществлялось конспектирование прослушанного при чтении нижними чинами. Наряду с чтениями, военные священники принимали участие в выступлениях в печати, в проведении братских собраний, в борьбе с сектантством, в написании истории полка или корабля и другой деятельности. Подобное занятие имело большое значение с точки зрения формирования высоких духовных и нравственных качеств воинов.

Патриотическое и религиозно-нравственное воспитание в армии и на флоте в дореволюционной России было одним из важных аспектов формирования духа и мо-

рального облика военнослужащих. За долгие годы развития российских вооруженных сил было разработано несколько подходов к этому воспитанию.

1. Религиозное воспитание. Религиозная вера занимала значительное место в жизни многих российских военнослужащих. Военное духовенство играло важную роль в обеспечении религиозной практики, проведении богослужений и поддержке духовного благополучия военнослужащих. Церковные службы проводились на базах, военных кораблях и в военных гарнизонах.

2. Патриотическое воспитание. Военные власти активно осуществляли патриотическое воспитание среди военнослужащих. Оно включало прославление исторических побед и героических достижений России, обучение национальным традициям, гимнам и символам государства, а также подчеркивание важности отстаивания и защиты Родины.

3. Этическое воспитание. Военнослужащим внушалось уважение к долгу, честь, справедливость и моральные ценности. Они должны были быть примером порядочности и честности, соблюдать строгую воинскую дисциплину и подчинение, а также проявлять заботу о подчиненных и товарищах.

4. Формирование коллективного духа. Особое внимание обращалось на формирование коллективного духа, чувства солидарности и товарищества среди военнослужащих. Различные общественные мероприятия, спортивные соревнования, праздники и традиции помогали укреплять командный дух и организацию военного коллектива.

5. Образование и культура. Развитие образования и культуры также имело важное значение в военной среде. Военнослужащие получали общее образование, а также специализированную военную подготовку. Они имели доступ к библиотекам, лекциям, театральным представлениям и культурным мероприятиям.

В целом патриотическое и религиозно-

нравственное воспитание в армии и на флоте в дореволюционной России было направлено на формирование высокоморальных военнослужащих, способных охранять интересы государства и выполнять военные задачи.

Патриотическое и религиозно-нравственное воспитание в армии и на флоте являлось необходимым, поскольку, в отличие от офицеров, получавших воспитание в военных учебных заведениях, нижние чины могли получить необходимое воспитание лишь в период прохождения военной службы. Принятие Положения о военном духовенстве привело к значительному росту образовательного уровня и престижа военных священников. Полковой и корабельный храмы выступали в качестве духовных центров для личного состава полка и корабля соответственно. В них также размещались полковое знамя и военные реликвии, памятные доски с именами погибших. При этом были зафиксированы случаи, когда офицеры, проходившие обучение в военно-учебных заведениях, уклонялись от посещения церковных служб. В качестве причин такого поведения называли усталость от военной службы и потребность в развлечении. К началу XX века в рядах нижних чинов стали появляться лица с революционным настроением, пропагандировавшие собственные идеи и достигавшие в этом деле определенных результатов, следствием чего стало понимание необходимости в религиозно-нравственном и патриотическом подходе к воспитанию военнослужащих. В связи с этим 18 мая 1901 года Главный штаб опубликовал приказ «О мерах по поднятию религиозно-нравственного воспитания». Церковно-приходские школы в исследуемое время стали весьма популярны и актуальны. Они создавались не только для военных, местное население также могло посещать их. Данное распоряжение было обусловлено тем, что военные священники считали: такие школы нужны не только военным, но и местным жителям. Во времена боевых действий школы

являлись местом оказания помощи раненым в боевых действиях. Также в расположении школ проводилась подготовка к погребению погибших и умерших своей смертью, здешние служители отпевали похоронные строки умершим, а также при необходимости могли сами хоронить. Помимо всего того, что связано с духовной жизнью умерших и погибших, местные священнослужители занимались ведением и хранением различной документации: описей полковых церквей и их имущества, клировыми ведомостями, приходно-расходными книгами, метрическими книгами, исповедными росписями. Также священники вели отчет о моральном состоянии военной армии. Исследование активности производительной работы военнослужащих по осуществлению духовно-нравственного воспитания позволяет выделить три основных направления данной деятельности, представленные на рис. 1.

Рисунок 1 – Основные направления деятельности духовенства по осуществлению духовно-нравственного воспитания военнослужащих

Figure 1 – The main directions of activity of the clergy in the implementation of spiritual and moral education of military personnel.

Основу воспитания духовных и нравственных качеств у военнослужащих составляло пастырское богослужбное направление, задача которого состояла в исправлении Божьего образа в человеке, искаженного под воздействием такого поведения человека, которое считается греховным перед Богом. Эта практика состояла и заключалась в исполнении молитвенных обрядов, выполнении различных богоугодных дел, исполнении цикла духовных песнопений (литургии), служении молебнов, осуществлении крестных ходов, совершении и

исполнении таинств, в том числе венчания и крещения, освящении боевых знамен и кораблей, а также разного рода сооружений, отпевании павших воинов. Следовательно, пастырское богослужебное направление в процессе духовно-нравственного воспитания военнослужащих военным духовенством предусматривало организацию живого общения с Богом в ходе выполнения тех или иных обрядов. Обязательной частью как для военнослужащих, так и для иных православных была исповедь. Она играла большую роль в воспитании, так как во время исповедования военнослужащие переоценивали свои негативные поступки. Помимо того, что в процессе исповеди они могли дать обещание Богу не совершать греховных, несправедливых поступков, они также могли обещать не допускать и мысли о подобном. При воспитании военнослужащих важная роль отводилась проповедям, которые носили поучительный характер и, как правило, всегда сопровождали богослужения. Обычно в подобных проповедях священник произносил небольшую речь, в течение которой наставлял человека на правильный, истинный путь.

Пастырское внебогослужебное направление выступало в качестве дополнения к пастырскому богослужебному направлению и включало в себя наставление перед боем, поднятие боевого духа, повышение нравственных принципов и борьбу с пороками военнослужащих. Сюда также относятся условия оказания медицинской помощи больным и раненым, а также другая деятельность. В обязанности священника входило оказание влияния на военнослужащих посредством личного примера. В частности, он должен был проявлять твердость духа в сложных ситуациях, а также стойкость в исполнении воинского долга. Вместе с тем священник должен был вести трезвый образ жизни, быть образованным и аккуратным. По этой причине среди военных священников было множество примеров непоколебимой веры и мужества. Важную роль

играло проведение православных праздников и церковных парадов. Организацией таких мероприятий занимался военный священник. В обязанности армейского и флотского священников входил сбор информации о героических поступках. Большое воспитательное значение имело знание каждым из военнослужащих подвигов своих однополчан, в связи с чем на этих духовных лиц возлагалась соответствующая обязанность. Перед каждым из полковых или корабельных праздников проводилось собрание низших чинов, на котором зачитывалась информация о подвигах, совершенных погибшими однополчанами. После этого проводилась панихида по погибшим.

Сущность просветительского направления духовно-нравственного воспитания военнослужащих военным духовенством заключалась в проведении коллективных и индивидуальных бесед, собраний, в ходе которых военнослужащие обучались грамоте, повышали образовательный уровень и т. д. Священнослужители преподавали военнослужащим Закон Божий, организовывали работу библиотек при воинских частях. Зачастую священники принимали участие в написании истории полка или корабля и т. д. Одной из главных обязанностей военного духовенства было проведение индивидуальных бесед с военнослужащими, причем священник должен был организовывать их целенаправленно. Четко определялась цель просветительской беседы, готовилась и изучалась необходимая для достижения цели беседы информация, планировались возможные вопросы и т. д. Индивидуальные и коллективные беседы священника с военнослужащими должны были проходить на темы, понятные для всех из них. Значительная роль в духовно-нравственном воспитании военнослужащих принадлежала полковым и корабельным библиотекам, которые организовывало военное духовенство. В них военнослужащие не только брали книги, но и получали совет от священника, что почитать, а также ответы на любые

интересующие их духовные вопросы. Большое значение в сфере подобной деятельности имели внедренные в те времена приходские школы, которые работали не только благодаря слаженной работе священнослужителей, но и за счет активного труда офицеров. В них военнослужащие изучали Закон Божий, Библейскую историю, приобщались к церковному пению и т. д. Таким образом, в процессе организуемого военным духовенством духовно-нравственного воспитания каждый военнослужащий не только обучался грамоте, но и приобретал знания в вопросах веры. Военные действия корректировали работу военных священников. Однако в обязанности священника входила поддержка и подпитка религиозного чувства в воинах для предостережения их от уныния и отчаяния, а также от возможных разврата, насилия, грабежа и ожесточения. Вместе с тем они должны были поддерживать в воинах мужественный дух и честность, а также самоотверженность в исполнении ими собственного долга.

Таким образом, в конце XIX – начале XX века военному духовенству принадлежала значительная роль в духовно-нравственном воспитании военнослужащих. Основу содержания деятельности военного духовенства по воспитанию военнослужащих составляло формирование таких качеств, как внимание и любящее отношение ко всему, что касается его Отечества, ответственность и верность долгу службы, сохранение чести и достоинства своих и своей воинской части и т. д.

Положение о военном духовенстве впервые было принято в России в 1769 году. Оно регулировало организацию и деятельность духовных лиц, служащих в Российской армии. Положение о военном духовенстве в России включало следующие аспекты:

1. Структура и иерархия. Положение определяло структуру военного духовенства, включая ранги и должности духовных лиц. Были установлены различные ранги – от обер-

офицеров до простых священнослужителей.

2. Обучение и квалификация. Положение предусматривало требования к образованию и обучению духовных лиц. Они должны были иметь высшее духовное образование и пройти специальную военную подготовку.

3. Обязанности и функции. Положение устанавливало обязанности и функции духовных лиц. Они должны были обслуживать военнослужащих в духовном отношении, проводить религиозные службы, заботиться о религиозных обрядах и обеспечивать духовное благополучие военных.

4. Права и привилегии. Духовные лица имели определенные права и привилегии, такие как освобождение от военной службы в боевых действиях, освобождение от некоторых военных обязанностей и приоритетное пользование некоторыми льготами.

5. Церковное и военное управление. Положение определяло взаимоотношения между церковными и военными органами управления, сотрудничество военного духовенства с военным командованием и регулирование вопросов религиозной практики и ритуалов.

Это положение в значительной степени базируется на договоренностях между Русской православной церковью и государством в то время и служило основой для деятельности военного духовенства в Российской империи. Впоследствии оно неоднократно изменялось и совершенствовалось с учетом изменений в социально-политической и военной среде.

Принятие Положения о военном духовенстве привело к значительному росту образовательного уровня и престижа военных священников. Полковой и корабельный храмы выступали в качестве духовных центров для личного состава полка и корабля соответственно. Анализ деятельности военного духовенства по осуществлению духовно-нравственного воспитания военнослужащих позволяет выделить такие три основных направления данной деятельности, как пастырское богослужбное

направление, пастырское внебогослужебное направление, просветительское направление. Основу воспитания духовных и нравственных качеств у военнослужащих составляло пастырское богослужебное направление, предусматривающее организацию общения военнослужащих с Богом в процессе выполнения обрядов, например во время исповеди. Пастырское внебогослужебное направление выступало в качестве дополнения к пастырскому богослужебному направлению и включало в себя напутствие перед боем, личный пример, организацию духовных торжеств, борьбу с нравственными пороками военнослужащих и т. д. Сущность просветительского направления духовно-нравственного воспитания военнослужащих военным духовенством заключалась в проведении коллективных и индивидуальных бесед, проведении собраний, в ходе которых военнослужащие обучались грамоте, повышали образовательный уровень и т. д.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Духовно-нравственное воспитание военнослужащих в России в XIX – начале XX века складывалось под влиянием религии, военной дисциплины и порядка, а также культурных и образовательных факторов. Среди военнослужащих к началу XX века происходило усиление роли православия, в связи с чем назрела необходимость изменения структуры военного духовенства, чтобы оно находилось в распоряжении одного лица. В 1890 году было подписано и введено Положение об управлении церквами и духовенством военного и морского ведомств, вследствие чего военное духовенство приобрело четкую организационную структуру со строгой иерархической системой. Согласно положению, была учреждена должность протопресвитера, который был наделен широкими полномочиями, в том числе правом произведения дознания по делам о должностных преступлениях. Таким образом, к началу

XX века в Российской империи сформировалась специальная служба, занимавшаяся контролем духовенства при воинских частях. К 1900 году было разработано законодательство о военном духовенстве, укрепившее его в системе государственно-религиозных отношений и являющееся достаточно эффективным в регулировании военно-духовной деятельности.

В конце XIX – начале XX века военному духовенству принадлежала значительная роль в духовно-нравственном воспитании военнослужащих. Важным считалось формирование у военнослужащих таких качеств, как привязанность и верность гражданскому и воинскому долгу, любовь к Родине и т. д. Принятие Положения о военном духовенстве привело к значительному росту образовательного уровня и престижа военных священников. Полковой и корабельный храмы выступали в качестве духовных центров для личного состава полка и корабля соответственно.

Деятельность военного духовенства подразделялась на три основных направления: пастырское богослужебное направление, пастырское внебогослужебное направление, просветительское направление. Изучая все три направления, военнослужащие не только повышали уровень своей грамотности, также у них формировалась любовь к своему делу, появлялось понимание о воинском и гражданском долге, о чести и достоинстве, о героических поступках. Среди военных священников также существует масса примеров доблестной службы. Всё вышеперечисленное создавало благоприятный имидж такому явлению, как военное духовенство, тем самым привлекало заинтересованных лиц как на военную службу, так и в ряды военных священников.

Библиография / References:

1. Беляков А.П. Деятельность армейского и флотского духовенства по воспитанию духовных и нравственных качеств военнослужащих:

на материале армии и флота дореволюционной России XVIII – начала XX в.: автореферат дис. ... кандидата педагогических наук: 13.00.01. – Краснодар, 2017. – 23 с.

2. Беляков А.П. Воспитательная деятельность военного духовенства в вооруженных силах дореволюционной России // Историко-педагогический журнал. – 2016. – № 3. – С. 54–64. EDN: WLUVKP.

3. Захарченко М.В. К проблеме формирования системы принципов православной педагогики // Материалы III Пюхтицких чтений «Культурно-исторические традиции православия». – Куремяэ, Эстония, 2014. – 296 с.

4. Иванов В.П. Становление и развитие системы религиозного воспитания военнослужащих Русской армии в XVII – начале XX века: дис. ... доктора пед. наук: 13.00.1. – М., 2014. – 608 с.

5. Ливцов В.А., Матвеева Е.С. Влияние Орловского православного Петропавловского братства на распространение образования в Орловской губернии во второй половине XIX – начале XX века // Учёные записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2015. – № 3 (66). – С. 53–57. EDN: UZDABZ.

6. Матвеева Е.С. Влияние миссионерских обществ на распространение образования в Орловской губернии в XIX – начале XX века // Образование и общество. – 2015. – № 1 (90). – С. 16–20. EDN: TLAWXJ.

7. Просветительская деятельность военного духовенства в Вооруженных силах дореволюционной России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа – свободный. – URL: https://ruskline.ru/analitika/2016/08/04/prosvetitel'skaya_deyatelnost_voennogo_dukhovenstva_v_voорuzhennykh_silakh_dorevolucionnoy_rossii (дата обращения: 21.05.2023).

8. Правила о церковно-приходских школах (утверждены Указом Его Императорского Величества от 13 июня 1884 г.) // Официальный отдел Московских церковных ведомостей.

[Электронный ресурс] – Режим доступа – свободный. – URL: <https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/media/priestdb/materialattachmen/t/attachment/92/0a/920a0459-9d20-4920-8633-7216a7e1a68c.pdf> (дата обращения: 27.04.2023).

9. Россия. Синод. Обер-прокурор. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего синода по ведомству православного исповедания ... [по годам]. – СПб.; Пг., 1886–1916. [Электронный ресурс]. – Режим доступа – свободный. – URL: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/23457-rossiya-sinod-ober-prokurator-vsepoddanneyshey-otchet-ober-prokurora-svyateyshego-sinoda-po-vedomstvu-pravoslavnogo-ispovedaniya-po-godam-spb-pg-1886-1916> (дата обращения: 27.04.2023).

10. Савинова М.А. Народные чтения как одна из форм внешкольного образования в России (вторая половина XIX – начало XX века) // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. – 2007. – № 3 (7). – С. 134–136. EDN: JWQWEL.

1. Belyakov A.P. Deyatel'nost' armeyskogo i flotskogo dukhovenstva po vospitaniyu dukhovnykh i npravstvennykh kachestv voyennosluzhashchikh: na materiale armii i flota dorevolutsionnoy Rossii XVIII – nachala XX vv. [Activities of the army and navy clergy in educating the spiritual and moral qualities of military personnel: based on the material of the army and navy of pre-revolutionary Russia in the 18th - early 20th centuries]: avtoreferat dis. ... kandidata pedagogicheskikh nauk: 13.00.01. – Krasnodar, 2017. – 23 s. (In Russ.).

2. Belyakov A.P. Vospitatel'naya deyatel'nost' voyennogo dukhovenstva v voорuzhennykh silakh dorevolutsionnoy Rossii [Educational activities of the military clergy in the armed forces of pre-revolutionary Russia] // Istoriko-pedagogicheskiy zhurnal. – 2016. – №3. – S.54–64. EDN:

WLUVKP (In Russ.).

3. Zakharchenko M.V. K probleme formirovaniya sistemy printsiptov pravoslavnoy pedagogiki // Materialy 3-kh Pyukhtitskikh Chteniy «Kul'turno-istoricheskiye traditsii pravoslaviya» [On the problem of forming a system of principles of Orthodox pedagogy]. – Kuremyae, Estoniya, 2014. – 296 s. (In Russ.).

4. Ivanov V. P. Stanovleniye i razvitiye sistemy religioznogo vospitaniya voyennosluzhashchikh Russkoy armii v XVII – nachale XX veka [Formation and development of the system of religious education of military personnel of the Russian Army in the 17th – early 20th centuries]: dis. ... doktora ped. nauk: 13.00.1. – M., 2014. – 608 s. (In Russ.).

5. Litvov V.A., Matveyeva E.S. Vliyaniye orlovskogo pravoslavnogo petropavlovskogo bratstva na rasprostraneniye obrazovaniya v orlovskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX nachale XX veka [The influence of the Orel Orthodox Peter and Paul Brotherhood on the spread of education in the Orel province in the second half of the 19th and early 20th centuries] // Uchonyye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki. – 2015. – № 3 (66). – S.53–57. EDN: UZDABZ (In Russ.).

6. Matveyeva E.S. Vliyaniye missionerskikh obshchestv na rasprostraneniye obrazovaniya v Orlovskoy gubernii v XIX-nachale XX veka [The influence of missionary societies on the spread of education in the Orel province in the 19th-early 20th century] // Obrazovaniye i obshchestvo. – 2015. – №1(90). – S. 16–20. EDN: TLAWXJ (In Russ.).

7. Prosветitel'skaya deyatelnost' voennogo dukhovenstva v Vooruzhennykh silah dorevolutsionnoy Rossii [Educational activities of the military clergy in the Armed Forces of pre-revolutionary Russia]. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa – svobodnyy. – URL: https://ruskline.ru/analitika/2016/08/04/prosvetitel'skaya_deyatelnost_voennogo_dukhovenstva_v_vooruzhennykh_silah_dorevolucionnoy_rossii (data

obrashcheniya 21.05.2023). (In Russ.).

8. Pravila o tserkovno-prihodskikh shkolakh (utverzhdeny Ukazom Yego Imperatorskogo Velichestva ot 13 iyunya 1884 g.) // Ofitsial'nyy otdel Moskovskikh tserkovnykh vedomostey. [Elektronnyy resurs] – Rezhim dostupa – svobodnyy. – URL: <https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/media/priestdb/materialattachment/attachment/92/0a/920a0459-9d20-4920-8633-7216a7e1a68c.pdf> (Data obrashcheniya: 27.04.2023). (In Russ.).

9. Rossiya. Sinod. Ober-prokuror. Vsepoddanneyshiy otchet Ober-prokurora Svyateyshego sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya ... [po godam]. – SPb.; Pg., 1886-1916. [Elektronnyy resurs] – Rezhim dostupa – svobodnyy. – URL: <http://elibrary.ru/nodes/23457-rossiya-sinod-ober-prokuror-vsepoddanneyshiy-otchet-ober-prokurora-svyateyshego-sinoda-po-vedomstvu-pravoslavnogo-ispovedaniya-pogodam-spb-pg-1886-1916> (Data obrashcheniya: 27.04.2023). (In Russ.).

10. Savinova M.A. Narodnyye chteniya kak odna iz form vneshkol'nogo obrazovaniya v Rossii (vtoraya polovina KHIKH – nachalo KHKH veka) // Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.G. Belinskogo. – 2007. – № 3(7). – S.134–136. EDN: JWQWEL (In Russ.).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no onflict of interest.

Поступила в редакцию (Received) 10.04.2023

Поступила после рецензирования (Revised) 20.09.2023.

Дата выхода в свет 29.12.2023.

УДК 13.11.28;008(470.319)

DOI:10.22394/2225-8272-2023-12-4-117-128

ФАТЕЕВ Виталий Валерьевич, соискатель, председатель АНО ПСП «Лаборатория социального развития» (Россия, Орёл), e-mail: vitaliyfateev@gmail.com, SPIN-код: 9246-8154, Author ID: 1209461

FATEEV V.V., Applicant, Chairman of the Laboratory of Social Development (Russian Federation, Orel), e-mail: vitaliyfateev@gmail.com

ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КНЯГИНИ ЕЛИЗАВЕТЫ ФЁДОРОВНЫ РОМАНОВОЙ В ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

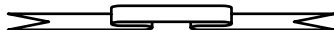
THE SOCIAL ACTIVITY OF DUCHESS ELIZAVETA FEDOROVNA ROMANOVA IN OREL PROVINCE

Аннотация. Цель статьи – исследование общественной деятельности великой княгини Елизаветы Фёдоровны Романовой в Орловской губернии. Автор приводит оценку её влияния на различные аспекты социально-экономической жизни региона в конце XIX – начале XX века. Методологическая основа исследования представлена историко-системным подходом, в рамках которого общественная реальность в определённый исторический период времени понимается как совокупность взаимосвязанных, находящихся в постоянном взаимодействии объектов и является целостным, системным образованием. Использование хронологического метода позволяет изучить общественную деятельность Елизаветы Фёдоровны в Орловской губернии во временной последовательности на основе реконструкции событий, связанных с участием представительницы дома Романовых в жизни Орловщины. Особое внимание уделено благотворительной активности великой княгини, её поддержке в оказании помощи нуждающемуся населению и солдатам.

Ключевые слова: Романовы, Российская империя, Орловская губерния в конце XIX – начале XX века, Елизавета Фёдоровна Романова, Долбенкинская экономия, 17-й гусарский Черниговский полк.

Annotation. The purpose of the article is to study the social activities of Grand Duchess Elizaveta Fedorovna Romanova in Orel province. The author gives an assessment of her impact on various aspects of the social economic life of the region in the late 19th – early 20th century. The research methodology is based on the historical-systemic approach, in which the social reality in a certain historical period of time is understood as a set of interrelated objects in constant interaction and is an integral, systemic formation. The chronological method allows to study the social activities of Elizaveta Fedorovna in Orel province in a time sequence based on the reconstruction of events related to one of the Romanovs in the life of Orel region. Finally, the author pays special attention to the charitable activity of the Grand Duchess, her support the population in need and soldiers.

Keywords: Romanovs, Russian Empire, Orel province at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries, Elizaveta Fedorovna Romanova, Dolbenkin economy, 17th Chernigov Hussar Regiment.

©Фатеев В.В., 2023г.

ВВЕДЕНИЕ

Как и в дореволюционной России, в современной российской историографии значительное внимание уделяется истории семьи Романовых, члены которой основное время проводили в столице и имели смутное представление о провинциальной жизни. При этом для губернских центров и уездов визиты представителей семьи монарха или великокняжеских семей становились знаковыми событиями общественной жизни, не только привлекая всеобщее внимание, но и являясь отправной точкой в создании благих начинаний, связанных с решением социальных проблем.

Роль представителей дома Романовых в общественном устройстве Российской империи красноречиво определена в одном из обращений епископа Орловского и Севского Никанора к Сергею Александровичу и Елизавете Фёдоровне: «Правление людьми вообще нелегко; особенно тяжело управлять такой многомиллионной страной, как наша необъятная Россия. Поэтому наши Богом венчанные самодержцы наделяют многой властью доверенных лиц, из коих преимущественная честь и слава принадлежит особам Августейшей Семьи, усердно приемлющим на себя многообразные трудные служения» [21, С. 769].

Один из адресатов данного обращения – великая княгиня Елизавета Фёдоровна, супруга Сергея Александровича Романова и сестра последней русской императрицы Александры. В последние два десятилетия наблюдается повышение интереса к жизни и общественной деятельности Елизаветы Фёдоровны Романовой, о чём свидетельствует введение в научный оборот новых архивных материалов, публикация новых книг и статей в научной, религиозной и публицистической периодике. Благотворительная деятельность великой княгини рассматривается в работах П. В. Волошун [5], Е. Ю. Ковальской [11], Л. В. Куликовой [12], Л. П. Миллер [17], Н. А. Черкасской [25]. Уча-

стие Елизаветы Фёдоровны в жизни Орловской губернии исследуется С. Н. Абакумовым [2], В. А. Власовым [4], А. Б. Гуляряном [7], В. А. Ливцовым [14; 15], А. К. Мищенко [18]. Однако перечисленные исследования при всех их несомненных достоинствах являются фрагментарными, практически не освещают роли общественной деятельности великой княгини в формировании авторитета власти, отношения населения к монархии и в решении социально-экономических проблем Орловской губернии.

Елизавета Фёдоровна была дочерью герцога Людвига IV Гессен-Дармштадтского, старшей сестрой великой императрицы Александры Фёдоровны и женой великого князя Сергея Александровича Романова, дяди императора Николая II. Елизавету, как и ее сестру Алису, готовили к социальному служению с самого детства, привлекая к благотворительной деятельности, посещению госпиталей, детских приютов, учреждений для женщин, попавших в бедственное положение. После вступления в брак Елизавета стала принимать активное участие не только в светской, но и в общественной жизни. Благотворительность в конце XIX в. переживала в Российской империи «золотой век», увлечение ею было правилом хорошего тона для императрицы, великих княгинь и дам из их окружения [13, С. 4–6]. В первый год своей жизни (1884 г.) в России Елизавета Фёдоровна стала председателем Первого Санкт-Петербургского дамского комитета Российского общества Красного Креста, чуть позже (в 1890 г.) – покровительницей Петровского общества вспомоществования бедным [11, С. 58–59].

Назначение великого князя Сергея Александровича московским генерал-губернатором стало стимулом для вовлечения его супруги в решение широкого спектра социальных вопросов. Её связи расширялись благодаря постоянному участию в различных общественных мероприятиях. Более 70 % всех организаций, в деятельности которых княгиня принимала ак-

тивное участие, находились в Москве и Московской губернии [11, С. 61].

4 февраля 1905 года супруг Елизаветы Фёдоровны был убит. Это событие настолько потрясло великую княгиню, что вплоть до мая 1906 г. она не принимала участия в деятельности общественных организаций, над которыми она осуществляла руководство или покровительство. По мере восстановления она с новыми силами принялась развивать благотворительность в Российской империи, стала председателем Императорского православного палестинского общества с высочайшего позволения Николая II [16, С. 114].

После смерти супруга Елизавета Фёдоровна продала имевшиеся у нее драгоценности (кроме фамильных драгоценностей Романовых, переданных в казну) и приобрела на вырученные средства усадьбу с прилегающей территорией в центре Москвы для основания на этом месте Марфо-Мариинской обители милосердия. Обитель не являлась традиционным православным монастырем. Проживавшие в ней сёстры давали обеты нестяжания, послушания и целомудрия, активно занимались благотворительной и социально полезной деятельностью, но, в отличие от монахинь, по уставу по прошествии времени могли выйти из служения и создать семью. Великая княгиня была достойным образцом подвижничества: принимала участие в уходе за тяжелобольными, посещала трущобы и предлагала бедным родителям малолетних детей поместить их в детский приют, где они могли получить еду, одежду и образование.

Жизнь Елизаветы Фёдоровны – пример бескорыстного служения российскому обществу и государству. Великая княгиня уделяла особое внимание благотворительной поддержке российской провинции. Особой формой такой поддержки стало покровительство общественным учреждениям и общественно-государственным институтам, принимаемое, как правило, по просьбе их руководителей или

воспитанников. Даже при отсутствии непосредственной и стабильной финансовой поддержки со стороны великой княгини покровительство свидетельствовало о высочайшем признании заслуг таких организаций, давало им особый привилегированный статус, повышало доверие к ним со стороны спонсоров и жертвователей. В числе прочих направлений общественной деятельности великой княгини Елизаветы Фёдоровны Романовой на территории Орловской губернии – участие в экономической жизни региона, официальные визиты по поводу торжественных событий государственного и губернского уровней, поддержка различных категорий нуждающихся.

**ДОЛБЕНКИНСКОЕ ИМЕНИЕ СЕРГЕЯ
АЛЕКСАНДРОВИЧА И ЕЛИЗАВЕТЫ
ФЁДОРОВНЫ РОМАНОВЫХ:
РАСЦВЕТ И УПАДОК**

С Орловщиной чету Сергея Александровича и Елизаветы Фёдоровны связывало наличие у них имения рядом с селом Долбенкино Дмитровского уезда, которое было приобретено ими в 1882 году у князя Н. А. Лобанова-Ростовского. Основной целью экономии было получение собственниками дополнительного дохода, для чего кроме сельскохозяйственной деятельности развивалось и перерабатывающее производство. На территории экономии были построены винокуренный и кирпичный заводы, кузница, водяная мельница. В зимней подогреваемой теплице выращивались ананасы и клубника [3, С. 89]. Особое внимание супруги уделяли решению не только хозяйственных, но и общественных вопросов на территории экономии: был произведен ремонт местной церкви, в ней была организована отопительная система [4, С. 120].

В 1891 году великим князем Сергеем Александровичем был образован Московский комитет по сбору пожертвований в пользу пострадавших от неурожая 1891–1892 гг., официаль-

ным председателем которого стала его супруга [1]. Поддержка со стороны комитета оказывалась населению пострадавших губерний, в том числе и Орловской губернии, в истории которой 1891–1892 гг. связаны с чрезвычайно низкими урожаями, усугубившими положение и без того бедного крестьянства. На фоне «не только недобора, но в полном смысле неурожая» в хозяйствах Ливенского, Елецкого, Малоархангельского уездов [23, С. 232] Долбенкинская экономия была относительно благополучной. Великий князь Сергей Александрович пожертвовал из запасов собственного имения в Дмитровском уезде 5 тыс. пудов ржи населению сёл и деревень наиболее пострадавших уездов [2, С. 11]. Елизавета Фёдоровна, возглавлявшая Московское главное попечительство Красного Креста, направила в Орловскую губернию 18 вагонов ржи. Помощь в виде материальных пожертвований была оказана ею наиболее пострадавшим Мценскому, Малоархангельскому и Елецкому уездам [4, С. 128].

После смерти великого князя Сергея Александровича Елизавета практически полностью отошла от хозяйственных дел, что привело к постепенному нарастанию произвола по отношению к крестьянам со стороны управляющего имением егермейстера Филатьева.

Им была введена и реализована система жесточайших штрафов, которые налагались по различным поводам и отражались в учете хозяйства как самостоятельная доходная статья. Крестьян, например, штрафовали за появление их домашнего скота и птиц на принадлежащем экономии лугу, через который проходила единственная дорога к речке. Известия о крестьянских погромах в феврале 1905 года дошли и до Дмитровского уезда. Вечером 27 февраля после задержания приказчиком проезжавшего мимо экономии пьяного крестьянина жители с. Лобанова собрались у управляющего экономией и предъявили ему свои требования: повысить оплату труда наемных крестьян, раздать им запасы хлеба по цене не

более 75 коп. или под работы, отменить жесткую систему штрафов, устранить некоторых не пользующихся популярностью служащих [10, С. 137–138]. Филатьев обещал бунтовщикам решение указанных вопросов и выдал им два ведра спирта. Повторный визит крестьян к управляющему с требованием документально подтвердить данные обещания привел к тому, что Филатьев вновь выдал им алкоголь и обещал исполнить все требования. В одной из докладных записок указывается, что крестьяне пили за упокой души великого князя Сергея Александровича [10, С. 138], что косвенно свидетельствует о почитании покойного хозяина Долбенкинской экономии в крестьянской среде, о светлых и уважительных воспоминаниях о нём. Постепенно к имению стали сходить крестьяне и из других деревень, которые в надежде пожить на погроме хозяйским добром, раззадорили только успокоившихся лобановских крестьян. В результате погрома были разрушены и разграблены 14 зданий, общий размер убытков был определен почти в 200 тыс. руб., число участников погрома оценивалось в 144 человека [9, С. 153–155].

Кроме построек в с. Лобаново были разграблены и сожжены хозяйственные здания в принадлежащих экономии хуторах Лобановском, Авиловском и Фирезевском [10, С. 139]. Таким образом, архивные материалы свидетельствуют о том, что в период активного внимания представителей семьи Романовых к делам в Долбенкинской экономии она являлась успешным, преуспевающим хозяйством. После смерти супруга великая княгиня отошла от дел управления имением, что привело к произволу со стороны управляющего и служащих имения, послужившему стимулом для крестьянских волнений.

ВИЗИТЫ ЕЛИЗАВЕТЫ ФЁДОРОВНЫ В ОРЛОВСКУЮ ГУБЕРНИЮ

Елизавета Фёдоровна неоднократно посе-

щала г. Орёл. В губернской периодической печати конца XIX – начала XX века и современной исследовательской литературе подробно описаны ее визиты в 1899, 1904, 1906, 1913 и 1916 гг.

В 1899 году она посетила Орёл со своим мужем – командующим войсками Московского военного округа великим князем Сергеем Александровичем. Каждый визит великой княгини сопровождался торжественной встречей с участием высших руководителей Орловской губернии, высших полковых чинов и церковных иерархов. В ходе визита чета Романовых посетила строящуюся Покровскую полковую церковь в сопровождении полкового священника Митрофана Сребрянского. Далее Сергей Александрович и Елизавета Фёдоровна приняли участие в торжественном смотре полка на учебном плацу. Великая княгиня, как шеф полка, объехала периметр построения на лошади, приветствуя каждый эскадрон отдельно. После смотра Сергей Александрович и Елизавета Фёдоровна посетили казармы, отведали солдатской пищи и сфотографировались с солдатами и офицерами. По окончании посещения полка чета Романовых отправилась на торжественное богослужение в кафедральный Петропавловский собор. По пути следования их сопровождал колокольный перезвон и несмолкаемые крики народного приветствия. Визит завершался торжественным фуршетом. В декоре, сервировке и художественных меню чувствовалось стремление орловцев удивить представителей царской фамилии, проявить к ним свое уважение и почтение, учесть их индивидуальные вкусы [22].

В 1904 году вместе с другими представителями императорской семьи Елизавета Фёдоровна приняла участие в проходах подшефного полка для участия в Русско-японской войне.

Самое пристальное внимание исследователей уделено описанию визита великой княгини в г. Орёл по случаю 800-летия со времени мученической кончины святого Кукши. Княгиня

Елизавета Фёдоровна прибыла в г. Орёл накануне празднования, 26 августа 1913 года. По просьбе Елизаветы встреча не носила «помпезного» характера, в связи с чем число встречающих ее на вокзале чиновников было сокращено до минимума: в организации встречи принимали участие только орловский губернатор С. С. Андреевский и командир гусарского полка Н. П. Серебренников.

Визит Елизаветы Фёдоровны на торжество, посвященное 800-летию со времени мученической кончины просветителя Орловского края преподобного священномученика Кукши, 27 августа 1913 года подробно описан на страницах «Орловских епархиальных новостей» [19]. По словам рассказчика, княгиня Елизавета Фёдоровна «пользуется всенародным почитанием и особенной любовью, как за свои необыкновенные дела христианской любви и милосердия, так и за свое личное высокое религиозное настроение и подвижническую жизнь» [19, С. 974–975]. На празднике присутствовали виднейшие иерархи Русской православной церкви: митрополит Киевский и Галицкий Флавиан, архиепископ Курский Стефан и бывший епископ Орловский настоятель Симонова монастыря в г. Москве Мисаил, бывший священник Черниговского гусарского полка, настоятель Марфо-Мариинской обители милосердия в г. Москве. В честь праздника у учащихся всех учебных заведений Министерства просвещения в г. Орле были отменены занятия, а местным торговцам особым постановлением городской думы было предписано закрыть свои лавки и павильоны, чтобы их сотрудники могли участвовать в торжественном богослужении. В честь памятного события в Орловском доме трудолюбия были организованы обеды для бедных на средства частных благотворителей, настоятелей церквей и церковных старост и Орловской городской управы. По прибытии княгиня проследовала во Введенский женский монастырь, где ее встречала толпа местных жителей, церковные

иерархи, монахини и воспитанницы Ольгинской монастырской и Сергиевской церковно-приходской школ. В дар Елизавете Фёдоровне была вручена расшитая шелком икона Балыкинской Божией Матери. Список этой иконы был подарен монастырю еще в 1712 году тобольским митрополитом и с тех пор являлся одной из наиболее почитаемых святынь Орловщины. Икону «Моление о чаше», выполненную в технике вышивки шелковой гладью, подарили княгине и воспитанницы Сергиевской церковно-приходской школы. Вечером Елизавета Фёдоровна в сопровождении губернатора отправилась в Орловский кафедральный собор к всенощному бдению.

Радение и усердие княгини неоднократно подчеркивается рассказчиком в описании событий: княгиня проснулась рано, не завтракала, помолившись на ранней литургии в Свято-Введенском монастыре, сразу же отправилась на литургию в Орловский кафедральный собор. В этот день на службу пришли около 10–15 тысяч человек, которые, очевидно, не смогли разместиться в соборе. Учитывая огромное количество желающих увидеть Елизавету Фёдоровну, епископ Орловский и Севский Григорий решил устроить праздничный молебен на кадетском плацу. Передвижение высоких гостей торжества сопровождалось выносом хоругвей орловских и елецких церквей и иконы священномученика Кукши. Богослужение происходило в специально устроенном на плацу шатре, в котором разместились иерархи и княгиня. В таком открытом мероприятии прослеживается символичность: «Было что-то необыкновенное в этой общенародной молитве: молились не в храме, а под открытым небом, и не по частям, как это бывает в храмах, а все вместе, как бы выражая ту мысль, что наши предки просвещались Священномучеником Кукшей также под открытым небом и не в лице отдельных представителей, а, по возможности, все» [19, С. 991–992].

После молебна Елизавета Фёдоровна

вновь отправилась во Введенский монастырь. Традицией посещения представителями царской фамилии различных заведений были благотворительные пожертвования. Так, после пребывания в монастыре княгиня пожертвовала на его нужды 100 руб. [19, С. 993]. Кроме того, распространена была практика вручения подарков – Елизавета Фёдоровна дарила орловцам собственные портреты с автографом.

Организация светских мероприятий с участием персон царской фамилии также являлась практически обязательной частью их официальных визитов. Так, после торжественного богослужения княгиня Елизавета Фёдоровна отправилась в архиерейский дом, где по сложившемуся ритуалу светских лиц представлял губернатор, а духовных – епископ Орловский и Севский. Во время такого события, длившегося чуть более получаса, ей были представлены 60 человек. Далее следовал торжественный обед. Помещение столовой обильно декорировалось цветами. Во время визита Елизаветы Фёдоровны, известной своей скромностью в еде, было организовано чаепитие, на столе размещены различные кондитерские изделия и фрукты.

Не забыла Елизавета Фёдоровна посетить и церковь 17-го гусарского Черниговского полка, личный состав которого в тот период принимал участие в маневрах. Описание этого визита подтверждает личную симпатию княгини к офицерам полка, их женам и детям. После краткого молебна в храме Елизавета сама подошла к прихожанам, «милостиво с ними разговаривая», посетила церковно-приходскую школу, где также подарила денег «детям на гостинцы» [19, С. 995].

Таким образом, визиты августейших особ на губернском уровне были резонансным событием, привлекавшим внимание значительной части населения всех сословий, и подробно описывались на страницах орловской прессы. Их организация и подготовка начинались заранее. Если сравнить описание визитов Ели-

заветы Фёдоровны в Орловскую губернию в разные годы, то можно обнаружить, что они планировались с учетом официальной миссии великой княгини. Так, в годы, когда Елизавета Фёдоровна была шефом Черниговского полка, каждый ее приезд в г. Орёл начинался с его посещения. После смерти мужа великая княгиня посвящала значительное внимание организации благотворительности, уделяла много времени православному служению, в связи с чем в рамках орловских визитов она сначала принимала участие в торжественном богослужении и лишь после этого – в других мероприятиях.

УЧАСТИЕ ЕЛИЗАВЕТЫ ФЁДОРОВНЫ В ОРГАНИЗАЦИИ ПОМОЩИ СОЛДАТАМ, ФРОНТУ И РАНЕНЫМ ВОИНАМ

В августе 1898 года княгиня Елизавета была назначена шефом расквартированного в Орле 51-го драгунского Черниговского полка, который стал носить имя полка Её Императорского Величества Великой Княгини Елисаветы Фёдоровны. Княгиня регулярно приезжала на смотры полка, в письмах и телеграммах называла служащих полка «мои черниговцы» [8, С. 41].

Полк не только был участником сражений в войнах, которые вела Российская империя, но и привлекался для поддержания внутреннего порядка. В мае 1902 года 5-й эскадрон Черниговского полка прибыл в Бежицу, что было связано с активной деятельностью членов РСДРП на Брянском рельсопрокатном заводе и растущим общим недовольством рабочих своим положением. Расположение эскадрона, солдаты и офицеры которого были хорошо вооружены, внесло определенные коррективы в планы рабочих по организации забастовок. Однако уже в июне эскадрон возвратился в г. Орёл, так как был заменен другими военными подразделениями армии [6].

Еще до момента назначения княгини ше-

фом 51-го драгунского Черниговского полка 14 июня 1898 года началось строительство полкового храма во имя Покрова Пресвятой Богородицы, который был освящен в октябре 1899 года. Церковь возводилась на средства полковой казны и добровольных пожертвователей, имела форму креста и была рассчитана на 1300 человек.

Елизавета Фёдоровна пожертвовала полку полотняный (походный) храм, освященный во имя Покрова Пресвятой Богородицы, с иконами, написанными по стенам палатки. Церковная утварь и иконы были изготовлены мастерами московского Строгановского училища технического рисования, которому покровительствовала великая княгиня [4, С. 128]. Такой храм использовался солдатами и офицерами для совершения богослужений и молебнов в военных походах. Полку были подарены Евангелие, крест и походные ризы для священников, сопровождавших солдат в Русско-японской войне [8, С. 6]. В маньчжурском походе полк понес существенные потери. Ставший в 1897 года настоятелем полкового храма и сопровождавший полк в походе о. Митрофан Сребрянский вел дневник событий, печатавшийся в «Вестнике военного духовенства».

Великая княгиня отслеживала судьбу подшефного полка. Так, по воспоминаниям М. Сребрянского, в г. Иркутске их встретил уполномоченный великой княгини, организовавший для офицеров и солдат «на лужайке, среди леса (...) большой стол, накрытый белой скатертью, с винами и закусками» [8, С. 16]. В воспоминаниях священник благодарит княгиню «за искренне материнское отношение» к солдатам и офицерам [8, С. 55]. Не забывала княгиня черниговцев и в период похода: в октябре солдаты получили «подарки» от императрицы Александры Фёдоровны и её сестры Елизаветы Фёдоровны. Княгиня прислала служащим табак, огниво, спички, мыло и лекарства [8, С. 73]. Между княгиней и о. Митрофаном установились дружеские отношения. При обу-

стройстве после смерти мужа Марфо-Мариинской обители милосердия в 1908 году Елизавета Фёдоровна приглашает священника стать настоятелем храма. Митрофан неоднократно сопровождал княгиню в поездках по Орловщине.

6 декабря 1907 года полк переименован в 17-й гусарский Черниговский Её Императорского Высочества Великой Княгини Елисаветы Фёдоровны полк. В годы Первой мировой войны семьи мобилизованных мужчин фактически лишались основного дохода, в связи с чем в 1914 году был учреждён Верховный совет по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших в войне. Совет представлял собой «частно-государственную» структуру, возглавляемую императрицей Александрой Фёдоровной. Великая княгиня Елизавета Фёдоровна являлась вице-председательницей совета. Финансовые ресурсы для предоставления пособий семьям солдат выделялись из государственной казны и распределялись до нуждающихся через разветвленную систему губернских и далее уездных попечительств. В Орловской области такими попечительствами являлись Карачевское и Новосильское попечительства по призрению семей нижних чинов, призванных на военную службу [7, С. 19].

К середине Первой мировой войны отношение российского общества к Елизавете Фёдоровне меняется по причине ее активной благотворительной деятельности и немецкого происхождения. Как православная христианка, она навещала в госпиталях как русских, так и германских солдат, что породило сплетни о том, что первым она дает только иконки, а вторым – деньги [24, С. 20–27]. На похоронах великого князя Константина Константиновича Романова, с которым она состояла в дружеских отношениях, ее настигла толпа недовольных, которые кричали ругательства и плевались в нее [25, С. 73].

Жители Орловщины, напротив, всегда с

уважением и потением относились к великой княгине, известной в губернии и уездах своими добрыми делами, и не изменили свое отношение даже в годы Первой мировой войны. Так, во время визита в 1916 году Елизавета Фёдоровна по традиции посетила Покровскую церковь Черниговского полка, лазарет с ранеными солдатами, разместившийся в одном из зданий Введенского женского монастыря, архиерейский дом и Алексеевскую мужскую гимназию, в которой также располагался госпиталь. По пути следования ее радостно приветствовали жители Орловской губернии. Об их доверии княгине в делах благотворительности свидетельствует факт передачи ей епископом Орловским и Севским Григорием (Вахниним) денежных средств в размере 3 тыс. руб., пожертвованных представителями разных сословий для раненых воинов [20, С. 548–549].

В 1914 году в Орловской губернии для оказания помощи раненым солдатам был учрежден лазарет Императорского человеколюбивого общества в Орловской лечебнице № 297, который имел статус общественной организации и с 20 декабря 1914 по 1917 год сотрудничал с великой княгиней и функционировал под ее покровительством [11, С. 411].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что Елизавета Фёдоровна Романова осуществляла на территории Орловской губернии благотворительную деятельность, особенно в неблагоприятные периоды. Об этом свидетельствует её помощь крестьянам уездов, наиболее пострадавших от неурожая 1891–1892 гг., разносторонняя поддержка солдат подшефного Черниговского полка и членов их семей. После трагической смерти супруга Елизавета Фёдоровна полностью посвящает себя общественному служению, а её визиты в г. Орёл перестают носить характер светских мероприятий, приобретая в большей степени

паломнический, благотворительный и религиозный характер. Основным направлением участия великой княгини в делах учреждений и организаций губернского уровня является покровительство.

В 1981 году Елизавета Фёдоровна была канонизирована Русской православной церковью за границей, а в 1992 году она была причислена к лику святых Русской православной церковью как новомученица и исповедница российская. Сегодня в память о доброте и общественном служении великой княгини в с. Долбенкино восстановлен храм и учрежден женский монастырь, освящена часовня любимого княгиней Свято-Введенского женского монастыря, на стенах которого висит мемориальная доска, посвященная Елизавете Фёдоровне Романовой.

Библиография / References:

1. I отчёт состоящего под председательством Ее Императорского Высочества великой княгини Елисаветы Феодоровны Московского комитета для сбора пожертвования в пользу пострадавших от неурожая. – М., 1892. – С.49–50.
2. Абакумов С.Н. Общественно-церковная деятельность представителей семьи Романовых на территории Орловской области в конце XIX – начале XX века // Россия и мир в конце XIX – начале XX в. Романовы и Россия: сборник статей и докладов под общ. ред. С.В. Мироненко. – М.: Индрик, 2020. – 164 с.
3. Белинская Н.И. Первый председатель Императорского Православного Палестинского общества Великий князь Сергей Александрович – орловский землевладелец // Запад – Восток: Тургенев – Россия и мир: II Всероссийская научно-практическая конференция (19 апреля 2018 года). – Орёл: Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС. – С. 84–93.
4. Власов В.А. Во имя любви и милосер-

дия // Орёл в эпоху Императора Александра III. События и люди: сборник статей. – Орёл: Молодежное братство во имя Великомученика и Победоносца Георгия, 2016. – 168 с.

5. Волошун П.В. Блаженны милостивые. Благотворительная деятельность Великой княгини Елизаветы Федоровны. – М.: ДАР, 2010. – 479 с.

6. ГАОО. Ф. 580. Ст. 2. Д. 2.953. Л. 52, 63, 65, 100, 114–117, 124.

7. Гулярян А.Б. Развитие системы благотворительности в Российской Империи (на примере Орловской губернии) // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2014. – № 4. – С.15–21.

8. Дневник полкового священника, служащего на Дальнем Востоке – прпмч. Митрофан Сребрянский. – М.: Православная художественная литература, 2018. – 560 с.

9. Докладная записка помощника управляющего земским отделом министерства внутренних дел министру внутренних дел о крестьянском движении в Орловской, Курской, Черниговской и Воронежской губерниях в феврале – марте 1905 г. от 12 июля 1905 г. // Красный архив. Исторический журнал. – 1935. – Т. 6 (73). – С. 153–155 (по подлиннику: Земский отдел министерства внутренних дел, 1905 г. Дело 34-б. Л. 162–190).

10. Докладная записка т. сов. И.А. Звегинцева министру внутренних дел о крестьянских волнениях в Курской, Орловской и Черниговской губерниях от 14 марта 1905 г. // Красный архив. Исторический журнал. – 1935. – Т.6(73). – С. 137–139 (по подлиннику: Земский отдел министерства внутренних дел, 1905 г. Дело № 34-а. Ч. 2. Л. 34).

11. Ковальская Е.Ю. Благотворительные организации великой княгини Елизаветы Федоровны: руководство, структура, источники финансирования, жертвователи (1884–1918 гг.): диссер. ... к.и.н. – М., 2022. – 457 с.

12. Куликова Л.В. Летопись жизни и деятельности Благоверной Великой Княгини Ели-

советы Феодоровны – основательницы Марфо-Мариинской обители милосердия в хронике событий. – М., 2014. – 614 с.

13. Кучмаева И.К. Когда жизнь истинствует...: Культура благотворения Великой княгини Елисаветы Феодоровны. – М.: Индрик, 2008. – 364 с.

14. Ливцов В.А., Ашихмина Е.Н. и др. История Орловского края. Часть 1. С древнейших времен до конца XIX века. – Орел: Управление общего и профессионального образования Орловской области, 2004. – 392 с.

15. Ливцов В.А. Священномученик Кукша: За веру Православную // Орловская правда. – 3.04.2013.

16. Лисовой Н.Н. «Президенты Палестины» // Православный Палестинский сборник. – 2010. – № 100. – С. 114.

17. Миллер Л.П. Святая мученица Российская Великая княгиня Елизавета Феодоровна. – Москва: Паломникъ, 2006. – 351 с.

18. Мищенко А.К. От земного подвига до святости: Великая княгиня Елизавета Феодоровна и Орловский край. – Орёл: Картуш, 2012. – 233 с.

19. Праздник 800-летия со времени мученической кончины Просветителя Орловского края, Преподобного Священномученика Кукши (1113–1913) // Орловские епархиальные ведомости. – 1913. – № 36. – С. 973–998.

20. Пребывание в Орле Ее Императорского Высочества Великой Княгини Елизаветы Феодоровны // Орловские епархиальные ведомости. – 1916. – № 21. – С. 548–549.

21. Пребывание в Орле Их Императорских Высочеств Великого Князя Сергея Александровича и Великой Княгини Елизаветы Феодоровны и посещение ими Петропавловского собора // Орловские епархиальные ведомости. – 1899. – № 20. – С. 769.

22. Программа пребывания шефа полка в Орле // Орловский вестник. – 14.05.1899.

23. Урожай 1891 года по Орловской губернии и его последствия. – Орёл: Статистическое

отделение Орловской губернской земской управы, 1892. – 266 с.

24. Ходанов М. Преподобномученица Елизавета Феодоровна Романова // Шестое чувство. – 2009. – № 1. – С. 20–27.

25. Черкасская Н.А. Образы великих княгинь Елизаветы Фёдоровны и Марии Павловны-старшей в источниках личного происхождения представителей дома Романовых и приближённых (конец XIX – начало XX в.) // Вестник Омского университета. Сер. «Исторические науки». – 2019. – № 3. – С. 68–76.

1. Perviy otchet sostoyashchego pod predsedatel'stvom Yeye Imperatorskogo Vysochestva velikoy knyagini Yelisavety Feodorovny Moskovskogo komiteta dlya sora pozhertvovaniya v pol'zu postradavshikh ot neurozhaya [The 1st report of the Moscow Committee chaired by Her Imperial Highness Grand Duchess Elisaveta Feodorovna to collect donations in favor of those affected by crop failure] (1892). – M., S. 49–50 (In Russ.).

2. Abakumov, S.N. (2020) Obshchestvenno-tserkovnaya deyatel'nost' predstaviteley sem'i Romanovykh na territorii Orlovskoy oblasti v kontse XIX - nachale XX vv. [Social and church activities of representatives of the Romanov family on the territory of the Orel region in the late XIX - early XX centuries] // Russia and the world in the late XIX - early XX centuries. The Romanovs and Russia: a collection of articles and reports under the general. ed. S.V. Mironenko. – M.: Indrik. – S.9-17. (In Russ.).

3. Belinskaya, N.I. (2018) Pervyy predsedatel' Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo obshchestva Velikiy knyaz' Sergey Aleksandrovich - orlovskiy zemlevladelets [The first chairman of the Imperial Orthodox Palestine Society, Grand Duke Sergei Alexandrovich - an Orel landowner] // West-East: Turgenev - Russia and the world: II All-Russian Scientific and Practical Conference. Orel: RANEPa. – S.84-93. (In Russ.).

4. Vlasov, V.A. (2016) *Vo imya lyubvi i miloserdiya* [For love and mercy] // Orel at the era of Emperor Alexander III. Events and people: a collection of articles. – Orel: Youth Brotherhood in the name of the Great Martyr and Victorious George. – S. 118-133. (In Russ.).
5. Voloshun, P.V. (2010) *Blazhenny milostivyye. Blagotvoritel'naya deyatelnost' Velikoy knyagini Yelizavety Fedorovny* [Blessed are the merciful. Charitable activities of the Grand Duchess Elizabeth Feodorovna]. – M.: DAR. 479s. (In Russ.).
6. SAOR. F. 580. St.2. D.2.953. L. 52, 63, 65, 100, 114-117, 124. (In Russ.).
7. Gularyan, A.B. (2014) *Razvitiye sistemy blagotvoritel'nosti v Rossiyskoy Imperii (na primere Orlovskoy gubernii)* [Development of the system of charity in the Russian Empire (on the example of the Orel province)] // Scientific notes of the Orel State University. – №4. – S.15-21. (In Russ.).
8. *Dnevnik polkovogo svyashchennika, sluzhashchego na Dal'nem Vostoke. Mitrofan Srebryanskiy*. [Diary of a regimental priest serving in the Far East. Mitrofan Srebryansky] (2018). – M.: Pravoslavnaya khudozhestvennaya literature. 560s. (In Russ.).
9. *Dokladnaya zapiska pomoshchnika upravlyayushchego zemskim otделom ministerstva vnutrennikh del ministru vnutrennikh del o krest'yanskom dvizhenii v Orlovskoy, Kurskoy Chernigovskoy i Voronezhskoy guberniyakh v fevrale — marte 1905 ot 12 iyulya 1905* [Memorandum of the assistant manager of the zemstvo department of the Ministry of Internal Affairs to the Minister of Internal Affairs on the peasant movement in the Orel, Kursk Chernigov and Voronezh provinces in February - March 1905 dated July 12, 1905] (1935) // Red Archive. Historical magazine. T. 6 (73). – S. 153-155 (according to the original: Zemsky Department of the Ministry of the Interior, 1905. File 34-b. pp. 162-190). (In Russ.).
10. *Dokladnaya zapiska t. sov. I. A. Zvegintseva ministru vnutrennikh del o krest'yanskikh volneniyakh v Kurskoy, Orlovskoy i Chernigovskoy guberniyakh ot 14 marta 1905 g.* [Memorandum of Comrade Sov. I. A. Zvegintsev to the Minister of Internal Affairs about peasant unrest in the Kursk, Orel and Chernigov provinces of March 14, 1905] (1935) // Red Archive. Historical magazine. T. 6 (73). P. 137-139 (From 137-139 (according to the original: Zemsky Department of the Ministry of Internal Affairs, 1905. Case №34-a. Part 2. L.34). (In Russ.).
11. Koval'skaya, Ye.Yu. (2022) *Blagotvoritel'nyye organizatsii velikoy knyagini Yelizavety Fedorovny: rukovodstvo, struktura, istochniki finansirovaniya, zhertvovateli (1884-1918 gg.)* [Charitable organizations of the Grand Duchess Elizabeth Feodorovna: leadership, structure, sources of funding, donors (1884-1918)]: dissertation Ph. D. – M. - 457s. (In Russ.).
12. Kulikova, L.V. (2014) *Letopis' zhizni i deyatelnosti Blagovernoy Velikoy Knyagini Yelizavety Feodorovny - osnovatel'nitsy Marfo-Mariinskoy obiteli miloserdiya v khronike sobyitiy* [Chronicle of the life and work of the Blessed Grand Duchess Elizabeth Feodorovna – the founder of the Marfo-Mariinsky Convent of Mercy in the chronicle of events]. – M., 614 p. (In Russ.).
13. Kuchmayeva I.K. (2008) *Kogda zhizn' istinstvuyet...: Kul'tura blagotvoreniya Velikoy knyagini Yelizavety Feodorovny* [When life is true ...: The culture of charity of the Grand Duchess Elizabeth Feodorovna]. – M.: Indrik. 364 s. (In Russ.).
14. Livtsov V.A., Ashikhmina Y.N., etc. (2004) *Istoriya Orlovskogo kraia. Chast' 1. S drevneyshikh vremen do kontsa XIX veka* [History of the Orel region. Part 1. From ancient times to the end of the XIX century]. Orel: Department of General and Vocational Education of the Orel Region. – 392s. (In Russ.).
15. Livtsov V.A. (2013) *Svyashchenno-muchenik Kuksha: Za veru Pravoslavnuyu* [Hieromartyr Kuksha: For the Orthodox Faith] // *Orlovskaya pravda*. 3.04.2013. (In Russ.).
16. Lisovoy, N.N. (2010) «*Prezidenty Palestiny*»

[Presidents of Palestine] // Orthodox Palestine collection. №100. S. 114. (In Russ.).

17. Miller, L.P. (2006) Svyataya muchenitsa Rossiyskaya Velikaya knyaginya Yelizaveta Feodorovna [Holy Martyr of Russia Grand Duchess Elizabeth Feodorovna]. Moscow: Palomnik. 351 s. (In Russ.).

18. Mishchenko A.K. (2012) Ot zemnogo podviga do svyatosti: Velikaya knyaginya Yelizaveta Feodorovna i Orlovskiy kray [From earthly feat to holiness: Grand Duchess Elizabeth Feodorovna and the Orel Territory]. Orel: Kartush. 233 s. (In Russ.).

19. Prazdnik 800-letiya so vremeni muchenicheskoy konchiny Prosvetitelya Orlovskogo kraja, Prepodobnogo Svyashchennomuchenika Kukshi (1113–1913) [Feast of the 800th Anniversary of the Martyrdom of the Enlightener of the Orel Territory, the Reverend Hieromartyr Kuksha (1113–1913)] (1913) // Orel Diocesan Gazette. № 36. S. 973–998. (In Russ.).

20. Prebyvaniye v Orle Yeye Imperatorskogo Vysochestva Velikoy Knyagini Yelizavety Fedorovny [Stay in Orel Her Imperial Highness Grand Duchess Elizabeth Feodorovna] (1916) // Orel Diocesan Gazette. № 21. S. 548–549. (In Russ.).

21. Prebyvaniye v Orle Ikh Imperatorskikh Vysochestv Velikogo Knyazya Sergeya Aleksandrovicha i Velikoy Knyagini Yelizavety Fedorovny i poseshcheniye imi Petropavlovskogo sobora [Stay in Orel of Their Imperial Highnesses Grand Duke Sergei Alexandrovich and Grand Duchess Elizabeth Feodorovna and their visit to the Peter and Paul Cathedral] (1899) // Orel Diocesan Gazette. №20. S. 769. (In Russ.).

22. Programma prebyvaniya shefa polka v Orle [The program of the stay of the chief of the regiment in Orel] (1899) // Orlovsky Bulletin. 14.05.1899. (In Russ.).

23. Urozhay 1891 goda po Orlovskoy gubernii i yego posledstviya [Harvest of 1891 in the Orel prov-

ince and its consequences] (1892). Orel: Statistical department of the Orel provincial zemstvo council. 266 s. (In Russ.).

24. Khodanov M. (2009) Prepodobnomuchenitsa Yelizaveta Fedorovna Romanova [Martyr Elizabeth Fedorovna Romanova] // The Sixth Sense. №1. S. 20–27. (In Russ.).

25. Cherkasskaya N.A. (2019) Obrazy velikikh knyagin' Yelizavety Fedorovny i Marii Pavlovny-starshey v istochnikakh lichnogo proiskhozhdeniya predstaviteley doma Romanovykh i priblizhonnykh (konets XIX - nachalo XX v.) [Images of the Grand Duchess Elizabeth Feodorovna and Maria Pavlovna Sr. in the sources of personal origin of representatives of the Romanov dynasty and close associates (late XIX – early XX century)] // Bulletin of the Omsk University. Ser. «Historical Sciences». №3. S. 68–76. (In Russ.).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию (Received) 17.07.2023

Поступила после рецензирования (Revised) 20.09.2023.

Дата выхода в свет 29.12.2023.

УДК 312.12(47)

DOI:10.22394/2225-8272-2023-12-4-129-137

ИЕРУСАЛИМСКИЙ Юрий Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой отечественной средневековой и новой истории, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова (Россия, Ярославль), e-mail: ierusi@uniyar.ac.ru, SPIN-код: 2681-5659, Author ID: 330812

IERUSALIMSKIY Yu.Yu., Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Russian Medieval and Modern History, P.G. Demidov Yaroslavl State University, (Russian Federation, Yaroslavl), e-mail: osniyar@uniyar.ac.ru

ИГУТИН Игорь Викторович, аспирант, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова (Россия, Ярославль), e-mail: ig-or.igutin@gmail.com

IGUTIN I.V., postgraduate P.G. Demidov Yaroslavl State University (Russian Federation, Yaroslavl), e-mail: igor.igutin@gmail.com

**ВЗГЛЯДЫ М. Н. КАТКОВА НА ЛИБЕРАЛИЗМ
КОНЦА 70-Х – НАЧАЛА 80-Х ГОДОВ XIX ВЕКА**

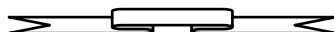
**M.N. KATKOV'S VIEWS ON LIBERALISM OF THE LATE
70S – EARLY 80S OF THE 19th CENTURY**

Аннотация. Представленная статья посвящена анализу взглядов Михаила Никифоровича Каткова на развитие идей либерализма в Российской империи конца 70-х – начала 80-х гг. XIX века. Выявляются исторический контекст и идейный генезис катковских воззрений в вопросе его отношения к либералам в указанный период. Главный редактор «Московских ведомостей» в своих передовых статьях на рубеже 1870–1880-х гг. большое внимание уделяет критике либерализма в России. М.Н. Катков придерживался той точки зрения, согласно которой действия и идеи российских либералов привели государство к пагубным последствиям. Авторы приходят к выводу об актуальности обращения к воззрениям М.Н. Каткова в целях формирования представления об идейной борьбе в Российской империи, подготовившей почву политике «контрреформ».

Ключевые слова: консерватизм, либерализм, М.Н. Катков, общественно-политическая жизнь, Российская империя, террор, революционеры, общественные движения, «Московские ведомости».

Abstract. The purpose of the article is to analyze the contribution of Mikhail Nikiforovich Katkov to the development of ideas of liberalism in the Russian Empire of the late 70s - early 80s of the 19th century. The historical context and the ideological genesis of Katkov's views on liberalism in this period are revealed. The editor in chief of the «Moskovskie Vedomosti» in his leading articles at the turn of the 1870s – 1880s pays great attention to the criticism of liberalism in Russia. M.N. Katkov adhered to the point of view that the actions and ideas of Russian liberals led the state to disastrous consequences. As a result the authors come to the conclusion about the relevance of appealing to the position of M.N. Katkov in order to form an idea of the ideological struggle in the Russian Empire, which prepared the ground for the policy of «counter-reform».

Keywords: conservatism, liberalism, M.N. Katkov, social and political life, Russian Empire, terror, revolutionaries, social movements, «Moskovskie Vedomosti».

©Иерусалимский Ю.Ю., 2023г.
©Игутин И.В., 2023г.

ВВЕДЕНИЕ

Специфика общественного движения в России в 1870-х гг. привела к неопределенности в обозначении приверженности тем или иным политическим взглядам. Отсюда существует «запутанность» в использовании терминов и определений, в частности, по отношению к либералам и консерваторам. Так, либеральные деятели называли консерваторов «националами», «ретроградами», «самобытниками». Либеральный, «профессорский» журнал «Вестник Европы» М.М. Стасюлевича отмечал, что «реакционеры» желают повернуть назад, усилить цензуру, ограничить круг власти и независимость суда, а «консерваторы» желают продолжения реформ, не извращая их смысл [1, С. 762].

Напротив, слово «реакция» для М.Н. Каткова имело положительный смысл. Оно показывает, по его мнению, что «Россия жива, а не мертва» и «реакция» «спасительна для государства» [16, С. 33–34]. В ряде случаев современники занимались «вешанием ярлыков» на людей противоположного мировоззрения, что усложняет задачи нашего исследования. Принимая во внимание условность ряда терминов, постараемся разобраться в отношении видного консервативного публициста середины 70-х – 80-х гг. XIX в., одного из основоположников российской политической журналистики, многолетнего редактора «Московских ведомостей» М.Н. Каткова к либералам и либерализму.

С 1878 года М.Н. Катков предпринял целую кампанию против либералов. Спусковым крючком для этого стали обстоятельства дела В.И. Засулич 1878 года. В нём, по мнению М.Н. Каткова, раскрылась связь революционного движения с демократической и либеральной интеллигенцией. Это обстоятельство отметил еще в конце XIX в. известный исследователь деятельности М.Н. Каткова Р.И. Сементковский. Он утверждал, что в кон-

це своей публицистической деятельности М.Н. Катков направил свои удары против русской интеллигенции [17, С. 22]. В советской историографии В.А. Твардовская пришла к выводу, что дело В.И. Засулич окончательно сформировало идею М.Н. Каткова о «ненависти к интеллигенции народа», которая прочно вошла в официальную систему взглядов самодержавной идеологии [18, С. 177].

Действительно, с момента после инцидента, связанного с делом Засулич, на демократическую интеллигенцию усилилась критика со стороны «Московских ведомостей». С 1878 года в газете вышло несколько разоблачительных статей, адресованных либеральной и демократической интеллигенции. Такое отношение к либералам было вызвано общественными последствиями суда над В.И. Засулич. Оправдательный приговор, распространение либеральной атмосферы в российском обществе после суда над Засулич вызвали у Каткова сначала недоумение, а потом осознание необходимости информационно-пропагандистской борьбы с глубоко чуждым для редактора «Московских ведомостей» мировоззрением.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

М.Н. Катков постоянно подчеркивал принципиальную оторванность русского народа от узкой группы разночинной интеллигенции [15, С. 194]. Он был убежден в патриотических устремлениях народа, который полностью противоположен интеллигенции. Катков в характерной статье «Наше варварство – в нашей иностранной интеллигенции» обвинял ее в космополитизме и непринятии «органических форм русской жизни» [2, С. 190].

В одной из передовых статей «Московских ведомостей» Катков написал, что ничем нельзя так сильно задеть либеральную интеллигенцию, как объявить ее легкомысленной в

общественных делах. Всеми виной, подчеркнул М.Н. Катков в 1879 году, антинациональное настроение в интеллигентных сферах общества, которое поступает интересами государства. В потворстве и «расслаблении мысли, страшашейся всего твердого», заключаются главные источники нигилизма [3, С. 165]. Поэтому публицист смотрел на интеллигенцию как на источник общественного зла.

По нашему мнению, такая резкая реакция и яростные нападки на либеральную интеллигенцию со стороны газеты «Московские ведомости» напрямую связаны со взглядами М.Н. Каткова. Оправдательный приговор В.И. Засулич был воспринят им как победа нигилистов и либералов в борьбе против государства. Исходя из идеи о целостности, стабильности и сохранении авторитета государства, Катков резко критично высказался о восхвалении либеральной публикой оправдательного приговора. Для М.Н. Каткова – это личное оскорбление и продолжение той самой практики безвластия под фирмой «либеральничанья», которая страшится «твердой власти» [3, С. 165], столь необходимой, с точки зрения публициста, в то сложное для страны время.

М.Н. Катков уделил специальное внимание использованию терминов «либерализм» и «консерватизм». В передовых статьях «Московских ведомостей» содержатся размышления публициста об употреблении этих понятий. В связи с этим М.Н. Катков называет «либерализм» и «консерватизм» входящими в «число готовых понятий» [4, С. 595]. По его мнению, люди, говорящие о «либеральных партиях» и «партиях консервативных», «не сопровождают их никакой мыслью и сами не знают, что говорят» [4, С. 595]. «Московские ведомости» постоянно указывали на то, что разговоры о «консервативной» и «либеральной партии» «бесплодны и фальшивы», поскольку для таких партий нет в государстве реальной основы [5, С. 416].

Фактически, по мнению Каткова, существуют люди «старых» и «новых порядков», созданных реформами, и их частные интересы [5, С. 416]. Вместе с тем главный редактор «Московских ведомостей» считал, что нет политических партий в консервативном и либеральном смысле, поскольку есть две другие партии – «национальная» и «антинациональная», или «русская» и «антирусская». Указанные партии, в свою очередь, имеют реальную основу и проходят через все «интеллигентные сферы» [5, С. 416]. Для «национальной партии» характерно желать только полезное для России, а не то, что либерально или консервативно. Для «антинациональной партии» во благо будет то, что ослабляет Россию и вносит смуту в ее общественную жизнь. [5, С. 417]. Следовательно, делает вывод редактор «Московских ведомостей», России нужны не консервативные или либеральные меры, а нужны только меры, от которых существует реальная польза [6, С. 99].

М.Н. Каткову было важно показать разделение в публичном пространстве вышеуказанных понятий. «Московские ведомости» выстроили собственную дихотомию на тех, кто против государства и ведет свою деятельность против России, и тех, кто стремится к благу для страны. По мнению М.Н. Каткова, в действительности не существует либералов и консерваторов. Ложным также является то, что первые как бы стремятся к изменению системы, а другие, наоборот, выступают за ее сохранение. На самом деле имеются предатели и патриоты, т.е. те, кто за, и те, кто против государства. В связи с этим «Московские ведомости» подчеркнули, что вопрос не в том, либералы мы или консерваторы, а в том, хорошо ли мы служим, полезна ли принимаемая или предлагаемая нами мера делу служения государству [4, С. 595].

Следовательно, «оправдывая» покушения и потворствуя революционерам, либералы покусились на чрезвычайно важное для М.Н.

Каткова положение, а именно на авторитет государства. Поэтому М.Н. Катков, в сущности, рассматривал либералов не иначе как простых предателей России. Раз они заодно с врагами государства, значит, они и сами являются врагами Отечества.

Аналогичные рассуждения публициста прозвучали в другой статье, вышедшей примерно в этот же хронологический отрезок времени. «Нельзя не назвать изменниками и предателями людей», – писали «Московские ведомости», – которые потворствуют «бессмысленным злодеям», то есть революционерам, или хотят соблюдать нейтралитет в отношении к ним [8, С. 80]. «Слабодушие» и «умственный разврат», по мнению М.Н. Каткова, скрываются под либерализмом некоторой части российского образованного общества [8, С. 80]. Катков пишет, что «лжелибералы» должны «образумиться» и «проклясть» то, что они зовут либерализмом, ведь они занимаются изменой своему народу [9, С. 135].

Для М.Н. Каткова авторитет власти имел огромное значение, а истинной партией Отечества может быть лишь сам русский народ [9, С. 135]. По мнению Каткова, для народа священный характер власти не может быть достоянием каких-либо «либеральных» или даже «консервативных партий», поскольку самодержавная власть нераздельна и едина с целым народом, она выше всех партий [11, С. 181]. А «гнилой либерализм» и «гнилой консерватизм», по мысли «Московских ведомостей», заключался лишь в головах людей поверхностного и космополитического образования, навязанного со стороны [9, С. 135]. В образованном обществе, по мнению Каткова, это фальшивое деление на либерализм и консерватизм внесло первую смуту, из которой впоследствии вышли все «гибельные недоразумения» [9, С. 136].

«Московские ведомости» отмечали взаимосвязь революционеров с либералами. В частности, газета цитировала «Катехизис ре-

волюционера» в том параграфе, где указывалось на государственных честолобцев и либералов с разными оттенками, которых следовало использовать, «чтобы замутить государство». М.Н. Катков констатировал, что эта «удочка» позорно сработала на либералов, использованных для смуты в качестве «белых», как и революционеры, «люди револьвера и динамита», использованы в качестве «красных» [9, С. 136].

Редактор газеты «Московские ведомости» неоднократно подчеркивал, что между так называемыми «нелегальными» и «легальными» служителями крамолы «разница только во внешней форме, а не в существе дела» [12, С. 166]. Так, М.Н. Катков резко критиковал заявление руководителя исполнительного комитета «Народной воли» А.И. Желябова, который указал, что именно его партия действует на благо русского народа [12, С. 166].

Стремление либеральной общественности и прессы объяснить революционный террор отсутствием в стране демократических учреждений и свобод также вызвало гневную отповедь Каткова. «Московские ведомости» указали на отсутствие данной взаимосвязи, называя ее интригой подпольных «либералов». «Эта интрига, – отметил М.Н. Катков, – задумала было эксплуатировать террор с неслыханным цинизмом, объявив его логическим последствием прежнего «неправового режима» и требуя громче, чем когда-либо, конституции, парламентаризма, децентрализации власти, автономии национальностей» [13, С. 389]. Он подчеркнул, что указанные требования приведут к разрушению России.

По мысли «Московских ведомостей», либерализм эксплуатировал революционный террор с целью продвижения собственных идей для скорейшего переустройства общества. По мнению М.Н. Каткова, либеральная пресса руководствовалась «ложью» и «обманом» для продвижения своих идей в обществе на фоне революционного террора. В частно-

сти, публицист указал, что по этой оскорбительной логике обмана периодическая печать обратила факт совершившегося цареубийства в доказательства необходимости «либеральных учреждений» [10, С. 126]. В своей книге о М.Н. Каткове Р.И. Сементковский показал, что после убийства Александра II в 1881 году редактор «Московских ведомостей» видел причину этого террористического акта в деятельности лиц, поддерживавших реформы прошлого царствования [17, С. 26].

Либералы рассматривали любые революционные действия, включая террор против государственных служащих, как возможность для давления на правительство. В связи с этим М.Н. Каткову было важно не допустить уступок со стороны власти. Для этого он резко критиковал программу либералов, характеризуя её как ложную и неправомерную. Для подтверждения своих взглядов Катков проанализировал в передовых статьях своей газеты программу русских либералов, опубликованную в «Вестнике Европы». Данный программный документ призывал к свободе печати, свободе совести, укреплению местного самоуправления и правовому порядку [14, С. 212]. «Московские ведомости» указали, что эти положения объединяют всех русских либералов.

Катков стремился раскрыть читателям газеты, что вещи, предлагаемые в манифесте «русских либералов», не так привлекательны, как может показаться на первый взгляд. Например, рассматривая положение о свободе печати в либеральной программе, «Московские ведомости» отметили, что не о свободе в обыкновенном смысле слова идет речь, а о том, чтобы периодическая печать, именующая себя «либеральной прессой», «чувствовала себя силою, с которою надо считаться» [14, С. 212]. По мнению газеты, под прикрытием свободы печати либералы требуют, чтобы правительство «запряглось в колесницу» либеральной прессы и опасалось упреков в «нелиберальности» [14, С. 212].

В положении о свободе совести «Московские ведомости» увидели поддержку либералами старообрядцев. По мнению газеты, в «расколе», кроме элемента «противоцерковного», предлагается и «противогосударственный» элемент. По М.Н. Каткову, забота о свободе совести в либеральной программе включена для того, чтобы возникла «смута» и «враждебное разделение в народе» [14, С. 212].

Программа либералов по устройству местного управления и самоуправления «Московскими ведомостями» рассматривалась как пагубное требование, толкающее на путь к безвластию [14, С. 213]. Устройство «правового порядка» с помощью созыва палаты народных представителей напомнило «Московским ведомостям» путь, посредством которого совершилось революционное крушение Франции [14, С. 213].

Стоит отметить, что, рассматривая все пункты указанной программы, Катков поставил цель – показать ложность всех требований либералов. Так, «мнимый» пункт о свободе слова, по его убеждению, служил оправданием воздействия либеральной прессы в своих корыстных интересах на политику правительства и общественное мнение. В газете Каткова иронично указывалось, что нигилисты, по г-ну Стасюлевичу, не враги России, а выразители народных потребностей в «правовом порядке» и «конституции», которой «якобы» требует русский народ [11, С. 182].

В статье «Обман революционного движения идет не снизу, не из народа, он идет из преддверий власти, из бюрократических сфер», опубликованной 16 апреля 1881 года, М.Н. Катков подчеркнул, что нет существенной разницы между радетелями «правового порядка» и террористами, а есть различие в «темпераменте» [11, С. 181]. Он написал, что между либералом и революционером имеется свое «разделение труда»: одни делают динамитные

взрывы, а другие публикуются в «Порядке» и «Голосе» [11, С. 182].

Соответственно, в конце 70-х — начале 80-х гг. XIX века критика Катковым либерального движения приобрела усиленный характер. Под удар попала политическая программа либералов. Газета «Московские ведомости» в лице М.Н. Каткова стремилась избежать негативного, с ее точки зрения, сценария политического развития страны. Она стремилась показать взаимосвязь либералов с леворадикальным движением, в частности с деятельностью С.Г. Нечаева и В.И. Засулич. Рассмотрение негативного и пагубного влияния либералов на государство стало для «Московских ведомостей» на рубеже 1870–1880-х гг. приоритетной задачей.

Сам по себе либерализм как политическая идеология мало интересовал «Московские ведомости». Газета продолжала пояснять, что не существует никакой «либеральной партии», так же как нет никакой «консервативной партии». По мысли М.Н. Каткова, есть силы, полезные для государства и способствующие его развитию, и имеются те, кто ведет страну по ложному пути и стремится парализовать верные правительственные решения.

Катков считал положения о «свободе» и «парламентаризме», которые выдвигала ненавистная ему часть российского общества, недопустимыми для развития государства. Государственное управление самодержавного строя базировалось, с точки зрения М.Н. Каткова, на стабильности, целостности и авторитете своего положения. Он, исходя из точки зрения государственных самодержавных интересов, подвергал критике либеральное движение. «Московские ведомости» давали негативную оценку деятельности либералов, видя в ней измену, предательство и ущемление государственных и национальных интересов.

По мнению Каткова, существует иллюзия о том, что либералы преследуют своей целью

освобождение народа, соблюдение интересов населения и государства. На самом деле их целью является смута в государстве, обман и введение народных масс в заблуждение. М.Н. Катков считал это недопустимым. На рубеже 1870–1880-х гг. он предпринял беспрецедентную попытку критики либерального общественно-политического лагеря в Российской империи, подготавливая почву для поворота к политике «контрреформ».

На фоне развернувшейся в конце 70-х — начале 80-х гг. XIX века волны террористических актов «Московским ведомостям» было важно показать причины этих событий. Газета нашла их в деятельности либералов. М.Н. Катков отметил, что роль революционеров как внутренних врагов очевидна, но дело не только в ней. Выбор либерализма как неявного врага Отечества являлся следствием напряженной внутривластной ситуации, противостояния условных консервативного и либерального лагерей в общественной мысли России. С точки зрения «Московских ведомостей» либерализм потворствовал разворачиванию террористической деятельности. М.Н. Катков не принял многие аспекты практического воплощения «Великих реформ» в жизнь. Он считал либерализм виновным в неудачной внутренней политике правительства и в активизации деятельности революционеров.

Стоит отметить, что пристальное внимание, резкая критика либерализма, увеличение количества статей, посвященных этому общественно-политическому течению, особенно активно проявились в «Московских ведомостях» в разгар террора. По Каткову, либерализм интеллигенции и нигилизм революционеров — это звенья одной цепи. В статьях газеты «Московские ведомости» либерализм упоминается и характеризуется Катковым исключительно на фоне развернувшихся революционных действий и нигилистической пропаганды. Следовательно, видна четкая взаимосвязь активизации террористических актов в России

с усилением антилиберальной публицистики М.Н. Каткова.

М.Н. Катков подчеркнул, что либералы надеются на определенные действия правительства. Либералы считали, что государственные органы для искоренения крамолы последуют их рекомендациям, то есть углубят и расширят реформы. В статье, посвященной покушению на графа М.Т. Лорис-Меликова, «Московские ведомости» намекали на связь заговорщиков и либералов, поскольку руководители заговора объявили в своих прокламациях, что не успокоятся до тех пор, пока власть не даст России либеральных учреждений [7, С. 108]. Политический террор революционеров не должен был, по мнению газеты, рассматриваться верховной властью как требование реформ.

На рубеже 70–80-х гг. XIX века Катков неоднократно обращался к программе либеральных сил. Он характеризовал ее отрицательно, показал в ней продолжение революционных поползновений, только иного, нежели политический террор, порядка. Поэтому одну из своих главных задач Катков видел не просто в дискредитации либерализма, но в резкой критике всей либеральной и, более того, реформистской программы изменения общества. Эти антилиберальные положения через совсем небольшой промежуток времени будут общей тенденцией, свойственной многим общественным и политическим деятелям последующего периода «контрреформ». В указанный промежуток времени видно нарастание консервативной линии в общественно-политических взглядах М.Н. Каткова, что, в свою очередь, было вызвано усилением революционного и либерального движения.

В связи с этим Катков решал задачу влияния на формирование правительственного курса. Публицисту было важно не допустить уступок правительства либералам и показать, что последние являются врагами русского национального государства. В конце 70-х –

начале 80-х гг. XIX века газета «Московские ведомости» оценивала деятельность либералов крайне негативно, считая их опасными элементами, которые выступают против сохранения порядка в России. М.Н. Катков обвинил либералов в стремлении к быстрым, необдуманным переменам, которые уже привели к пагубному террору, а в случае реализации в дальнейшем повергнут страну в смуту.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, изучение публицистики М.Н. Каткова показывает, каким образом консерваторы воздействовали на общественное мнение в России и пытались влиять на правительственный курс. Публикации редактора «Московских ведомостей» сыграли важную роль в идейном обосновании характера и содержания политики «контрреформ». Несомненно, взгляды Михаила Никифоровича Каткова являются актуальными для изучения общественно-политического движения 1870–1880-х гг., а их анализ поможет углубить представление об идейной борьбе, повлиявшей на внутреннее развитие Российской империи.

Библиография / References:

1. Арсентьев К.К. Внутреннее обозрение // Вестник Европы. Кн. 8. – СПб., 1880. – С. 759–787.
2. Катков М.Н. Наше варварство – в нашей иностранной интеллигенции // Собрание передовых статей «Московских ведомостей» за 1878 год. – М.: Издательство С.П. Катковой, 1897. – С. 189–191.
3. Катков М.Н. О мерах к пресечению крамолы // Собрание передовых статей «Московских ведомостей» за 1879 год. – М.: Издательство С.П. Катковой, 1898. – С. 164–165.
4. Катков М.Н. Что нужно для борьбы с крамолой? По поводу обнаружения адского замысла в Москве // Собрание передовых ста-

- тей «Московских ведомостей» за 1879 год. – М.: Издательство С.П. Катковой, 1898. – С. 595–596.
5. Катков М.Н. Влияние современного положения дел в России на успехи крамолы // Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1880 год. – М.: Издательство С.П. Катковой, 1898. – С. 416–418.
6. Катков М.Н. Несколько слов по поводу обращения гр. Лорис-Меликова к обществу за содействием в борьбе с крамолы // Собрание передовых статей «Московских ведомостей» за 1880 год. – М.: Издательство С.П. Катковой, 1898. – С. 99.
7. Катков М.Н. Покушение против гр. Лорис-Меликова // Собрание передовых статей «Московских ведомостей» за 1880 год. – М.: Издательство С.П. Катковой, 1898. – С. 108–109.
8. Катков М.Н. Сообщения корреспондентов о взрыве в Зимнем дворце // Собрание передовых статей «Московских ведомостей» за 1880 год. – М.: Издательство С.П. Катковой, 1898. – С. 80–82.
9. Катков М.Н. На Руси не может быть иных партий, кроме той, которая заодно с русским народом // Собрание передовых статей «Московских ведомостей» за 1881 год. – М.: Издательство С.П. Катковой, 1898. – С. 135–136.
10. Катков М.Н. Раскрытие обстоятельств, вызвавших событие 1 марта // Собрание передовых статей «Московских ведомостей» за 1881 год. – М.: Издательство С.П. Катковой, 1898. – С. 126–127.
11. Катков М.Н. Обман революционного движения идет не снизу, не из народа, он идет из преддверий власти, из бюрократических сфер // Собрание передовых статей «Московских ведомостей» за 1881 год. – М.: Издательство С.П. Катковой, 1898. – С. 181–183.
12. Катков М.Н. Прятавшаяся по подпольям революционная пропаганда открыто выходит на улицу // Собрание передовых статей «Московских ведомостей» за 1881 год. – М.: Издательство С.П. Катковой, 1898. – С. 166–167.
13. Катков М.Н. Перемена фронта крамолы // Собрание передовых статей «Московских ведомостей» за 1881 год. – М.: Издательство С.П. Катковой, 1898. – С. 388–391.
14. Катков М.Н. Программа либеральной партии, изложенная в «Вестнике Европы» // Собрание передовых статей «Московских ведомостей» за 1882 год. – М.: Издательство С.П. Катковой, 1898. – С. 212–215.
15. Катков М.Н. Истинное зло России заключается в той гнилой части ее интеллигенции, которая чуждается своего народа // Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1882 год. – М.: Издательство С.П. Катковой, 1897. – С. 183–185.
16. Катков М.Н. О самодержавии и конституции. – М.: Издательство «Нобель Пресс» 1905. – 68 с.
17. Сементковский Р.И. М.Н. Катков. Его жизнь и литературная деятельность. – СПб.: Издательская типография Ю.Н. Эрлих, 1892. – 89 с.
18. Твардовская В.А. Идеология пореформенного самодержавия (М.Н. Катков и его издания). – М.: Издательство «Наука», 1978. – 280 с.
1. Arsent'yev K.K. Vnutrenneye obozreniye // Vestnik Yevropy. kn. 8. – SPb. 1880. – S. 759 – 787. (In Russ.).
2. Katkov M.N. Nashe varvarstvo – v nashey inostrannoy intelligentsii // Sobraniye pe-redovykh statey Moskovskikh vedomostey za 1878 god. – M.: Izdatel'stvo S.P. Katkovoy, 1897. – S. 189 – 191. (In Russ.).
3. Katkov M.N. O merakh k presecheniyu kramoly // Sobraniye peredovykh statey Moskovskikh vedomostey za 1879 god. – M.: Izdatel'stvo S.P. Katkovoy, 1898. – S. 164 – 165. (In Russ.).
4. Katkov M.N. Chto nuzhno dlya bor'by s kramoloy? Po povodu obnaruzheniya adskogo zamysla v Moskve // Sobraniye peredovykh statey Moskovskikh vedomostey za 1879 god. – M.:

Izdatel'stvo S.P. Katkovoy, 1898. – S. 595 – 596. (In Russ.).

5. Katkov M.N. Vliyaniye sovremennogo polozheniya del v Rossii na uspekhi kramoly // Sobraniye peredovykh statey Moskovskikh vedomostey. 1880 god. – M.: Izdatel'stvo S.P. Katkovoy, 1898. – S. 416 – 418. (In Russ.).

6. Katkov M.N. Neskol'ko slov po povodu obrashcheniya gr. Loris-Melikova k obshchestvu za sodeystviyem v bor'be s kramoloy // Sobraniye peredovykh statey Moskovskikh vedomostey za 1880 god. – M.: Izdatel'stvo S.P. Katkovoy, 1898. – S.99. (In Russ.).

7. Katkov M.N. Pokusheniye protiv gr. Lo-ris-Melikova // Sobraniye peredovykh statey Moskovskikh vedomostey za 1880 god. – M.: Izdatel'stvo S.P. Katkovoy, 1898. – S.108–109. (In Russ.).

8. Katkov M.N. Soobshcheniya korrespondentov o vzryve v Zimnem Dvortse // Sobraniye peredovykh statey Moskovskikh vedomostey za 1880 god. – M.: Izdatel'stvo S.P. Katkovoy, 1898. – S.80–82. (In Russ.).

9. Katkov M.N. Na Rusi ne mozhet byt' inkh parti, krome toy, kotoraya zaodno s russkim narodom // Sobraniye peredovykh statey Moskovskikh vedomostey za 1881 god. – M.: Izdatel'stvo S.P. Katkovoy, 1898. – S. 135–136.

10. Katkov M.N. Raskrytiye obstoyatel'stv, vyzvavshikh sobytiye 1 marta // Sobraniye peredovykh statey Moskovskikh vedomostey za 1881 god. – M.: Izdatel'stvo S.P. Katkovoy, 1898. – S.126–127. (In Russ.).

11. Katkov M.N. Obman revolyutsionnogo dvizheniya idet ne snizu, ne iz naroda, on idet iz preddveri vlasti, iz byurokraticheskikh sfer // Sobraniye peredovykh statey Moskovskikh vedomostey za 1881 god. – M.: Izdatel'stvo S.P. Katkovoy, 1898. – S. 181–183. (In Russ.).

12. Katkov M.N. Pryatavshayasya po podpol'yam revolyutsionnaya propaganda otkryto vykhodit na ulitsu // Sobraniye peredovykh statey Moskovskikh vedomostey za 1881 god. – M.: Izdatel'stvo S.P. Katkovoy, 1898. – S. 166–167. (In Russ.).

13. Katkov M.N. Peremena fronta kramoly // Sobraniye peredovykh statey Moskovskikh vedomostey za 1881 god. – M.: Izdatel'stvo S.P. Katkovoy, 1898. – S.388–391. (In Russ.).

14. Katkov M.N. Programma liberal'noy partii, izlozhennaya v «Vestnike Yevropy» // Sobraniye peredovykh statey Moskovskikh vedomostey za 1882 god. – M.: Izdatel'stvo S.P. Katkovoy, 1898. – S. 212–215. (In Russ.).

15. Katkov M.N. Istinnoye zlo Rossii zaklyuchayetsya v toy gniloy chasti yeye intelligentsii, kotoraya chuzhdayetsya svojego naroda // Sobraniye peredovykh statey Moskovskikh vedomostey. 1882 god. – M.: Izdatel'stvo S.P. Katkovoy, 1897. – S. 183 – 185. (In Russ.).

16. Katkov M.N. O samoderzhavii i konstitutsii. – M.: Izdatel'stvo «Nobel' Press» 1905. – 68 s.

17. Sementkovskiy R.I. M.N. Katkov. Yego zhizn' i literaturnaya deyatel'nost'. – SPb.: Izdatel'skaya tipografiya YU.N. Erlikh, 1892. – 89 s. (In Russ.).

18. Tvardovskaya V.A. Ideologiya poreformennogo samoderzhaviya (M.N. Katkov i yego izdaniya). – M.: Izdatel'stvo «Nauka», 1978. – 280 s. (In Russ.).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию (Received) 17.07.2023

Поступила после рецензирования (Revised) 20.09.2023.

Дата выхода в свет 29.12.2023.

УДК 94(470)

DOI:10.22394/2225-8272-2023-12-4-138-146

САЛЬНИКОВ Евгений Вячеславович, доктор философских наук, доцент, начальник кафедры социально-философских дисциплин Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова (Россия, Орёл), e-mail: esalnikov2005@yandex.ru, SPIN-код: 9435-0940, AuthorID: 428441

SALNIKOV E.V., Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Social and Philosophical Disciplines, Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia (Russian Federation, Orel), e-mail: esalnikov2005@yandex.ru

САЛЬНИКОВА Инна Николаевна, старший преподаватель кафедры сервиса, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева (Россия, Орёл), e-mail: inna-salnikova@yandex.ru, SPIN-код: 8645-8636, AuthorID: 776372

SALNIKOVA I.N., Senior Lecturer at the Department of Service, Orel State University named after I.S. Turgenev (Russian Federation, Orel) e-mail: inna-salnikova@yandex.ru, AuthorID: 776372

ДИСКУССИИ О СУТИ СОВЕТСКОГО КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЯ В 1920–1940-Х ГОДАХ

DEBATES ABOUT THE ESSENCE OF THE SOVIET COLLECTING IN THE 1920s -1940s

Аннотация. Целью статьи является рассмотрение особенностей советского коллекционирования в 1920–1940-х годах. Октябрьская революция 1917 года привела к коренному слоому социальных отношений. Это нашло своё проявление в числе прочего и в сфере досуга. Статья предлагает историческую реконструкцию сформировавшегося в 1920–1930-х годах взгляда на коллекционирование как форму досуга в советском обществе. Дискуссии о смысловом содержании концепта «советское коллекционирование» завершились созданием нового понимания собирательства. Оно противопоставлялось буржуазному коллекционированию, которое было элитарным по своему характеру и собственническим по своему основанию. В противовес этому новый образ советского коллекционирования стал сочетанием четырёх факторов: максимального многообразия предметов коллекционирования (демократизм в противовес элитарности); научности, основанной на неокантианской априорной системности; просветительской, пропагандистской направленности; новой этики солидарности (открытости) в противоположность алчности и собственничеству.

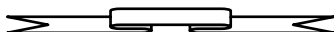
Ключевые слова: досуг, филателия, филокартия, советское коллекционирование.

Abstract. The purpose of the article is to consider the features of the Soviet collecting in the 1920s -1930s. The October Revolution of 1917 led to a radical breakdown of social relations, which was reflected in the field of leisure as well.

The article offers a historical reconstruction of the view formed in the 1920s and 1930s on collecting as a form of leisure in Soviet society. The debates about the semantic content of the concept of "Soviet collecting" led to a new understanding of collecting. It was opposed to bourgeois collecting, which was elitist in nature and possessive in its foundation.

As a result, the authors conclude that the new image of the Soviet collecting became a combination of four factors: the maximum variety of collectibles (democracy as opposed to elitism); scientific, based on the Neo-Kantian Philosophy; educational, propaganda orientation; a new ethics of solidarity (openness) as opposed to greediness and possessiveness.

Keywords: leisure, philately, deltiology, Soviet collecting.

©Сальников Е.В., 2023г.
©Сальникова И.Н., 2023г.

ВВЕДЕНИЕ

Исследование истории коллекционирования, а точнее, динамики изменения взглядов на предмет, задачи и социальную значимость коллекционирования представляет несомненный интерес для исторической науки. Хобби и досуг в целом относятся к числу центральных социально-культурных пространств человека постмодерна, при этом полноценное понимание их смыслового наполнения невозможно без реконструкции динамики их формирования в историческом срезе. Причём особое внимание в историческом аспекте приобретают те периоды, когда общественное развитие проходило этапы революционных преобразований, что необходимым образом влекло за собой и переосмысление досуговых практик.

Именно это обстоятельство и определило предмет настоящего исследования. В центре нашего внимания будет находиться полемика о сути коллекционирования в советском обществе, порождённая революцией 1917 года. Целью нашего исследования будет являться изучение и целостная реконструкция того смысла, который вкладывался в коллекционирование в период становления советского строя в 1920–1930-х годах. При этом настоящее исследование вводит в пространство исторической науки отдельный блок исторических источников – выпуски советского журнала «Советский филателист» (1922–1928) и «Советский коллекционер» (1928–1932), которые предлагают богатый материал по изучаемому вопросу.

Следует отметить, что ряд историков и представителей некоторых других отраслей гуманитарного знания уже обращался к феномену коллекционирования в схожем ключе. Так, Л.Н. Джанян предлагает реконструкцию смыслов коллекционирования в позднесоветском периоде, наблюдая в ней своеобразное воплощение политических смыслов скрытой оппозиции [3]. В.Г. Качалова обращается к коллекционированию эпохи XIX – начала XX веков, представляя её как своеобразную форму сохранения культурных ценностей [6, С. 10]. Понятие и значение частного коллекционирования как

социально-культурного феномена и как предмета дискурсивно-семиотического исследования исследуют в своей работе В.Ю. Лебедев и Е.М. Перельгина [7]. Богатые материалы представлены в систематизированном виде в целостной работе И.В. Саверкиной по истории частного коллекционирования в России [12].

Очень близкой в историческом отношении к тематике нашего исследования является работа О.В. Игнатъевой «Советское коллекционирование в контексте культурной революции», в которой автор рассматривает основные этапы и формы советского коллекционирования, фокусируясь на периоде 1920–1940-х годов, предпринимает попытку выявить формирующиеся в этот период новые смыслы коллекционирования. В целом солидаризуясь с высказанным автором положением о том, что в советское время сформировался идеал социалистического коллекционирования как познавательного и воспитательного досуга» [4, С. 80], мы в гипотезе настоящего исторического исследования полагаем необходимым углубить, уточнить и переосмыслить ряд трактовок, предложенных О.В. Игнатъевой, за счёт опоры на иную источниковую базу.

Методология настоящего исследования основана на том положении, что, наряду с историко-архивными документами по истории национализации начала 1920-х годов и воспоминаниями очевидцев, реконструкция смысловых трансформаций коллекционирования неминуемо должна найти своё отражение и в официальных источниках самих сообществ коллекционеров. Мы полагаем с этих позиций достаточно интересной и содержательной источниковую базу, предлагаемую журналом «Советский коллекционер» (до 1928 г. – «Советский филателист») в 1920–1940-х годах. Не отрицая акта идеологизации печатных изданий исследуемого периода и определённой цензуры общественной мысли, мы всё же полагаем, что полемика, представленная на страницах журнала, позволит на более глубоком уровне реконструировать смыслы коллекционирования, возникающие в эпоху формирования со-

ветского общественного строя в 1920–1930-х годах.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Следует сразу же подчеркнуть, что советское коллекционирование обретает своё исходное смысловое содержание в отрицательном аспекте – советское коллекционирование не является коллекционированием буржуазным. Это положение декларируется как отправная точка обретения новой концепции собирания.

Так, определяя основные задачи специального журнала «Советский филателист», его редакция указывала на низкую популярность филателии среди широких масс населения, её элитарность в царской России. Основной причиной этого указывалась отсталость и общая некультурность масс. Революция и окончание Гражданской войны становятся в этой логике рубежными событиями, определяющими начало нового понимания филателии, а шире и всего коллекционирования, а равно и переход от элитарного увлечения в массовую форму досуговой деятельности. «Игнорируемая и загнанная в собачий куток спекуляции, кустарничества и индивидуального эгоизма, в лучшем случае – игра и забава для детей, непонятное пустое и никчемное занятие для взрослых – только теперь при советской власти филателия начинает понемногу завоёвывать себе право на существование и внимание самых широких слоёв населения РСФСР, призванная помогать в борьбе с голодом, физическим и моральным вырождением, особенно молодых поколений, цвета и надежды человечества» [9, С. 1].

Помимо элитарного характера коллекционирования в эпоху имперской России значительным ее недостатком выглядело также то, что в основе коллекционирования лежало преимущественно стремление к наживе. Из этого следует, что обретение себя молодой советской филателией и шире собирательством вообще оказывалось возможным только в результате «очищения филателии от нездорового наносного спекулятивного элемента личной наживы

коллекционеров – коммерсантов, филателистов-торговцев, спекулянтов-чиновников, фальсификаторов – мародеров и просто разных проходимцев – невежд» [9, С. 1].

При этом совершенно очевидно, что в случае негативного определения одного отрицания (советское коллекционирование не равно коллекционированию в царской России) не может быть достаточно. Необходимо теперь перейти к позитивной дефиниции, фиксирующей ее самостоятельное новое содержание. Это новое содержание определялось рядом положений.

Первое. Коллекционирование начинало трактоваться максимально широко. Советские коллекционеры допускали возможность практически безграничного по своему материальному воплощению коллекционирования. Теоретики советского коллекционирования видели его максимально открытой формой собирательства, в рамках которой предметом увлечения могло стать что угодно – «от древних и современных монет, редких, ценных и всяких иных книг, картин, фарфора, табакерок – и кончая папиросными и спичечными коробками» [17, С. 19], а также фантики, «марки, фарфор, стальные перья и т. п.» [5, С. 3] и даже «разбитые стаканы» [8, С. 10].

Однако пестроту собираемого материала необходимо было неким образом отграничить от простого накопительства, вещизма, старьевщины. Таковую роль выполняла вторая позитивная характеристика коллекционирования – научный характер как отдельных направлений коллекционирования (филателии, бонистики, филокартии и пр.), так и самого коллекционирования в целом.

Так, в программной статье «Новые перспективы коллекционирования открыток» А. Львов пишет: «Истинная любознательность, истинный научно-исследовательский дух несёт в себе стремление рассматривать, анализировать, сравнивать и располагать в известной последовательности всё то, что он видит. Из этого стремления человека родилась вся наука. Из этого же стремления родилась страсть коллекционера. Между тем и другим нельзя провести резкой разграничительной

черты. Всякий учёный с резко развитым исследовательским инстинктом имеет в себе жилку коллекционера. Всякий коллекционер имеет в себе научно-исследовательский инстинкт, хотя этот инстинкт иногда не может проявиться в силу неблагоприятных объективных условий» [8, С. 10]. В этом смысле неслучайно и то, что в рамках программных целей создания как специализированного журнала, так и общества филателистов декларировалось возведение филателии «на ступень самостоятельной науки» [9, С. 1].

При этом спецификой понимания научности коллекционирования, складывающейся в 1920–1930-е годы выступало то, что в качестве модели науки рассматривалась не диалектико-материалистическая концепция, а неокантианский подход. При таком подходе критерием научности выступает ее соответствие априорно заданной системе. «Каждая коллекция, что бы ни составляло объект коллекционирования: - только тогда может быть названа «Коллекцией», а не собранием, складом разнородных в своей однородности предметов, если последние расположены в строго-систематическом порядке» [5, С. 3]. Таким образом, получалось, что филателия, например, является коллекционированием в той мере, в какой она научна, что означало собрание идёт по определённой схеме, в соответствии с ранее обозначенными правилами.

Здесь следует отметить, что даже в таких областях коллекционирования, как филателия и нумизматика, которые изначально тяготеют к системному характеру в силу своей традиционной привязанности на ограниченное число эмиссий конкретными, строго определёнными акторами с последующей фиксацией в каталогах, молодые советские коллекционеры предлагали инновационные подходы. Новые контуры советской филателии, например, мог задавать особый альбом или принцип, в основе которого лежало отражение средств производства.

Однако признаем, что при всём наличии самобытных и нетрадиционных предложений в целом системность, а значит, научность филателии и нумизматики под сомнение не стави-

лась. Гораздо хуже дело обстояло с филокартией, а также и с многообразными «новыми» предметами коллекционирования (фантики и пр.). Теоретикам нового советского коллекционирования приходилось с неудовольствием констатировать тот факт, что «в филокартии почти нет какой-либо классификации. Собирая марки, мы руководствуемся каталогами, а в филокартии руководствоваться нечем, потому что специальных каталогов не существует; и к тому же открыток гораздо больше, чем марок. Собрать все открытки нет никакой возможности, так их много. Каждая площадь каждого города может быть снята с разных сторон и издана в разных изданиях... Если принять во внимание, что на земле существует свыше 500 стран (имеющих или имевших собственные марки), да в каждой стране по несколько десятков городов, не считая типов населения, флору, фауну и т.п., мы можем представить себе, сколько имеется материала для составления коллекций картофилов» [16, С. 21].

Как следствие, складываются две позиции. Первая из них отрицает за филокартией и всеми иными формами собирательства, не обладающими системным характером, права именоваться коллекционированием. Так, в 1928 г. Л. Гальбрайх с прискорбием констатировал, что «более чем за тридцатилетний срок своего существования коллекционирование открыток, достигнув значительного развития в отношении числа коллекционеров, не дало ясных принципов и методов правильно построенной коллекции». Гальбрайх указывает на три основных недостатка филокартии, вскрывающих её ущербность в сравнении с нумизматикой или филателистикой. Так, филокартия не имеет: 1) определённого коллекционного содержания, могущего быть положенным в основу при коллекционировании (репродукции с картин, виды городов, этюды декораций, фотографии артистов, бытовые, поздравительные и т. п.); 2) каталога, устанавливающего редкость, качество и особенности открытки как самоцели, а не как изображения, на ней представленного; 3) границ для коллекционера, достижение которых позволило бы говорить об относительной полноте собранной

коллекции (если различных видов почтовых марок не насчитывается и ста тысяч, а может и того меньше, то количество открыток не поддается учёту, а возможное их увеличение в коллекции неозоримо)». При этом, по категоричному мнению, Гальбрайха, «бессистемные собрания открыток, да ещё и с «обывательским» сюжетом (цветы, «английские» головки, поздравительные карточки), не могут восприниматься в качестве коллекционирования» [1, С. 4].

В противоположность этой позиции имели место и прямо противоположные взгляды, подобно которым «сетования некоторых коллекционеров на (1) невозможность достичь хотя бы относительной полноты и законченности в подборе коллекции открыток, (2) отсутствие коллекционного содержания, могущего быть положенным в основу при коллекционировании, и (3) отсутствие каталога кажутся нам наивными.

Первый и третий момент в коллекционировании открыток являются не отрицательными, а, наоборот, положительными. Бесконечность изданий делает открытку самым доступным во всех отношениях предметом коллекционирования, доступным широким массам по своей дешевизне. Отсутствие же каталога лишает этот предмет узости, бессмысленного каталожного нумераторства и обязательного для всех индивидуализма, а главное, даёт широкую инициативу выбора соответственно вкусу каждого любителя» [2, С. 30]. Так пишет в программной статье 1929 года В.И. Демченко. Он же подчёркивает, что многообразие коллекционируемого материала является не препятствием на пути признания за собирательством статуса коллекционирования, но, напротив, достоинством, указывая на то, что не одной научностью определяется статус коллекционирования. «Больше пользы и знаний», формулирует Демченко свою мысль в виде лозунга, отсылающего к тому, что новое советское коллекционирование – это ещё и (третье) просвещение.

Третий элемент смыслового содержания советского коллекционирования – его ориентированность на просветительскую, пропаган-

дистскую работу [15], культивацию сосредоточенного в нём воспитательного и просветительского содержания. Как полагал В.И. Демченко, пусть какая-то отрасль коллекционирования и не является наукой по принципу соответствия априорной системе, но она будет подлинным коллекционированием потому, что выполняет свою просветительскую задачу [2]. Как подчёркивал А. Львов, «коллекция открыток является вещью несомненно высоко ценной в научном отношении и ещё более ценной в качестве орудия культурно-просветительской работы» [8, С. 10].

Четвёртый элемент смыслового содержания советского коллекционирования – новая этика самого коллекционера. При этом следует отметить, что в исследуемых работах чётко прослеживается мысль о том, что само по себе коллекционирование есть «древняя и благородная страсть культурных людей» [13, С. 5]. По своей психической сути коллекционирование чаще всего в тот период объясняется с опорой на рефлексологическую концепцию И.П. Павлова, в рамках которой коллекционирование является частным случаем рефлекса цели. С этих позиций жизнь человека прекрасна стремлением к цели, что определяет изначальную присущность коллекционирования человеческой природе.

На базе этой концепции делался вывод о том, что коллекционирование «не является принадлежностью буржуазного общества, но есть нечто свойственное вообще человеческой натуре, чему буржуазный мир придал лишь свои характерные черты...» [14, С. 6]. Именно буржуазный мир превратил коллекционирование в страсть, которая «плохо поддается дисциплине воли, не выдерживает соблазнов и часто толкает человека на неэтические противообщественные поступки, а иногда и преступления, караемые уголовным законом. ...люди эти не вполне нормальны, имеют свою особую мораль и явно страдают навязчивыми идеями, фанатичны» [11, С. 28].

В противовес таким людям советская концепция выставляла совершенно других коллекционеров. Советский коллекционер – это человек, для которого его коллекция не сред-

ство удовлетворения собственнических амбиций или желания обогащения, но способ саморазвития. Помимо этого, коллекционирование есть и воспитание чувства сопричастности обществу, солидарности. Именно с этих позиций следует воспринимать призывы к коллекционерам использовать свои сложившиеся коллекции для помощи голодающим, для развития народного хозяйства, для использования в образовательной деятельности.

Стоит отметить, что реалии коллекционирования достаточно разительно отличаются от идиллических представлений. Так, в 1931 году один из авторов журнала «Советский коллекционер» с прискорбием констатировал: «Один из мощных отделов ВОФ (Всероссийского общества филателистов) – Московский – за последний год своего существования был близок к полному развалу и нежизнеспособности... И по Московскому отделу можно было констатировать: полное отсутствие общественной работы в обществе (уж если в Президиуме работало два человека, то о всей членской массе и говорить не приходится); полное отсутствие работы с юными коллекционерами (отсутствие юнсекции), вследствие чего мы были свидетелями анти-филателистических настроений и действий среди юных коллекционеров (торгашества, надувательства); отсутствие систематического выпуска газеты (совершенно отсутствовала); полное отсутствие пропагандирования целей и задач советской филателии (выезды с докладами на фабрики и заводы) и вовлечения в общество филателистов-рабочих с производства и детей рабочих» [10, С.200].

Трудно с уверенностью констатировать, в какой мере реальность расхаживала энергию строительства нового типа коллекционирования. Сохранение, а в эпоху НЭПа и развитие старых подходов к коллекционированию, ориентированных прежде всего на монетизацию, коммерциализацию всех форм коллекционирования, не могло не играть негативной роли. Однако всё же в первой половине 1930-х годов посыл к формированию новой модели собирательства и его отдельных отраслей был очень велик.

Значительное количество коллекционеров той эпохи, действительно, верило в то, что «советская филателия, являющаяся орудием агитации и пропаганды в интересах рабочего класса и соцстроительства, отражая все моменты борьбы и достижений рабочего класса на фронте построения социалистического общества, должна в своём существовании соответствовать большевистским темпам и задачам, стоящим перед советской филателией». Вследствие этого на категорично поставленный вопрос о том, может ли советская филателия оставаться на старых позициях и на старых принципах коллекционирования, значительное количество коллекционеров отвечало отрицательно. «Удовлетворение лишь замкнутыми узко-личностными интересами, излишнее увлечение «зубчиками», оттенками и проч., коллекция – вне общественности, существование ВОФ без кипучей в нём общественной и воспитательной работы – это идеи не советской филателии. Рабочему непонятны бесконечные «зубчики» и чужда работа какой-либо организации, существующей без общественной базы. Рабочему нужна тематика коллекционирования – и это, главное и основное, нужна обстановка в ВОФе, ничуть не отличающаяся от всех других культурных звеньев советского строительства» [10, С.200].

Постфактум с позиций начала XXI века признаем иллюзорность и несостоятельность этих ожиданий. Да, советское коллекционирование в ряде отраслей приобрело массовость, но на серьёзном уровне не смогло избежать ориентации на монетизацию, удовлетворение собственнических интересов. Вместе с тем стоит отметить, что в определённом аспекте новое понимание коллекционирования нашло своё конкретное воплощение, представив собой именно новые черты: этическую сторону, отказ от накопительства и личной выгоды, ориентацию на общее дело, идеологичность и демократизм. Так, в отличие от других видов печатной продукции, выпуск которых в годы Великой Отечественной войны резко упал, издание открыток в 1941–1943 годах почти не отставало от довоенного уровня. С первых месяцев войны Наркомат связи СССР уделял большое

внимание обеспечению Красной армии, военно-морского флота и населения почтовыми карточками. Большинство почтовой корреспонденции в годы войны пересылалось бесплатно. Первые выпуски почтовых карточек-бланков, предназначенных для корреспонденции «В армию» и «Из армии», были немаркированные. Выпуск их был осуществлён Экспедицией знаков почтовой оплаты в середине сентября 1941 года. Но эти почтовые карточки-бланки не были иллюстрированными. До этого подобные почтовые карточки почтовым ведомством не выпускались. На такие карточки не нужно было наклеивать марки. В дальнейшем изготовление подобных почтовых карточек было передано Главснабу, но, так как объём изготавливаемых открыток был велик, печатали почтовые карточки на местах.

В это же время появились иллюстрированные открытки. В предвоенный период выпуск иллюстрированных открыток был сосредоточен в основном в издательстве «Искусство». В годы войны открытки выпускали также издательства «Воениздат», «Военмориздат», «Молодая гвардия», «Всекохудожник», «Госкиноиздат», «Гизлегпром», «Советский график», Художественного фонда СССР, Государственного музея Революции СССР, Государственного литературного музея, филателистическая контора КОГИЗа, товарищество «Советский график», Художественно-архитектурно-оформительский комбинат, Художественные эстампные мастерские Московского товарищества художников и созданные в начале 1945 года издательства «Советский художник» и «Победа». Восемь маркированных иллюстрированных почтовых карточек различных наименований, каждая тиражом по 2,5 миллиона экземпляров, были выпущены Народным комиссариатом связи СССР. Подобное широкое обращение открыток в годы Великой Отечественной войны осуществлялось на совершенно иных принципах, чем, скажем, в эпоху Первой мировой войны, хотя, признаем, полноценное раскрытие данного примера и анализ коллекционирования и обращения почтовых карточек, марок и иной коллекционной

продукции в этот период требуют отдельного подробного исследования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В конечном итоге, рассматривая период 1920–1930-х годов, мы можем констатировать, что дискуссии о смысловом содержании концепта «советское коллекционирование» завершились созданием нового понимания собирательства. Оно противопоставлялось буржуазному коллекционированию, которое было элитарным по своему характеру и собственническим по своему основанию. В противовес этому новый образ советского коллекционирования стал сочетанием четырёх факторов: максимального многообразия предметов коллекционирования (демократизм в противовес элитарности); научности, основанной на неокантианской априорной системности; просветительской, пропагандистской направленности; новой этики солидарности (открытости) в противоположность алчности и собственничеству.

Библиография / References:

1. Гальбрайт Л. Принципы построения коллекции открыток // Советский коллекционер. – 1928. – № 10. [Электронный ресурс]. – Режим доступа – свободный. – URL: <http://rusacademfilately.ru/books/arhive/> (дата обращения: 21.05.2023).
2. Демченко В.И. Собрание художественных открыток // Советский коллекционер. – 1929. – № 10–12. [Электронный ресурс]. – Режим доступа – свободный. – URL: <http://rusacademfilately.ru/books/arhive/> (дата обращения: 21.05.2023).
3. Джаниян Л.Н. Коллекционирование как форма коммуникации (коллекционеры и нонконформисты 1960–1970-х годов) // Культурная жизнь Юга России. – 2011. – № 5 (43). – С. 94–97.
4. Игнатьева О.В. Советское коллекционирование в контексте культурной революции // Гуманитарные исследования в Восточной Си-

бири и на Дальнем Востоке. – 2019. – № 4 (50). – С. 80–89.

5. Кант О'Рович А. Перспективы филателии // Советский коллекционер. – 1928. – № 6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа – свободный. – URL: <http://rusacademfilately.ru/books/arhive/> (дата обращения: 21.05.2023).

6. Качалова В.Г. Меценатство и частное коллекционирование как форма сохранения культурных ценностей в XIX – начале XX в. // Credo new: Теоретический журнал. – 2004. – № 4 (40). [Электронный ресурс]. – Режим доступа – свободный. – URL: <http://credonew.ru/content/view/424/56/> (дата обращения: 21.05.2023).

7. Лебедев В.Ю., Перелыгина Е.М. Частное коллекционирование как социально-культурный феномен: к контурам дискурса // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. – 2019. – № 3 (49). – С. 65–74.

8. Львов А. Новые перспективы для коллекционеров открыток // Советский филателист. – 1928. – № 5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа – свободный. – URL: <http://rusacademfilately.ru/books/arhive/> (дата обращения: 21.05.2023).

9. Наши задачи // Советский филателист. – 1922. – № 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа – свободный. – URL: <http://rusacademfilately.ru/books/arhive/sovfil-1922-1/index.html#book/14> (дата обращения: 25.05.2023).

10. Нуркас Э.Д. Работу на социалистические рельсы // Советский коллекционер. – 1931. – № 7. [Электронный ресурс]. – Режим доступа – свободный. – URL: <http://rusacademfilately.ru/books/arhive/> (дата обращения: 21.05.2023).

11. Раевский Б. Коллекционирование и этика // Советский филателист. – 1923. – № 3–4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа – свободный. – URL: <http://rusacademfilately.ru/books/arhive/> (дата обращения: 25.05.2023).

12. Саверкина И.В. История частного коллекционирования в России: учебник. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Санкт-Петербург: СПбГУКИ, 2006. – 208 с.

13. Фабрикант Н. Популяризация и пропаганда идеи коллекционирования // Советский филателист. – 1926. – № 9. [Электронный режим доступа]. <http://rusacademfilately.ru/books/arhive/> (дата обращения: 21.05.2023).

14. Филателия и педагогика // Советский филателист. – 1924. – № 11–12. [Электронный ресурс]. – Режим доступа – свободный. – URL: <http://rusacademfilately.ru/books/arhive/> (дата обращения: 21.05.2023).

15. Филателия и пропаганда // Советский филателист. – 1922. – № 3–4. [Электронный режим доступа]. <http://rusacademfilately.ru/books/arhive/> (дата обращения: 25.05.2023).

16. Филокартия // Советский филателист. – 1927. – № 5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа – свободный. – URL: <http://rusacademfilately.ru/books/arhive/> (дата обращения: 22.05.2023).

17. Фишер А.Р. Что собирать? // Советский коллекционер. – 1930. – № 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа – свободный. – URL: <http://rusacademfilately.ru/books/arhive/> (дата обращения: 25.05.2023).

1. Gal'braykh L. (1928) Printsipy postroyeniya kolektsii otkrytok [Principles of constructing a collection of postcards] // Sovetskiy kollektsioner. – № 10. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa – svobodnyy. – URL: <http://rusacademfilately.ru/books/arhive/> (data obrashcheniya 21.05.2023). (In Russ.).

2. Demchenko V.I. (1929) Sobiraniye khudozhestvennykh otkrytok [Collecting art postcards] // Sovetskiy kollektsioner. – №10–12. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa – svobodnyy. – URL: <http://rusacademfilately.ru/books/arhive/> (data obrashcheniya 21.05.2023). (In Russ.).

3. Dzhanyan L.N. (2011) Kollektсионirovaniye kak forma kommunikatsii (kollektsionery i nonkonformisty 1960–1970-kh godov) [Collecting as a form of communication (collectors and nonconformists of the 1960-1970s)] // Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii. – №5(43). – S.94–97. (In Russ.).

4. Ignat'yeva O.V. (2019) Sovetskoye kollektsionirovaniye v kontekste kul'turnoy revolyu-

utsii [Soviet collecting in the context of the cultural revolution] // *Gumanitarnyye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke*. – №4(50). – S.80–89. (In Russ.).

5. Kant O'Rovich A. (1928) *Perspektivy filatelii* [Perspectives of philately] // *Sovetskiy kollektsioner*. – №6. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa – svobodnyy. – URL: <http://rusacademfilately.ru/books/arhive/> (data obrashcheniya 21.05.2023). (In Russ.).

6. Kachalova V.G. (2004) *Metsenatstvo i chastnoye kollektsionirovaniye kak forma sokhraneniya kul'turnykh tsennostey v XIX – nachale XX vv.* [Patronage and private collecting as a form of preserving cultural values in the 19th – early 20th centuries] // *Credo new: Teoreticheskiy zhurnal*. – №4(40). [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa – svobodnyy. – URL: <http://credonew.ru/content/view/424/56/> (data obrashcheniya 21.05.2023). (In Russ.).

7. Lebedev V.YU., Perelygina E.M. (2019) *Chastnoye kollektsionirovaniye kak sotsial'no-kul'turnyy fenomen: k konturam diskursa* [Private collecting as a socio-cultural phenomenon: to the contours of discourse] // *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya*. – №3(49). – S.65–74. (In Russ.).

8. L'vov A. (1928) *Novyye perspektivy dlya kollektsionerov otkrytok* [New prospects for postcard collectors] // *Sovetskiy filatelist*. – №5. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa – svobodnyy. – URL: <http://rusacademfilately.ru/books/arhive/> (data obrashcheniya 21.05.2023). (In Russ.).

9. *Nashi zadachi* [Our tasks] (1922) // *Sovetskiy filatelist*. – №1. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa – svobodnyy. – URL: <http://rusacademfilately.ru/books/arhive/sovfil-1922-1/index.html#book/14> (data obrashcheniya 25.05.2023). (In Russ.).

10. Nurkas E.D. (1931) *Rabotu na sotsialisticheskiye rel'sy* [Work on socialist rails] // *Sovetskiy kollektsioner*. – №7. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa – svobodnyy. – URL: <http://rusacademfilately.ru/books/arhive/> (data obrashcheniya 21.05.2023). (In Russ.).

11. Rayevskiy B. (1923) *Kollektsionirovaniye i etika* [Collecting and ethics] // *Sovetskiy filatelist*. –

№3–4. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa – svobodnyy. – URL: <http://rusacademfilately.ru/books/arhive/> (data obrashcheniya 25.05.2023). (In Russ.).

12. Saverkina I.V. (2006) *Istoriya chastnogo kollektsionirovaniya v Rossii* [History of private collecting in Russia]: *uchebnik*. – Izd. 2-ye, ispr. i dop. – Sankt-Peterburg: SPbGUKI. – 208s. (In Russ.).

13. Fabrikant N. (1926) *Populyarizatsiya i propaganda idei kollektsionirovaniya* [Popularization and propaganda of the idea of collecting] // *Sovetskiy filatelist*. – №9. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa – svobodnyy. – URL: <http://rusacademfilately.ru/books/arhive/> (data obrashcheniya 21.05.2023). (In Russ.).

14. *Filateliya i pedagogika* [Philately and pedagogy] (1924) // *Sovetskiy filatelist*. – №11–12. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa – svobodnyy. – URL: <http://rusacademfilately.ru/books/arhive/> (data obrashcheniya 21.05.2023). (In Russ.).

15. *Filateliya i propaganda* [Philately and propaganda] (1922) // *Sovetskiy filatelist*. – №3–4. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa – svobodnyy. – URL: <http://rusacademfilately.ru/books/arhive/> (data obrashcheniya 25.05.2023). (In Russ.).

16. *Filokartiya* [Philocartia] (1927) // *Sovetskiy filatelist*. – №5. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa – svobodnyy. – URL: <http://rusacademfilately.ru/books/arhive/> (data obrashcheniya 22.05.2023).

17. Fisher A.R. (1930) *Chto sobirat'?* [What to collect?] // *Sovetskiy kollektsioner*. – №1. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa – svobodnyy. – URL: <http://rusacademfilately.ru/books/arhive/> (data obrashcheniya 25.05.2023). (In Russ.).

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no onflict of interest.

Поступила в редакцию (Received) 21.08.2023

Поступила после рецензирования (Revised) 20.09.2023.

Дата выхода в свет 21.12.2023.

УДК 94(470+319)

DOI:10.22394/2225-8272-2023-12-4-147-162

КОРОЛЁВ Юрий Алексеевич, кандидат философских наук, доцент, кафедра теологии, религиоведения и культурных аспектов национальной безопасности, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева (Россия, Орёл), e-mail: korolevbizant@mail.ru, SPIN-код: 9461-0477, AuthorID: 916288

KOROLEV Yu.A., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Theology, Religious Studies and Cultural Aspects of National Security, Orel State University named after I.S. Turgenev (Russian Federation, Orel), e-mail: korolevbizant@mail.ru

**ОРЛОВСКИЕ ВОЛЬНЫЕ КАМЕНЩИКИ В СВЕТЕ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РУССКОГО МАСОНСТВА**

**OREL FREEMASONS IN THE LIGHT OF THE POLITICAL HISTORY
OF RUSSIAN FREEMASONRY**

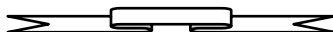
Аннотация. Цель статьи – изучение политической деятельности российского масонства XVIII – XX вв. Главной идеей исследования является тезис о том, что масонство не столько объединение филантропического характера, имеющее целью нравственное совершенствование человека, как утверждают сами масоны, но прежде всего организация, стремящаяся к реализации своих политических планов и установлению нового мирового порядка. Автор обращает внимание на важную роль, которую играли в масонстве уроженцы Орловской губернии, а также прослеживает взаимосвязь между масонами и радикальными политическими организациями, как русскими, так и зарубежными.

Ключевые слова: масонство, ложа, мистический, иллюминаты.

Abstract. The purpose of the article is to study the political activity of Russian Freemasonry of the 18th -20th centuries.

The main idea of the research is the thesis that Freemasonry is not so much philanthropic, aimed at the moral improvement of a person, as the Masons themselves claim, but first of all it is an organization seeking to implement its political plans and establish a new world order. As a result, the author concludes that the natives of Orel province played important role in Freemasonry; he also examines the relationship between Freemasons and radical political organizations, both Russian and foreign.

Keywords: Freemasonry, lodge, mystical, Illuminati.

©Королёв Ю.А., 2023г.

ВВЕДЕНИЕ

О масонстве пишут немного и нечасто. Время от времени на страницах печати появляются статьи, посвящённые масонам и их деятельности. Главным образом это касается европейских масонов, но, как правило, из этих статей трудно понять, кто такие масоны, к чему они стремятся и чего добиваются.

Согласно историческим исследованиям, масонские ложи возникают ещё в эпоху Древнего Рима и продолжают существовать в эпоху Средневековья, представляя собой закрытые строительные корпорации каменных дел мастеров, которые старались всячески сохранить секреты строительного искусства, передавая знания лишь своим проверенным ученикам-подмастерьям.

Такое объединение людей в корпорации по профессиональному признаку было весьма характерно для эпохи Средневековья.

Эти строительные корпорации, которые существовали почти во всех странах Западной Европы, и явились прототипами будущих масонских лож. Само слово «масон» в переводе с французского означает «каменщик». Строительным союзам, как правило, покровительствовали короли и крупные феодалы, заинтересованные в строительстве в своих владениях фортификационных сооружений, замков, соборов, дворцов. Особое покровительство «каменщикам» оказывали английские короли и епископы. Вероятно, поэтому начиная с конца XIV века именно в Англии появляется большое количество строительных союзов, что и привело к процветанию строительного искусства в этой стране. Оперативное масонство подразделялось на три степени: ученика, подмастерья и мастера. Посвящение в каждую степень происходило в присутствии всех членов данного масонского объединения и сопровождалось ритуалами, проводившимися в специальных помещениях – ложах (англ. lodge) [16, С. 14].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В XVII столетии знаменитые английские архитекторы и Великие мастера вольных каменщиков Иниго Джонс и сэр Кристофер Рен стали привлекать в строительные ложи богатых дворян, которые, разумеется, ничего не строили своими руками, но вкладывали в развитие строительства и архитектуры большие деньги и интерпретировали строительное искусство в символическом ключе. Таким образом, в начале XVIII века в Англии возникает умозрительное масонство, которое приходит на смену масонству оперативному.

Первыми признанными теоретиками масонства стали Андерсон и Дезагулье, которые на основе весьма популярной в европейских интеллектуальных кругах философии деизма разработали устав, теорию и структуру умозрительного масонства. По их инициативе 24 июня 1717 года в таверне «Гусь и вертел» несколько английских масонов учредили «Великую ложу Англии», объединившую все английские ложи. Это событие положило начало деятельности европейского масонства.

По утверждению масонов, орден свободных каменщиков представляет собой всемирное тайное братство, целью которого является нравственное совершенствование человечества и установление справедливого общества на основе принципов свободы, равенства и братства. Масонский деизм не навязывал никаких конфессиональных предпочтений и обеспечивал полную свободу вероисповеданий [16]. С другой стороны, деизм рассматривал Бога как Высшее Существо, создавшее мир по своему собственному плану, недаром масоны именуют Бога Великим Архитектором Вселенной [11]. Со временем масонство впитало в себя различные мистические, оккультные и теософские учения, что привело к его расколу на различные направления, которые получили названия систем или ритуалов. Можно выделить староанглийскую, шотланд-

скую, шведскую, рейхелевскую и др. системы. На смену принципу лояльности существующей государственной власти пришёл принцип оправдания политического действия с целью изменения образа правления и государственного устройства в интересах масонства.

Организацией, положившей начало политическому масонству, стала «Клермонтская коллегия». Она была основана в XVII веке в Париже сторонниками изгнанного английского короля Якова Стюарта с целью восстановления его и его потомков на престоле Великобритании. В ложах якобитов «господствовали вместе: мистический католицизм, политическая интрига и масонские предания» [10, С. 78].

Из Англии масонство перетекло в Европу, а затем и в Россию. В нашей стране ложи появились в середине XVIII века, но их расцвет приходится на период царствования императрицы Екатерины II. Масонские ложи возглавляли представители аристократии, которые были тесно связаны с английскими, французскими, шведскими и прусскими масонами.

Первые масонские ложи в России принадлежали к староанглийской системе и имели три степени: ученика, подмастерья и мастера. Во главе этих лож стоял Иван Порфирьевич Елагин, который был официально утверждён Великой ложей Англии в качестве Гроссмейстера провинциальных лож России в 1772 году.

Кроме староанглийской системы в России были широко распространены ложи, работающие в рамках шведской и французской масонских систем. Но наибольшей популярностью в русском образованном обществе пользовалась розенкрейцерская система, разработанная французским евреем каббалистом Мартинесом Паскуалисом и офицером королевской французской армии мистиком Луи Клодом де Сен-Мартеном. Сторонников этой системы в России называли мартинистами.

Активная деятельность мартинистов пришлась на конец XVIII века. Центром общества мартинистов стала Москва. Там в 1782 году ими была учреждена ложа «Гармония», куда вошли князь Н. Н. Трубецкой, князь Ю. Н. Трубецкой, князь Н. В. Репнин, И. В. Лопухин, Н. И. Новиков, П. А. Татищев, М. М. Херасков, И. П. Тургенев, А. М. Кутузов, И. Г. Шварц и др.

Во главе московских розенкрейцеров стал профессор Московского университета Иван Григорьевич Шварц, получивший от Гроссмейстера ордена Златорозового Креста Вёльнера теоретическую степень Соломоновых наук. Эта степень предполагала познание Бога и тайных сил природы через изучение и использование оккультных наук: каббалы, магии и алхимии.

В 1782 году И. Г. Шварц как делегат от русского масонства участвовал в Вильгельмсбадском масонском конгрессе и был назначен главой европейских масонов герцогом Брауншвейгским руководителем всего российского масонства в звании Великого мастера Провинциальной ложи. После смерти Шварца в 1786 году эту должность занял крупный орловский помещик и старинный масон князь Ю. В. Долгорукий.

Московские мартинисты учредили ложи в Санкт-Петербурге, Москве, Могилёве, Вологде, Харькове, Казани. Не обошли они своим вниманием и Орёл, поскольку многие розенкрейцеры являлись орловскими помещиками.

Масонская ложа в Орле была основана одним из столпов российского мартинизма Иваном Владимировичем Лопухиным в 1782 году. В «Записках Басова» сохранилось описание орловской ложи, приведённое бывшим её членом купцом С. С. Малыгиным, который построил здание, где она помещалась. По его словам, ложа располагалась на нынешней улице Горького, напротив городского парка. Дом был двухэтажный. Однако второй этаж, по словам купца Малыгина, был

подвальный и состоял из трёх комнат. Одна из комнат была выкрашена в голубой цвет (цвет иоанновского масонства низших степеней), вторая – обита чёрным сукном. В ней-то и происходил масонский ритуал смерти «ветхого» человека и возрождения человека «нового». В этой комнате была выкопана яма, выложенная белым камнем. Над этой ямой возвышался укрепленный блок, с помощью которого в яму на верёвках опускали чёрный гроб, в котором находился человеческий скелет. При посвящении в первую степень ученика неопит должен был лечь на гроб, после чего гроб опускали в яму на верёвках [2].

Среди членов орловской ложи Малыгин называет орловского вице-губернатора З. Я. Карнеева и губернского прокурора Н. Т. Мацнева. По словам орловского купца, после того как императрица узнала о существовании ложи в Орле, она направила туда чиновника, по указанию которого дом, где собирались масоны, был разрушен, а сами члены ложи, имена которых были известны, тайно подверглись телесному наказанию, хотя чины и звания им были сохранены.

Среди членов масонской ложи г. Орла числились: орловский помещик Неплюев, советники палат Нелединский и Ржевский, коллежский асессор Милот и статский советник Свербеев. Ложей управлял орловский вице-губернатор Захар Яковлевич Карнеев. Он происходил из дворян Харьковской губернии и в молодости служил на военной службе. Известно, что в 1775 году он был послан к казакам-некрасовцам с целью привести их в русское подданство. Прослужив некоторое время директором экономии в Курском наместничестве, Карнеев в 1783 году был назначен орловским вице-губернатором. Находясь на этом посту, он тесно сблизился с И. В. Лопухиным, под чьим руководством осуществлял активную масонскую деятельность. Преданность Карнеева масонству была высоко оценена. С воцарением императо-

ра Павла I в 1796 году, он, благодаря хлопотам И. В. Лопухина, был назначен губернатором в Минске. Благодаря своим масонским связям З. Я. Карнеев сделал блестящую карьеру, удостоившись чина тайного советника. Известный масон и друг императора Александра I князь А. Н. Голицын сделал Карнеева вице-президентом Библейского общества, призванного реформировать православие в России. Это общество, прикрываясь благими целями печатания Библии, стало вести антиправославную пропаганду и издавать книги гностического и масонского содержания. Пробыв на посту вице-президента Библейского общества вплоть до его закрытия в 1822 году, Карнеев был назначен попечителем Харьковского учебного округа.

К орловскому дворянству принадлежал и Алексей Андреевич Ржевский (1737–1803 гг.), владевший обширными землями в Болховском уезде Орловской губернии. Начав службу в лейб-гвардии Семёновском полку, он впоследствии сделал карьеру на гражданском поприще, став действительным тайным советником, кавалером орденов Св. Анны и Св. Александра Невского. Будучи известным поэтом, А. А. Ржевский принадлежал к избранному литературному кругу своего времени, куда входили и некоторые масоны, в частности Н. И. Новиков, И. П. Тургенев, М. М. Херасков. Попав под их влияние, он вступил в масонскую ложу «Латона», которую возглавлял Н. И. Новиков, а затем в орден розенкрейцеров, где был надзирателем второго градуса. В ордене Ржевский выполнял важную обязанность по поддержанию связей между масонскими ложами обеих столиц.

И А. А. Ржевский, и уже упомянутый З. Я. Карнеев вели постоянную переписку со своим куратором – видным мартинистом Иваном Владимировичем Лопухиным. Воспитанный в православном духе Лопухин странным образом сочетал свои православные взгляды с увлечённостью мистическими масонскими

идеями, оккультизмом и гностицизмом. Он искренне считал, что традиционную православную церковь нужно реформировать по масонскому образцу. Проект этого реформирования он изложил в своей книге «О внутренней церкви» [9].

И. В. Лопухин принадлежал к знатному дворянскому роду, ведущему своё происхождение от касожского князя Редеди; дед Лопухина, Иван Петрович, приходился двоюродным братом царице Евдокии Фёдоровне. Свою масонскую деятельность Лопухин начал в 70-х годах XVIII века, но пика своей активности она достигла к 80-м годам, когда он стал одним из руководителей ордена Златорозового Креста в Москве. Лопухин также являлся одним из основателей Дружеского общества и Типографической компании. Он на свои деньги приобрёл типографию, где стал печатать книги масонского и мистического содержания. Среди иностранных авторов книг, напечатанных в типографии Лопухина, значатся Яков Бёме, Эммануил Сведенборг, Иоанн Масон, Дузитан, Фома Кемпийский, Джон Пордедж и многие другие. Лопухин не только печатал переводы книг иностранных авторов, но и сам писал и издавал свои книги. Так, он издал написанный им «Нравоучительный катехизис истинных франкмасонов», который был направлен на защиту ордена вольных каменщиков. Учение и ритуалы русского масонства он изложил в своем произведении «Духовный рыцарь», высоко оцененном московскими мартинистами. Наряду с издательской и филантропической деятельностью Лопухин занимался и устройством новых масонских лож. Так, им были основаны и под его руководством находились масонские ложи в Орле, Вологде, Кременчуге и Симбирске. С образованием внутреннего круга в ордене московских розенкрейцеров возникла необходимость в более высоких таинствах и степенях посвящения. Такими таинствами владели розенкрейцеры Пруссии, и

Ивану Владимировичу как масону высоких степеней поручено было связаться с ними. После активной переписки с германскими розенкрейцерами Лопухин на свои деньги посылает двух «братьев» – Невзорова и Кутузова – в Берлин. Официально они должны были изучать медицину, но у них было секретное задание – узнать высокие тайны у германских розенкрейцеров и привезти их в Россию.

О той роли, которую Лопухин играл в ордене мартинистов, говорит и тот факт, что он, наряду с Н. И. Новиковым, осуществлял переписку с великим князем Павлом Петровичем. Переписка эта была тайной даже для многих членов ордена и осуществлялась через известного масона и архитектора В. И. Баженова. В своих письмах Лопухин убеждал Павла в полезности ордена, старался рассеять его сомнения, навеянные слухами о противоправительственной деятельности масонов. Переписка во многом помогла вовлечению Павла в масонство. Масоны желали видеть в Павле своего покровителя, и его посвящение в орден в 1787 году приветствовалось всеми масонами.

Такая тайная деятельность масонов не осталась, однако, незамеченной. Французская революция 1789 года и участие в ней масонов вызвали сильное подозрение по отношению к мартинистам, которых стали считать чуть ли не якобинцами.

В апреле 1792 года Екатерина II получила записку, в которой говорилось о том, что мартинисты, в числе которых был и Лопухин, метали жребий, кому убить императрицу. К тому же это было время самых напряжённых отношений между императрицей и её сыном Павлом. Екатерина прекрасно знала о связях своего сына с масонами. Через неделю после получения записки руководитель российского филиала ордена Златорозового Креста Н. И. Новиков был арестован. Началось так называемое дело мартинистов. Следствие

установило, что масоны осуществляли подкуп должностных лиц, издателей газет и даже служащих Тайной канцелярии. И. В. Лопухин как главный сообщник Н. И. Новикова был доставлен в Тайную канцелярию, допрошен, но сумел оправдаться, да так, что не понёс никакого наказания. Ему даже было позволено остаться в Москве.

Лидер московских мартинистов спокойно жил в Москве вплоть до 1796 года, когда на престол взошёл Павел I. Новый император не забыл Лопухина, и вскоре последний получил указ отправиться в Петербург, где он был благосклонно принят императором. Павел дал ему чин статского советника и определил в статс-секретари [8].

Вскоре Лопухин был назначен сенатором в Москве и исполнял эту должность вплоть до 1812 года, периодически выезжая в важные служебные командировки. Выйдя в отставку, Лопухин поселился в своём орловском имении Ретяжи. Живя в деревне безвыездно, он окружил себя близкими людьми: с ним проживали его жена Матрёна Ефимовна, известный орловский деист и вольтерианец И. В. Губарев, а также его воспитанник Александр Иванович Ковальков. Он родился в с. Ретяжи Болховского уезда Орловской губернии в крестьянской семье и был взят на воспитание И. В. Лопухиным, который дал ему образование и во многом сформировал его мировоззрение, сделав из молодого человека настоящего масона. Обладая литературными способностями, Ковальков не только переводил произведения западных мистиков, но и сам написал ряд сочинений мистического характера.

Наиболее любопытной книгой молодого автора стал трактат «Мистические творения Александра Ковалькова», изданный в Орле на средства И. В. Лопухина. В нём он изложил свои религиозные представления, во многом отличавшиеся от православного учения и характерные для масонов. Это, в частности,

идея о существовании двух церквей: внешней – земной и внутренней – духовной – и убеждение в том, что христианские таинства носят лишь символический характер [6].

Считая, что Ковальков обладает пророческим даром, И. В. Лопухин отправил своего воспитанника в Санкт-Петербург к министру духовных дел и главе Библейского общества князю А. С. Голицыну. Ковальков был ласково принят князем и получил место в министерстве. Помимо служебных обязанностей он исполнял и тайные поручения своего нового покровителя. На него была возложена важная миссия по осуществлению связи между масонским салоном князя и мистическими обществами Е. Ф. Татариновой и баронессы В. Ю. Крюденер. Ковальков играл заметную роль в салоне А. С. Голицына, а также в различных мистических обществах и розенкрейцерских кругах, выступая там в роли пророка. Он оставался близким соратником князя и после отставки последнего в 1822 году. С Иваном Владимировичем Лопухиным он также вёл постоянную переписку и держал его в курсе всех дел, происходивших в мистических кругах Санкт-Петербурга.

Масоны оценили работу А. И. Ковалькова и во многом способствовали его успешной карьере. Он получил чин тайного советника и был награжден орденом.

Оставаясь убеждённым мартинистом, Лопухин не переставал вести масонскую работу: занимался переводом масонских и мистических книг, вёл активную переписку с друзьями-масонами, ближайшим из которых являлся бывший орловский наместник князь Николай Васильевич Репнин. Их дружба началась с совместных занятий издательской, организационной и прозелитической деятельностью в интересах ордена розенкрейцеров. Они были настолько близки, что однажды Лопухин заявил, что хотел бы иметь на своём гербе простой девиз – «Он был другом Репнина».

Князь Николай Васильевич Репнин проис-

ходил из знатного княжеского рода и был сыном генерал-фельдцейхмейстера князя В. А. Репнина и в 14-м возрасте участвовал в походе своего отца за Рейн. Будучи способным дипломатом, он принял назначение на должность русского посла в Пруссии и уехал в Берлин, где в 1762 году вступил в одну из местных лож, а уже через год он был послом в Польше, одновременно являясь Гроссмейстером всех польских масонских лож.

После многочисленных сражений и дипломатических переговоров князь Репнин возвратился в Россию и поселился в Санкт-Петербурге. Там он был вовлечен в активную масонскую деятельность своим родственником князем А. Б. Куракиным и вместе с ним возглавлял ложи, работающие по шведской системе, он также вошел в состав Капитула Феникса, через который осуществлялась связь с иностранными масонскими ложами.

В 1778 году князь Николай Васильевич назначается первым орловским генерал-губернатором. На этом посту он пробыл четыре года. В 1784 году князь Репнин вступает в орден розенкрейцеров и приносит присягу главе ордена барону Шредеру. Он поклялся не разглашать тайн организации и открыть свою принадлежность к ордену только его членам и только с разрешения Гроссмейстера.

Репнин был надзирателем в ложах И. В. Лопухина, а впоследствии основал масонскую ложу в Кинбурне.

Князь Н. В. Репнин был женат на Александре Борисовне Куракиной, матерью которой являлась урождённая графиня Александра Ивановна Панина, и таким образом он являлся родственником известных масонов Александра Борисовича и Алексея Борисовича Куракиных, а также семейства графов Паниных.

Глава этого семейства вице-канцлер Никита Иванович Панин был наставником цесаревича Павла и испытанным франкмасоном,

вступившим в ложу ещё в 1747 году.

Панин, стоявший у руля российской внешней политики, объективно действовал в интересах Пруссии, примером чего является территориальный раздел Польши, в результате которого лучшие части бывшего королевства отошли к Пруссии и Австрии.

Высокопоставленные масоны составляли ближайшее окружение наследника российского престола. В число наиболее близких друзей Павла, наряду с Плещеевым и князем А. Б. Куракиным, входил и князь Н. В. Репнин. Князь пользовался большим доверием наследника, и, когда он на длительное время покинул Петербург, Павел стал писать ему письма, советуясь с ним по поводу намечаемых им преобразований в военном деле. На Павла масоны возлагали большие надежды. Находясь под их влиянием, наследник был готов подписать составленную Н. И. Паниным «конституцию», которая ограничивала власть монарха и давала полную политическую свободу дворянству.

С целью возведения Павла на престол был составлен масонский заговор. По свидетельству секретаря и доверенного лица вице-канцлера Д. И. Фонвизина, в заговоре, наряду с братьями Паниными и князьями Куракиными, участвовал и князь Н. В. Репнин. Заговор был раскрыт, но его участники не понесли никакого наказания.

Под влиянием своего масонского окружения Павел вступил в одну из масонских лож, управляемых И. П. Елагиным. Взойдя на престол в 1796 году, он не забыл своих друзей. Князь Репнин получил фельдмаршальский жезл и был назначен военным губернатором Риги. Однако после того, как Павел узнал, какую роль играли во Французской революции масоны, он резко изменил своё отношение к ним. Все его бывшие друзья-масоны были удалены от двора, а князь Репнин получил отставку. Умер он в 1801 году в своём подмосковном поместье.

Освободившись от масонской опеки, Павел стал проводить самостоятельную политику: усилил дисциплину в армии, улучшил положение крестьян, заставил дворян служить. Его внешняя политика была направлена на союз с Францией и против Англии.

Действия императора вызвали острое недовольство в масонских кругах. Против Павла составил заговор, который поддерживался и финансировался английским посольством. Заговорщики хотели избавиться от Павла и возвести на престол его старшего сына Александра. В заговоре принимали участие масоны различных лож и разных степеней посвящения, но всех их объединяла ненависть к императору. Заговорщиками являлись: генерал-губернатор Санкт-Петербурга граф П. А. Пален, вице-канцлер граф Н. П. Панин, графы Зубовы, генерал Л. Л. Бенигсен, офицеры гвардейских полков. В результате дворцового переворота Павел I был убит.

В убийстве императора активное участие принимал орловский дворянин и масон Я. П. Скарятин, предложивший свой офицерский шарф в качестве орудия убийства. Взошедший на престол новый император Александр I выслал Скарятину в его орловскую деревню, где тот безвыездно проживал до самой своей смерти.

Яков Петрович Скарятин был соседом по имению и другом маститого масона графа Григория Ивановича Чернышёва, проживавшего в своём орловском поместье Тагино. Граф вступил в масонскую ложу «Орфей» ещё во времена своей юности, когда жил в Париже. Он поднялся на самую верхнюю ступень масонской иерархии, став Канцлером Капитула Феникса.

А уже сын графа Григория Ивановича Чернышёва Захар Григорьевич принимал участие в другом масонском заговоре, известном как заговор декабристов. Захар Григорьевич служил в Петербурге в кавалергард-

ском полку и вместе с мужем своей сестры Никитой Муравьёвым состоял членом масонской ложи «Трёх добродетелей». В заговоре также принимали участие и друзья Чернышёва – орловские дворяне С. И. Кривцов и Ф. Ф. Вадковский. Являясь офицерами гвардейских полков, они одновременно состояли членами Южного общества. Все они впоследствии были арестованы и сосланы на каторжные работы.

Заговор декабристов представлял серьёзную опасность для России. В масонских ложах состояло до 90 % декабристов, в том числе и руководители тайных декабристских обществ – Южного и Северного. Большое количество заговорщиков являлись членами двух масонских лож, связанных с европейскими иллюминатами. Это ложа «Соединённых друзей» и ложа «Трёх добродетелей» [14]. В первую входили руководители заговора: П. И. Пестель, С. Г. Волконский, а также начальник 3-го отделения Собственной Его Величества канцелярии граф А. Х. Бенкендорф. Членами второй ложи являлись: П. И. Пестель, С. Г. Волконский, С. П. Трубецкой, М. С. Лунин, С. И. Муравьёв-Апостол и многие другие.

В 1820 году на расширенном совещании декабристов было принято решение свергнуть монархию и утвердить в России республиканскую форму правления. Заговорщики установили последовательность своих действий, причём в вопросе захвата власти допускалось даже цареубийство. На совещании также обсуждались планы расчленения России на несколько самоуправляющихся территорий. Одним из главных руководителей новой России, согласно плану декабристов, должен был стать М. М. Сперанский.

Заккрытие масонских лож в 1822 году явилось катализатором готовящегося долгое время политического переворота. Воспользовавшись смертью императора Александра I и неопределённостью в вопросе престолона-

следования, гвардейские офицеры-масоны организовали вооружённый мятеж против государственной власти, известный как восстание декабристов. Однако данная политическая акция закончилась неудачей. Восстание было подавлено. Это привело к «усыплению» иллюминатских лож в Российской империи. В Европе же они продолжали действовать.

Орден иллюминатов считался одной из самых опасных политических организаций масонства. Его обвиняли в подготовке и проведении Великой французской революции и многочисленных антимонархических заговорах. Эта организация была основана в 1776 году профессором университета в Игольштадте (Бавария) Адамом Вейсгауптом. В основе доктрины ордена лежало учение французского философа-просветителя Жан-Жака Руссо о естественных правах человека. Согласно этому учению, все люди от природы обладают равными правами на жизнь и свободу. Однако с появлением частной собственности и сословного деления общества возникает социальное неравенство. С возникновением государства это неравенство закрепляется законодательно. Таким образом, государство стоит на страже частной собственности и социального неравенства, а церковь обосновывает его божественной волей. Отсюда следует вывод: чтобы восстановить естественные права человека, необходимо ликвидировать частную собственность, предварительно уничтожив стоящие на её защите авторитарное государство и церковь.

Целью ордена провозглашалось реформирование всех социальных сфер: образования, религии, форм государственного правления на основе идей французского Просвещения. Кандидаты в члены ордена выбирались «из самых умных и самых благородных влиятельных членов общества, которые могли бы, в конечном счёте, изменить систему политики, религии и образования» [15, С. 40].

Для реализации этих целей предполагалось вести тайную пропаганду антимонархиче-

ских и антиклерикальных идей в обществе, а также привлекать в орден молодежь и людей, обладающих реальной властью. В своей масонской работе Вейсгаупт основывался на принципах макиавеллизма и широко использовал хотя и аморальные, но показавшие свою эффективность методы иезуитов. Это ложь, клевета, подкуп, шантаж и даже физическое устранение противников. Также Вейсгаупт ввёл в практику политического масонства взаимную слежку и наушничество.

Филиалом этой организации в России являлось «Общество Авиньонских иллюминатов». Основанное в 1788 году во Франции, оно осуществляло свою деятельность под руководством графа Тадеуша Грабянки вплоть до своего закрытия в 1791 году. Эта запрещенная во Франции организация продолжила свою работу в России в 1806 году под именем «Новый Израиль». Собрания ложи происходили в доме масона С. И. Плещеева. Организации покровительствовали многие высокопоставленные лица, в том числе князь А. Н. Голицын. Но, несмотря на это, уже в 1807 году граф подвергся аресту и вскоре умер. После его смерти общество прекратило свое существование.

Тем не менее и после ликвидации «Нового Израиля» иллюминаты продолжили свою деятельность в России, так как на смену Т. Грабянке пришёл И. А. Фесслер. Некогда глава Берлинской ложи Royal York, он был известен тем, что реформировал ритуал некоторых германских лож в соответствии с рационалистическими принципами иллюминатов. Переехав в Петербург по приглашению М. М. Сперанского в 1801 году, он основал иллюминатскую ложу «Полярная звезда», где состояли профессор университета Ф. Е. Гауешильд, Дерябин, Злобин, К. И. Лодий, М. Л. Магницкий, Пезаровиус, а также пригласивший его М. М. Сперанский. Входил И. А. Фесслер и в иллюминатскую ложу «Соединенных друзей».

Архимандрит Фотий, хорошо информированный о деятельности масонов, писал в своей «Записке», направленной государю Александру Павловичу, о том, что Фесслер успешно реформировал некоторые масонские ложи, с тем чтобы «под сим предлогом учредить новый орден самого злейшего иллюминатства» [1, С. 394].

Следует отметить, что покровитель российских иллюминатов Сперанский был вовлечен в масонство всё тем же И. В. Лопухиным, который приобщил его к чтению масонской и мистической литературы. Под влиянием европейских мистиков сформировалось религиозное мировоззрение Сперанского, представлявшее собой причудливую смесь теософских, мистических и естественно-научных идей.

Проживая в основном в столице, Сперанский длительное время состоял в переписке со своим куратором Лопухиным, получая от него различного рода инструкции политического характера, в том числе касающиеся государственно-конфессиональных отношений. Благодаря усилиям высокопоставленных руководителей масонства М. М. Сперанский занял ответственный пост статс-секретаря. Ему, как хорошо знакомому с духовной жизнью православия, было поручено провести реформу церкви. Первым этапом задуманной им реформы стала попытка изъятия из ведения церкви заключения браков и регистрации новорождённых. Однако этого он не смог сделать из-за упорного противодействия церкви и высшей аристократии.

Следует отметить, что масоны довольно успешно занимались прозелитизмом, в том числе и среди духовенства, и статс-секретарь принимал в этом активное участие.

Так, И. В. Лопухин поручил Сперанскому вовлечь в масонство епископа Феофилакта. Вступив с преосвященным в переписку и посылая последнему книги мистического содержания, Сперанский сумел приобщить его к

масонским идеям, после чего, благодаря поддержке своих масонских покровителей, Феофилакт стал членом Священного Синода.

Но самым важным деянием Сперанского стало его участие в заговоре декабристов. Связь между ним и заговорщиками осуществлялась через правителя его канцелярии Г. С. Батенькова [19].

После мятежа, организованного политическим масонством, явная деятельность лож в России стала невозможной. Подтвердив императорский указ от 1822 года о закрытии масонских лож, новый император Николай I велел брать расписку с каждого чиновника и военнослужащего о том, что они не принадлежат к масонству. Несмотря на это, отдельные ложи втайне продолжали свою работу. Так, в Москве существовала ложа под руководством С. Фонвизина, в Петербурге работала ложа «Нептун», которой покровительствовал сам министр внутренних дел С. С. Ланской, являвшийся Великим неместным мастером Великой провинциальной ложи шведского обряда.

Тем не менее в целом масонская инициационная традиция в России прервалась. Однако желающие приобщиться к масонству нашли выход. Они стали вступать в масонские ложи за границей. Так, членами итальянских масонских лож стали известные революционеры М. А. Бакунин и Н. П. Огарёв. Но настоящей Меккой для русских либералов стал Париж, где существовало множество масонских лож. В одной из парижских лож – «Биксио», работавшей под юрисдикцией Великой ложи Франции, состоял известный орловец и знаменитый русский писатель И. С. Тургенев [3]. В другой парижской ложе, относящейся к Великому Востоку Франции, в 1903 году получил посвящение будущий большевицкий нарком А. В. Луначарский.

После революции 1905 года и подписания царём манифеста многие эмигранты возвратились на Родину. Наступил новый период

существования масонства в России. В стране появляются две ложи, объединившие под своей сенью русских масонов. Это ложа «Космос» Великого Востока Франции (её членами стали А. В. Амфитеатров, И. З. Лорис-Меликов, Ю. С. Гамбаров) и ложа «Гора Синай», куда входили М. А. Волошин, С. А. Котляревский, Г. Н. Вырубов, Е. В. Де Роберти, В. О. Ключевский.

Новые русские масоны по своему мировоззрению были в основном либералами и западниками. Относясь равнодушно, а порой и враждебно к русским традиционным ценностям, они считали, что в России царят темнота и невежество и, чтобы избавиться от них, нужно продвигать так называемые общечеловеческие ценности: свободу, демократию, гуманизм, прогресс. Они считали, что для своего процветания Россия должна усвоить ценности европейской цивилизации, что невозможно без расширения западного влияния. Именно этим масоны и занимались.

К 1911 году в России уже существовали многочисленные ложи, основанные Великим Востоком Франции, в которых принимали участие представители различных политических движений от октябристов до большевиков. По утверждению В. Д. Бонч-Бруевича, управляющего делами Совета народных комиссаров, масоны проникали всюду и везде имели своё влияние.

Масоном Великого Востока Франции являлся и предводитель орловского дворянства, известный общественный деятель и депутат Государственной Думы от Орловской губернии М. А. Стахович, известный, кроме всего прочего, своей речью в защиту отлучённого от церкви Л. Н. Толстого, за что получил строгую отповедь от отца Иоанна Кронштадтского за свой религиозный индифферентизм.

Выдающимся масоном был и другой орловский дворянин – князь С. Д. Урусов, возглавлявший Верховный Совет русского ма-

сонства.

В 1913 году появился масонский орден «Великий Восток народов России», целью которого являлось свержение русской монархии. Было создано около 20 масонских лож. Масоны создавали по всей стране сеть своих организаций, которые выполняли их тайные указания. С началом Первой мировой войны при «Великом Востоке» была образована так называемая военная ложа. Её членами были генералы: А. А. Свечин, А. А. Орлов-Давыдов, М. В. Алексеев, Н. В. Рузский, А. А. Поливанов, А. М. Крымов, А. А. Маниковский и др. Членом «военной ложи» являлся и орловский дворянин, «полковник лейб-гвардии Измайловского полка В. В. Теплов» [12, С. 128], выразивший готовность убить царя, если того потребуют обстоятельства. Связь между членами Государственной Думы и генералитетом осуществлял А. И. Гучков [12].

Таким образом, против государя составилась мощная заговорная группа, который всячески поощрялся английским и французским правительством, не говоря уже о германском Генеральном штабе, с которым поддерживал связь автор приказа № 1 – масон и большевик Н. Д. Соколов.

А. И. Деникин в своих воспоминаниях писал, что участвовавшие в заговоре масоны в марте 1917 года планировали остановить императорский поезд во время следования его из Ставки в Петроград. Далее должно было последовать предложение государю отречься от престола, а в случае несогласия – физическое его устранение [5, с. 20].

Заговорщикам удалось добиться отречения императора, и в феврале 1917 года была провозглашена республика. Власть перешла к Временному правительству, из десяти членов которого девять были масонами. Ставший вскоре во главе правительства эсер А. Ф. Керенский состоял в масонской ложе «Полярная звезда» с 1912 года.

Керенский полностью выполнил свою за-

дачу по развалу России, передал власть большевикам и спокойно отбыл в США. И это неудивительно, так как первое большевицкое правительство большей частью состояло из масонов. Масонами являлись: Зиновьев, Радек, Свердлов, Чайковский, Троцкий, Каменев, Бухарин, Литвинов и др. Масоном был и В. И. Ленин, который состоял в ложе «Союз Бельвиля» Великого Востока Франции с 1914 года. Его друг, видный большевик Л. Д. Троцкий, принадлежал к масонам ордена «Мемфис-Мизраим» [20]. Придя к власти, В. И. Ленин и Л. Д. Троцкий тайно финансировали Великий Восток Франции. В этой операции участвовал и другой масон – И. И. Скворцов-Степанов, который являлся первым наркомом финансов при правительстве большевиков. Финансирование осуществлялось через известного большевика и влиятельного масона Л. Б. Красина, который проводил и другие тайные финансовые операции, планируемые вождём мирового пролетариата. Связь между Великим Востоком Франции и большевиками осуществлял французский масон Садул, член французской военной миссии [4].

Имевший прочные связи с европейским масонством Л. Б. Красин в начале 20-х годов выполнял функции дипломатического представителя в Англии и Франции. Распродавая драгоценности царской семьи и другие произведения ювелирного искусства, Красин постоянно общался как с влиятельными масонами, так и с крупными еврейскими финансистами вроде Д. Л. Рубинштейна, осуществлявшими финансовые аферы в пользу большевистского правительства.

К Великому Востоку Франции принадлежал и другой высокопоставленный большевик – С. П. Середа, возглавивший Наркомат земледелия, а затем и Госплан. Масоном также являлся и нарком внутренних дел Г. И. Петровский, ставший впоследствии председателем Всеукраинского ЦИК.

Видный франкмасон, член ложи «Космос» Луначарский, занимавший пост наркома просвещения, по возможности поддерживал своих «братьев» по ордену. Так, он помог масонам: историку П. Е. Щёголеву, писателю С. Д. Мстиславскому, директору Дома учёных А. Родэ.

Многие масоны после захвата власти большевиками перешли на их сторону. Это, прежде всего, участники антимонархического масонского заговора и члены «военной ложи» министр А. А. Поливанов, генерал А. А. Маниковский, генерал А. А. Брусилов, генерал Ю. В. Ломоносов. Последний, являясь старым другом Красина и его помощником, выполнял тайное поручение в США по установлению связей с масонскими и сионистскими кругами Америки.

Любопытна судьба и другого высокопоставленного масона – Н. Д. Соколова. После победы большевиков он сразу перешёл на их сторону и долгое время выполнял обязанности юрисконсульта советского правительства. Вероятно, большевики оценили его приказ № 1, приведший к разложению русской армии. Соколов поддерживал тесные дружеские отношения с другим масоном, принадлежавшим к высшему кругу большевистской партии, – М. Ю. Козловским, выполнявшим роль посредника между большевистской верхушкой и немецким Генштабом, что было доказано следствием, проводившимся по поручению А. Ф. Керенского. С установлением в стране коммунистического режима этот масон Великого Востока Франции сделал прекрасную карьеру, став председателем Малого Совнаркома и главой Наркомата юстиции (позднее он занимал пост заместителя полпреда в Австрии) [4].

Тесное сотрудничество Великого Востока Франции с большевиками зримо проявилось уже во время Гражданской войны, в 1919 году, когда масоны этого обряда спровоцировали мятеж моряков французской во-

енной эскадры, находящейся в Черном море. Французские матросы отказались воевать против Красной армии. Руководителем мятежа стал масон Великого Востока и социалист А. Марти.

В том же году конвент Великого Востока Франции разослал ложам особые указания по изучению советской конституции, истории пролетарской революции в России и большевистской идеологии, с тем чтобы «сопоставить доктрину и практику большевиков с собственной идеологией и принципами Французской революции» [18, С. 72]. После изучения и обсуждения в ложах коммунистической доктрины французские вольные каменщики приняли решение поддержать Советскую Россию.

Под влиянием русской революции в мире активизируются левые течения, возникают социалистические и коммунистические партии. Этому способствует и создание в мае 1919 года. Коммунистического интернационала, к которому присоединились социалистические партии Франции и Италии, среди членов которых было много масонов. Создается также Французская коммунистическая партия, руководство которой на треть состояло из масонов Великого Востока. Так, в одной только ложе «Жан Жорес» из 200 масонов 180 являлись членами Французской компартии.

Этот факт был отмечен, в частности, Троцким на заседании Большой комиссии Коминтерна, причем Троцкий в своем выступлении упомянул, что многие члены Коминтерна убеждены в том, что В. И. Ленин и сам Л. Д. Троцкий являлись масонами [18].

Следует отметить, что масонство никогда не было однородным и, наряду с радикальным иррегулярным масонством, существовало масонство регулярное, достаточно консервативное по своей сути. К такому масонству принадлежал Древний и Общепринятый Шотландский Обряд, к которому, кроме англосаксонских лож США, Канады, Англии, при-

надлежали Великие ложи Франции и Италии. Под сенью этих лож объединились многие русские масоны, эмигрировавшие в Европу во время Гражданской войны. В результате их активной деятельности в 1922 году была основана ложа «Астрея» под юрисдикцией Великой ложи Франции. В уставе ложи указывалось, что её целью является пропаганда масонства в России. Кроме ложи «Астрея» существовали и другие русские масонские организации – ложи «Северное сияние», «Гермес», «Юпитер», «Друзья любомудрия», объединившиеся в 1927 году в Консисторию «Россия».

С этого времени со стороны большевиков предпринимались попытки установить контакт с этой масонской организацией. Эти попытки увенчались успехом в самом конце 20-х годов, когда между Консисторией «Россия» и советским правительством было заключено тайное соглашение о создании «базы для будущей масонской работы в сотрудничестве с правительством СССР» [18, С. 146].

Посредником между руководителями первого в мире пролетарского государства и французскими масонами стал бывший секретарь Коминтерна К. Б. Радек, который в 1933 году обратился с письмом к руководству ордена с просьбой уговорить американских братьев повлиять на правительство Соединенных Штатов, дабы оно смягчило свою жесткую позицию по отношению к Советской России [4].

Поддержка французской масонерией «строительства нового мира» в России встретила одобрение в американских масонских кругах и оказала серьезное влияние на изменение отношения правительства Соединенных Штатов к советской власти, что выразилось в признании американцами СССР.

Это событие произошло в том же 1933 году, когда президентом США стал Ф. Д. Рузвельт, видный масон, принадлежавший к руководству «Холленд лодж № 8 Нью-

Йорка». Именно Рузвельт, согласно решению масонского руководства, способствовал признанию СССР правительством Соединенных Штатов и тем самым начал процесс сближения между двумя государствами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, масоны осуществляли свою политику в России вплоть до конца 30-х годов, когда ситуация изменилась и «кремлёвские» масоны, составлявшие оппозицию единоличной власти И. С. Сталина, были уничтожены. Однако мировая масонерия не прекращала свои попытки вновь подчинить Россию своему влиянию, что ей и удалось сделать на рубеже XX – XXI веков, когда в начале 90-х гг. Великий Восток Франции инсталлировал в Российской Федерации работу пяти масонских лож: «Свободной России», «Северной звезды», «Северных братьев», «Полярной звезды», «Девяти муз». В это же время в России активизировались регулярные обряды французского масонства. Так, Великая ложа Франции открыла в Москве ложи «Николай Новиков» и «Лютетия», а также ложу «Сфинкс» в Санкт-Петербурге. Под покровительством регулярной Великой национальной ложи Франции находились московская ложа «Гармония», петербургская ложа «Астрея» и воронежская ложа «Гамаюн». Эти масонские организации объединились под эгидой Великой ложи России, которую возглавил великий мастер Г. Б. Дергачев [17].

В 2008 году высшей масонской организацией страны становится Объединенная Великая ложа России под руководством А. В. Богданова. Через год после этого для России был учреждён Верховный совет 33 градуса Древнего и Принятого Шотландского Устава. К настоящему времени, кроме Великого Востока Франции и Шотландского Устава, в России присутствуют ложи, принадлежащие к уставам «Эмулейшен», «Королев-

ская Арка», «Мемфис-Мизраим», Шрёдера и др. [7]. Существуют также ложи, работающие под юрисдикцией Международного масонского смешанного ордена Droit Humain. Как ясно из названия, эта организация с самого начала своего основания в 1881 году занималась защитой гражданских прав [13]. Наряду с исключительно масонскими организациями в России начиная с 90-х гг. работают парамасонские организации, тесно связанные с западной глобалистской элитой.

Следует отметить, что масонские ложи существуют не только в столицах, но и в провинциальных городах, таких как Воронеж, Архангельск, Калининград, Иркутск. Однако Орёл в число городов, где имеются масонские ложи, не входит. И хотя численность российских масонов относительно невелика (немногим более тысячи человек), они занимали и занимают достаточно высокие посты в государстве и частном бизнесе и оказывают серьезное влияние на внешнюю и внутреннюю политику нашей страны.

Библиография / References:

1. Архимандрит Фотий (Спасский). Борьба за веру. Против масонов / сост., предисл. и примеч. В. Улыбин, отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2010. – 394 с.
2. Басов Д.И. История города Орла: к 450-летию г. Орла. – Орёл: Молодёжное братство во имя Великомученика и Победоносца Георгия: Орловское отделение Общества развития русского исторического просвещения в память Императора Александра III, 2016. – 71 с.
3. Берберова Н. Люди и ложи: Русские масоны XX столетия. – М.: Прогресс-Традиция; Харьков: Калейдоскоп, 1997. – 397 с.
4. Виноградов А.Е. Тайные битвы XX столетия. – М.: Олма-Пресс, 1999. – 464 с.
5. Деникин А.И. Очерки русской сму-

- ты. Т. 1. – М.: Мысль, 1991. – 205 с.
6. Ковальков А.И. Мистические творения Александра Ковалькова. – Орёл: Губернская типография, 1815. – 8 с.
7. Кузьмишин, Е.Л. Массонство. – М.: Ганга, 2016. – 496 с.
8. Лопухин И.В. Записки сенатора И.В. Лопухина. – М.: Наука, 1999. – 211 с.
9. Лопухин И.В. Массонские труды: Духовный рыцарь. Некоторые черты о внутренней церкви. – М.: Алетея, 1997. – 152 с.
10. Лонгинов М.Н. Новиков и московские масонисты. – СПб.: Лань, 2000. – 627 с.
11. Морамарко М. Массонство в его прошлом и настоящем. – М.: Прогресс, 1989. – 304 с.
12. Николаевский, Б.И. Русские масоны и революция; ред.-сост. Ю. Фельштинский. – М.: Терра, 1990. – 199 с.
13. Орден Le Droit Humain в России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа – свободный. – URL: <https://vk.com/club65622344?ysclid=1q6nb35x7d971908679> (дата обращения: 28.06.2023).
14. Платонов О.А. Терновый венец России. Т. 1. – М.: Русский Вестник, 2000. – 728 с.
15. Портер Л. Кто такие иллюминаты. – СПб.: Издательство «Диля», 2007. – 319 с.
16. Пыпин А.Н. Русское масонство: XVIII и первая четверть XIX века. – Петербург: Издательство «Огни», 1916. – 580 с.
17. Серков А.И. 1845–1945. История русского масонства. – СПб.: Издательство им. Н.И. Новикова, 1997. – 477 с.
18. Соловьев О.Ф. Массонство в мировой политике XX века. – М.: РОССПЭН, 1998. – 225 с.
19. Шилдер Н.К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. – М.: Эксмо, 2010. – 432 с.
20. Dictionnaire de la franc-maçonnerie / Sous la direction de Daniel Ligou. – Paris: Presses univ. de France, 1987. – X, 1301 с.
1. Arkhimandrit Fotiy (Spasskiy) (2010) Bor'ba za veru. Protiv masonov [Fight for faith. Against the Freemasons] / sost., predisl. i primech. V. Ulybin, otv. red. O.A. Platonov. – M.: Institut russkoy tsivilizatsii. – 394 s. (In Russ.).
2. Basov D.I. (2016) Istoriya goroda Orla: k 450-letiyu g. Orla [History of the city of Orel: to the 450th anniversary of the city of Orel]. – Orel: Molodozhnoye bratstvo vo imya Velikomuchenika i Pobedonostsa Georgiya: Orlovskoye otdeleniye Obshchestva razvitiya russkogo istoricheskogo prosveshcheniya v pamyat' Imperatora Aleksandra III. – 71 s. (In Russ.).
3. Berberova N. (1997) Lyudi i lozhi: Russkiye masony XX stoletiya [People and Lodges: Russian Masons of the 20th Century]. – M.: Progress-Traditsiya; Khar'kov: Kaleydoskop. – 397 s. (In Russ.).
4. Vinogradov A.Ye. (1999) Taynyye bitvy XX stoletiya [Secret battles of the 20th century]. – M.: Olma-Press. – 464 s. (In Russ.).
5. Denikin A.I. (1991) Ocherki russkoy smuty [Essays on Russian unrest]. Т. 1. – М.: Mysl'. – 205 s. (In Russ.).
6. Koval'kov A.I. (1815) Misticheskiye tvoreniya Aleksandra Koval'kova [Mystical creations of Alexander Kovalkov]. – Orel: Gubernskaya tipografiya. – 8 s. (In Russ.).
7. Kuz'mishin, Ye.L. (2016) Masonstvo [Freemasonry]. – M.: Ganga. – 496 s. (In Russ.).
8. Lopukhin I.V. (1999) Zapiski senatora I.V. Lopukhina [Notes of Senator I.V. Lopukhin]. – M.: Nauka. – 211 s. (In Russ.).
9. Lopukhin I.V. Masonskie trudy: Dukhovnyy rytsar'. Nekotoryye cherty o vnutrenney tserkvi [Masonic works: Spiritual knight. Some features about the inner church]. – M.: Aleteya, 1997. – 152 s. (In Russ.).
10. Longinov M.N. (2000) Novikov i moskovskie martinisty [Novikov and the Moscow Martinists]. – SPb.: Lan'. – 627s. (In Russ.).
11. Moramarko M. (1989) Masonstvo v yego proshlom i nastoyashchem [Freemasonry in its past and present]. – M.: Progress. – 304 s. (In Russ.).
12. Nikolayevskiy B.I. (1990) Russkiye masony i revolyutsiya [Russian Freemasons and

- Revolution; ed.-comp. Yu. Felshtinsky]; red.-sost. Yu. Fel'shtinskiy. – M.: Terra, 1990. – 199 s. (In Russ.).
13. Orden Le Droit Humain v Rossii [Order of Le Droit Humain in Russia]. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa – svobodnyy. – URL: <https://vk.com/club65622344?ysclid=lq6nb35x7d971908679> (data obrashcheniya: 28.06.2023). (In Russ.).
14. Platonov O.A. (2000) Ternovyy venets Rossii [The crown of thorns of Russia]. T.1. – M.: Russkiy Vestnik. – 728 s. (In Russ.).
15. Porter L. (2007) Kto takiye illyuminaty [Who are the Illuminati]. – SPb.: Izdatel'stvo «Dilya». – 319 s. (In Russ.).
16. Pypin A.N. (1916) Russkoye masonstvo: XVIII i pervaya chetvert' XIX veka [Russian Freemasonry: XVIII and first quarter of the XIX century]. – Petrograd: Izdatel'stvo «Ogni». – 580 s. (In Russ.).
17. Serkov A.I. (1997) 1845–1945. Istoriya rus-skogo masonstva [1845–1945. History of Russian Freemasonry]. – SPb.: Izdatel'stvo im. N.I. Novikova. – 477 s. (In Russ.).
18. Solov'yev O.F. (1998) Masonstvo v mirovoy politike XX veka [Freemasonry in world politics of the 20th century]. – M.: ROSSPEN. – 225 s. (In Russ.).
19. Shilder N.K. (2010) Imperator Nikolay I. Yego zhizn' i tsarstvovaniye [Emperor Nicholas I. His life and reign]. – M.: Eksmo. – 432 s. (In Russ.).
20. Dictionnaire de la franc-maçonnerie / Sous la direction de Daniel Ligou. – Paris: Presses univ. de France, 1987. – X, 1301 c. (In Franc.).
- Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no onflict of interest.
Поступила в редакцию (Received) 21.08.2023
Поступила после рецензирования (Revised) 20.09.2023.
Дата выхода в свет 29.12.2023.

УДК 94:351.74/.76(47)

DOI:10.22394/2225-8272-2023-12-4-163-171

ВЫХОДОВ Александр Александрович, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова (Россия, Орёл), e-mail: alex-exit@mail.ru, SPIN-код: 2372-9842, AuthorID: 688639

VYKHODOV A.A., Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor at the Department of State and Legal Disciplines, Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia (Russian Federation, Orel), e-mail: alex-exit@mail.ru

ФУНКЦИИ МВД В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НАЧАЛА 80-Х – СЕРЕДИНЫ 90-Х ГОДОВ XIX ВЕКА

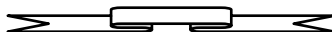
FUNCTIONS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS IN THE SPHERE OF STATE ADMINISTRATION OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE EARLY 1880s – MID 1890s OF THE 19th CENTURY

Аннотация. Цель статьи заключается в исследовании организации управления внутренними делами Российской империи с 1881 по 1894 год, являвшиеся годами правления императора Александра III. Автор на основе анализа законодательства Российской империи данного периода и отечественной исторической науки делает выводы об изменениях в структуре, полномочиях и функционировании Министерства внутренних дел Российской империи и входящих в него служб и подразделений с момента смерти императора Александра II до 1894 года. Охарактеризовав структурные изменения в министерстве, развитие компетенции общей и политической полиции в рассматриваемый период, сделан акцент на корректировке в первые годы правления императора Александра III моноцентричной системы государственного управления под руководством Министерства внутренних дел Российской империи. Особое внимание уделено преобразованиям в структуре министерства, в том числе включавшим усиление компетенции департамента государственной полиции с последующим его реформированием в департамент полиции. Кроме этого, в статье подчеркиваются последствия реализации Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия 1881 года, выразившиеся в укреплении тесной взаимосвязи общей и политической полиции в вопросах обеспечения режима усиленной и чрезвычайной охраны, а также применения административной высылки. На основе анализа сформулированы основные тенденции в государственном подходе к управлению внутренними делами в период начала 80-х – середины 90-х годов XIX века.

Ключевые слова: Российская империя, Министерство внутренних дел Российской империи, департамент полиции, земский начальник, исключительное положение.

Abstract. The purpose of the article is to study the formation of the internal affairs management system of the Russian Empire from 1881 to 1894, which were the years of the reign of Emperor Alexander III. On the base of the analysis of historical sources and legislation of the Russian Empire of this period and national historical science, the author draws conclusions about changes in the structure, powers and functioning of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire and its services and divisions from the death of Emperor Alexander II until 1894. Having characterized the structural changes in the Ministry, the development of the competence of the General and Political Police in the period under review. The adjustment in the first years of the reign of Emperor Alexander III of the monocentric system of public administration under the leadership of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire is emphasized. Special attention is paid to the transformations in the structure of the Ministry, including those that included strengthening the competence of the State Police Department with its subsequent reformatting into Police Department. In addition, the article highlights the consequences of the implementation of the Regulation on Measures to Protect Public Order and Public Peace of 1881, expressed in strengthening the close relationship between the General and Political Police in matters of ensuring the regime of enhanced and emergency protection, as well as the application of administrative expulsion. As a result, the author formulates the main trends in the state approach to the management of internal affairs from the early 1880s until the mid 1890s of the 19th century.

Keywords: Russian Empire, Ministry of Internal Affairs, Police Department, local chief, exceptional situation.

©Выходов А.А., 2023г.

ВВЕДЕНИЕ

В отечественной истории отдельные события влияли коренным образом не только на государственно-правовое строительство, но и на выбор дальнейшего вектора развития государства в целом. Одним из таких событий, вне сомнения оказавшим значительное влияние на изменение сферы управления внутренними делами в Российской империи, является убийство 1 (13) марта 1881 года императора Александра II, заставшее страну с пореформенным Министерством внутренних дел Российской империи (далее – МВД РИ), объединившим под своим руководством общую и политическую полицию, являвшимся проводником идей и одним из важных элементов механизма общественно-политических преобразований, осуществленных Александром II в годы его правления, чья личность и сущность осуществленных им государственных реформ традиционно являются одним из популярных направлений в современных отечественных историко-правовых исследованиях.

Рассматривая осуществленные преобразования с разных сторон, характеризуя их достоинства и недостатки, многие авторы сходятся в противоречивости данного исторического этапа Российского государства, обусловленного реакционными мерами на общественно-политический террор, господствующий в последние годы правления Александра II, и несовершенством осуществленных им реформ. В этой связи следует согласиться с мнением об отсутствии возможности единой оценки периода контрреформ, опосредованной двойственностью его последствий – ликвидацией отдельных либеральных изменений предыдущего периода и обеспечением общественной безопасности и стабильности, направленных на подготовку возможности осуществления экономического развития [1, С. 47].

Следует отметить, что под понятием

«контрреформы» в отечественной историко-правовой науке принято понимать всю совокупность реакционных реформ императора Александра II, имеющих своей целью скорректировать (изменить) важнейшие положения реформ Александра II 60–80-х годов XIX века [3, С. 30].

Вместе с тем преждевременная смерть императора в 1894 году фактически ограничивает хронологические рамки 13 годами и во многом предопределила незаконченный характер отдельных реформ государственно-правового строительства.

В целом следует признать плодотворность и многоаспектность функционирования МВД РИ в рассматриваемый период, ознаменовавшийся спокойствием и порядком на фоне революционных потрясений конца 70-х – начала 80-х годов XIX века, достигнутых в числе прочего за счет осуществленных мягкими средствами государственно-правовых преобразований и ограничений прав и свобод подданных [5, С. 445].

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Характер и тренд изменений в рассматриваемом направлении проявился уже в первые дни царствования нового самодержца, а именно 16 марта 1881 года, когда, признавая благом «восстановление предыдущих оснований», в состав МВД РИ были включены Министерство почт и телеграфов и департамент духовных дел и иностранных исповеданий, тем самым продолжая концентрировать разнообразные функции и полномочия в сфере государственного управления в рамках одного министерства [6, С. 8]. Важность и значимость данных структурных элементов для МВД РИ объясняется их тесной связью с делами департамента государственной полиции, а их включение в состав – одним из подготовительных шагов к институциональному и содержатель-

ному преобразованию политической полиции империи.

Внутри самого министерства также шел пересмотр подчиненности отдельных служб и отделов в пользу департамента государственной полиции, в результате чего 11 июля 1881 года в его состав был включен (переподчинен) судебный отдел Министерства внутренних дел Российской империи [8, С. 225].

Учитывая внутреннеполитические и географические реалии Российской империи, основное беспокойство у самодержавия вызывали национальные окраины и запад государства, однако процесс освоения территории на востоке также не останавливался, и ввиду развития Владивостока, Хабаровска и Приморской области были приняты решения об открытии в них городских полицейских управлений [7, С. 31]. В реалиях второй половины XIX века это означало признание исключительной их важности и значимости для монархии, так как в большинстве остальных территориальных образований внутри государства, как правило, обходились только лишь уездным полицейским управлением.

В вопросах управления столицей также произошло перераспределение функций в пользу МВД РИ. Так, 12 августа 1881 года должность Санкт-Петербургского градоначальника была ликвидирована, а его полномочия были поделены между губернатором и обер-полицмейстером (в части полицейского управления городом) [9, С. 260]. В значительной степени такое разделение просуществовало до 1889 года.

Государство неуклонно и поступательно двигалось к 14 августа 1881 года – дню принятия Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия (далее – Положение), являющегося, по мнению значительного количества отечественных историко-правовых исследователей, одним из символов всего периода царствования Александра III.

Анализируя содержание данного акта в контексте функции государственного управления, хотелось бы отметить следующие его аспекты:

а) подтверждение за министром Министерства внутренних дел Российской империи высших полномочий по охранению государственного порядка и общественного спокойствия;

б) право министра отменять распоряжения иных административных начальников, препятствующих осуществлению его полномочий в данной сфере;

в) право министра объявлять «исключительное положение» (режим усиленной и чрезвычайной охраны) в отдельных местностях, подразумевающее расширение прав генерал-губернаторов, губернаторов, начальников полиции, начальников жандармских управлений по пресечению государственных преступлений, предусматривающих ограничение правового статуса обывателей (например, ограничение собраний, закрытие заведений, применение административной высылки);

г) высылка частных лиц (административная высылка) в европейскую или азиатскую части России на срок от 1 года до 5 лет без права для последних покидать место жительства [10, С. 266].

При объявлении одного из «исключительных положений» роль местных полицейских и жандармских учреждений, генерал-губернатора, губернатора и градоначальника значительно возрастала путем наделения их дополнительными правами и обязанностями по обеспечению государственного порядка и общественной безопасности. Например, генерал-губернатор, губернатор и градоначальник могли самостоятельно установить режим усиленной охраны без предварительного разрешения министра внутренних дел при полном прекращении или сбоях в работе железнодорожных, телеграфных или почтовых сообщений [2, С. 41].

Эффект от реализации данного положения позволил не только охладить пыл реакционных масс и революционной борьбы, взять над ней верх, но и продолжить реформирование системы государственного управления, во многом корректируя отдельные преобразования периода Александра II, что современными исследователями именуется как период «контрреформ».

Вследствие реализации Положения от 14 августа 1881 года 12 марта 1882 года был введен институт полицейского надзора, применявшийся на основе решения административных властей как к лицам, подвергнутым административной высылке, так и нет, включавший хранение отобранных у данной категории лиц документов в общей полиции, обязанности поднадзорного жить в определенной местности и месте (с запрещением самостоятельной их смены и правами полиции на беспрепятственное посещение, организацию выемки и обысков), регулирование отлучек на другие территории, запрет на публичную деятельность [11, С. 85].

Таким образом, в первые годы правления Александра III на примере реализации полицейского надзора прослеживается тесная связь между политической и общими полициями, являвшимися элементами системы охранения государственного спокойствия.

Между тем с момента объединения общей и политической полиции фактическое управление ими возлагалось исключительно на министра, что, учитывая разноплановость как самих структурных органов, в них входящих, так и стоящих перед ними задач, наряду с собственной компетенцией министра, вполне обоснованно ставило вопрос об эффективности такого положения дел, и, ввиду того что «сохранение сего порядка не может не сопровождаться видимыми затруднениями», ответ был дан 25 июня 1882 года утверждением за одним из товарищей министра должности командира корпуса жандармов, осуществлявшие

его управление строевой, инспекторской и военно-судебной частями их деятельности. В остальном шефом и главнокомандующим жандармов, а также общим руководителем их деятельности, в особенности в плане надзорных полномочий, оставался сам министр [13, С. 344]. Позже полномочия командира корпуса жандармов были конкретизированы в должность заведующего государственной полицией, являвшегося руководителем департамента государственной полиции, имевшим в своем подчинении, помимо личного состава департамента, также обер-полицмейстеров, губернаторов и градоначальников; его деятельность преследовала конкретную поставленную монархией цель – предупреждение и пресечение государственных преступлений, защита устоев самодержавия.

23 мая 1882 года произошло еще одно знаковое событие – закрытие Главного комитета об устройстве сельского состояния, тем самым фактически подытожив почти 20-летний период реализации крестьянской реформы Александра II, признав достижение данным органом поставленных перед ним задач, в связи с чем произошло перераспределение компетенции комитета между иными элементами государственного механизма, в том числе наделение министра внутренних дел Российской империи наблюдением за введением в действие узаконений о крестьянах.

Сущность деятельности департамента государственной полиции МВД РИ с момента его создания несколько изменилась, в особенности после присоединения судебного отдела. Помимо компетенции бывшего III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, в его полномочия также входили вопросы, относившиеся ранее к упраздненному департаменту полиции исполнительной, прежде заведовавшего вопросами общей полиции. В связи с этим 18 февраля 1863 года департамент государственной полиции был преобразован (переименован) в департамент

полиции под руководством товарища министра МВД РИ в должности заведующего полицией [12, С. 48], тем самым не просто собрав в рамках одного структурного подразделения министерства управление разными видами полиции, но и фактически предприняв попытку их объединения в одно понятие.

В целом преобразования в структуре МВД РИ, общей и политической полиции первых лет царствования Александра III для всей структуры государственного управления стали определяющими, сформировавшими основные контуры всей системы и по своему объему, содержанию и значимости значительно превысили последующие изменения второй половины 80-х – начала 90-х годов XIX века.

Так, например, на низовом уровне общей полиции 20 декабря 1883 года были усилены полномочия МВД РИ в сфере внутренней миграции, заключавшиеся в закреплении обязанности домовладельцев сообщать в полицию сведения о всех прибывших и выбывших постояльцах, а новая форма уездной и городской полиции была учреждена 15 марта 1884 года.

В целом важно понимать, что в указанный период значительное влияние на результативность сотрудников низового уровня полиции оказывало наличие их двойного подчинения (губернской администрации и МВД РИ), что во многом не добавляло конкретности прав и обязанностей служащим полицейских учреждений, и, как следствие, наличие двух центров управления приводило к фактическому отсутствию принятия каждым из них на себя полной ответственности за организацию деятельности уездных полицейских управлений. Учитывая складывавшуюся в тот период общественно-политическую ситуацию, одним из основных показателей эффективности выступал критерий обеспечения «охранных» функций (пресечение беспорядков, политической лояльности местного населения и т. п.), а не охрана и защита прав подданных. Всё это приводило в практической плоскости к превышению долж-

ностных полномочий и самоуправству полицейских [4, С. 21].

Для государственного устройства Российской империи было характерно, что отдельные органы или министерства могли исполнять обязанности, им переданные на время, но формально остававшиеся за другой структурной организацией. В этом контексте можно привести пример почтово-телеграфного дела, в отношении которого 6 декабря 1885 года на 5 лет было возобновлено право МВД РИ по установлению такс и сборов за оказание данных услуг [14, С. 498].

Несмотря на неоднородность административно-территориального устройства государства, предопределявшего во многом существование разнообразных форм полицейской организации в различных местностях, как и численность их штатов, серьезным шагом в направлении их унификации следует считать утверждение 14 апреля 1887 года численности и состава полицейских команд в городах, для которых не были изданы особые штаты полиции [15, С. 171].

Выполняя возложенные государством особые функции и задачи, МВД РИ в рассматриваемый период имело весьма сложную структуру, значительный штат, требующий серьезных ассигнований, в связи с чем вопрос о финансировании его деятельности всегда находился в числе актуальных и во многом ограничивал потенциальные изменения, в первую очередь на уровне общей полиции. Между тем поиск дополнительных источников финансирования осуществлялся и в тот период. Так, на основании утвержденного императором высочайшего мнения Государственного совета от 4 мая 1889 года доход от работы арестантов причислялся к специальным средствам Министерства внутренних дел Российской империи [16, С. 177].

Устройство общей полиции конца 80-х – начала 90-х годов XIX века наглядно отражено в Особенном учреждении Санкт-Петербургской

городской полиции 1889 года, согласно которому под руководством управления градоначальника в его состав входили следующие службы: наружная полиция (участковая), полицейский резерв, сыскная полиция, речная полиция, пожарные команды, полицейские дома (вместе с арестантскими помещениями) [17, С. 177]. В административно-полицейском делении город делился на части, участки и околотки.

Одной из ярких контрреформ Александра III являлось введение 12 июля 1889 года института земских начальников, на практике заменившего институт мировых судей, чьи полномочия фактически объединили как административные, так и судебные функции, реализуемые в отношении крестьян и лиц, проживающих в сельской местности. Несомненно, данный шаг также следует рассматривать в контексте централизации государственного управления во всех сферах жизни общества, и прежде всего крестьянства и местного управления. Вместе с тем роль министра МВД РИ по отношению к данному институту заключалась в обязанности их назначения (после консультаций с предводителями местного дворянства), заменив выборность мировых судей.

Изменившиеся общественные отношения, развитие буржуазных отношений предопределяли во многом новые требования к качеству и объему оказываемых государством услуг, в том числе находящихся в компетенции МВД РИ, одними из которых, несомненно, являлись права и обязанности министерства в сфере медицины и врачебного дела. Результатом осуществления данной функции стал новый Устав лечебных заведений министерства внутренних дел от 10 июня 1893 года. Примечательно, что в подчинении министерства находились не только государственные лечебные учреждения (состоящие в заведовании земств, городских управлений, приказов и советов общественного призрения), но и частные. На министра внутренних дел также возла-

гались обязанности по изданию инструкций по распределению обязанностей в лечебных заведениях, по приему и выписке больных, по обеспечению их довольствия и многим другим вопросам. Несмотря на особенности функционирования лечебных заведений, делившихся на классы (от первого до четвертого) и приемные покои, имевшие до пяти кроватных мест, допустимость наличия в структуре правления и попечителей, и ряда сугубо профессиональных специфических черт их деятельности, роль МВД РИ в организаторском и надзорном направлении в данной сфере трудно переоценить, а концентрация врачебного дела, наряду с другими компетенциями министерства (например, в сфере общественного порядка и спокойствия), подчеркивает стремление к моноцентричности в организации государственного управления во второй половине XIX века.

5 января 1894 года, ввиду расширения деятельности, произошли оптимизация и уточнение компетенции департамента полиции, объединявшего под своим началом заведование делами общей и политической полиции, в том числе с помощью добавления новых должностей: чиновника особых поручений VI класса и экзекутора, делопроизводителя и его помощников [18, С. 11].

В ночь на 20 октября 1894 года после продолжительной болезни жизнь императора Александра III прервалась, ознаменовав собой окончание периода «контрреформ» – одного из самых противоречивых этапов отечественной истории, сопровождавшегося умиротворением общественно-политической жизни с одновременным ограничением прав обывателей и либеральных преобразований Александра II. Это во многом было достигнуто за счет откорректированной в первые годы его правления моноцентричной системы государственного управления под руководством МВД РИ, которая досталась в таком виде его наследнику – цесаревичу Николаю Александровичу, взошедшему на престол под именем Николая II,

проблемы и вызовы правления которого, равно как и необходимость дальнейших шагов в направлении совершенствования сферы государственного управления Российской империи, были детерминированы сущностью и содержанием реформ начала 80-х – середины 90-х годов XIX века.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, следует выделить ряд тенденций в государственном подходе к управлению внутренними делами в 80-х – начале 90-х годов XIX века, опосредованных последствиями контрреформ Александра III, обеспечиваемых централизацией системы государственного управления, усилением охранных функций органов государства, призванных купировать зарождавшиеся разного рода протестные движения и формы политического террора:

- преобразования в структуре министерства, включавшие усиление компетенции департамента государственной полиции с последующим его переформатированием в департамент полиции;
- совмещение расширения общего объема правомочий самого министра с делегированием части его правового статуса отдельным товарищам, в особенности находившимся в должности заведующего полицией, в целях более эффективной деятельности министерства и входящих в его структуру служб;
- значительное внимание на всех уровнях системы органов внутренних дел уделялось реализации Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия 1881 года;
- укрепление тесной взаимосвязи общей и политической полиции, в предусмотренных законодательством Российской империи случаях, в вопросах обеспечения режима усиленной и чрезвычайной охраны, а также высылки частных лиц (административной высылки);
- предпринимались попытки по унифика-

ции структуры и штатов полицейских учреждений в различных территориальных образованиях Российской империи;

- назначение министром с 1889 года земских начальников после консультаций с предводителями местного дворянства;
- конкретизация прав и обязанностей МВД РИ в сфере медицины и врачебного дела в новом Уставе лечебных заведений министерства внутренних дел от 10 июня 1893 года.

Библиография / References:

1. Березин, А.В. Роль графа Дмитрия Толстого в государственных реформах Александра II и Александра III // Юридическая наука: история и современность. – 2022. – № 5. – С. 46–50.
2. Гарина, О.В. Полномочия полицейских органов при введении в отдельных местностях Российской империи чрезвычайных режимов (1881 – февраль 1917 г.) // Наука и практика. – 2014. – № 1 (58). – С. 40–43.
3. Губанов, Д.Г., Емельянова, Я.И., Черкасова, Е.Р., Пенькова, А.Н. Причины и результаты контрреформ Александра III // Ценности и нормы правовой культуры в новой цифровой реальности: сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 55-летию ЮЗГУ, Курск, 24 мая 2019 года / Юго-Западный государственный университет. – Курск: Юго-Западный государственный университет, 2019. – С. 30–33.
4. Митина, С.И. Публичная власть и личность после реформ Александра II и Александра III (на примере Новгородской губернии) // Актуальные проблемы правоведения: Международная научная конференция, посвященная Дню принятия Конституции Российской Федерации, Псков, 12 декабря 2019 года. – Псков: Псковский государственный университет, 2020. – С. 15–22.
5. Оганесян, Р.Г. Министерство внутренних дел в период контрреформ / Р.Г. Оганесян //

- Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 300-летию Российской империи): материалы XVIII международной научной конференции, в 2-х частях, Санкт-Петербург, 29–30 апреля 2021 года. Том Часть 1. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. – С. 444–446.
6. Полное собрание законов Российской империи. Собрание (1881–1913). Т. I. № 20.
 7. Полное собрание законов Российской империи. Собрание (1881–1913). Т. I. № 34.
 8. Полное собрание законов Российской империи. Собрание (1881–1913). Т. I. № 317.
 9. Полное собрание законов Российской империи. Собрание (1881–1913). Т. I. № 347.
 10. Полное собрание законов Российской империи. Собрание (1881–1913). Т. I. № 350.
 11. Полное собрание законов Российской империи. Собрание (1881–1913). Т. II. № 730.
 12. Полное собрание законов Российской империи. Собрание (1881–1913). Т. III. № 1593.
 13. Полное собрание законов Российской империи. Собрание (1881–1913). Т. IV. № 992.
 14. Полное собрание законов Российской империи. Собрание (1881–1913). Т. V. № 3365.
 15. Полное собрание законов Российской империи. Собрание (1881–1913). Т. VII. № 4351.
 16. Полное собрание законов Российской империи. Собрание (1881–1913). Т. IX. № 5966.
 17. Полное собрание законов Российской империи. Собрание (1881–1913). Т. IX. № 6085.
 18. Полное собрание законов Российской империи. Собрание (1881–1913). Т. XIV. № 10737.
1. Berezin A. V. (2022) Rol' grafa Dmitriya Tolstogo v gosudarstvennyh reformah Aleksandra II i Aleksandra III [The role of Count Dmitry Tolstoy in the state reforms of Alexander II and Alexander III] // Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. – № 5. – S. 46-50. (In Russ.)
 2. Garina O. V. (2014) Polnomochiya policejskih organov pri vvedenii v otdel'nyh mestnostyah Rossijskoj imperii chrezvychajnyh rezhimov (1881-fevral' 1917 gg.) [The powers of police authorities when introducing emergency regimes in certain areas of the Russian Empire (1881-February 1917)] // Nauka i praktika. – № 1(58). – S. 40-43. (In Russ.)
 3. Gubanov D.G., Emel'yanova, Ya.I., Cherkasova, E.R., Pen'kova, A.N. (2019) Prichiny i rezul'taty kontreform Aleksandra III [The reasons and results of counter-reforms of Alexander III] // Cennosti i normy pravovoj kul'tury v novoj cifrovoj real'nosti: sbornik nauchnyh statej Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvyashchennaya 55 -letiyu YuZGU. – Kursk. – S. 30-33. (In Russ.).
 4. Mitina S. I. (2020) Publichnaya vlast' i lichnost' posle reform Aleksandra II i Aleksandra III (na primere Novgorodskoj gubernii) [Public power and personality after the reforms of Alexander II and Alexander III] // Aktual'nye problemy pravovedeniya: Mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya, posvyashchennaya Dnyu prinyatiya Konstitucii Rossijskoj Federacii. – Pskov. – S. 15-22. (In Russ.).
 5. Oganessian R. G. (2021) Ministerstvo vnutrennih del v period kontreform [Ministry of Internal Affairs during the counter-reform period] // Gosudarstvo i pravo: evolyuciya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya (k 300-letiyu Rossijskoj imperii): materialy XVIII mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Tom Chast' 1. – Sankt-Peterburg. – S. 444-446. (In Russ.).
 6. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie (1881 – 1913). [Complete collection of laws of the Russian Empire. Meeting (1881 - 1913)] T.I. № 20. (In Russ.).
 7. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie (1881 – 1913). T.I. №34. (In Russ.).
 8. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie (1881 – 1913). T.I. №317. (In Russ.).

9. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie (1881 – 1913). T.I. №347. (In Russ.).
10. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie (1881 – 1913). T.I. №350. (In Russ.).
11. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie (1881 – 1913). T.II. №730. (In Russ.).
12. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie (1881 – 1913). T.III. №1593. (In Russ.).
13. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie (1881 – 1913). T.IV. №992. (In Russ.).
14. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie (1881 – 1913). T.V. №3365. (In Russ.).
15. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie (1881 – 1913). T.VII. №4351. (In Russ.).
16. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie (1881 – 1913). T.IX. №5966. (In Russ.).
17. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie (1881 – 1913). T.IX. №6085. (In Russ.).
18. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie (1881 – 1913). T. XIV. №10737. (In Russ.).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию (Received) 21.07.2023

Поступила после рецензирования (Revised) 20.09.2023.

Дата выхода в свет 29.12.2023.

УДК 94:351.74(47)

DOI:10.22394/2225-8272-2023-12-4-172-181

ГАРИНА Оксана Вячеславовна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, (Россия, Орёл) e-mail: myopusmail@yandex.ru, SPIN-код: 4455-2460, AuthorID: 688653

GARINA O.V., Candidate of Juridical Sciences, Department of State and Legal Disciplines, Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia (Russian Federation, Orel), e-mail: myopusmail@gmail.com, AuthorID: 688653

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛИЦЕЙСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПО БОРЬБЕ С ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОППОЗИЦИЕЙ НА РУБЕЖЕ XIX – XX СТОЛЕТИЙ

THE ACTIVITIES OF POLICE INSTITUTIONS OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE FIGHT AGAINST POLITICAL OPPOSITION AT THE TURN OF THE 19TH – 20TH CENTURIES

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы участия общей полиции Российской империи в борьбе с политической оппозицией в период системного кризиса российской государственности начала XX столетия. Автором исследуется трансформация функций полицейских учреждений губернского и уездного подчинения в условиях установления политического режима третьиюньской монархии. Формулируется вывод о сущности проводимых преобразований в полиции Российской империи, в первую очередь о последствиях учреждения сыскных отделений. Приводятся архивные материалы, характеризующие деятельность чинов общей полиции в Орловской губернии. Использование региональных материалов свидетельствует о том, что привлечение общей полиции к решению задач политической безопасности обусловило радикальное изменение всей системы охраны правопорядка после революционных событий 1917 года.

Ключевые слова: департамент полиции, Орловская губерния, общая полиция, охранное отделение, сыскное отделение, жандармерия, революция 1905–1907 гг.

Abstract. The purpose of the article is to study the transformation of provincial and county police institutions in the conditions of the establishment of the political regime of the “3rd of June” Monarchy. The article deals with topical issues of the participation of the general police of the Russian Empire in the fight against political opposition during the systemic crisis of the Russian statehood of the early 20th century. The author formulates a conclusion about the essence of the ongoing transformations in the police of the Russian Empire, and especially the impact of Detective offices. Archival materials describing the activities of the ranks of the general police in Orel province are given. As a result, the author stressed that using of regional materials indicates that the involvement of the general police in solving problems of political security led to a radical change in the entire system of law enforcement after the revolutionary events of 1917.

Keywords: Police Department, Orel province, general police, security department, detective office, gendarmerie, revolution of 1905–1907.

©Гарина О.В., 2023г.

ВВЕДЕНИЕ

На рубеже XIX – XX столетий борьба с революционными организациями стала основной задачей полиции как составной части МВД Российской империи. Обеспечение безопасности государства и абсолютистского политического режима превратилось в основное направление деятельности министерства внутренних дел накануне событий революции 1905–1907 гг.

В многочисленных исследованиях общую полицию характеризуют как исполнительницу поручений других ведомств имперской администрации [1, С. 147; 18, С. 17; 34, С. 56; 36, С. 6]. Такой вывод мог быть сформулирован в связи с тем, что она не получила четкого структурного оформления по причине многофункциональности и многомерности [18, С. 10; 35; 38].

К общей полиции Российской империи в рассматриваемый период относились подразделения с учетом выполняемых функций. Подобная дифференциация сложилась в своих общих чертах уже к началу XIX века, тогда как в предшествующий период многие полицейские функции возлагались на различные иррегулярные воинские формирования [27, С. 107–118].

К концу XIX столетия в структуре общей полиции функционировали городская, сельская, специализированные подразделения правоохраны. Перечень последних был достаточно широк, основное направление их деятельности определяло наименование, к примеру, горная, речная, сыскная, фабрично-заводская или ярмарочная. Также на частных средства землевладельцев и по их ходатайству губернатор или начальник области мог учредить полицейские должности и должности низших чинов полиции, сформировать команды пешей или конной полицейской стражи [11, Л. 8] для охраны общественного порядка на определенной территории. Суще-

ствуя за счет частных средств, они тем не менее находились в подчинении не только владельца имения, но и губернатора и местного исправника.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Городское полицейское управление функционировало в городах, посадах и местечках, не подведомственных уездной полиции [24, С.231–232]. Это были губернские и несколько уездных центров. Его должностные лица действовали только в пределах города вместе с пригородской и слободской территорией [24, С. 252]. Штат городской полиции был представлен полицмейстером, его помощниками, канцелярией с секретарем, рассыльными и городским врачом. Интересен тот факт, что в крупных городах (Москва, Николаев, Ростов-на-Дону, Баку, Одесса, Керчь) городскую полицию возглавлял градоначальник, обладавший таким же объемом полномочий, как и губернатор [14, Д. 3668. Л. 4 (оборотная)].

Помимо территориального, существовало полицейское деление государства. В таком отношении город делился на части и участки. В последних несли службу участковый пристав, имевший помощников (старшего и младшего), околоточные надзиратели, конные и пешие городовые. Такая структура характерна для всех городских полицейских учреждений, только менялась штатная численность.

Уездная полиция действовала на территории всего уезда. Административное и полицейское территориальное деление не совпадали. Штат уездной полиции включал уездного урядника (возглавлял уездное полицейское управление), его помощников, канцелярию во главе с секретарем, станových приставов и подчиненных им урядников.

Урядники осуществляли свою деятель-

ность в соответствии с Инструкцией полицейским урядникам от 19 июля 1878 года [22, С. 170]. Они осуществляли надзор за деятельностью сотских и десятских [19] и являлись подвижной полицейской силой. Их обязанности были широки. Это охрана общественного спокойствия, наблюдение за состоянием дорог, мостов, переправ, чистотой улиц и т. п. Отсутствие четкого обозначения компетенции урядников, выражавшееся в двойственности их назначения, слабая дисциплина, неудовлетворительные характеристики личного состава, ненадлежащий контроль губернского начальства приводили к негативным оценкам населением. Инструкция полицейским урядникам от 28 июля 1887 года [16, С. 97–118; 19, С. 212–226] была призвана решить вышеобозначенные проблемы.

Уездный исправник формировал стражу, становой пристав обладал полномочиями в стане. Если поселение находилось в отдаленном районе, вместо указанных лиц действовали особые приставы или надзиратели.

Малая численность уездной полиции обуславливала возможность привлечения исправником войск из ближайшего гарнизона для предотвращения возникших беспорядков. В период с 1877 года до первой русской революции действовало правило – затребованные силы использовались для «наряда караулов, для принятия мер предосторожности, для охранения лиц и имуществ», а не для подавления беспорядков [26, С. 75]. Только губернатор мог разрешить пресечение волнения с помощью оружия, а также переместить подразделения полицейской стражи в пределах губернии, а руководство МВД – в пределах страны. Следовательно, даже полицмейстер крупного, столичного города не привлекал стражу для борьбы с массовыми беспорядками. Такое положение негативно сказывалось на оперативности управления, что было выявлено в годы первой русской революции.

В соответствии с положением от 12 июля 1889 г. [20] земский участковый начальник во время отсутствия исправника осуществлял надзор за волостными старшинами и сельскими старостами, чья деятельность заключалась в охране общественного порядка, предупреждении и пресечении преступлений.

Уездная полицейская стража была учреждена в 1903 года в составе уездной полиции с целью охраны общественного порядка на территории, ей подведомственной [12, Д. 32, Ч. 2, Л. 10]. С того момента власти имели представителей в крупных населенных пунктах помимо уездных центров. Стража была опорой губернатора при реализации репрессивных мероприятий. Она имела в первую очередь силовой характер, нежели исполнительный. Уездная полицейская стража являлась подразделением МВД, но руководящая роль принадлежала губернаторам [23] в части разработки стратегии деятельности и вследствие осуществления руководства в административно-полицейской системе. Пересечение направлений деятельности общей и политической полиции имело место в период 1906–1917 гг., когда управление полицейской стражи проводило инспекцию уездной полицейской стражи. Отмечаем, что приведенное управление входило в состав штаба Отдельного корпуса жандармов [13, С. 49–50]. Не во всех городах численность стражи была оптимальной. Исправник и полицмейстер ходатайствовали перед губернатором о необходимости приема новых кандидатов. Например, Орловский губернатор в такой ситуации предписывал командировать в Оренбургскую губернию лицо для подыскания казаков, пригодных к службе, а стражников-чеченцев, как не подходящих к местным условиям службы, откомандировать в резерв Орловской конвойной стражи [7, Д. 5237. Л. 22].

Уездная полицейская стража была задействована в проведении задержаний и проверок подозрительных лиц, обеспечении пас-

портного режима, осуществлении санитарно-эпидемиологического и ветеринарного видов контроля, надзоре за реализацией правил торговли, охоты, хранения оружия, взрывчатых веществ [4, Д. 36–43].

Об участии уездной полицейской стражи в реализации функций политической полиции свидетельствует циркуляр Орловского губернатора от 28 февраля 1916 года № 770 уездным исправникам и полицмейстерам Орловской губернии [7, Д. 5101. Л. 22–23]. В документе приведены требования к урядникам и стражникам, которые могут реализовать обязанности филеров.

Таким образом, деятельность уездной полицейской стражи и городской полиции была направлена на охрану общественного порядка, но на них возлагались дополнительные обязанности. Вместе с тем полномочия стражников были более конкретно сформулированы. На их работу влиял тот факт, что, разрешая ту или иную ситуацию, они были знакомы с обстановкой в местности и отношениях между жителями.

Деятельность сельской полиции ограничивалась рамками крестьянской среды. Она осуществляла предупреждение и пресечение мелких склок и крестьянских бунтов, антиобщественной и антиправительственной агитации студентов, учителей, священников в крестьянской среде, распространения слухов о фактах оскорбления и подготовки покушений на царскую семью.

Правила внутренней полиции (волостной и сельской) от 5 мая 1903 года закрепили статус десятских как низших служителей внутренней сельской полиции, которые подчиняются сельскому и волостному начальству и не являются чинами уездной полиции [4, С. 72]. Десятский сопровождал и осуществлял охрану арестованных и мест преступления, выполнял принудительные полицейские действия. Должности сотского и десятского были выборными. Количество сотских участков в

стане определялось уездным полицейским управлением, о чем извещался губернатор, которому направлялось представление. На одного сотского приходилось 3–6 десятских, занимавших подчиненное положение. В МВД предлагалось ликвидировать институт сотских и десятских, но это предложение не было реализовано.

Функции общей полиции выполняли дворники, сторожа, носильщики. Кандидаты на занятие указанных должностей направляли заявление в жандармское управление. Далее в отношении них осуществлялась проверка в целях получения сведений о поведении лица и его политической благонадежности [15, Д. 39 (5). Л. 8]. Для дворников, сторожей и носильщиков издавались обязательные постановления губернатора. Общим для таких документов является содержание предписания об обязанности указанных должностных лиц обеспечивать внешний порядок и общественную безопасность [9, Д. 406. Л. 14]. Так, надзор со стороны дворника проявлялся в недопущении и пресечении фактов расклеивания объявлений, афиш и другой бумажной продукции без разрешения надзирателя квартала. Дворник содействовал полицейскому в поимке преступника, если первый был осведомлен о разыскиваемом лице или месте его укрытия. Пункты уличного дозора для дворников определяла полиция. Подвижной ночной дозор осуществляли ночные сторожа, которых содержали домовладельцы. Таким образом, наличие ночного сторожа зависело от благосостояния домовладельца и его желания оплачивать труд ночных сторожей. Несмотря на частный характер существования ночных сторожей, инструкции утверждались губернатором.

В связи с усилением системного кризиса имперской государственности общая полиция всё больше превращалась во вспомогательный инструмент политического сыска. Переплетение функций двух правоохранительных

ведомств – общей полиции и политической полиции – обуславливало моральное отчуждение и административное противостояние между ними. На деле выполнение принудительных и репрессивных акций отводилось кадрам общей полиции, что неизбежно вело к усилению социальной напряженности по отношению к полицейским, тогда как чины политической полиции могли пользоваться полученными по результатам подавления оппозиции и инакомыслящих, наградами и привилегиями. Возможно, такое положение дел было обусловлено политической и социальной ситуацией в стране, что и определило высшее положение политического сыска и второстепенное – охраны общественного порядка и борьбы с уголовной преступностью.

Участие Российской империи в Первой мировой войне отразилось и на полномочиях полиции, которая теперь должна была еще и противодействовать германской, австрийской и османской агентуре. На основе распоряжения министра внутренних дел об установлении наблюдения за лицами, которые обращались во время настоящей войны с просьбой о разрешении заниматься в пределах губернии фотографическими работами, Орловский губернатор издал циркуляр от 29 января 1916 года № 460 начальникам полиции Орловской губернии [7, Д. 5237. Л. 41]. Наблюдение устанавливалось за агентами граммофонных фирм и лицами, занимавшимися скупкой в магазинах и у частных лиц граммофонных игл для отправки за границу. Иглы требовались Германии для использования в военно-промышленном производстве [7, Д. 5237. Л. 101].

Еще до событий мировой войны на полицеймейстеров и уездных исправников возлагалась обязанность не выпуска безвозвратно высланных за границу иностранцев в пределы вверенных районов, розыск и задержание предназначенных к безвозвратной высылке за границу иностранных подданных. Циркуля-

ры с описанием их примет регулярно направлялись должностным лицам [7, Д. 5102. Л. 3–6, 17–18, 26, 41–43, 52–54 (оборотная), 63–65; 24–24 (оборотная), 36–36 (оборотная)]. Им же поручалось разыскать и задержать австрийского подданного директора сиротского дома в Орлау Ивана Лоринчфи, бежавшего из пределов Австро-Венгрии, совершившего подлог и кражу [7, Д. 5102. Л. 22–22 (оборотная)]. Ходатайство о таком действии поступило в департамент полиции от австро-венгерского посла. Международное сотрудничество было регулярным. Местные чины полиции собирали и направляли губернатору сведения о суммах пожертвований, поступивших, например, в течение августа 1887 года в пользу пострадавших от землетрясения в Семироченской области [7, Д. 5102. Л. 49].

Основная цель деятельности городской полиции – обеспечение общественного порядка. Подчиненное положение от жандармерии негативно сказывалось на городской полиции, вынужденной вместо охраны спокойствия исполнять ее поручения.

Охранная агентура, учрежденная при Управлении Санкт-Петербургского градоначальника, являлась особым подразделением городской полиции. Обязанности охранной агентуры были связаны с охраной главы государства и членов его семьи, при их отсутствии в столице на указанное подразделение возлагалось осуществление гласного надзора.

В полиции аккумулировались сведения о прибывших и уехавших лицах. Способы получения таких данных были различны. Например, сведения поступали от лиц, сдающих жилье. Такая обязанность возлагалась на них обязательными постановлениями губернаторов. Приставу сообщалось, если прибывший человек не мог предъявить вид на жительство [9, Д. 406. Л. 2–3].

Усиление вектора на борьбу с оппозиционным движением отмечается после уста-

новления в России режима третьей юнкерской монархии. В городских и уездных полицейских управлениях были учреждены сыскные отделения. Закон «Об организации сыскной части» от 6 июля 1908 года [21] стал результатом имевшей место практики и обобщением имевшегося опыта в части производства розыска по делам общеуголовного характера. Отмечаем, что Свод уставов счетных возлагал на сыскную полицию обязанность заниматься не только розыском лиц, но и имущества, на которое наложено взыскание по начетам [25]. Закон от 6 июля 1908 года закрепил за чинами сыскных отделений права и обязанности полиции, указанные в судебных уставах. Отрицательные моменты закона заключались в отсутствии детального закрепления цели и задач, компетенции сыскной полиции; единого руководящего органа; специфики розыска по делам общеуголовного характера. Последнее могло решить создание восьмого делопроизводства, но по факту оно «имело лишь значение координирующего» [5, С. 74].

Позднее принятая Инструкция чинам сыскных отделений от 9 августа 1910 года [17] закрепила за их ними производство негласного расследования и дознания по преступлениям, выполнение поручений прокуроров и судебных следователей, оказание содействия политической полиции. Она же предписывала начальнику местной полиции собирать с периодичностью раз в неделю совещание начальников служб полицейского управления в целях объединения их усилий при решении определенной ситуации или разрешении конфликта.

Новая инструкция четко не разграничивала сыскную и общую полицию, не учитывала местных особенностей, ограничивала возможности поиска преступников в отдаленных губерниях [28, С. 14]. Полученная информация о государственном преступлении подлежала направлению из сыскного отделения в

охранное отделение или в жандармерию. Директор департамента полиции в своем циркуляре от 18 октября 1911 года обращался к жандармским руководителям с указанием не давать поручений чинам сыскного отделения по делам политического розыска [6, Д. 4064. Л. 92].

Инструкция от 9 августа 1910 года ввела специализацию в сыскной полиции, определив направления ее деятельности:

- 1) убийство, грабежи, разбои, поджоги;
- 2) кражи и профессиональные воровские организации (конокрады, карманники, взломщики и т. д.);
- 3) мошенничества, подлоги, обманы, фальшивомонетчики, шулера, аферисты и т. д.;
- 4) «летучий отряд» для постоянного дежурства и обходов, облав.

Это была своего рода апробация нового принципа организации полицейского дела, но вводился он не везде в связи с малочисленностью сыскной полиции. Как и предыдущая, новая инструкция имела в качестве негативного момента туманные формулировки изложения, которые позволяли начальнику городской полиции в зависимости от своего благоусмотрения толковать положение сыскных отделений, что препятствовало борьбе с набиравшей темп роста преступностью [3, С. 318].

Деятельность сыскных отделений была достаточно полно регламентирована, правовые акты, ее регулировавшие, имели определенные недостатки, но в целом этот институт положительно оценивался современниками.

Выражение «Кто владеет информацией, владеет миром» актуально и по сей день. Развитие правоохранительных органов и возрастание объема поступающих в ведомство сведений обусловили формирование Центрального регистрационного бюро при департаменте полиции в 1907 г. На местах при сыскных отделениях были образованы ан-

тропометрические бюро. Их сотрудники обязаны были направлять в департамент копии регистрационных карточек. В провинциальных городах регистрация велась небрежно, в отличие от Москвы и Санкт-Петербурга, где реализовывались положения курса уголовной регистрации [2, С. 870]. Создание регистрационного и антропометрического бюро стало своего рода распространением положительного опыта функционирования стола привода в Санкт-Петербурге. Об успешности этого преобразования свидетельствуют факты их разгрома после Февральской революции 1917 года с целью уничтожения собранных материалов.

Особенностью организации оперативной работы полиции было регулярное привлечение к выполнению служебных задач большого количества нештатных кадров (дворников, извозчиков, вокзальных носильщиков и т. п.), по роду своих занятий обладавших информацией о перемещениях и намерениях подозрительных лиц. Унтер-офицеры Московского отделения Орловского жандармского полицейского управления железных дорог предупреждали багажных носильщиков, заслуживающих доверия, о необходимости сообщения о подозрительных грузах или багаже, так как в них могли быть под разными наименованиями товаров провозимые в Москву или на ближайшие к ней станции взрывчатые вещества [8, Д. 11. Л. 1].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, отметим, что в период 1881 – февраль 1917 года деятельность полиции имела очевидный уклон в сторону борьбы с политическими преступлениями. «Открывать преступления, преследовать конокрадов, – этих бичей крестьянской и вообще сельской жизни, – у полиции времени не хватает» [10, Д. 4. Ч. 10. Л. 2]. Применение карательных мер для пресечения беспоряд-

ков приводило к росту недовольства населения и потере авторитета правоохранительных органов.

В отличие от деятельности политической полиции, которой оказывалось противодействие со стороны общества и прессы, общая полиция продолжала обеспечивать общественный порядок наряду с выполнением поручений должностных лиц, связанных с пресечением посягательств на государственный строй. Перестановки в правительстве и руководстве министерства не сказывались на ней принципиальным образом. Отметим, что оппозиционные движения начала XX века изначально не были направлены на подрыв или уничтожение общей полиции. Ее чиновники не были лишены негативных характеристик, за которые они привлекались к ответственности – вседозволенность и грубость, невежество персонала, злоупотребления. Об этих фактах было известно высокому руководству ведомства. Орловский полицмейстер в своем отношении от 27 ноября 1892 года № 884 приставам города Орла сообщил о том, что при представлении Орловскому губернатору «чинов полиции вверенной мне полиции объявил, что на все поступки со стороны чинов полиции, не соответствующие их служебному положению и за неисполнение возложенных на них поручений начальства и прямых своих служебных обязанностей, они будут немедленно удаляемы от службы. При этом Его Превосходительство возложил лично на мою ответственность следить за действиями подведомственных мне чинов полиции и не стесняясь выходить с представлениями об удалении таких из них, кои окажутся не на высоте своего призвания или действиями своими заслуживают удаления» [7, Д. 5198. Л. 64].

В любом случае общая полиция определялась как неизбежная организующая и охранительная структура государства. Законодатель, преобразуя её, старался идти в ногу со

временем, по пути специализации и профессионализации, претворяя задуманное и накопленный опыт, избавляясь от ненужного и несвойственного.

Деятельность общей полиции имела важное значение для обеспечения безопасности государства и общественного порядка. Вместе с тем среди ее учреждений не существовало четкого разграничения, реализовать его до революций 1917 года законодатель так и не успел, хотя отдельные попытки предпринимались. Существовавшее мнение об общей полиции как «прислужнице других ведомств» подкреплялось реальной картиной. Двойственность подчинения органов также отрицательно сказывалась на имидже и деятельности государственных структур.

Библиография / References:

1. Аврутин Ю.Е. Полиция и милиция в механизме обеспечения государственной власти в России: теория, история, перспективы. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003.
2. Вестник полиции. – 1910. – № 36.
3. Вестник полиции. – 1913. – № 14.
4. Волков Н. Полицейский стражник. – СПб., 1912.
5. Гибов В.В. Сыскная полиция в механизме Российского государства (теоретический и историко-правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук / В.В. Гибов. – СПб., 1998.
6. Государственный архив Новосибирской области. Ф. 342. Оп. 1. Д. 4064.
7. Государственный архив Орловской области. Ф. 672. Оп. 1. Д. 5101. Д. 5102. Д. 5198. Д. 5237.
8. Государственный архив Орловской области. Ф. 852. Оп. 1. Д. 11.
9. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102. Оп. 38. Д. 406.
10. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102. Оп. 56. Д. 4. Ч. 10.
11. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102. Оп. 62. Д. 10. Ч. 54.
12. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102. Оп. 63. Д. 32. Ч. 2.
13. Государственный архив Российской Федерации. Путеводитель. Т. I. Фонды ГА РФ по истории России XIX – начала XX вв. – М., 1994.
14. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 110. Оп. 3. Д. 3668.
15. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 110. Оп. 10. Д. 39 (5).
16. Инструкция полицейским урядникам 28 июля 1887 г. // Арефа Н.И. Права и обязанности полицейских урядников, стражников, приставов и прочих чинов городской и уездной полиции. – СПб., 1891.
17. Инструкция чинам сыскных отделений. – СПб., 1910.
18. Лопухин А.А. Настоящее и будущее русской полиции. – М., 1907.
19. ПСЗ. Собр. 2. Т. LIII. СПб., 1880. № 58610.
20. ПСЗ. Собр. 3. Т. IX. СПб., 1891. № 6196.
21. ПСЗ. Собр. 3. Т. XXVIII. СПб., 1911. № 30672.
22. Сборник циркуляров и инструкций МВД за 1878 г. – СПб., 1880.
23. Свод законов об обязанностях полиции. – СПб., 1909. Ст. 691.
24. Свод законов Российской империи. 2-е издание. Под ред. А.А. Добровольского. – СПб., 1913. Т. I, ч. 2.
25. Свод законов Российской империи. 2-е издание. Под ред. А.А. Добровольского. – СПб., 1913. Т. VIII, ч. 2. Ст. 1568.
26. Трифонов А. О мерах полицейского принуждения по прусскому и нашему законодательствам. – СПб., 1886.
27. Цыбаков Д.Л. Милиционные формирования «служилых людей» Орловского края в составе военной организации Российской империи (первая половина XVIII столетия) // Вестник государственного и муниципального управления. – 2019. – Т. 8. – № 2. – С. 107–118.

28. Шинджикашвили Д.Н. Сыскная полиция царской России в период империализма. – Омск, 1913.
1. Avrutin Yu.Ye. (2003) *Politsiya i militsiya v me-khanizme obespecheniya gosudarstvennoy vlasti v Rossii: teoriya, istoriya, perspektivy* [Police and militia in the mechanism of ensuring state power in Russia: theory, history, prospects]. – SPb.: Izdatel'stvo «Yuridicheskiy tsentr Press. (In Russ.).
2. *Vestnik politsii* [Police Bulletin]. – 1910. – №36. (In Russ.).
3. *Vestnik politsii* [Police Bulletin]. – 1913. – №14. (In Russ.).
4. Volkov N. *Politseyskiy strazhnik* [Police guard]. – SPb., 1912. (In Russ.).
5. Gibov V.V. *Sysknaya politsiya v mekhanizme Rossiyskogo gosudarstva (teoreticheskiy i istorikopravovoy aspekt)* [Detective police in the mechanism of the Russian state (theoretical and historical-legal aspects)]: dis. ... kand. jurid. nauk / V.V. Gibov. – SPb., 1998. (In Russ.).
6. Gosudarstvennyy arkhiv Novosibirskoy oblasti [State Archives of the Novosibirsk Region]. F. 342. Op.1. D. 4064. (In Russ.).
7. Gosudarstvennyy arkhiv Orlovskoy oblasti [State Archive of the Oryol Region]. F. 672. Op.1. D. 5101. D. 5102. D. 5198. D. 5237.
8. Gosudarstvennyy arkhiv Orlovskoy oblasti [State Archives of the Oryol Region]. F.852. Op.1. D.11. (In Russ.).
9. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archive of the Russian Federation]. F.102. Op. 38. D. 406. (In Russ.).
10. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archive of the Russian Federation]. F.102. Op. 56. D. 4. Ch. 10. (In Russ.).
11. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archive of the Russian Federation]. F.102. Op. 62. D. 10. Ch. 54. (In Russ.).
12. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archive of the Russian Federation]. F.102. Op. 63. D. 32. Ch. 2. (In Russ.).
13. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archive of the Russian Federation]. Putevoditel'. T. I. Fondy GA RF po istorii Rossii XIX – nachala KHKH vv. – M., 1994. (In Russ.).
14. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archive of the Russian Federation]. F.110. Op. 3. D. 3668. (In Russ.).
15. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archive of the Russian Federation]. F. 110. Op. 10. D. 39 (5). (In Russ.).
16. *Instruktsiya politseyskim uradyadnikam 28 iyulya 1887 g.* [Instructions to police officers July 28, 1887] // Arefa N.I. *Prava i obyazan-nosti politseyskikh uradyadnikov, strazhnikov, pristavov i prochikh chinov gorodskoy i uyezdnoy politsii.* – SPb., 1891. (In Russ.).
17. *Instruktsiya chinam sysknykh otdeleniy* [Instructions for detective department officials]. – SPb., 1910. (In Russ.).
18. Lopukhin A.A. *Nastoyashcheye i budushcheye russkoy politsii* [The present and future of the Russian police]. – M., 1907. (In Russ.).
19. PSZ. *Sobr. 2. T. LIII.* SPb., 1880. №58610. (In Russ.).
20. PSZ. *Sobr. 3. T. IX.* SPb., 1891. № 6196. (In Russ.).
21. PSZ. *Sobr. 3. T. XXVIII.* SPb., 1911. № 30672. (In Russ.).
22. *Sbornik tsirkulyarov i instruktsiy MVD za 1878 g.* [Collection of circulars and instructions of the Ministry of Internal Affairs for 1878]. – SPb., 1880. (In Russ.).
23. *Svod zakonov ob obyazannostyakh politsii* [Code of laws on police duties]. – SPb., 1909. St. 691. (In Russ.).
24. *Svod zakonov Rossiyskoy imperii* [Code of laws of the Russian Empire]. 2-ye izdaniye. Pod red. A.A. Dobrovol'skogo. – SPb., 1913. T. I, ch. 2. (In Russ.).
25. *Svod zakonov Rossiyskoy imperii* [Code of laws of the Russian Empire]. 2-ye izdaniye. Pod red. A.A. Dobrovol'skogo. – SPb., 1913. T. VIII, ch. 2. St. 1568. (In Russ.).
26. Trifonov A. *O merakh politseyskogo prinuzhdeniya po prusskomu i nashemu zakono-*

datel'stvam [On measures of police coercion according to Prussian and our legislation]. – SPb., 1886. (In Russ.).

27. Tsybakov D.L. Militsionnyye formirovaniya «sluzhilykh lyudey» Orlovskogo kraya v sostave voyennoy organizatsii Rossiyskoy imperii (pervaya polovina KHVIII stoletiya) [Militia formations of «service people» of the Oryol region as part of the military organization of the Russian Empire (first half of the 18th century)] // Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya. – 2019. – T. 8. – № 2. – S. 107–118. (In Russ.).

28. Shindzhikashvili D.N. Sysknaya poli-tsiya tsarskoy Rossii v period imperializma [Detective police of Tsarist Russia during the period of imperialism]. – Omsk, 1913. (In Russ.).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no onflict of interest.

Поступила в редакцию (Received) 21.08.2023

Поступила после рецензирования (Revised) 18.10.2023.

Дата выхода в свет 29.12.2023.

ГРЕБЕНКИН Алексей Николаевич, доктор исторических наук, сотрудник, Академия ФСО России (Россия, Орёл), e-mail: angrebyonkin@mail.ru, SPIN-код: 6750-0758, AuthorID: 539940

БУБЛИКОВ Андрей Александрович, аспирант кафедры истории, политологии и государственной политики, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ (Россия, Орёл), e-mail: stalker057@mail.ru

GREBENKIN A.N., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, The Academy of the Federal Guard Service of the Russian Federation (Russian Federation, Orel), e-mail: angrebyonkin@mail.ru

BUBLIKOV A.A., Postgraduate Student, Department of History, Political Science and Public Policy, Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPA (Russian Federation, Orel), e-mail: stalker057@mail.ru

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОЕ РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ОХРАНЫ ИМПЕРАТОРСКИХ ПОЕЗДОВ В РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

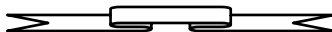
ORGANIZATIONAL AND LEGAL DEVELOPMENT OF THE IMPERIAL TRAIN SECURITY SYSTEM IN RUSSIA AT THE BEGINNING OF THE 20th CENTURY

Аннотация. Цель статьи – комплексный научный анализ организационно-правового развития системы охраны императорских поездов в России в начале XX века. Актуальность исследования обусловлена необходимостью анализа эволюции форм и методов деятельности специальных служб и подразделений органов государственной охраны в условиях активизации террористической угрозы. Это позволит не только уточнить методику противодействия эсеровскому террору, но и сделать ряд выводов, значимых с точки зрения оптимизации работы современных контртеррористических сил. Основу работы составляют неопубликованные материалы из фондов Российского государственного исторического архива. Автор приходит к выводу, что в начале XX века были приняты серьезные меры, направленные на совершенствование организационно-правового обеспечения охраны императорских поездов. В работе показано, что осуществлялось не только активное обсуждение проектов руководящих документов, но и внесение поправок в уже принятые положения и инструкции. Это было вызвано как выявлением пробелов и уязвимых мест, так и межведомственной борьбой между полицейскими и армейскими структурами, принимавшими участие в охране императора во время его железнодорожных поездок. Автор обращает внимание на то, что конкуренция полиции, жандармов и армии имела не только положительные последствия, выражавшиеся в совершенствовании правовой базы императорской охраны и оптимизации процесса правоприменения, но и отрицательные, наиболее губительным из которых была несогласованность действий. Статья завершается выводом о том, что указанный выше антагонизм продолжал оказывать негативное воздействие на организационно-правовое развитие системы охраны императорских поездов вплоть до 1917 года.

Ключевые слова: Российская империя, Николай II, институт государственной охраны, императорские поезда, 1-й Железнодорожный батальон, жандармские полицейские управления железных дорог.

Annotation. The purpose of the article is to analyze the organizational and legal development of the imperial train security system in Russia at the beginning of the 20th century. The relevance of the study is conditioned on the need to analyze the forms and methods evolution of the activities of special services and units of state security bodies in the context of the terrorist threat intensification. This makes it possible not only to clarify the methodology of countering the Socialist Revolutionary terror, but also to draw a number of conclusions that are significant from the point of view of optimizing the work of modern counter-terrorism forces. The sources of this research include unpublished materials from the collections of the Russian State Historical Archive. The authors conclude that at the beginning of the 20th century serious measures were taken to improve the organizational and legal support for the protection of imperial trains. The paper shows that there was not only an active discussion of the draft guidance documents, but also amendments to the already adopted regulations and instructions. This was caused both by the identification of gaps and vulnerabilities, and by the interdepartmental struggle between the police and army structures that took part in protecting the emperor during his railway trips. The authors draw attention to the fact that the competition between the police, gendarmes and the army had not only positive consequences, expressed in improving the legal framework of the imperial guard and optimizing the law enforcement process, but also negative ones. The inconsistency of actions was the most disastrous. As a result, the authors conclude that the above-mentioned antagonism continued to have a negative impact on the organizational and legal development of the imperial train security system until 1917.

Keywords: Russian Empire, Nikolai II, Institute of public security, imperial trains, 1st Railway Battalion, gendarmery police departments of the railways.

©Гребенкин А.Н., 2023г.

©Бубликов А.Н., 2023г

ВВЕДЕНИЕ

Начало XX века стало непростым временем как для Российской империи, так и для ее спецслужб и органов государственной охраны. Быстро растущая активность террористов, следствием которой являлась гибель нескольких видных сановников, заставила приступить к пересмотру принципов и методов обеспечения безопасности охраняемых лиц. Николай II, привыкшего вести активный образ жизни, угнетала необходимость прятаться от «бомбистов» в пригородных резиденциях. Он желал, как и прежде, совершать дальние поездки. Поэтому вопрос о внесении изменений в организацию железнодорожных путешествий и систему охраны императора и других августейших пассажиров оказался на повестке дня одним из первых.

В августе 1905 года была высочайше одобрена Инструкция по охране императорских железнодорожных поездов при Высочайших путешествиях. Она представляла собой переработанный и дополненный на основании многолетнего опыта вариант инструкции, принятой в 1891 году. Непосредственными причинами, вынудившими осуществить принятие данного документа, были не только рост революционного движения, сопровождавшийся терактами, но и массовые забастовки железнодорожников.

В соответствии с данным документом меры охраны преследовали следующие цели: 1) предупреждение попыток вызвать крушение или остановку императорского поезда путем минирования железнодорожного полотна, разборки пути, повреждения мостов и т. п.; 2) предотвращение в отношении императорских поездов терактов с размещением на рельсах посторонних предметов, которые могли бы привести к сходу состава с рельсов; 3) недопущение убийства лиц, следовавших в императорском поезде, с помощью огнестрельного оружия либо иными способами.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

«Принятие мер по охране железнодорожного пути со всеми искусственными сооружениями, станционными и линейными зданиями в полосе отчуждения» [2, С.199] возлагалось на чины жандармских полицейских управлений железных дорог. Сотрудники общей полиции отвечали за принятие мер охраны в местности, прилегавшей к полосе отчуждения. Ввиду нехватки полицейских сил к охране железнодорожного полотна, как и ранее, привлекались войска. При этом постоянная охрана линий, соединявших Санкт-Петербург с теми населенными пунктами, в которых размещались пригородные императорские резиденции (Царское Село, Гатчина, Петергоф), возлагалась на 1-й Железнодорожный батальон. В конце XIX – начале XX века был построен Императорский путь – несколько железнодорожных линий, связывавших столицу с пригородными резиденциями и предназначенных исключительно для царских поездов. Использование этой «царской ветки» «давало возможность отправляться в путь в удобное время, развивать любую скорость и не зависеть от пассажирских поездов» [6, С.120]. В мае 1906 года была сформирована 5-я рота 1-го Железнодорожного батальона, предназначенная для охраны Императорского пути [5, С.261]. Необходимое содействие в предотвращении терактов должна была оказывать железнодорожная администрация, а в некоторых местах – и чины горного ведомства. Действия сотрудников всех ведомств, принимавших участие в охране железных дорог, должны были быть согласованы друг с другом. Руководящая роль при этом возлагалась на чины жандармских полицейских управлений железных дорог.

Жандармы и полиция должны были обращать особое внимание на все работы, производившиеся вблизи железной дороги, чтобы они «не могли бы служить приготовлением к какому-либо злоумышлению или действию, могущему угрожать в будущем безопасности прохода императорского железнодорожного поезда» (Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1328. Оп. 1. Д. 39. Л. 219 об.). Здания и сооружения, а также прилегающую местность следовало осматривать как можно чаще. Императорские покои и смежные с ними жилые и нежилые помещения, расположенные на станции, подвалы под ними находились в исключительном ведении жандармских полицейских управлений железных дорог. Жандармам подчинялись истопники и сторожа, обслуживавшие эти покои. Подвалы было запрещено использовать в качестве жилья или складов, однако допускалось устройство в них квартир для жандармских унтер-офицеров или железнодорожных служащих. Жандармы, служившие на железнодорожных станциях, должны были иметь списки всех лиц, проживавших на территории их участков, знать жильцов в лицо и следить за тем, чтобы все они имели документы, подтверждавшие их право на жительство.

Городской, уездной и сельской полиции вменялось в обязанность осуществлять бдительный надзор в отношении населения местности, прилегающей к железной дороге. Главным средством этого надзора выступал паспортный контроль. Кроме того, рекомендовалось обращать внимание на местных жителей, возвращавшихся из отлучек.

Как уже было сказано выше, к охране железнодорожного полотна привлекались войска. Определение численности воинского наряда для каждой дороги осуществлялось особой комиссией, в состав которой входили: 1) начальник жандармского полицейского управления железной дороги (председатель); 2) начальник дороги или управляющий доро-

гой; 3) начальник службы пути и зданий или его помощник; 4) заведующий передвижением войск; 5) офицер, назначенный командующим войсками в округе. Кроме того, в работе комиссии могли участвовать представители тех горных округов, по территории которых следовал императорский поезд. Окружные горные инженеры были обязаны снабдить комиссию планами всех горных работ, которые велись под полотном дороги и на расстоянии 50 сажен в каждую сторону. Комиссия составляла расписания, в которых указывались: число воинских чинов, необходимых для охраны каждого участка; наименования населенных пунктов, в которых должны были находиться войска; названия местностей, в отношении которых следовало вести наблюдение. Отдельно дворцовым комендантом составлялись и утверждались ведомости о тех железнодорожных сооружениях, которые брались под надзор чинов 1-го Железнодорожного батальона.

После получения извещения о предстоящем проследовании императорского поезда по распоряжению начальника жандармского полицейского управления железных дорог к железнодорожному полотну с боковых линий стягивалось как можно больше жандармов. Они брали под свой контроль все сооружения и постройки. О предстоящем проезде ставились в известность заведующий передвижением войск, который, в свою очередь, отдавал распоряжения о вызове войск для охраны, и начальники соответствующих горных округов. Управление дороги составляло и передавало жандармам списки железнодорожных служащих, которые должны были находиться на линии в момент проследования императорского поезда. В случае нехватки личного состава местных жандармских управлений железных дорог недостающее количество чинов по распоряжению начальника штаба Отдельного корпуса жандармов командировалось от других управлений. В

целях усиления технического надзора на трассу императорского проезда направлялись и железнодорожные служащие. На них могли возлагаться и обязанности, связанные с охраной.

Ожидая проследования императорского поезда, жандармские унтер-офицеры, командированные на охрану железнодорожного полотна, должны были тщательно осмотреть как рельсовый путь, так и все здания, сооружения и постройки. Одновременно осуществлялась проверка лиц, проживавших в зданиях, расположенных на станциях и вблизи железных дорог. Под особое наблюдение брались необитаемые или заброшенные здания. Не позже, чем за два дня до высочайшего проезда осуществлялся подробный повторный осмотр, который делали лично начальники жандармских отделений вместе с начальниками участков или дистанций службы ремонта пути, офицерами 1-го Железнодорожного батальона, командирами рот, принимавших участие в охране пути, а также представителями горного ведомства. По мере производства повторного осмотра у объектов, подлежавших взятию под охрану (мосты, тепловоды и т. п.), выставлялись часовые от войск или 1-го Железнодорожного батальона.

Губернаторы, в свою очередь, получив извещение о предстоящем проезде, ставили в известность уездных исправников, которые стягивали к железнодорожному полотну как можно больше чинов уездной и сельской полиции. При их нехватке недостающее количество полицейских командировалось из соседних уездов. Силами полиции осуществлялся контроль над территорией, находившейся вне полосы отчуждения. Там осматривались все здания, постройки и места производства работ, а также осуществлялась проверка местных жителей. Неблагонадежные или непроверенные лица подлежали удалению. Кроме того, особое внимание обращалось на места свежих земляных работ. О всех случаях, вы-

зывавших подозрение, следовало немедленно уведомить начальников жандармских отделений.

Если императорский поезд следовал по территории одного военного округа, то дворцовый комендант обращался по поводу выставления войскового наряда для охраны железнодорожной линии к командующему войсками округа. В тех случаях, когда императорскому поезду предстояло проследовать по территории нескольких военных округов, запрос необходимо было делать в Главный штаб, «указывая при этом, к какому времени войска должны прибыть на линию охраны» (РГИА. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 39. Л. 227).

Одной из особенностей охранной службы войск было то, что она допускала некоторые отступления от установленных правил ношения оружия и отдания чести. Так, часовые и патрули могли снимать ранцы и носить ружье на погонном ремне, не отдавая чести. Это делалось для того, чтобы солдаты меньше уставали и не отвлекались от своих обязанностей. Если к часовым обращался кто-либо из начальников, то полагалось встать по стойке смирно. Часовые могли исполнять приказания только того унтер-офицера или ефрейтора, который поставил их на пост, всех своих прямых начальников, а также императора. Жандармы передавали дополнительные распоряжения не непосредственно нижним чинам, стоявшим на постах, а офицерам.

Как известно, железная дорога является источником повышенной опасности. К сожалению, анализ документов заставляет сделать вывод о том, что далеко не все лица, задействованные в охране императорских железнодорожных путешествий, в полной мере это понимали. Даже нижние чины 1-го Железнодорожного батальона, которые были лучше знакомы с особенностями охраны железной дороги, чем солдаты частей, лишь время от времени привлекавшихся к участию

в охранных мероприятиях, достаточно часто попадали под поезда, когда обходили путь без соблюдения необходимых мер предосторожности. В мае 1896 года на 259-й версте Николаевской железной дороги пассажирским поездом был убит рядовой П. Гусев. В результате расследования был сделан вывод, что «...Гусев, будучи часовым на мосту, переходил путь с одной стороны на другую, дабы уйти от одного поезда, но попал под другой» (РГИА. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 201. Л. 65). В июне того же года рядовой М. Плотников, который вопреки инструкции забрался на мост через реку Черную на 167-й версте Николаевской железной дороги для его осмотра, был сбит ударом подножки курьерского поезда, вследствие чего у него «был пробит череп над левым глазом и раздроблена правая рука от кисти до локтя» (РГИА. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 201. Л. 66 об.). Поэтому во избежание несчастных случаев нижним чинам запрещалось ходить между рельсами или рядом с ними. На ровных участках следовало перемещаться за канавами железнодорожного полотна – там, где имелаась насыпь (у ее подошвы), а если железнодорожный путь находился в выемке, то часовые должны были ходить по краям выемки.

Все лица, имевшие право находиться на пути во время следования императорского поезда (за исключением заведующих передвижением войск, комендантов железнодорожных станций и воинских чинов), должны были иметь при себе пропуска-билеты определенного цвета, подписанные начальником жандармского отделения и заверенные печатью. Дорожные мастера, старшие рабочие и некоторые ремонтные рабочие, которые в случае необходимости могли работать на железнодорожном пути с артелями поденных рабочих, снабжались не только билетами, но и особыми удостоверениями, подписывавшимися начальниками жандармских отделений. Члены депутатий, встречавшие император-

ский поезд на станциях, также получали билеты, а в случае их отсутствия допускались на станцию по требованию губернатора, который брал на себя ответственность за их действия. Телеграфисты, работавшие на линии, получали билеты на основании удостоверений, выданных начальниками телеграфных округов.

Во время следования императорского поезда войсковая охрана последовательно занимала одно из трех положений. В первом положении нижние чины находились при их сборе в пунктах высадки, причем часть их выставлялась возле тех объектов (например, путепроводов, мостов, труб и т. п.), которые должны были находиться под усиленным контролем. С переходом войск во второе положение часовые выставлялись возле важных объектов и на пересеченной местности, а между занятыми пунктами курсировали патрули. Надзор осуществлялся как за самой железной дорогой, так и за прилегающей местностью на расстоянии 50 сажен в обе стороны от полотна; при этом осматривались леса, овраги, канавы, мосты, а также места производства земляных работ. После занятия войсками второго положения чины общей полиции должны были находиться на своих постах, а урядники – осуществлять непрерывные объезды железнодорожного полотна вплоть до прохода поезда. Пропуск лиц, не имевших билетов и удостоверений, прекращался, однако чины жандармских полицейских управлений могли давать разрешение на проход. С переходом войск в третье положение осуществлялось окончательное занятие линии охраны всеми нижними чинами, предназначенными для охраны пути. При необходимости часовые выставлялись с двух сторон полотна. Переход от одного положения к другому осуществлялся на основании телеграмм, которые отправлял дворцовый комендант. Если часовые замечали что-либо подозрительное как на дороге, так и на прилегающей

местности, они были обязаны немедленно сообщить об этом железнодорожным жандармам и персоналу железной дороги, а также доложить своему начальству.

Надзор за рабочими, производившими экстренные работы на взятом под охрану пути, поручался специально назначенным жандармским унтер-офицерам, а в случае нехватки жандармов – войсковым унтер-офицерам. Они должны были сопровождать команды поденных рабочих к месту производства работ, а затем отводить их обратно. Рабочих, которые имели билеты, выданные начальником жандармского отделения, не нужно было сопровождать.

После объявления третьего положения запрещалось «приближаться к пути ближе указанного начальником жандармского отделения расстояния, которое в открытой местности должно быть не менее 100 сажен» (РГИА. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 39. Л. 235 об.). Переход и проезд через переезды и путепроводы прекращался. Полиция должна была заблаговременно принять меры для того, чтобы на дорогах, ведущих к железнодорожной линии, не скапливались экипажи и пешеходы. Кроме того, по распоряжению железнодорожных жандармов прекращалось движение судов и плотов под железнодорожными мостами. Жители населенных пунктов, находившихся вблизи железнодорожного полотна, могли в момент прохода императорского поезда собираться за войсковым оцеплением, при этом не заходя за него.

Если злоумышленники осуществляли вооруженное нападение с целью разрушения железнодорожного пути, мостов, тоннелей и т. д., часовые от войск могли использовать оружие. На помощь посту, который подвергся нападению, должны были прийти соседние посты.

В момент прохода императорского поезда часовые должны были не смотреть на него, а контролировать окружающую обстановку. Для

этого им вменялось в обязанность «смотреть вперед по направлению следования поезда, а также и по сторонам полотна железной дороги» (РГИА. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 39. Л. 236 об.). В случае обнаружения опасности часовому следовало сделать несколько выстрелов вверх. Услышав выстрелы, железнодорожный сторож немедленно подавал поезду сигнал остановиться. К тому месту, откуда раздавались выстрелы, сразу же стягивались караульные с постов, мимо которых поезд уже проехал, а также железнодорожные служащие.

Распоряжение о снятии войсковой охраны делал дворцовый комендант. Посты, выставленные от 1-го Железнодорожного батальона, снимались по его особому распоряжению. Все билеты на право прохода подлежали возврату начальнику жандармского отделения.

Отступление от правил, закрепленных в Инструкции по охране императорских железнодорожных поездов при Высочайших путешествиях, допускалось лишь с согласия дворцового коменданта.

Опыт применения новой инструкции на практике вызывал ряд принципиальных вопросов, требовавших внесения поправок. В июне 1909 г., через четыре года после начала применения инструкции, командир 4-го армейского корпуса генерал-лейтенант А. В. Новосильцев предложил ряд дополнений к ней. Он полагал, что общий начальник войск охраны на территории военного округа должен находиться в курсе обстановки как в полосе отчуждения, так и на прилегавшей к ней местности. С этой целью следовало точно определить местонахождение, как общего начальника, так и начальников дивизионных, бригадных и полковых участков охраны и предоставить в распоряжение общего начальника войск охраны железнодорожный вагон для разъездов. Личный состав частей, привлеченных к охране, должен был размещаться в станционных помещениях или в

вагонах. Кроме того, генерал Новосильцев выступал с инициативой внесения ряда изменений, касавшихся развозки продуктов по постам, отправки телеграмм, размера суточных денег и т. д.

Однако дворцовый комендант генерал-адъютант В. А. Дедюлин, частично соглашаясь с доводами Новосильцева, не нашел достаточных оснований для внесения изменений в инструкцию. Главные предложения командира 4-го армейского корпуса были отвергнуты. Так, уведомление начальников войсковой охраны о происшествиях в районе охраны повлекло бы за собой лишь рост переписки, так как «по общему смыслу инструкции воинские части назначаются лишь в помощь жандармской полиции, а не наоборот» (РГИА. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 39. Л. 5). Предоставить общему начальнику войсковой охраны отдельный вагон было невозможно из-за отсутствия подвижного состава.

В сентябре 1909 года свои замечания относительно Инструкции по охране императорских железнодорожных поездов при Высочайших путешествиях представил командир 1-й бригады 3-й гренадерской дивизии генерал-майор Н. А. Думбадзе, который во время проследования императорского поезда являлся начальником охранного участка Москва – Бологое. По мнению Думбадзе, все распоряжения относительно охраны в полосе отчуждения после постановки войск в первое положение должны были исходить от начальника участка военной охраны. Отсутствие этого правила приводило к тому, что войска после занятия ими участков вынуждены были бездействовать в течение длительного времени, а затем производить осмотры мостов и прочих сооружений поспешно и поверхностно, упуская из виду важные детали. Так, при осмотре Тверского железнодорожного моста не было обращено внимание на расположенные под ним большие фонари, которые предназначались для освещения моста и реки.

Кроме того, Н. А. Думбадзе полагал, что принятые при выставлении наряда нормативы не позволяли охране справиться со стоявшими перед ней задачами. В частности, каждому часовому приходилось охранять участок длиной 500 шагов, что было трудноосуществимым, особенно в ночное время.

Вызывала определенные нарекания и методика охраны. В момент проследования императорского поезда часовой должен был смотреть вперед и в стороны, но при этом в инструкции не было указано, как он должен держать ружье и следует ли ему стоять или ходить. При осуществлении охранных мероприятий в 1909 г. было установлено, что часовые должны все время ходить, держа ружье на плече. Думбадзе совершенно справедливо замечал, что не учитывается психология солдата, которому в момент прохода поезда было очень сложно подавить в себе желание бросить хотя бы один взгляд на царский поезд, чтобы увидеть императора. Все солдаты, повинувшись этому желанию, смотрели на поезд и тем самым отвлекались от своих непосредственных обязанностей. По мнению генерал-майора Думбадзе, следовало закрепить в инструкции правило, согласно которому часовые в момент прохода поезда должны были остановиться и повернуться лицом в противоположную сторону. Это сводило к минимуму возможность поддаться соблазну и, отвлекаясь от обязанностей, посмотреть на царский поезд.

Однако и с доводами Думбадзе дворцовый комендант не согласился. В своем ответе генерал-адъютант В. А. Дедюлин делал акцент на том, что ведущая роль в проведении охранных мероприятий принадлежала железнодорожным жандармам, в то время как войска должны были оказывать им содействие. Необходимым условием эффективной и продуктивной работы было подчинение войск жандармам; невыполнение данного условия вело к недоразумениям и пререканиям. Кро-

ме того, жандармская полиция располагала сведениями, опытом и средствами, необходимыми для предупреждения и пресечения преступлений, и в силу этого лишь она могла выступать в качестве руководящего центра при проведении охранных мероприятий. Поэтому В. А. Дедюлин категорически не соглашался с предложением возложить руководство охраной на начальников участков войсковой охраны. Сократить расстояние между часовыми, занимавшими посты вдоль пути, он полагал возможным путем их расстановки в шахматном порядке. Наконец, предложенное Думбадзе расположение часовых в момент прохода поезда дворцовый комендант считал неудачным, так как забота часового о сохранении своей стойки могла отвлечь его от наблюдения за окружающей местностью. По мнению самого Дедюлина, было бы вполне достаточно внушить часовым обязанность наблюдать за своими участками, стоя в момент прохода поезда спиной к нему, а после проследования высочайшего состава поворачиваться лицом к хвостовому вагону и следовать за поездом, чтобы убедиться, что он благополучно проследовал данный участок.

Отвергая предложения Думбадзе, дворцовый комендант тем не менее не отрицал необходимости внесения изменений в инструкцию и сообщал командиру 1-й бригады 3-й гренадерской дивизии, что намерен возбудить вопрос о ее пересмотре в особой комиссии, в которую должны будут войти представители всех заинтересованных ведомств.

В январе 1910 года начальник 15-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Д. Н. Безрадецкий выступил с предложением внести ряд изменений в Инструкцию по охране императорских железнодорожных поездов. Он обратил внимание на то, что, согласно параграфу 25, некоторые категории рабочих могли производить работы на железнодорожных путях, имея при себе пропускные

билеты и удостоверения на право производства работ, и часовые были обязаны беспрекословно их пропускать. Между тем среди рабочих был достаточно высок процент малограмотных и слаборазвитых, «особенно между инородцами, у которых всякая печатная бумажка, подходящая по цвету к выдаваемым жандармскими властями билетам и удостоверениям, а особенно снабженная какой-нибудь печатью, может сойти за билет или удостоверение и повести к печальным последствиям» (РГИА. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 39. Л. 39). Чтобы не допустить этого, генерал Безрадецкий предлагал установить на линии пропускные посты во главе с жандармскими унтер-офицерами и направлять на них всех рабочих, снабженных билетами. Дворцовый комендант, ознакомившись с этим предложением, выразил опасение, что его реализация приведет к увеличению числа постов.

Кроме того, Д. Н. Безрадецкий пришел к выводу, что, согласно выработанной в ходе Русско-японской войны практике сторожевого охранения, ночью лучше всего использовать подвижное охранение посредством курсирования дозоров между постами. Данная система могла быть использована и при охране железнодорожного пути в наиболее опасных местах. Ночью дозоры должны были выходить со следовыми фонарями пограничной стражи, светившими только вниз. С этим пунктом В. А. Дедюлин согласился, сделав пометку на полях: «Верно». Наконец, относительно последнего предложения, касавшегося расширения прав войск при охране железной дороги и превращения их из исполнителей воли жандармов, не имевшими необходимого опыта в несении сторожевой службы, в самостоятельных деятелей, дворцовый комендант высказался вполне определенно: «Вздор».

Со своими предложениями относительно совершенствования организационно-правовой составляющей охраны император-

ских поездов выступали и представители полицейских структур. Они были недовольны не столько нормативным закреплением правил обеспечения безопасности императора во время его железнодорожных путешествий, сколько практикой их реализации. Так, в октябре 1909 г. командующий Отдельным корпусом жандармов генерал-майор П. Г. Курлов в своем приказе отмечал, что во время высочайшего путешествия жандармские офицеры и унтер-офицеры, входившие в состав охраны, скапливались в значительных количествах на больших и узловых станциях как будто для встречи царя, в то время как они должны были обеспечивать осмотр пути и контроль за зданиями и сооружениями, расположенными вдоль железнодорожного полотна. Курлов внушал жандармским начальникам, что они должны осуществлять распределение постов таким образом, чтобы на станциях было как можно меньше офицеров.

Постоянные пререкания, жалобы и предложения заставили приступить к обсуждению мер, направленных на решение спорных вопросов и предотвращение конфликтных ситуаций. В январе – марте 1910 г. при Министерстве путей сообщения действовала комиссия, предназначенная для рассмотрения недоразумений и осложнений, возникавших при следовании императорских поездов по железным дорогам, и выработки мер по их предотвращению в будущем. Председателем комиссии являлся начальник Управления железных дорог действительный статский советник Д. П. Козырев. В ее состав входили представители министерств внутренних дел и путей сообщения. От дворцового коменданта в комиссию был делегирован штаб-офицер для особых поручений – полковник В. В. Ратко. Основное внимание членов комиссии было направлено на устранение побочных эффектов, возникавших при проведении охранных мероприятий и приводивших к задержкам движения пассажирских и грузовых поездов,

остановке разгрузки и погрузки. Кроме того, были случаи, когда жандармские офицеры и унтер-офицеры вмешивались в не входившие их компетенцию технические вопросы и требовали замены исправных рельсов, показавшихся им лопнувшими, уничтожения защитных посадок, произвольного назначения экстренных поездов для осмотра пути, запечатывания стрелочных будок и т. д. Билеты, на основании которых осуществлялся пропуск рабочих в полосу отчуждения, иногда выдавались слишком поздно, что не позволяло вовремя производить необходимые ремонтные работы. Кроме того, офицеры и солдаты во время исполнения своих обязанностей часто находились на рельсовом пути, вследствие чего их жизнь подвергалась опасности.

Недоразумения приводили к конфликтам, в ряде случаев принимавшим острую форму. Так, часовые после занятия войсками третьего положения запрещали железнодорожным служащим выходить на полотно, угрожая в случае неповиновения огнестрельным оружием. Это не позволяло вовремя заменить лопнувший рельс, убрать предметы, упавшие с проходившего поезда, и т. д.

Председатель комиссии полагал, что требования жандармов, вызывавшие задержки поездов, остановку операций с грузом, уничтожение защитных посадок и перемещение материалов, сложенных в полосе отчуждения, нельзя было считать законными. Представители Отдельного корпуса жандармов, Департамента полиции и дворцового коменданта сообщили, что шедшие вразрез с установленными правилами распоряжения исходили не от высшего руководства, а от местного начальства, не имевшего должного опыта вследствие того, что во второй половине 1900-х гг. император по причине революционных событий ездил в поезде на дальние расстояния крайне редко. Кроме того, руководители низшего звена опасались совершения террористических актов и предпочитали пе-

рестраховаться, предъявляя повышенные требования.

Члены комиссии пришли к выводу, что пассажирское и грузовое движение во время проследования высочайших поездов должно было быть стеснено как можно меньше. С этой целью перед каждой поездкой императора и членов его семьи по железным дорогам при Министерстве путей сообщения следовало созывать особые комиссии с участием представителей Управления железных дорог МПС, Инспекции императорских поездов МПС, Управления дворцового коменданта, Военного министерства, штаба Отдельного корпуса жандармов и Департамента полиции МВД для обсуждения различных мер, не предусмотренных существовавшими правилами. Инициатором созыва комиссий должен был являться дворцовый комендант.

Члены комиссии пришли к выводу, что запрет на производство погрузки и разгрузки мог действовать лишь во время нахождения войск в третьем положении и лишь «на тех путях и товарных станциях, которые расположены ближе 50 сажен от пути проследования императорского поезда» (РГИА. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 39. Л. 63 об.).

Недоразумения, связанные с недопуском часовыми на путь железнодорожных рабочих, имевших право находиться на линии во время высочайшего проезда, комиссия объяснила недостаточным знакомством нижних чинов с принятыми правилами и рекомендовала войсковому начальству лучше разъяснять солдатам, отправленным на охрану пути, их обязанности.

Однако работа комиссии не позволила устранить все недочеты. Помимо вопросов, связанных с применением на практике ведомственных положений и инструкций, регламентировавших порядок обеспечения безопасности императора во время его железнодорожных поездок, существовали серьезные проблемы сугубо организационного характера.

Главная из них была порождена необходимостью привлекать к охране железнодорожных путей большое количество военнослужащих. И если в европейской части России, где было дислоцировано много воинских частей, наряды выставлялись, хотя и не без труда, то на периферии такой возможности объективно не было. Так, в мае 1910 года начальник жандармского полицейского управления Среднеазиатской железной дороги составил расписание для охраны магистральной линии этой дороги и ее боковых линий, согласно которому требовался наряд в размере 17 586 нижних чинов. Между тем в охране можно было задействовать лишь части 1-го и 2-го Туркестанских армейских корпусов общей численностью 23 424 пехотинца и 3188 кавалеристов, из которых в наряд можно было выставить только 12 236 пехотинцев и 2626 кавалеристов. Таким образом, обеспечить полноценную охрану Среднеазиатской железной дороги и ее ветвей не представлялось возможным, а на охрану Ташкентской железной дороги сил не оставалось совсем.

По мнению штаба Туркестанского военного округа, одобренному командующим войсками, выходом из ситуации могло стать привлечение войск к охране только станций и технических сооружений, без выставления поперечных часовых, функции которых возлагались на конницу, из расчета четыре казака на 2 версты. Таким образом, вместо нехватки 5350 солдат создавался избыток в размере 2517 человек. Но даже при данном изменении в округе не оставалось ни одной части, которую можно было бы вывести на высочайший смотр. Выйти из этого положения можно было с помощью двух мер: 1) задержать царский поезд в Ташкенте на один день и перевезти охрану поездами на новые участки; 2) привлечь к охране воинские части Кавказского и Казанского военных округов.

Описанная выше и иные частные меры не позволили в полном объеме обеспечить охрану пути силами воинских частей. Это в конце концов заставило полностью пересмотреть схему охраны поездов. В 1914 году было принято новое Положение о мерах охраны Высочайших путешествий по железным дорогам, в соответствии с которым главным компонентом охраны должны были являться жандармские полицейские Управления железных дорог. Войска должны были оказывать содействие лишь «в подлежащих случаях» [9, С.4].

Начало Первой мировой войны заставило принять дополнительные меры по охране высочайших путешествий. Николай II часто выезжал на поезде в Ставку Верховного главнокомандующего. Поэтому начальник Дворцовой полиции полковник Б. А. Герарди, еще до войны во время железнодорожных поездок императора исполнявший обязанности коменданта императорского поезда [7, С. 324], в начале 1915 года разработал проект положения о коменданте императорских поездов.

Согласно проекту комендантом императорских поездов назначался начальник Дворцовой полиции. Он подчинялся непосредственно дворцовому коменданту. В обязанности коменданта входило ведение алфавитных списков личного состава технической бригады и бригады вагонной прислуги. Каждый служащий, допущенный к работе на императорском или свитском поезде, должен был иметь при себе свою фотокарточку, заверенную подписью коменданта поезда и печатью. Кроме того, на коменданта поездов возлагалось «принятие внутренних мер охраны Их Императорских Величеств и августейших детей во время нахождения их в поезде, а равно и поддержание в поезде порядка, тишины и спокойствия и наблюдение, чтобы в поезд не проникли посторонние лица» (РГИА. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 10. Л. 330 об.). Отправление поезда

со станции допускалось только с его разрешения. Все телеграммы, кроме высочайших, могли отправляться из императорского поезда лишь после того, как комендант делал на них свою пометку. Коменданту поездов подчинялись полицейские надзиратели Дворцовой полиции, назначенные для обслуживания императорского поезда, чины караула от 1-го Железнодорожного батальона, а также нижние чины Собственного Его Императорского Величества конвоя. Помимо этого, он наделялся правом «давать указания охранного характера лицам бригад: технической, вагонной прислуги и кондукторской, кои следуют в императорском поезде» (РГИА. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 10. Л. 331–331 об.). Все распоряжения коменданта поездов, направленные на обеспечение безопасности императорской семьи, должны были исполняться беспрекословно. Во время стоянок и остановок императорского поезда чины Отдельного корпуса жандармов, 1-го Железнодорожного батальона, полиции, а также администрация и служащие железных дорог были обязаны исполнять все требования коменданта, преследовавшие цель обеспечения безопасности императорского поезда. Во время продолжительных остановок поезда комендант устанавливал в линии сцепления поезда от 1-го Железнодорожного батальона пропускные посты, на которые назначались чины Дворцовой полиции.

Однако данный проект вызвал критику со стороны военного руководства. Командир 1-го Железнодорожного батальона генерал-майор С. А. Цабель, рассмотрев в апреле 1915 г. проект инструкции коменданту императорских поездов, отметил, что эту должность следует называть комендантом императорского поезда, так как комендантом всех императорских поездов являлся дворцовый комендант. Императорский поезд следовало рассматривать как подвижной дворец и соответственным образом распределять обязанности задей-

ствованных в обеспечении его безопасности чинов Собственного Е.И.В. конвоя, Собственного Е. И. В. Сводного пехотного полка, Дворцовой полиции и 1-го Железнодорожного батальона. Принцип, в соответствии с которым комендантом императорского поезда должен был являться по должности начальник Дворцовой полиции, Цабель считал «совершенно необоснованным и неправильным» (РГИА. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 10. Л. 333). По его мнению, комендантом поезда, которому подчинялись задействованные в охране поезда караульные команды строевых частей, должен был быть строевой офицер. Имевшие место на практике случаи, когда комендантом поезда назначался помощник начальника Дворцовой полиции, являвшийся гражданским чиновником, шли вразрез с понятиями о воинской дисциплине, так как подчинение воинских чинов и караулов лицу, не состоявшему на военной службе, могло привести к недоразумениям. Далее С. А. Цабель отмечал, что роль Дворцовой полиции во время высочайших путешествий должна была ограничиваться несением службы на пропускных постах возле поезда и заведованием письмами и телеграммами. Для этого было вполне достаточно назначить одного из опытных чиновников, а не самого начальника. Вся полицейская проверка лиц, обслуживавших императорский поезд, должны были быть осуществлена заблаговременно на общих основаниях. По мнению командира 1-го Железнодорожного батальона, на роль коменданта поезда вполне подходил один из старших штаб-офицеров этой воинской части. В заключение генерал-майор Цабель отмечал, что он считал неприемлемым пункт, в соответствии с которым военнослужащие 1-го Железнодорожного батальона были обязаны исполнять требования начальника Дворцовой полиции или его помощника, исполнявших обязанности коменданта императорского поезда, так как, во-первых, командир 1-го Железнодорожного батальона всегда лично присутствовал на

месте стоянки, а во-вторых, чины батальона хорошо знали свои обязанности и не нуждались в чьих-либо указаниях.

Проект Герарди не нашел поддержки и в Управлении дворцового коменданта. Управляющий канцелярией дворцового коменданта генерал-майор Д. И. Ростовцев, рассмотрев проект Положения о коменданте императорских поездов, напротив параграфа 2, в котором закреплялась неразрывная связь должностей коменданта императорских поездов и начальника Дворцовой полиции, сделал помету следующего содержания: «Сомневаюсь и нахожу это совершенно необоснованным» (РГИА. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 10. Л. 349).

В декабре 1916 года заведующий Особым отделом Управления дворцового коменданта полковник В. В. Ратко составил «Общие положения о коменданте императорского поезда». По его мнению, в каждый литерный поезд должен был назначаться свой комендант. Согласно «Общим положениям» для охраны императорского поезда назначались наряды от Собственного Е.И.В. конвоя, Собственного Е.И.В. Сводного пехотного полка, Собственного Е.И.В. Железнодорожного полка и Дворцовой полиции. Все наряды подчинялись одному из старших офицеров Железнодорожного полка, которого дворцовый комендант назначал комендантом поезда. Внутренняя охрана поезда осуществлялась на тех же основаниях, что и охрана внутренних покоев императорских дворцов (об этом, как было указано выше, писал генерал Цабель). В частности, посты, выставленные у дверей вагонов, были аналогичны пропускным постам у подъездов дворцов. Все должностные лица Отдельного корпуса жандармов и железнодорожной администрации, следовавшие в императорском поезде, были обязаны оказывать коменданту поезда необходимое содействие при исполнении им его служебных обязанностей. Аналогичным образом следовало поступать во время стоянок и остановок императорского поезда со-

трудникам всех охранных подразделений, а также местной железнодорожной администрации и служащим.

В январе 1917 года дворцовый комендант направил инспектору императорских поездов М. С. Ежову отзыв командира 1-го Железнодорожного батальона и разработанные полковником В. В. Ратко «Общие положения о коменданте императорского поезда». Однако «Общие положения» так и не были утверждены ввиду крушения монархии и ликвидации института императорской охраны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в начале XX века, ввиду резкого обострения фактора террористической угрозы, развитие организационно-правового компонента системы охраны императорских поездов шло достаточно интенсивно. Реализация на практике уже утвержденных документов позволяла выявить их недостатки, каждый из которых становился предметом оживленной дискуссии. Инициатива внесения поправок в руководящие документы исходила как от полицейских структур, так и от войск. При этом достаточно четко обозначалась линия их противостояния, обусловленного перманентным конфликтом интересов между ними. С одной стороны, это позволяло достаточно быстро найти уязвимые места в системе охраны царских железнодорожных путешествий и попытаться их устранить. С другой стороны, каждая из борющихся сторон старалась защитить собственные позиции и нанести урон противнику, что, разумеется, не могло не нанести ущерб общему делу. К сожалению, изжить антагонизм военных и полицейских структур так и не удалось, и он продолжал оставаться существенным препятствием на пути совершенствования организационно-правовых основ деятельности системы охраны императорских поездов до последних дней её существования.

Библиография / References:

1. Воейков В.Н. С царём и без царя: Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II. – М.: Воениздат, 1995. – 431 с.
2. Гончарова Ю.В. Жандармские полицейские управления железных дорог (1867–1917 гг.): дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2000. – 239 с.
3. Гребенкин А.Н., Ларин А.А. Создание системы обеспечения безопасности российских императоров во время железнодорожных поездок (1878–1881 гг.) // Вестник государственного и муниципального управления. – 2022. – Т.11. – № 4. – С. 165–177. EDN: SMSVQH.
4. Жаров С.Н. Из опыта правового регулирования оперативно-разыскных мероприятий по охране высочайших особ от покушений // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 4 (88). – С. 18–25. EDN: OYCQKF.
5. Магази́нер Н.А. Императорские поезда. Как это было: хроника строительства и эксплуатации. – СПб.: Реноме, 2017. – 382 с.
6. Млынская Н. В. К истории императорских поездов и предыстории музея «Вагоны бывшего царского поезда» // Дворцы и война. К 100-летию начала Первой мировой войны. Сборник статей по материалам научно-практической конференции ГМЗ «Петергоф». – СПб.: Европейский Дом, 2015. – С. 115–124.
7. На страже главной цитадели России: к 100-летию Службы коменданта Московского Кремля Федеральной службы охраны Российской Федерации / [В.И. Жилиев, Д.А. Клочков, И.И. Кондратьев, О.Г. Леонов, Т.Д. Панова; сост. Д.А. Клочков]. – М.: Русские витязи, 2018. – 920 с.
8. Назарова Е.И. К истории частного железнодорожного строительства в России в 60–70-е годы XIX века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международная

родные отношения. 2018. – Т. 23. – № 4. – С. 51–61. EDN: RXFMHF.

9. Положение о мерах охраны Высочайших путешествий по железным дорогам. – СПб.: Типография Штаба Отдельного корпуса жандармов, 1914. – 50 с.

10. Рыжова Ю.В. Институт государственной охраны императоров как часть системы внутренней безопасности Российской империи // Труды Академии управления МВД России. – 2022. – № 3 (63). – С. 162–170. EDN: TFTAHK.

1. Voejkov V.N. (1995) S carem i bez carya: Vospominaniya poslednego dvorcovogo komendanta gosudarya imperatora Nikolaya II [With the tsar and without the tsar: Memoirs of the last palace commandant of Emperor Nicholas II. – M.: Voenizdat. – 431 s. (In Russ.).

2. Goncharova Yu.V. (2000) Zhandarmские policejskie upravleniya zheleznih dorog (1867–1917 gg.) [Gendarmierie police departments of railways (1867–1917)]: dis. ... kand. jurid. nauk. – M. – 239 s. (In Russ.).

3. Grebenkin A.N., Larin A.A. (2022) Sozdanie sistemy obespecheniya bezopasnosti rossijskih imperatorov vo vremya zheleznodorozhnyh poezdok (1878–1881 gg.) [The creation of a system for ensuring the safety of Russian emperors during railway trips (1878–1881)] // Vestnik gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya. – Т. 11. – № 4. – С. 165–177. EDN: SMSVQH (In Russ.).

4. Zharov S.N. (2020) Iz opyta pravovogo regulirovaniya operativno-razysknyh meropriyatij po ohrane vysochajshih osob ot pokushenij [From the experience of legal regulation of operational investigative measures to protect the highest persons from assassination attempts] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. – № 4 (88). – С. 18–25. EDN: OYCQKF (In Russ.).

5. Magaziner N.A. (2017) Imperatorskie poezda. Kak eto bylo: hronika stroitel'stva i ekspluatatsii [Imperial trains. How it was: chronicle of construction and operation]. – SPb.: Renome. – 382 s. (In Russ.).

6. Mlynskaya N.V. (2015) K istorii imperatorskih poezdov i predystorii muzeya «Vagony byvshego carskogo poezda» [On the history of imperial trains

and the prehistory of the museum «Wagons of the former royal train»] // Dvorcy i vojna. K 100-letiyu nachala Pervoj mirovoj vojny. Sbornik statej po materialam nauchno-prakticheskoy konferencii GMZ «Petergof». – SPb.: Evropejskij Dom. – S. 115–124. (In Russ.).

7. Na strazhe glavnoj citadeli Rossii: k 100-letiyu Sluzhby komendanta Moskovskogo Kremlya Federal'noj sluzhby ohrany Rossijskoj Federacii [On guard of the main citadel of Russia: to the 100th anniversary of the Service of the Commandant of the Moscow Kremlin of the Federal Security Service of the Russian Federation] / [V.I. Zhilyaev, D.A. Klochkov, I.I. Kondrat'ev, O.G. Leonov, T.D. Panova; sost. D.A. Klochkov]. – M.: Russkie vityazi, 2018. – 920 s. (In Russ.).

8. Nazarova E.I. (2018) K istorii chasnogo zheleznodorozhnogo stroitel'stva v Rossii v 60-70-e gody XIX veka [On the history of private railway construction in Russia in the 60-70s of the XIX century] // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya. – Т. 23. – № 4. – С. 51–61. EDN: RXFMHF (In Russ.).

9. Polozhenie o merah ohrany Vysochajshih puteshestvij po zheleznym dorogam [Regulations on measures to protect the Highest travel by rail]. – SPb.: Tipografiya Shtaba Otdel'nogo korpusa zhandarmov, 1914. – 50 s. (In Russ.).

10. Ryzhova Yu. V. (2022) Institut gosudarstvennoj ohrany imperatorov kak chast' sistemy vnutrennej bezopasnosti Rossijskoj imperii [Institute of State Protection of Emperors as part of the internal security system of the Russian Empire] // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. – № 3 (63). – С. 162–170. EDN: TFTAHK (In Russ.).

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no onflikt of interest.

Поступила в редакцию (Received) 21.08.2023

Поступила после рецензирования (Revised) 18.10.2023.

Дата выхода в свет 29.12.2023.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Цель журнала – создание коммуникационной площадки для обсуждения и изучения проблем истории развития государственного и муниципального управления; эволюции социальных институтов, таких как традиции, мораль, право, семья, общественные объединения, государство и другие, и их влияния на формирование и реализацию реформ в области государственного, муниципального, корпоративного управления, а также аккумуляцию исторического опыта российской государственности и развития государственных и социальных институтов.

Журнал адресован научному сообществу, студентам, аспирантам и преподавателям, ученым, экспертам и управленцам-практикам.

Журнал «Вестник государственного и муниципального управления» приглашает к сотрудничеству и творческому диалогу преподавателей вузов, аспирантов, соискателей научных степеней, практических работников органов власти и управления.

Статьи авторов рецензируются. Требования к оформлению статей см.:

<http://orel.ranepa.ru/the-structure-of-the-academy/journal>

Приглашаем вас к сотрудничеству и ждем ваших материалов

по адресу: e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Точка зрения авторов необязательно отражает мнение редакции.

В соответствии с решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки РФ (ВАК) журнал «Вестник государственного и муниципального управления» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий

Отрасли, по которым журнал входит в перечень ВАК с 01.02.2022 г.:

5.6.1. – Отечественная история (исторические науки),

5.6.2. – Всеобщая история (исторические науки).

JOURNAL OF PUBLIC AND MUNICIPAL ADMINISTRATION • VOLUME 11 • ISSUE № 4 • 2022

DEAR READERS!

The purpose of the Journal is to create communication platform for discussing and studying the problems of history development of state and municipal government; the evolution of social institutions, such as traditions, morality, law, family, public associations, the state and others, and their impact on the formation and implementation of reforms in state, municipal, corporate governance, as well as the accumulation of historical experience of Russian statehood and the development of state and social institutions.

The Journal is addressed to the scientific community, students, graduate students and teachers, scientists, experts and practical managers.

"Journal of Public and Municipal administration" invites you to cooperation and creative dialogue of university teachers, graduate students, applicants for scientific degrees, practitioners of government and administration.

Учредитель: ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при
Президенте Российской Федерации».

**Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Рег. ПИ № ФС77-71949 от 26.12.2017.**

**При перепечатке материалов ссылка на журнал
«Вестник государственного и муниципального управления» обязательна.**

12+

Главный редактор П. А. Меркулов

**Ответственный секретарь Е. С. Матвеева
Переводчик Е. А. Князькова
Корректор И. Л. Кургузова**

**Подписной индекс в общероссийском
каталоге «Пресса России» – 15166.**

Выходит четыре раза в год.
Адрес редакции и издателя: 3020001, Орловская область, г. Орёл, ул. Панчука, д. 1.

Издатель: Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС
Отпечатано в типографии издательства Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС
по адресу: 3020001, Орловская область, г. Орёл, ул. Панчука, д. 1.
Подписано в печать 20.12.2023. Дата выхода тиража в свет 29.12.2023

Усл. п. л. 12,4.
Формат 70х100 1/16
Тираж 100 экз. Заказ № ____.

Цена свободная.

**© Вестник государственного и муниципального управления
Научно-образовательное издание
№ 4 (50) 2023г.**